

К. А. КРИВОШЕИН

А. В. КРИВОШЕИН

(1857-1921 г.)

Его значение в истории России начала XX века

Париж, 1973

К. А. КРИВОШЕИН

А. В. КРИВОШЕИН

(1857-1921 г.)

Его значение в истории России начала XX века

Париж, 1973

Васильевъ Александръ Ивановичъ.

«Редкое сочетание : такт, воля, выдержка, осторожность; и в то же время, — жадное влечение к жизни ! ненасытный интерес к людям, к человеческим характерам, к неизвестному.

Никакого идеализма. Но упрямая любовь к родине.

Никаких ярких, исключительных дарований. Но редкий в русских людях дар и инстинкт строителя : умение собирать, а не растрачивать русскую силу.

Жизнь, как будто случайно, возносила его, дельца, практика, « интригана », каким считали его враги, все на большую и большую высоту. А он, именно в силу своей чуткости, гибкой цепкости, непрерывно рос, умнел, учился, стал крупным государственным деятелем.

И, начав, — как и все ! — погоней за успехом, незаметно для себя пришел — к самопожертвованию ».

(« Былое и люди, из воспоминаний о Кривошеине », очерк И.И. Тхоржевского, бывшего начальника канцелярии министра, его « пера », газета « Возрождение », Париж, 30 ноября 1932 г.).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ МОЕГО ОТЦА

В одной из редких статей, посвященных моему отцу в эмигрантской прессе, говорилось, что карьера его была блистательной; этим и объясняется зарождение целого ряда легенд, связанных с его происхождением и началом продвижения по службе, — люди, знавшие его, когда он был на зените своей карьеры, не принадлежали к кругу людей, знавших его детство и молодость. Так, про него говорилось, что он был сыном крестьянина по фамилии «Кривая шея» или что он якобы был «из мещан». В крайне правых кругах, начиная с определенного момента ставших враждебно к нему относиться и подозревавших у неугодных им лиц еврейскую кровь, искали таковую и у него. В антисемитских кругах Одессы рассказывалось, что фамилия его предков была Крумгальц. Зарождение этой легенды объясняется отчасти тем, что встречались евреи, носившие фамилию Кривошеиных, как и существовали представители старинного дворянского рода того же имени.

А.В. Кривошеин не принадлежал ни к тем, ни к другим. Он был сыном армейского подполковника артиллерии и польки-католички из обедневшего дворянского рода Яшинских. Мой дед, Василий Федорович Кривошеин (родился в 1829 г. в Воронеже, скончался в 1894 г. в Гродно), был сыном крестьянина слободы Кривошеино, Воронежской губернии, уже вышедшего из крепостной зависимости, когда мой дед начал свое длительное воинское служение, вернее восхождение, от унтер-офицерского звания до чина подполковника. Дед прослужил в Западном крае, сначала в Двинске, затем в Варшавской цитадели, и ушел в отставку «с мундиром и пенсией». Как многие вышедшие из крестьянства военные, он особенно чтит память Александра II, освободителя крестьян, ставя его выше его преемника. Благодаря исключительным хозяйственным способностям моей бабушки, Юлии Ивановны, семья жила скромно, но безбедно и дети — мой отец и его

младшая сестра, Ольга Васильевна, впоследствии Морозова (умерла в Париже, в 1953 г.), смогли получить должное образование.

Мой отец родился в Варшаве в 1857 г.*), где и прожил до окончания гимназии. Гимназия была классической, как это понималось тогда: с греческим языком и восемью уроками латыни в неделю. Преподаватель латыни, чех, упрекал своих учеников в том, что их переводы хотя и были написаны правильно, но не языком Тита Ливия и Цицерона.

Злоупотребляя своими способностями, отец иногда ленился и был раз оставлен на второй год в классе. Задетый за живое, он перескочил через класс в следующем году. Его преходящая лень отчасти объяснялась педагогическими методами того времени, и, несмотря на это, классическое образование оказало очень глубокое влияние на его вкусы и мировоззрение, заложив в нем влечение к гуманистической культуре. В последние гимназические годы отца, жившая в его семье французская гувернантка преподавала ему свой язык, к сожалению недостаточно долго, — по-французски он говорил довольно посредственно; отец очень сожалел затем о своем недостаточном знании иностранных языков, в частности потому, что оно ограничивало его роль в международной политике. Поэтому, в воспитании своих детей он обратил особое внимание на усвоение ими языков. Знание иностранных языков оказало каждому из нас ни с чем несравнимые услуги 1).

Польским он владел довольно свободно. Вообще, у него наряду с чисто великорусскими чертами проявлялись и такие, которыми часто характеризуют поляков известного круга (например, стремление «шармировать» своих собеседников); он понимал поляков, проводя среди них все годы юности, и умел ладить с ними. Однажды, будучи уже министром, принимая делегацию польских землевладельцев в Вильне, он обратился к ней с речью на польском языке, к безграничному удивлению как губернатора, Д.Н. Любимова, так и самих польских аристократов.

После окончания гимназии отец отправился в Петербург, поступил там сначала на естественный, а затем на юридический факультет и закончил высшее образование. Он всегда носил академический значок среди орденов и отличий, которыми был награжден. Без столичных знакомств, без связей, он еще в ранней молодости определенно вменил себе в обя-

*) 19 июля ст. ст.

занность таковые создать и использовать, так как он был честолюбив, и судьба благоприятствовала ему с первых же дней жизни в Петербурге. Начало его краткой карьеры на частной службе и «блистательной» на государственной связано с его дружбой с молодым профессором Адрианом Викторовичем Праховым (умер в 1916 г.), с которым он познакомился по ошибке: имея на себе всего-навсего одну рекомендацию к однофамильцу Адриана Викторовича, он попал по недоразумению к последнему и пренебрег, затем, первым. Будущее показало, что он не ошибся. Через Адриана Викторовича, он по окончании университета познакомился с московским железнодорожным «королем» и меценатом С.И. Мамонтовым, назначившим его на довольно значительную должность юрисконсультанта принадлежавшей Мамонтову Северо-Донецкой железной дороги. В Москве он быстро вошел в купеческий «свет» и близко сошелся с такими «тузами», как Морозовы, Якунчиковы, Крестовниковы и др. Нужно отметить эпизод дуэли на саблях, на романической почве, оставившей ему след в виде шрама на лице.

Если его частые путешествия в Италию и дружба со знатоком старинной живописи Праховым укрепили его влечение к западно-европейской живописи, то общение с культурной, но самобытной верхушкой московского купечества наложило отпечаток на отношение отца к русскому искусству, без того чтобы он впал в увлечение передвижниками. Большое значение имели его частые пребывания в Абрамцеве, подмосковной семьи Аксаковых. Перешедшая затем в 1870 г. в руки С.И. Мамонтова, она стала между 1880 и 1890 г. одним из центров русской художественной жизни. Здесь бывали В.М. Васнецов (он остался в дружбе с отцом и в петербургское время), Нестеров, Серов и др., здесь же ставились любительские спектакли, в которых нередко играл и будущий министр, уже тогда прозванный «генералом». Но что еще важнее, в Абрамцеве он успел познакомиться с основанной там в 1884 г. Е.Д. Поленовой мастерской крестьянского кустарного искусства и это знакомство обусловило, 25 лет спустя, импульс, данный главой ведомства 2) земледелия возрождению кустарного ремесла, вернее искусства, в России в сотрудничестве с меценатами из обеих столиц. Одни принадлежали к аристократии, — например кн. М.К. Тенишева, другие — М.Ф. Якунчикова и дядя моей матери, Сергей Тимофеевич Морозов, к купечеству. Но он сумел заинтересовать этим делом также императрицу Александру Федоровну, и на основе этой неисчерпаемой по интересу темы между ней и министром, незадолго до

войны, образовалась некоторая близость, давшая повод императрице отзываться о своем собеседнике, как о «ее друге Кривошеине».

1) Отец сильно преувеличивал недостатки своего знания французского языка — они не мешали ему вести длинные разговоры с иностранными дипломатами.

2) Покровительство кустарному ремеслу входило в круг обязанностей ведомства земледелия.

НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА И ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ

Занимая довольно хорошо оплачиваемую должность юрис-консульта при частной Северо-Донецкой железной дороге и обладая связями с московским купеческим светом, но не будучи ни юристом, ни финансистом по призванию, Кривошеин понял, что настоящим поприщем для него будет служба государственная, что только она позволит ему достигнуть поставленных его честолюбием целей и открыть путь к творческой работе. 21 июля 1884 г. он поступил в Москве на скромное место в архивный отдел окружного суда. Очень скоро работа по выдаче свидетельств о несудимости перестала его удовлетворять и ему стало ясно, что его служебно-житейский успех связан с переводом в Санкт-Петербург. Снова решающую роль в его карьере и судьбе сыграла его дружба с А.В. Праховым, познакомившим молодого чиновника с графом Дмитрием Андреевичем Толстым, всесильным министром внутренних дел (1882-1889, до того министром народного просвещения, насадителем сугубо классического образования). Граф, пышный и важный грансеньер, как передавали мне люди, его еще помнившие, «реакционный, но умный», как характеризовал его Витте, быстро оценил Кривошеина и перевел его в Земский отдел министерства внутренних дел (1887 г.), а в следующем году поручил ему вместе с Праховым деликатное задание персонального свойства. У него был болезненный и психически неполноценный сын Глеб («Глебушка», умер в 1904 г.), умственный и культурный кругозор которого Толстой попытался расширить длительным путешествием в сопровождении Прахова и молодого Кривошеина. Последнему он поручил, одновременно, сопровождать партию переселенцев на Дальний Восток, шедшую на корабле Добровольного флота во Владивосток, после чего молодой Толстой и Кривошеин с Праховым в качестве «гидов» вернулись туристами кругосветным путешествием, через Северную Америку, домой.

Этой сказочной удачей для лишенного материальных средств и связей молодого чиновника, началось действительно «кругосветное» по своим масштабам служебно-жизненное путешествие — блистательная карьера — выдвинувшегося в первые ряды России государственного деятеля; круг был завершён 32 года спустя на английском адмиральском крейсере, доставившем его в ноябре 1920 г. из Крыма в Константинополь в те дни, когда рушились последние остатки той империи, с которой неразрывно был связан его жизненный путь.

Хотя кругосветное путешествие и не расширило умственный горизонт «Глебушки», вся жизненная энергия которого выражалась в фантастическом аппетите, но Толстой остался доволен выполненным поручением и назначил Кривошеина комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, в Калише, где тот пробыл около трех лет. Вернувшись в Петербург в 1891 г., уже после смерти Толстого, на довольно скромную должность делопроизводителя, затем столоначальника Земского отдела, он быстро продвинулся благодаря удачному стечению обстоятельств, которое он умело использовал: в 1896 г. было учреждено Переселенческое управление и Кривошеин был назначен на остававшуюся свободной должность помощника начальника, что соответствовало должности вице-директора департамента. Очевидно, высшее начальство его ценило, так как незадолго до того он удостоился «Высочайшего благоволения» в связи с частыми командировками в провинцию для обследования деятельности земских начальников.

Немного раньше, в 1892 г., когда он был еще одним из «30 000 столоначальников», которые правили Россией, мой отец женился на моей матери, рожденной Елене Геннадиевне Карповой (1870-1942 г.), дочери историка, профессора Московского университета Геннадия Федоровича Карпова и Анны Тимофеевны Морозовой, дочери Тимофея Саввича Морозова, владельца мануфактуры «Савва Морозов, сын и К^о», сестры известного Саввы (1862-1905 г.) 1).

Брак моих родителей был тем, что принято называть «un mariage de raison», но он был счастлив, и это коренится, в значительной степени, в характере моей матери, как нельзя более подходившим, дополняя его, к характеру отца. Для его энергии, для его честолюбивых планов слишком предприимчивая жена не была бы идеальным попутчиком: этих свойств не было у моей матери, но отец знал, что она с полным спокойствием встретит его возможные неудачи или преврат-

ности их общей судьбы, и в его полном риска служебном и светском восхождении это составляло реальную основу его душевного равновесия.

Моя мать обладала бесспорной культурой, которой она была обязана отчасти своему отцу, историку, но в еще большей степени гимназии С.Н. Фишер, единственной в России женской гимназии где преподавались латынь и греческий язык, но другими, чем в мужских гимназиях того времени, методами. В совершенстве владея французским и свободно итальянскими языками, она старалась не пропустить дня, без того чтобы не прочесть главу евангелия по-гречески или по-итальянски. Она интересовалась, больше сердцем, чем умом, духовными вопросами, и этот интерес стал основой ее дружбы с В.В. Розановым, крестным отцом того из моих братьев, который избрал путь монашества.

Она хорошо знала литературу, расширив свой горизонт чтением в проведенные в большом одиночестве первые петербургские годы ее жизни. Не имея способностей к искусствам, и вообще не будучи тем, что называется одаренным человеком, она понимала и любила живопись, в особенности итальянцев эпохи Возрождения и Веласкеса; у нее была общая с моим отцом любовь как к Италии, так и к античной культуре. Благодаря своим знаниям, она смогла, в эмиграции, преподавать историю в одной русской школе для девочек.

Обладая исключительно общительным характером, она полюбила свет, когда его двери открылись перед ней благодаря житейскому успеху моего отца, но она ревниво оберегала свое право поддерживать или не поддерживать знакомства с влиятельными людьми, исключительно руководясь своими симпатиями или антипатиями. Предоставляя моему отцу принимать на себя все важные решения, касающиеся их общей судьбы, она не менее ревниво оберегала свою внутреннюю свободу, свободу суждений и мнений о вещах и людях, не признавая в этой области никакого внешнего авторитета, будь то своих родителей в детстве, будь то своего мужа затем. Подобно своим предкам староверам, она противопоставляла свой малый внутренний мир большому миру внешнему. Но она не унаследовала от них ни вкуса к деньгам, ни умения с ними обращаться.

Мой отец стал одним из редких представителей бюрократического мира, обладавших родственными связями с верхушкой московского купечества, и это сыграло немаловажную роль в его политической ориентации впоследствии, в особенности во время первой мировой войны, когда он добивался

сближения между бюрократией и московским купечеством, а через него и с влиятельным московским общественным мнением. В 1892 г. до этого было еще далеко, — оба мира пребывали на различных планетах и брак моего отца не мог принести ему ни знакомств, ни связей в столице. Ему самостоятельно приходилось добиваться признания высшего петербургского чиновного мира, и я помню рассказ о том, как стесняющимся новичком он переступил впервые порог Английского клуба и какой диалог завязался между ним и одним маститым сановником еще предыдущего царствования, которому он был представлен: «Вы родственник бывшего министра Кривошеина?» «Нет». «В таком случае позвольте вам выразить мое уважение». «Я постараюсь его заслужить». Диалог этот станет понятен, если вспомнить, что бывший министр был уволен за не вполне корректную операцию с поставкой собственных шпал подведомственным ему железным дорогам. Вспоминаются также рассказы моей матери об одиночестве, в котором она провела первые — весьма невеселые — годы в Петербурге, где у нее не было ни родственников, ни знакомых. Последние почти исключительно сводились к семье начальника Переселенческого управления, В.И. Гиппиуса, уже потому благожелательно относившегося к моему отцу, что он свалил на него всю работу. Вскоре после этого Гиппиус впал в старческий маразм и это дало возможность отцу быть в непосредственном сношении с министром. Ему удалось наладить прекрасные отношения сначала с министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, а затем с Д.С. Сипягиным, а также с А.А. Стишинским, с 1899 г. товарищем министра, которому было подчинено Переселенческое управление, во главе которого Кривошеин был поставлен в 1902 г. 2). («Стишинский не умел разбираться в людях и был очарован ловким Кривошеиным», пишет об этом Вл. И. Гурко) 3). Впрошая себя о даре Кривошеина «шармировать» своих начальников («он умел льстить без подобострастия»), недоброжелательный Гурко отвечает: «Он не любил еще тогда свою работу, не обладал писательским даром, не был красноречив, но в нем было нечто, и чем бы оно ни было, оно принесло плод» 4).

Зато с преемником Сипягина, В.К. Плеве, у него произошло столкновение, едва не изменившее коренным образом его судьбу. Этот эпизод характерен как пробный камень характера моего отца.

В своих, укусом написанных мемуарах граф Витте утверждает, говоря о моем отце, что он (Витте) о нем ничего

дурного не знал и не знает и считает его трудолюбивым, очень неглупым человеком, но карьеристом и карьеристом очень ловким 5).

Спору нет, мой отец уже в юности поставил себе целью сделать блестящую карьеру в меру своих больших дарований; он был честолюбив, любил успех, болезненно переживал неудачи и приложил все усилия для достижения намеченной цели, однако, не ценой собственного достоинства. Плеве, хотя и сменил всех глав департаментов, но оставил отца во главе Переселенческого управления, может быть из-за его дружбы со своим сыном. Правда, со свойственной ему грубостью он почему-то стал к нему придирааться и кончил тем, что недопустимо (и необоснованно) раскритиковал его при подчиненных. Тогда, это было в начале 1903 г., отец решил получить от него удовлетворение или оставить все мечты о столичной карьере и перевестись на должность провинциального чиновника, в глушь. Гурко, с обычным для него недоброжелательством (« умный, но злой Гурко », пишет про него Шульгин), приписывает этому жесту какой-то скрытый, сложный расчет, — импонировать министру блеффом; одного он не знал, что отец не только не блеффировал, но готов был примириться с концом своих надежд, чтобы не испытывать унижений, и только хотел заручиться моральной поддержкой моей матери, зная, что у нее уже образовался круг столичных друзей и что перевод в провинцию был бы для нее жертвой. Моя мать, ни секунды не оставаясь в нерешительности, сказала ему, что ей только важно его душевное равновесие и что она одобряет все его решения. На следующий день 6) мой отец очень твердо заговорил с Плеве, указал ему на недопустимость критики при подчиненных и заявил, что, раз тот не удовлетворен его работой, то он настаивает на своем переводе в провинцию. Плеве сразу же сдался, рассыпался в сожалениях, дал ему твердое заверение о будущем и выразил ему полное доверие. С тех пор он стал относиться к нему как к равному и даже позволял ему открыто критиковать свою политику, в частности репрессивные меры против земства (например, против Тверского земства в январе 1904 г., и нежелание утвердить либерального Д.Н. Шипова председателем Московской земской управы) 7).

В начале лета 1903 г., Плеве в сопровождении Кривошеина объездил переселенческие районы Сибири. По словам Гурко, он был обворожен своим сотрудником.

Нельзя не сделать сравнения между тем, как Кривошеин сохранял собственное достоинство и независимость суждения

перед резким Плеве и тем, как держал себя в то же время директор департамента общих дел того же ведомства, будущий премьер Б.В. Штюмер. Как это утверждает Гурко⁸⁾, Штюмер был готов претерпеть всяческое унижение ради сохранения своего положения и переносить в молчании все оскорбительные замечания Плеве, даже сделанные при посторонних. И тут невольно напрашивается мысль о том, кому же из них отдал предпочтение император Николай II в решающие месяцы зимы 1915-1916 гг.?

Но в первые годы этого века ничто не указывало, что монарший выбор для разрешения вопросов, затрагивающих само существование империи, остановится на одном из этих двух «чинов ведомства». Изучая все виды порученных Кривошеину обязанностей, трудно отрешиться от мысли, что его работа, не будь его природных свойств, должна была превратить его в составную часть, доведенного до предельной сложности механизма, часто вращавшегося впустую.

Так, мы узнаем, что, будучи начальником Переселенческого управления, Кривошеин помимо этого принимал участие в особом совещании для выработки правил заселения русскими людьми прилегающей к Восточно-Китайской жел. дороге территории, в комиссии для обсуждения постановки таможенной части на Дальнем Востоке и направления там таможенной политики, в комиссии по преобразованию управления степных областей, в особых совещаниях для обсуждения правил оборудования переселенческих участков в северо-восточных губерниях и инструкций чинам закавказских поземельно-устроительных партий, в особом совещании о мерах к укреплению и расширению крестьянского землевладения, в особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности и пр. и пр.

Впоследствии Кривошеин часто шутя говорил, что искусство быть чиновником сводится к умению хорошо писать бумаги, т. е. записки и доклады на всевозможные темы, которые, по мнению Гурко, никуда не вели, кроме как к служебному продвижению их авторов.

Однако, будучи внешне частью бюрократического аппарата, Кривошеин не потерял способности к творческому труду, проявившуюся позже. Не нужно ли искать причину этого в факте многочисленных командировок в провинцию и в окраины Сибири, ставивших его в непосредственную связь с жизнью?

1) Вряд ли стоит останавливаться на легендах, порожденных

браком моего отца. Он никогда не был «репетитором в морозовской семье», как фантазировал на эту тему А.П. Наумов в своих воспоминаниях, и не получил должности юрисконсульта Северо-Донецкой дороги благодаря женитьбе «на одной из Морозовых», как это утверждал Витте. Напротив, отец познакомился с Морозовыми путем занятой им должности, когда моей матери было лет 12, а женился на ней, будучи уже 8 лет на государственной службе в Петербурге.

2) Вернее, исправляющим должность начальника — он был утвержден начальником в 1904 г.

3) «Features and Figures of the Past», Stanford, U.S.A., 1939.

4) Стр. 193, там же.

5) В общей массе отзывов графа об огромном большинстве своих современников этот отзыв должен быть признан вполне положительным («Воспоминания», т. 3, Москва 1960, стр. 205).

6) (Ук. соч., стр. 193) Гурко не был точно осведомлен о всем этом эпизоде. По его словам, отец в тот же день, что и выходка Плеве, подал в отставку, которая не была принята и переменила отношение к нему последнего. В действительности, отец подождал следующего дня, чтобы переговорить с моей матерью, что дает другое психологическое освещение жесту отца.

7) Гурко, (ук. соч., стр. 193); Кривошеин предупреждал Плеве, что неутверждение Шипова было бы бестактным и опасным. Ему было ясно, что вскоре произойдет резкая перемена правительственного курса.

8) Указ. соч., стр. 110.

МОРОЗОВЫ

В годы выдвижения моего отца на ведущие должности в правительстве слишком часто упоминалось о его «родственных связях с московским купечеством», чтобы не сказать хотя бы мимоходом несколько слов о семье Морозовых, даже если история этой семьи имеет только косвенное отношение к биографии моего отца. Этот полный творческой силы старообрядческий род оставил глубокий след в экономическом и культурном развитии России, занимая одно из первых мест в создании русской промышленности и в постройке железных дорог, подготавливая переход от земледельческого строя к современному индустриальному государству 1).

На всем общественном выдвижении Морозовых, от крепостной зависимости до руководящего положения в купеческой Москве, лежит печать старообрядчества, из поколения в поколение накопившейся статической энергии упорства, вылившейся затем в динамическую энергию творчества. Савва Васильевич Морозов, родившийся в 1770 г. и умерший почти столетним стариком в 1862 г., оставил рыбацьи сети отца своего и, испробовав ремесла пастуха, извозчика и ткача на предприятии купца Кононова, основал в 1797 г. вместе со своей женой Ульяной в селе Зуеве, Богородского уезда, Московской губернии, ткацкое предприятие, о котором рассказывалось, что его капитал равнялся пяти рублям 2). Много раз исходил он пешком расстояние между Зуевым и Москвой и обратно, покрывая много десятков верст в сутки, для продажи своего товара. Одним из факторов его успеха была его репутация исключительной честности, благодаря которой целый ряд людей — по большей части старообрядцев — вручали ему свои сбережения за небольшой процент, что решало в его пользу щекотливую проблему зависимости промышленника от банкира. Дело пошло быстро вперед, и Морозов смог выкупить в 1820 г. из крепостной зависимости у помещика Рюмина себя и четырех из своих пяти сыновей за 17.000

рублей ассигнациями, тогда как младшего сына Рюмин не отпустил на волю, предвидя дальнейшее обогащение Морозова. Последнему пришлось уплатить несколько лет спустя баснословную цену, запрошенную помещиком.

Пожар московский благоприятствовал этому обогащению, так как сгорело несколько мануфактур, и основанное немного позже Морозовым уже не ремесленное, а фабричное предприятие избавилось от конкурентов. Но настоящий коммерческий гений Морозова проявился в том, что этот отделенный старообрядчеством от европейской культуры, воспитанный на Домострое, бывший крепостной понял, что или его дело воспримет все новейшие достижения иностранной техники, или перестанет существовать. Не находя нужного организатора в русской среде, Морозовы обратились к «немцу», и их расчет оправдался: Людвиг Кноп, родившийся в Бремене, но получивший свою техническую формацию в Манчестере и прибывший в 1839 г. в Москву, оборудовал Никольскую мануфактуру в Орехове-Зуеве новейшими машинами, проданными в кредит английскими фирмами. Морозовы показали пример, которому последовали и другие текстильщики, обратившись к Кнопу.

В середине девятнадцатого века Савва Морозов был уже крупной фигурой старообрядческого мира, «благодетелем» скитов и «моленных», владельцем ткацких и бумагопрядильных фабрик в Богородске и Орехове-Зуеве, а в 1857 г. он купил мануфактуру и в Твери. Его благодеяния суровым инокиням скитов, его щедрые подарки полицейским властям, терпевшим пребывание «беглых попов» в Москве, заставляли прощать его греховное пристрастие к табаку, но кроме этого поверхностного «приобщения» к европейской культуре, Савва Морозов оставался частью неприемлющего эту культуру раскольникового мира 3).

После его смерти мануфактуры разделились между его сыновьями, среди которых нужно отметить Елисея, основателя нового раскольникового толка — «Елисеевой веры», проповедовавшего скорое наступление царства антихриста. Мой прадед, Тимофей Саввич (1824-1889 гг.), соединял в себе искреннюю религиозность и приверженность к «старинке» с коммерческим гением уже совсем европейского типа. Он был одним из наиболее ярких представителей развивавшегося в России капитализма. В поисках все новых и новых рынков он проложил путь для сбыта своих товаров в Среднюю Азию тотчас после ее завоевания, в 1867 г. (так туркменские халаты стали производиться на его фабрике), а с 1872 г. направлял

оттуда свои караваны в Китай. Он предпринял первые шаги для использования туземного хлопка вместо американского 4). Он также был одним из крупных строителей железных дорог в Европейской России. Как работодатель, он соединял широкую и незаинтересованную благотворительность 5) с суровой, даже крутой требовательностью к качеству труда своих рабочих, приведшей к «морозовской стачке» 7-18 января 1885 г., вероятно первой стачке европейского типа и поворотным пунктом рабочего движения в России, ставшей исходной точкой правительственного законодательства по охране труда 6).

Тимофей Саввич принадлежал еще к поколению «старой веры» мало затронутому западно-европейской культурой, но он понимал ее необходимость и дал своим детям широкое образование, открыв им путь к культуре и знанию европейских языков. Хотя он и не раз бывал за границей, но в своем домашнем быту придерживался «старинки», однако не без неизбежных компромиссов. В силу этого он не стриг себе бороду, но так как она разрослась у него до колен, то прятал ее под рубашкой. Купив особняк купца Кокорева в Москве, он не сохранил имевшуюся там ценную мебель стиля ампир, кроме как в гостиной, напоказ гостям.

К политике он был равнодушен абсолютно.

Т.С. Морозов скончался в 1889 г. на своей даче в Мисхоре, в Крыму, стоя на коленях, во время молитвы.

Благотворительные расходы его вдовы Марии Федоровны, рожденной Симоновой (1835-1911 г.) 7), с непререкаемым авторитетом и энергией возглавлявшей эту ветвь морозовской семьи после смерти мужа, нередко поглощали не только ее доходы, но затрагивали и капитал. Щедрость этого «адаманта» старой веры могла выразиться в пожертвовании 300.000 рублей на Высшее техническое училище в Москве (теперь имени Баумана), в постройке театра для рабочих в Орехове-Зуеве, стоившего 500.000 рублей (туда приглашалась дирекцией на гастроли опера Зимина и артисты Художественного театра), как и в завещании 800.000 рублей на богадельню для престарелых рабочих. Нельзя не отметить и пожертвования на восстановление сгоревшей синагоги в еврейском местечке Белоруссии, в ответ на телеграмму местного раввина 8). Щедро помогая отдельным рабочим в нужде, она отнюдь не намеревалась поступиться своими правами и сместила с директорского поста своего сына Савву, когда тот захотел ввести участие персонала в доходах предприятия 9).

Третье поколение Морозовых вполне восприняло европейскую культуру, но у него уже начали проявляться, при желез-

ном здоровье, некоторая надломленность духа, часто даже странности («морозовские странности»), депрессии, неврастения, мучительные колебания при принятии самого простого решения, как, например, пойти или не пойти погулять, воображаемые недуги, все это при больших интеллектуальных способностях, врожденном барстве, утонченной воспитанности, хоть слегка смягчавшей мучительную для окружения тяжесть их характеров.

Старший сын, Савва Тимофеевич, будучи активным руководителем фабрики, был меценатом Московского Художественного Театра, где бюст его стоит и поныне; друг Максима Горького и артистки Андреевой, он щедро субсидировал революционное движение, в особенности партию большевиков, и умер при загадочных обстоятельствах, насильственной смертью, в 1905 г., на французской Ривьере. Его брат Сергей Тимофеевич (1860-1944 г.), человек противоположных, умеренно консервативных взглядов, как и вся остальная семья, женился уже пожилым на сестре моего отца, Ольге Васильевне, умершей в 1953 г., как и он, в Париже. Он был одним из восстановителей народного кустарного искусства и создателем Кустарного музея в Москве. Их двоюродный брат, Михаил Абрамыч Морозов, стал известен как собиратель картин французских импрессионистов и Матисса.

Моя бабушка, Анна Тимофеевна, вышла замуж против воли родителей, за молодого ученого Геннадия Федоровича Карпова. Она предпочла другим партиям культурного, но лишённого средств жениха, сделав ему сама предложение: «Вот вам моя перчатка, — сказала она ему на балу, — а за рукой приезжайте завтра». Брак не получил согласия родителей не из-за разницы в материальном положении жениха, а потому, что тот не был старообрядцем. Это вызвало изгнание молодых в Харьков, где мой дед получил должность приват-доцента при университете. После рождения первого ребенка (первого из пятнадцати), они были «прощены» и дед был переведен на профессорскую кафедру в Москве, где он близко сошелся с В.О. Ключевским, часто бывавшим у него дома и посвятившим ему впоследствии (в 1894 г.) некролог. В отличие от многих представителей профессуры, дед был убежденным монархистом, горячо полемизировавшим с Костомаровым по украинскому вопросу. С течением времени, он оставил кафедру, променяв профессию на меценатство.

1) «С именем Морозовых связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой мощи. Эта семья всегда сохраняла

значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благотворительных и культурных начинаний» (П.А. Бурыйшкін, «Москва купеческая», Н. Йорк, 1954 г., стр. 112-113).

2) В 1913 г. сумма производства всех четырех морозовских компаний исчислялась в 102 млн. рублей, на них было занято 54.000 рабочих и действовало 703.000 прядильных и крутильных веретен. Общая сумма балансов (пассива или актива) составляла в 1914 г. 213.142.817 руб. 79 коп. (Никольская-Савва Морозов сын и К^о: 68.192.333 руб. 39 коп., Викул Морозов и Сын: 44.421.826 руб. 02 коп. — эти две компании слились незадолго до октября 1917 года. Богородско-Глуховская: 55.881.407 руб. 644 коп., Тверская: 44.647.244 руб. 94 коп.) цифры эти были сильно занижены, так как цифра номинального капитала — 45 млн. для всех четырех компаний не достигала и половины биржевой котировки. Для Никольской мануф. в 1914 г. прибыль равнялась 54,6% номинального капитала.

3) А. Мельников-Печерский мельком упомянул о нем и о курении в своем романе «В лесах» (...«Стужин, купец, 25.000 человек у него работают»...)

4) «Cahiers de l'histoire mondiale», Neuchâtel, IX. 4. 1966.

5) После того, как моя бабушка, Анна Тимофеевна, выжила после родильной горячки благодаря прекрасному уходу, мой прадед построил на Девичьем поле, в Москве, большую, образцовую родильную больницу для неимущих.

6) Стачка была вызвана штрафами-вычетами из заработной платы, за порчу выделки. Морозов был столь же требователен и к высшему персоналу. «Только? Проспали мы ярмарку!», так реагировал он на представленный ему отчет об исключительно высоком обороте торговых операций фабрики на одной из Нижегородских ярмарок.

7) Она была дочерью Фед. Ив. Симонова, бумагопрядильного фабриканта, покровителя Рогожского кладбища.

8) Телеграмма гласила приблизительно так: «Пожертвуй столько-то синагога сгорела, ведь Бог то у нас один». После трехдневного размышления Мария Федоровна послала указанную в телеграмме сумму.

9) Это и побудило М.Ф. оставить очень своеобразное завещание, ограждавшее предприятие от возможных неосторожностей или разногласий наследников. Она образовала нечто вроде американских семейных «foundations» с сохранением полной неделимости капитала. Хотя оставленная номинальная сумма не превышала 30 млн. рублей, реальная цифра, включая дарованные М.Ф. капиталы ее детям еще при жизни, достигала 60 млн. рублей.

Добавлю, что хотя материальное благополучие нашей семьи и было основано на морозовском родстве, то нельзя упускать из виду, и того что моя мать была только одной из пятнадцати наследниц и наследников своей матери, Анны Тимофеевны, одной из пяти детей Тимофея Саввича Морозова.

ПРОЕКТ ОБЪЕДИНЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Одним из основных зол думской монархии после смерти Столыпина было отсутствие единой и согласованной правительственной политики, с вытекающим из этого умалением роли председателя Совета министров, переставшего быть руководителем объединенного правительства, иначе говоря, первым министром. По воле Верховной власти создалось положение настолько для главы кабинета ненормальное, что в 1914 г. Кривошеину пришлось отказаться от предложенного ему премьерства, потому что оно превратилось в одну видимость власти в соединении с тяжелой ответственностью.

По любопытному, пусть случайному, но все же знаменательному совпадению, одним из первых, чисто политических шагов Кривошеина, которым он ступил из сферы будничной бюрократической работы в тесный «круг внутренний», где решалась государственная политика, была представленная им в августе 1905 г. на Высочайшее имя записка об установлении единства действий высших органов исполнительной власти в лице объединенного правительства 1).

Формально, записка была анонимной, но, конечно, Николай II и очень узкий круг людей были осведомлены о том, кто был ее автором. Она хранится в Ц.Г.И.А. в Ленинграде 2), остается до сих пор неизданной и прилагается целиком к настоящему труду. На нее впервые обратил внимание советский историк Е.Д. Черменский в своем весьма обстоятельном труде «Буржуазия и царизм в первой русской революции», Москва, 1970 г., (второе издание, сильно отличающееся от первого, 1939 г.). Вот что пишет Черменский об авторе этой записки 3): «По свидетельству хорошо осведомленного либерального журналиста Львова, эта записка подана царю А.В. Кривошеиным» (ссылка на Л. Клячко (Львов), «Повести прошлого». изд. 2-ое, Ленинград, 1930 г., стр. 15, Л. Львов «Звездная палата», «Минувшие дни», 1928 г., № 3, стр. 34).

Ввиду того, что авторство записки приписывается на

основании одного только свидетельства, необходимость проверки достоверности и авторитетности этого свидетельства становится очевидной.

Лев Моисеевич Клячко (Львов), скорее радикальный, чем либеральный журналист еще дореволюционной эпохи, впоследствии примкнувший к советскому строю, обладал большими связями в либеральных кругах и отличался огромной предприимчивостью; он был единственным журналистом, проникшим на земский съезд в ноябре 1904 г., участники которого обязались не допускать прессу и спрятали его за занавеску. Весной 1906 г. его профессиональная деятельность позволяла ему быть осведомленным о таких фактах, как происхождение записки, приписываемой Кривошеину: он был выбран председателем комитета журналистов при Государственном совете с момента преобразования последнего (апрель 1906 г.), а председателем Государственного совета тогда был еще граф Д.М. Сольский, всего несколько месяцев до того бывший председателем Особого совещания, которому Николай II передал записку как основу трудов совещания. Утвержденный в должности председателя Государственного совета и после преобразования верхней палаты Сольский вскоре (9 мая 1906 г.) покинул эту должность, но благодаря нему Государственный совет и секретариат председателя были именно тем местом, где сведения о закулисной стороне работы упомянутого совещания могли оставить прочный след, не говоря о том, что преемником Сольского на председательском кресле был Э.В. Фриш, тоже участник Особого совещания. Неудивительно, что имевший постоянные профессиональные контакты с секретариатом совета Львов мог многое услышать, хотя бы через третьих лиц, несмотря на то что сам он представлял закрытую впоследствии газету «Наша жизнь».

Естественно, что Львов эту записку не видел, — да и видеть не мог, — но, несомненно, получил сведения о ней от лица, с ней знакомого. Сам он передает некоторые подробности записки очень неточно, как это бывает с передачей цитат с чужих слов, но близко по смыслу. Таково сравнение тогдашнего положения правительства с положением правительства Людовика XVI в момент созыва Генеральных штатов, когда государственный корабль был пущен в открытое море без руля и без ветрил. Он также знал, что это сравнение произвело большое впечатление на царя и на его окружение, и считал, что там «думу боялись и ненавидели» и что Государь препроводил записку Сольскому с короткой резолюцией, подчер-

кивающей ее важность, хотя и точную формулировку резолюции Львов привести не сумел («рассмотреть прилагаемую записку», а не «обратить особое внимание»). Наконец дальнейшая судьба Кривошеина и видное место, занятое им в политике («впоследствии министр земледелия и одно время кандидат в премьеры», как характеризует его Львов) могли только закрепить в памяти автора «Звездной Палаты» полученное им сведение.

Львов вернулся к записке и авторству Кривошеина два года спустя в своих очерках «Повести прошлого», приписывая именно записке Кривошеина поворот царя в сторону необходимости организации сильного правительства, объединенного общей программой, «которому предстояло иметь дело с народной представительной палатой»... «эта записка испугала царя», утверждает Львов 4).

Формальная анонимность записки объясняется несоответствием между должностью, занимаемой летом 1905 г. Кривошеиным, только что назначенным товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием, и затрагиваемыми в записке вопросами организации высшей правительственной власти. Но уже тогда Кривошеин пользовался закулисным влиянием, далеко превосходящим его должность, благодаря своей близости к Вл. Ф. и Д.Ф. Треповым, к голосу которых прислушивался Николай II. О тогдашнем влиянии этого «кружка» из этих трех лиц и Горемыкина на Николая II пишут Витте 5) и Гурко 6), причем Гурко указывает на то 7), что этот кружок нередко представлял Государю записки на различные темы. Д.Ф. Трепов был тогда наиболее влиятельным лицом в окружении последнего, тем более что князь В.П. Мещерский пребывал тогда в немилости.

Эти свидетельства подтверждают в достаточной мере правдоподобие, даже достоверность сведения Львова о том, что автором записки был Кривошеин. Если обратиться к самой записке, то стиль ее, живой и в то же время соблюдающий обязательную для такого рода документов характерную сдержанность, близок к стилю записки Кривошеина конца января 1906 г. по земельному вопросу. Не удивляют очень свойственные Кривошеину исторические сравнения. Вряд ли без «задней мысли» среди главных управлений, возглавители которых должны войти в состав Совета министров, указывается только Главное управление землеустройством и земледелием, если не считать Главного управления торговым мореплаванием и портами, во главе которого стоял вел. кн. Александр Михайлович: исключить его из правительства

было неловко. Впоследствии это управление было подчинено министерству торговли и промышленности и не вошло в Совет министров.

Можно поставить себе вопрос: почему никто другой не приписал эту записку будущему министру земледелия? Это произошло потому, что записка не получила никакого распространения и, кроме гр. Сольского и его окружения, Витте и некоторых других участников совещания, о котором дальше пойдет речь, никто или почти никто ее не читал. Она, вернее выраженные ею принципы, была использована этим совещанием, но Сольский, чтобы угодить Витте, не показал ее, например, даже Коковцову, члену совещания. В памяти людей осталась «записка Витте о создании объединенного правительства», в действительности наскоро набросанное 6 октября 1905 г., по поручению Витте, Н.И. Вуичем, помощником начальника канцелярии Комитета министров, резюме незаконченных тогда трудов Особого совещания, устанавливающее временные полномочия председателя Комитета министров по объединению правительственной деятельности впредь до окончания трудов совещания⁸⁾. Совещанию все же удалось, по настоянию царя, закончить рассмотрение своего проекта 12 октября ночью, т. е., накануне того дня, когда Николай II поручил Витте объединить деятельность министров. Записка же Кривошеина, частичным выражением которой было положение о Совете министров, была затем основательно забыта.

Записка 6 августа 1905 г. защищала принцип единства действий объединенного правительства, необходимого для отпора революционному движению. В момент растерянности придворной и сановной верхушки она указывала императору Николаю II на самые слабые стороны царского правительства: отсутствие единства действий, отсутствие программы, — и открывала путь к установлению подлинной сильной власти.

Неудивительно, что важность этого вопроса не ускользнула от Витте, настолько что, когда еще 17 января 1905 г. Николай II поручил ему собрать Особое совещание о необходимых реформах, в дополнение к возведенным указом 12 декабря 1904 г.⁹⁾, то он поставил только этот вопрос на обсуждение. Однако выработанные совещанием «Соображения» показывают, что даже Витте не был тогда подготовлен к признанию принципа действительно объединенного правительства с первым министром.

Предлагалось подвергать Совету министров всеподданнейшие доклады по делам, превышающим пределы вверенной отдельным министрам власти, но предлагалось также не соз-

давать кабинета в западно-европейском смысле слова и не присваивать никому из членов Совета преобладающего положения.

Нужны были внутренние и внешние события лета 1905 г., чтобы этот принцип, трудно совместимый с самодержавием, показался бы приемлемым 10).

Совещание было закрыто указом 16 апреля; как и закрытое 30 марта Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, оно стало жертвой растущего нерасположения Государя к Витте весной 1905 г., не без влияния Д.Ф. Трепова, И.Л. Горемыкина и А.В. Кривошеина.

Однако бурный ход событий и неизбежность созыва Государственной думы снова поставили остро вопрос об организации исполнительной власти. 6 августа 1905 г., в день обнародования «Учреждения о Государственной думе», Государь предписал графу Д.М. Сольскому, председателю Государственного совета, созвать Особое совещание для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил. В то же день ему была подана записка по этому вопросу, авторство которой, как сказано выше, приписывается с большим основанием Кривошеину. Тот факт, что записка была передана Государю в тот же день, как его предписание Сольскому и как обнародование учреждения о думе, отнюдь не дело случая. Записка была, по всем вероятностям, передана Д.Ф. Треповым, бывшим непосредственно в курсе намерений царя и отчасти оказавшим на них свое влияние. В противовес думе нужна была сильная объединенная власть. К тому же заключению, хотя и с промедлением, пришел и Сольский. 26 августа начавшее свои труды совещание признало, «что сохранение на будущее время существующего ныне порядка, по которому законопроекты поступают на рассмотрение Государственного совета от министров (...) нередко с весьма существенными разногласиями, представлялось бы чрезвычайно неудобным и затруднительным в отношении Государственной думы, которой едва ли может быть предоставлено положение инстанции, разрешающей пререкания между начальниками отдельных частей управления. Ввиду этого совещание остановилось на мысли изыскания способов к объединению правительственной деятельности по возбуждению законодательных дел и составлению законопроектов» 11).

Сольский, представляя этот вопрос на рассмотрение Верховной власти, испрашивал у нее разрешение на включение вопроса о мерах, «которые могли бы придать деятельности отдельных ведомств единство направления и тем устранить

представление думе несоглашенных предварительно предположений законодательного характера » 12).

Вопрос, поставленный Сольским, касался исключительно законодательных предположений правительства; ответ Государя ставил этот вопрос гораздо шире, охватывая не только область законодательную, но и общее направление политики правительства. Основываясь на записке Кривошеина, Николай II вернул доклад Сольского на следующий же день (27 августа) с резолюцией: « Согласен. Рассмотреть прилагаемую записку. В ней очень много верного и полезного » 13).

Труды совещания подробно освещены у Черменского 14), в дневнике Половцова 15), воспоминаниями Витте 16), Коковцова 17) и прессой.

Коковцову записку, положенную по велению Государя в основу трудов совещания, так и не показали. Он был включен в состав совещания против воли Витте, а Сольский видел в Витте спасителя монархии, — вероятно потому он Коковцова в это дело и не посвятил. Последнему была только показана собственноручная короткая записка царя Сольскому, что недостаточная объединенность министров была недопустима, когда предстояло созвать Государственную думу, предписывалось в спешном порядке выработать проект правил о таком объединении и представить их на его утверждение. Кроме того, указывалось, что председатель Комитета министров (Витте) имеет уже такой проект, который представляется весьма разумным.

Малоосведомленный Коковцов считал, что инициатива проекта — да и сам проект — принадлежали « разумеется » Витте. Но записка была представлена Николаю II 6 августа явно лицом, непосредственно и на месте осведомленным об учреждении в тот же день совещания Сольского, и передана затем Государем Сольскому 27 августа; а Витте, уехавший в Америку 6 июля, вернулся оттуда только 15 сентября. Но, главное, никогда пользовавшийся тогда всеобщим признанием Витте не стал бы подавать « анонимную » записку и не упоминать о ней в своих воспоминаниях 18).

Записка, которая предлагала создать объединенное правительство, проводящее единую согласованную политику под руководством первого министра, гласила так 19):

« В действующем законе провозглашено, что « поелику все министерства составляют единое управление, то ни одно из них не может отделиться от других, ни в видах управления, ни в общей ее цели. Разделение разных частей управления

по министерствам не есть разделение самого управления, которое по существу своему всегда должно быть едино » (Учр. Мин. изд. 1892 г., ст. 182). К сожалению, действительность совершенно разошлась в этом вопросе с мыслью законодателя. Можно даже сказать, что одною из особенностей современного государственного строя России является именно разрозненность действий отдельных министерств, переходящая часто в борьбу между ними. Такой розни, свойственной только России, на Западе не существует, или она проявляется там как нечто совершенно исключительное; наша же внутренняя история за последние 50 лет полна примерами с государственной точки зрения недопустимой ни при каком образе правления оппозиции правительству не только вне его, но и в нем самом. Ареною этих столкновений являются при этом не исключительно высшие государственные установления, обсуждающие различные предположения; борьба переносится и в среду местной жизни. Постоянно повторяются случаи, когда одно ведомство идет вразрез с другим, действуя по отношению к нему прямо враждебно.

На это давно уже обращалось внимание, и не раз возникала мысль о необходимости объединения деятельности министерств и единомыслия их руководителей. Много раз и в правительственных сферах, и в обществе, и в печати за и против высказывалось многое. Примеры западных государств обыкновенно приводятся в подкрепление этой мысли, а возражения против ее осуществления, по большей части, сводятся к тому, что это повело бы к централизации власти, доведенной до высшей степени ее проявления, и при существующем государственном строе России, в сущности, к учреждению визирата с Великим Визирем во главе. При этом постоянно указывается на уже сделанную в этом направлении попытку, на печальный пример существования в России первого министра, каким во вторую половину царствования императора Александра I есть основание считать графа Аракчеева.

И, действительно, надо сознаться, что еще недавно, при прежних условиях государственного строя, возражения эти не лишены были известного значения. Но теперь, с привлечением выборных от населения к непосредственному участию в законодательной деятельности, дело совершенно изменяется.

Очевидно и едва ли можно спорить о том, что, для того чтобы вывести страну из переживаемой нами смуты и удержать реформу нашего государственного строя в начертанных для нее рескриптом 18 февраля пределах, именно теперь, более чем когда-либо, нужно сильное правительство. Без этого

неминуемо крушение авторитета власти, что, к сожалению, частью уже наступило, а затем и самой власти, что неизбежно наступит, если власть не удержится на подобающей ей высоте. Между тем, существенным признаком сильной власти бесспорно является ее единство. В единении-сила, а все разрозненное слабо и неспособно к борьбе. Нельзя скрывать от себя, что настоящая историческая минута в таком именно положении и застает нашу государственную власть.

Нет сомнения в том, что в России есть партия, жаждущая ниспровержения нашего государственного строя, которую никакие реформы на почве осуществления рескрипта 18 февраля не удовлетворят. Партия эта, в сущности незначительная, сильна тем, что живет и питается всеобщим неудовольствием против существующего порядка, которое ныне, как во все эпохи замутившегося общественного сознания, распространено повсеместно. До настоящего времени неудовольствие это выражалось частично; не было органа, в коем могло бы оно выразиться как мнение всей России. Теперь враждебная существующему строю пропаганда направит все усилия к тому, чтобы создать такой орган в лице Государственной думы. В ней создается центр, где нельзя не предвидеть, что ничем не способное удовлетвориться поголовное осуждение сложившегося строя найдет для себя удобную почву, и неудовольствие, разлитое ныне между отдельными слоями и лицами, соберется воедино и заговорит как бы от лица всего народа. Уже теперь в известных кружках распространено убеждение, что первым делом Государственной думы должно быть полное переустройство всего существующего порядка. Таким образом, объединенное и окрепшее недовольство сразу наметит себе и общего противника: правительство, которое должно будет пред ним в известных случаях отчитываться.

Отсюда возникает тревожный вопрос: во всеоружии ли встретит правительство эту борьбу? Готово ли оно к ней и не будет ли это еще новый пример «нашей неподготовленности»? Тревожность этих вопросов усугубляется еще тем, что, в действительности, разрозненные отдельные части будут, однако, внешне объединены в лице Верховной власти, именем коей они действуют и изъявлением воли коей они прикрываются. Этим Верховная власть, низведенная на степень руководителя в данную минуту у кормила правления стоящего правительства, неминуемо будет вовлечена в борьбу партий. Нужно ли говорить, каким было бы это великим бедствием и к каким последствиям оно бы привело! Самодержавная власть, прежде всего, должна быть равно возвышена над

всеми партиями и сословиями, над правящими и управляемыми; именно из этого положения и вытекает общность ее интересов с истинною государственною пользою и благом народным. Начало это до сих пор могущественно в России, но проявление его ослабело. Власть точно парализована колеблющимся мнением, охваченным веянием смутных дней, нами переживаемых. Нельзя без трепета подумать, что ожидает Россию, если при настоящем вступлении ее в новую политическую жизнь с ее неведомым будущим действия государственной власти будут проявляться по-прежнему слабо и неуверенно, в то время когда от твердости и решительности будет зависеть вся будущность России.

Над поставленным вопросом нельзя не задуматься. Необходимо, чтобы не только с открытием думы, но и при неизбежной агитации по поводу предстоящих выборов не были у нас возможны случаи, с какой бы точки зрения ни смотреть на события, одинаково недопустимые, — оппозиции правительству в его же рядах. Каким же образом не допустить этого? Единственным к тому способом является установление единства правительственной власти, которое должно выразиться в полном единомыслии ее главных представителей и в полной согласованности их действий, одушевленных одинаковою мыслью при исполнении общего плана. Это неизбежно приводит к необходимости образования однородного министерства, или, как принято называть на языке политических доктрин, Кабинета.

Столь же необходимо одновременно с объединением органов управления выработать известную программу будущей правительственной деятельности, дабы правительство не очутилось перед лицом выборных от народа не знающим, что делать и в какую сторону направить кормило правления. Наглядный в этом отношении пример представляет история первой французской революции. 5 мая 1789 г. правительство Людовика XVI, удовлетворяя общему требованию населения, указывавшему на « обращение к нации » как на единственный и несомненный выход из государственных затруднений эпохи, с великой пышностью открыло в Версале собрание сословных представителей. Что будут делать представители, решит, предполагалось, само собрание. У правительства относительно предстоящего не было никакого плана. Государственный корабль был пущен в открытое, совершенно неизвестное море. Правительство вызвало духа, но оказалось бессильным, чтобы его заковать. Дальнейший ход событий известен. Они развернулись с ничем неотвратимой последовательностью. Да и нет

нужды обращаться к примерам истории других народов. Пережитый нами год ясно доказывает, как быстро развивается общественная неурядица и как бесплодна борьба с нею при разрозненности правительства и отсутствии у него определенного плана действий.

Если уроки истории и жизни чему-нибудь учат, то, очевидно, самая настоящая, самая неотложная задача настоящей исторической минуты должна заключаться в объединении правительства в одно единомысленное целое с определенной программой деятельности. Таким образом, наряду с обновленною властью законодательною организовалась бы сильная власть исполнительная, а Верховным Представителем обеих властей явилась бы самодержавная власть. При этом необходимо, чтобы власть самодержавная освободила бы себя от непосредственного участия во всех мелочах управления, дабы не быть вовлеченной в борьбу партий и, по заветам прошлого, сохранить за собою в неприкосновенности положение Верховного Главы всего государства, а не только главы исполнительной власти, как на Западе.

Решение этой задачи всего правильнее на почве существующих уже учреждений, в ряду которых Совет министров и Комитет министров суть не что иное, как попытки осуществления той же мысли о необходимости единства в управлении. К сожалению, эти учреждения не привели к желаемой цели. Совет министров до последнего года почти не собирался, так как одновременное существование и Совета министров и Комитета министров, при особых, кроме того, всеподданнейших докладах отдельных министров, способно было бы только запутать ход управления, что и сказалось в текущем году, когда оба названных учреждения стали действовать параллельно.

Отсюда ясно, что первым шагом к объединению правительственной деятельности в области управления должна быть замена упомянутых двух учреждений одним, которому может быть присвоено любое наименование. Наряду с этим необходимо упразднить и особые всеподданнейшие доклады отдельных министров, ибо в них собственно и лежит источник всей розни и разногласия министерского управления. При существовании их ни один министр не чувствует себя обязанным считаться с своими коллегами и каждый начальник ведомства в день всеподданнейшего доклада поочередно является носителем Верховной власти, вынося из кабинета самодержца Высочайшие повеления, обязательные для всех.

С отменой всеподданнейших докладов Высочайшие пове-

ления в порядке управления исходили бы лишь в виде Высочайше утвержденных заключений проектируемого Совета министров. Это учреждение должно состоять исключительно из начальников главнейших ведомств, так как привлекать в его состав лиц, не участвующих непосредственно в управлении, неправильно. При этом, в видах обеспечения единства действий Совета и возможности проведения по всем отраслям управления общей программы деятельности, очевидно требуется, чтобы члены Совета были объединены общностью взглядов и убеждений и личный интерес каждого был связан с общими интересами управления и судьбою всего Совета. Для практического достижения этой цели надлежало бы поставить во главе Совета лицо, которое заняло бы положение руководителя внутренней политики управления и могло бы оказывать влияние на избрание Верховною властью отдельных министров. Не может быть, конечно, и речи, чтобы председатель Совета сам назначал прочих министров. Очевидно, эти назначения могут исходить только от самодержавной власти. Но весьма желательно в интересах дела, чтобы в состав Совета вводились люди только единомышленные, могущие сплотиться на предстоящем им общем деле управления, которое по существу своему всегда должно быть едино. Вследствие сего представлялось бы полезным предоставить председателю Совета представлять на благовоззрение Верховной власти кандидатов на министерские посты.

Предполагаемое преобразование не терпит отлагательства. Рано или поздно создание однородного министерства получит свое осуществление. Это вытекает из дарованных сегодня населению империи политических прав, которые неизбежно приведут к борьбе партий. Но разница в том, что теперь есть еще время провести эту меру свыше, обдуманно и спокойно, приняв во внимание истинные интересы государства и исторически сложившегося порядка, а впоследствии она явится вынужденною, как новая уступка среди политических осложнений.

Изложенные соображения приводят к нижеследующим заключениям :

1. Совет министров и Комитет министров необходимо заменить одним учреждением, с наименованием его Советом министров.
2. Совет министров состоит под председательством одного из министров, монаршим доверием к нему призванного, из остальных министров, а равно главноуправляющих землеустройством и земледелием и торговым мореплаванием и пор-

тами, Обер-прокурора Святейшего Синода и Государственного контролера. Независимо от сего, в Совете участвуют главные начальники прочих ведомств по делам, им вверенным.

3. Совет министров есть место в коем: 1) устанавливается единый образ действий в управлении и 2) обсуждаются меры высшего управления, требующие Высочайшего утверждения.

4) Никакая общая мера внутреннего управления в порядке исполнительном не может быть принята главными начальниками ведомств помимо Совета министров.

5. Меры высшего управления, указанные в статье 2, могут получить свое осуществление не иначе, как на основании положений Совета министров, Высочайшею властью одобренных.

6. Право отдельных министров испрашивать посредством всеподданнейших докладов Высочайшие повеления отменяются с сохранением сего права за министрами: императорского двора и уделов, военного, морского и иностранных дел.

7. Представление на Высочайшее благоволение кандидатов на посты министров и главноуправляющих отдельными частями, за исключением ведомств: императорского двора и уделов, военного, морского, иностранных дел и Государственного контроля, принадлежит председателю Совета министров».

6 августа 1905 года.

Записка, вернее — положенные в основу ее тезисы (из примера Коковцова явствует, что гр. Сольский не показывал ее всем) рассматривалась на частных совещаниях у гр. Сольского 21, 23, 26 и 28 сентября 1905 г., в которых принимали участие гр. Витте, Фриш, Половцов, Сабуров, Коковцов, Д.Ф. Трепов, Таганцев, Булыгин, Манухин и др.

Необходимо отметить позиции Витте и его конфликт с Коковцовым. Бросается в глаза близость его выступлений к записке Кривошеина, иногда буквальная. Вне сомнения, что он с ней близко ознакомился. На заседании 21 сентября Витте заявил 20), что «Враги правительства сплочены. Мы находимся в положении, в коем находилось французское правительство после созыва Генеральных штатов, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционному движению не имеем. Прежде всего надлежит объединить власть, министрам принадлежащую. Министры должны быть соединены в одно целое, в один Совет, который, имея председателя, обсуждал бы программу (...) мер, обязательных для каждого министра,

после принятия их Советом. Словом, должен быть учрежден (...) кабинет с председателем, именуемым также первым министром. На обязанности председателя должна быть рекомендация Государю лиц, имеющих для занятия министерского поста качества и разделяющих политические взгляды, одобренные Государем».

На необходимости «как можно скорее установить единство министров» настаивал Д.Ф. Трепов, тогда как тезисы Витте вызвали возражение В.Н. Коковцова, в свою очередь вызвавшее более чем резкую отповедь графа, смысл которой был, что он никогда не слышал столько глупостей, как то, что он слышал со стороны министра финансов 21).

Не входя в подробности этого инцидента, шедшего гораздо дальше, чем формулировка спорных мест (речь шла об упразднении личных всеподданнейших докладов министров, чего добивался Витте и на чем настаивала записка Кривошеина, сохраняя это право за одним председателем), можно сказать, что, будучи премьером, Коковцов мог только пожалеть, что была частично принята его собственная концепция.

Труды совещания были оформлены затем Государственной канцелярией в виде проекта мемории, причем в основу его, как это явствует из ее содержания и как это подтверждает Черменский, была положена записка А.В. Кривошеина.

Мемория, рассмотренная затем уже Особым совещанием, официально устанавливала, что :

1) « Министры и главноуправляющие отдельными частями обязаны доставлять председателю Совета министров сведения о всех выдающихся происходящих в государственной жизни событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях, с тем чтобы последние, в случае надобности, могли быть представлены председателем Совета на его обсуждение ».

2) « Всеподданнейшие доклады по делам, имеющим общее значение или касающимся других ведомств, должны быть предварительно сообщаемы главными начальниками ведомств председателю Совета министров, который должен быть уполномочен или внести означенные доклады на предварительное рассмотрение Совета, или предоставить начальнику ведомства повергнуть их непосредственно на благовоззрение Вашего Императорского Величества, в случае надобности — в присутствии председателя ».

3) « Дела, относящиеся до ведомства императорского двора и уделов, государственной обороны и внешней политики, должны быть предоставлены непосредственно ведению подле-

жащих министров», причем должны быть предусмотрены «и те случаи, когда упомянутые дела должны быть вносимы в Совет министров» 22).

Рассмотрение мемории и выработка окончательного законодательного акта происходили на официальных заседаниях совещания 3, 4, 11 и 12 октября, уже в атмосфере растущего революционного кризиса, когда становилось ясным, что какой-то вид конституции будет дан и что главой объединенного правительства будет Витте.

Ход прений отражался, более или менее точно, в прес-се 23), расхождения между Витте и Коковцовым в вопросе о правах председателя сначала опровергались, затем подтверждались. «Новое Время» *) сочувствовало образованию объединенной власти и считало, что неудовлетворительность обсуждаемых проектов состояла в том, что они не вели к главной цели: выполнению всеми отдельными министрами одной общей программы. Однако совещание шло именно по пути организации правительства на основе объединенной политической программы, т. е. на единомыслии его членов, как это защищала записка Кривошеина. Против этого высказывались не участвовавшие в предварительных совещаниях граф А.П. Игнатьев и А.С. Стишинский. Оба находили, что «первый министр будет визирем, ограничивающим самодержавие» 24), тогда как Витте жаловался на недостаточность прав, предоставляемых первому министру 25).

Тем не менее принятая огромным большинством совещания формула, основанная на записке Кривошеина и на его высказываниях, давала Витте удовлетворение. Она гласила, что «задача по направлению и объединению действий главных начальников ведомств как по предметам законодательства, так и высшего государственного управления, окажется осуществимой лишь в том случае, когда означенные начальники, участвующие в Совете министров, будут по крайней мере в главнейших вопросах одинаковых политических убеждений». Для достижения этой цели «в круг обязанностей председателя Совета министров должно входить представление Вашему Императорскому Величеству кандидатов для замещения должностей министров и главноуправляющих отдельными частями, за исключением, однако, министров, воен-

*) В «Новом Времени», органе в котором Кривошеин имел друзей, 10 августа появилась статья, близость которой по содержанию и форме к записке Кривошеина бросается в глаза.

ного, морского и императорского двора и уделов, ввиду особого характера лежащих на них обязанностей ».

Казалось, тем самым элементарный для всякой нормальной государственности принцип сильной, объединенной власти, солидарно ответственной за свои действия, смог установиться в новых условиях думской монархии...

Однако, по роковому отсутствию гражданского мужества и логической связи между словами и делом, принимая спешно 12 октября ночью этот текст, когда Николай II решительно требовал ему его представить — на другой день он известил Витте, что назначает его председателем правительства — совещание постановило сделать оговорку, что вышеуказанное правило « во избежание превратных его толкований, не должно быть включено в обсуждаемый акт » 26).

Признавалась необходимость единства взглядов членов кабинета, но об этой необходимости затем стыдливо умалчивалось, и Николай II, когда он начал тяготиться соседством яркого и волевого премьера, не преминул воспользоваться невключением этого правила в утвержденный им 19 октября 1905 г. акт 27), чтобы не только терпеть политические и иные разногласия между членами кабинета, но и, со временем, играть на них. У правительства больше не было авторитета, но вряд ли от этого выигрывал его собственный.

Тем самым акт 19 октября 1905 г. интереснее тем, чего в нем нет, чем сформулированными в нем правилами. Многие из записки Кривошеина и из мемории было в него включено « в целях вящего объединения ». Но многое было ослаблено до неузнаваемости. Так, правило о представлении кандидатов на министерские посты было заменено правилом представления на обсуждение Совета министров « предположений » о замещении главных должностных лиц высшего и местного управления, т. е. лиц уже не министерского ранга. Что касается до всеподданнейших докладов, то принцип присутствия на них председателя применения на практике не получил.

Вместо сильной власти подготавливался тот политический паралич власти, который тяготел над политической жизнью России незадолго до войны, чтобы вылиться затем летом 1915 г. в открытый раскол между министрами и их председателем и докатиться до таких возглавителей правительства, как кн. Н.Д. Голицын, уже больше не носителей малейшей доли авторитета, связанного с их должностью.

Что касается Кривошеина, то он не переменял своих взглядов на необходимость единства действий исполнительной власти и твердо поставил себе за правило не принимать на-

значения главой кабинета, пока ему не будут даны монархом полномочия, отвечающие должности руководителя внутренней политики.

Когда в феврале 1913 г., в результате глубоких разногласий с Коковцовым, Кривошеин выразил Государю свое желание уйти в отставку, то Николай II, успокаивая его, заметил, что он отнюдь не ответствен за общую политику кабинета, так как политически однородный кабинет не предвиден в установлении о Совете министров, на что Кривошеин ему возразил, что никакая настоящая работа не мыслима без полного единогласия членов правительства. Государь уговорил его не покидать своего поста, но остался при своем мнении 28).

1) До того, 19 января 1905 г., по всем данным, им была подана записка о земельной политике, приведшая к упразднению Особого совещания Витте «о нуждах сельскохозяйственной промышленности» и к учреждению горемыкинского совещания об «укреплении крестьянского землевладения»; но эта записка ближе касалась круга его деятельности, чем записка об объединенном правительстве.

2) Фонд 1544, оп. дополн. к XVI т., д. 5, л. 332.

3) Стр. 135-139.

4) «Минувшие Дни», приложение к вечернему выпуску «Красной Газеты», Ленинград, 1928 г., №3, стр. 34; «Звездная Палата». («Повести Прошлого», Ленинград, 1930 г., изд. 2-ое, стр. 15) — личные воспоминания о Государственном совете, весьма тенденциозно изображающие членов верхней палаты в анекдотическом освещении.

5) «Воспоминания», т. I, стр. 440, 443 и 538.

6) Ук. соч., стр. 337-338.

7) Стр. 335-336; Гурко приписывает Н.В. Плеве, сыну министра, редактирование некоторых записок по поручению Кривошеина. При несомненном писательском даре последнего, роль Н.В. Плеве не могла быть значительной.

8) Витте, Воспоминания, том 3, стр. 19, записка Вуича, Москва 1960 г.

9) Указ 12 декабря, составленный кн. Святополк-Мирским, обещал ряд реформ в области крестьянского законодательства, веротерпимости и т. д., тогда как пункт о привлечении выборных к участию в разработке законодательных проектов был по настоянию вел. кн. Сергея Александровича и Витте исключен.

10) Черменский, ук. соч., гл. 1, стр. 55.

11) Неопубликованный доклад гр. Сольского от 26 августа 1905 г. (фотокопия Ц.Г.И.А.Л.) (фонд 1544, опись 1, Ед. хр. №5-1).

12) и 13) Неопубликованный доклад гр. Сольского от 26 августа 1905 г. (фотокопия Ц.Г.И.А.Л.) (фонд 1544, Опись 1, Ед. хр. №5-1).

14) Ук. соч., стр. 135-136.

15) «Красный Архив», т. IV, 1923, стр. 64-76.

16) Том II, Москва, 1955, стр. 544-545; т. III, стр. 19 (доклад Н.И. Вуича) и стр. 25.

17) «Из моего прошлого», т. I, стр. 89-92, Париж, 1933.

О том, как Сольский не посвящал Коковцова, тогда министра финансов, в секретные дела, в угоду Витте, говорится в воспоминаниях Коковцова (т. I, стр. 92-93); «Сольский, конечно, знал о перипетиях, предшествовавших изданию манифеста (17 октября), но, очевидно, имел в виду не выводить дела за предел того, что было угодно Витте, в част-

ности по отношению ко мне он был связан явно враждебным отношением автора».

18) В своих воспоминаниях Витте говорит о трудах совещания с видимым равнодушием, как о не давшем полного удовлетворения защищаемым им на нем изустно тезисам: «В конце концов было решено создать Совет министров взамен существующего (...). Этот новый закон, выработанный и утвержденный Государем до 17 октября, в некоторой степени объединял министров, хотя как все, что выходило из совещаний гр. Сольского, являет различные неопределенности и недосказанности, как результат компромиссов, которые так любил граф».

Коковцов мог не знать кто был автором записки, положенной в основу работ Совещания, но то, что он приписывал ее Витте, показывает его полную неосведомленность.

19) (Ц.Г.И.А. в Ленинграде, фонд 1544, оп. дополн. к XVI т.; д.б.л. 332, по фотокопии Архива).

20) Половцов, ук. соч., стр. 64 и след.

21) Коковцов, ук. соч., т. I, стр. 89-92, утверждая, что нет необходимости для объединенного управления подражать иностранным государствам, отстаивал личные всеподданнейшие доклады министров, предоставляя председателю Комитета министров лишь право присутствовать на них.

22) По Черменскому, ук. соч., стр. 138, опубликовавшему частично этот документ, хранящийся в Ц.Г.И.А.Л., фонд 1544, оп. 1, д. 25, л. 70,73.

23) Так в «Новом Времени» от 2, 3, 11, 13 и 14 октября 1905 г.

24) Черменский, ук. соч. 139, по Ц.Г.И.А.Л. ф. 1544, оп. дополн. к XVI т. д. 5. л. 332.

25) Дневник Половцова, «Кр. Архив», т. 4, стр. 72-73.

26) Черменский, стр. 139, по Ц.Г.И.А.Л. ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 73-74.

27) Это был указ Правительствующему Сенату, опубликованный в прессе 22 октября, т.е. в первый день появления газет после забастовки.

28) Доклад Дульсэ, французского поверенного в делах, министру иностранных дел от 13 марта 1914 г. «Documents diplomatiques français», 3e série, vol. 9, № 453.

СТОЛЫПИНСКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

ЧАСТЬ I

«...так как историей движут идеи, а не факты и не отдельные люди, то и наши усилия оказались плодотворными потому, что в них была заключена идея укрепления в русской деревне собственности — этой всемирной опоры хозяйства, культуры, свободы и порядка».

(Прощание Кривошеина со своими сотрудниками 29 октября 1915 г.)

Проведение в жизнь указа 9 ноября 1906 г. неразрывно связано с А.В. Кривошеиным. В этом деле ему принадлежит бесспорно главная, почти исключительная, исполнительная роль. На протяжении семи с половиною лет, от 21 мая 1908 г. до 26 октября 1915 г., он был осуществителем реформы в должности главноуправляющего землеустройством и земледелием, а еще до того, с 6 октября 1906 г., во главе Крестьянского банка. Эта роль исполнителя, обладавшего благодаря доверию Николая II и Столыпина полнотой власти, у него никем не оспаривается, хотя имя автора реформы и несколько затмило имя ее исполнителя («стольпинская земельная реформа»); нередко изучается дело, но опускается имя «делателя». Д.Н. Любимов, с 1912 по 1914 г. управляющий делами Главного комитета по землеустройству, так отзывался в своих воспоминаниях о роли Кривошеина: «Дело началось при кн. Б.А. Васильчикове (...) на первых порах оно встретило огромное затруднение, о котором я слышал подробно от самого князя (...). Затем реформа стала налаживаться и уже с необыкновенным успехом блестяще проводилась в жизнь А.В. Кривошеиным, который стал душой всего дела и если вопрос о землеустройстве был возбужден Столыпиным (...), то честь

осуществления его на практике должна быть по справедливости приписана Кривошеину » 1).

В подготовке реформы роль Кривошеина очень значительна, хотя здесь инициатива принадлежит не только ему. Советский исследователь этого вопроса С.М. Дубровский 2) писал, правда, что « Столыпин шел по проложенному, predetermined пути, реализовал же это дело с начала до конца А.В. Кривошеин », но в этом определении вполне точно только то, что инициатива « столыпинской реформы » не принадлежит Столыпину. Мнение, что Кривошеин был автором реформы, господствовало в кадетской партии 3), то же думал и П.П. Гронский, видный кадетский деятель в эмиграции (так в очерке « 25-летие указа 9 ноября 1906 г. ») 4). Однако, не умаляя роли Кривошеина в подготовке реформы еще в первые дни 1905 г., невозможно игнорировать роль Вл. И. Гурко; это признал Витте, сказавший 22 марта 1910 г. в Государственном совете, что « лицо, которое более всего потрудились над законом 9 ноября 1906 г., был Гурко ». К такому же выводу склонился впоследствии и сам Дубровский 5). Гурко ранее Кривошеина признал вред общины, неизбежность которой считалась догматом в кругах общественных и правительственных, а в особенности в министерстве внутренних дел.

Трудно преувеличивать заслуги Гурко в активной подготовке земельной реформы в 1906 г. Однако в своих воспоминаниях, Гурко затушевывает или представляет неверно роль Кривошеина в 1905 г. и в решающие дни начала 1906 г., свою же роль в предыдущем периоде, между 1902 и 1905 г., несколько преувеличивает в ущерб роли Витте и созданного министром финансов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гурко сыграл видную роль в трудах комиссии по пересмотру крестьянского законодательства, учрежденной в 1902 г. при министерстве внутренних дел, и значение собранных там материалов для разработки затем указа 9 ноября было велико, но непосредственных конкретных результатов деятельность комиссии не дала. Тем не менее, о ней нужно сказать несколько слов, так как ее труды незаслуженно забываются или смешиваются с трудами Особого совещания Витте 6).

Еще в 1894 г., после резолюции Государственного совета и доклада министра внутренних дел И.Н. Дурново от 27 ноября 1893 г., была начата в этом министерстве подготовка пересмотра крестьянского законодательства. Заключение учрежденных для этого губернских совещаний составили обширный материал, но дальнейшего движения не получили 7)

и только указом 14 января 1902 г. на министра внутренних дел Д.С. Сипягина была возложена задача подготовить изменение « в согласии с действительными потребностями лишь тех узаконений, недостатки коих выяснены опытом ». Предусмотренная указом редакционная комиссия была образована уже при В.К. Плеве, в июне 1902 г. под номинальным председательством товарища министра А.С. Стишинского, но душой комиссии стал управляющий Земским отделом Вл. И. Гурко 8).

Главной задачей комиссии был пересмотр правовой обособленности крестьянского сословия, самоуправления, сословной волости и пр., а не порядка землепользования, но Гурко сумел удивительно ловко ввести в труды комиссии новаторскую идею выхода из общины, под прикрытием рассмотрения экономической, а не правовой стороны этого вопроса 9).

В пространном, занимающем многие страницы большого формата « Нового Времени » (10 по 12 января 1904 г.) « Очерке редакционной комиссии по пересмотру законоположения о крестьянах », в котором ясно ощущается рука Гурко, земельный строй трактуется в конце (хотя и подробно), после вопроса правовых и административных сторон крестьянского быта, но страницы, посвященные ему, оригинальны и любопытны; « очерк », не оспаривая юридического принципа общины и подчеркивая, что устранить препятствия к производительному труду одними законодательными мерами невозможно, незаметно приводит читателя к выводу, что единственное средство экономического подъема заключается в создании отрубных участков и хуторов выделяющимися из общины крестьянами с их частью надельной земли, приведенной к одному месту; иначе говоря, в достижении конечной цели столыпинской реформы: образования обособленных в хозяйственном отношении земельных единиц. Выдел отдельных участков должен был быть обставлен условиями, ограждающими большинство членов обществ от постоянных переделов, при которых выдел владений отдельных хозяев не представляется возможным.

« Очерк » не противопоставляет подворный строй, в том виде как он практиковался главным образом в Западном крае, общинному 10). И тот и другой были подвержены той же чересполосице, дальнотемелью и подобным основным недостаткам крестьянского землевладения в России. В этих явлениях « очерк » усматривает причину низкого уровня сельского хозяйства, так как при них, каков бы ни был правовой принцип владения землей, отдельные домохозяева вынуждены подчиняться общему порядку пользования землей, вести одновременно с остальными одинаковую систему полеводства, а обще-

ство вынуждено придерживаться не наиболее правильного использования естественных сил почвы, а исключительно наиболее простого, доступного всем без исключения членам общества.

« Очерк » предлагает установить государственную помощь в виде уменьшения податей и выкупных платежей как выходящим из общины, так и остающимся в ней.

Еще до опубликования полного текста записки комиссии, ее содержание было комментировано прессой¹¹⁾ и произвело некоторое впечатление уже потому, что одновременно с этим появились сводки трудов местных комитетов Особого совещания Витте, касавшиеся той же темы. Социалистическое « Русское Богатство » с редкой проницательностью усмотрело в заключениях записки « ставку на сильных ». « Новое Время » подчеркнуло (7 декабря 1903 г.), что, поставив себе цель ничего не ломать, сохраняя неприкосновенность общинного строя и неотчуждаемость надельной земли, комиссия предвидела возможность естественного развития крестьянской жизни и не пожелала создавать нераздвигаемых рамок, сковывающих всех отдельных лиц, даже тех, которые пожелали бы отказаться от существующих основных форм землепользования. « Сама жизнь должна решить, где и при каких условиях надлежит сохранить общинное пользование землей и при какой обстановке будет удобнее переходить к подворному хозяйству ». Вывод удивительно близкий к выводу совещания Витте.

Ставя главной, хотя и отдаленной целью эволюции крестьянского земельного строя переход к отрубному и хуторскому беспередельному землепользованию, Гурко предрешил целенаправленность столыпинской реформы, ставившей себе точно такую же цель. Для Гурко, души комиссии 1902 г., и для Гурко, автора указа 9 ноября 1906 г., выход на хутора и отруба оправдывался тем, что их хозяева могли бы применять те системы полеводства, которые при данном уровне их общего развития и степени их зажиточности были бы для них наиболее прибыльными, то есть быть полными хозяевами своих наделов; только в 1903 г., путем словесной эквилибристики, Гурко избегал вводить в свой план юридический принцип единоличной собственности, как он смог это сделать в 1906 г.

Однако между обоими документами существуют и немалые реальные, а не только формальные различия, вызванные революцией 1905 г. и необходимостью скорейшей ликвидации ее последствий. Указ 9 ноября 1906 г. был предназначен для срочного проведения земельной реформы огромных масштабов

с определенной политической целью, а в 1903 г. Гурко писал в « очерке », что « лишь с течением времени, когда крестьяне убедятся на примере отдельных хозяев в значении выдела участков к одному месту, может появиться среди них общее течение в указанном направлении ». Ни он, ни Витте в « Записке по крестьянскому делу », ни Столыпин в своем докладе уже 1905 г., не предвидели, что радикальное преобразование общинного строя не может ждать и что придется предоставить его реализацию не « течению времени », а ломке. Да и заключения « комиссии Гурко » едва коснулись политической направленности будущей столыпинской реформы: создания крепких крестьян-собственников, опоры существующего строя. В них только указывалось, что степень уважения к чужим правам зависит от культурного развития и хозяйственной обеспеченности населения, а таким зажиточным элементом могут быть хуторяне.

Наконец, Гурко подвергает строгой критике укрепление в собственность отдельных наделов без их сведения к одному месту — отруб или хутору, так как этим укреплялась и чересполосица, которую переделы могли иногда ослаблять. Конечно, указ 9 ноября позволял каждому выделяющемуся, при соблюдении известных условий, свести свой надел к одному месту, но там, где две трети поселян не упраздняли общину, обязательства не было. Это привело во многих районах, из-за косности крестьянства или враждебности окружения, к образованию антиэкономической единоличной собственности « на полосах ». Поэтому, при Кривошеине, были предприняты обширные землеустроительные работы, в особенности после проведения им закона 29 мая 1911 г., для того чтобы исправить эту обратную сторону указа 9 ноября, предварительно осужденную самим автором указа.

Единственным конкретным результатом деятельности Гурко в комиссии был манифест 26 февраля 1903 г., составленный им лично в части относящейся к трудам комиссии; манифест полагал в основу пересмотра трудов комиссии губернскими совещаниями « при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных (...) неприкосновенность общинного строя, изыскав одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины ». Это означало отказ от насильственного прикрепления крестьян к общине 12).

В дальнейшем « комиссия Гурко » не сыграла значительной роли: указ 8 января 1904 г., созывавший губернские совещания для рассмотрения ее трудов, повторял выражения

манифеста 26 февраля 1903 г. о неприкосновенности общины и облегчении отдельным крестьянам выхода из нее, признавая, наряду с этим, необходимым «сохранить крестьянский сословный строй и неотчуждаемость крестьянского владения надельной землей», причем эти начала объявлялись Высочайше утвержденными и не подлежащими обсуждению. История утверждения указа показывает, насколько сильна была тогда приверженность Николая II к сословному строю. Большинство Комитета министров, первым делом его председатель Витте, критически встретило часть записки Плеве, сопровождавшей проект указа, касавшуюся сословного распорядка крестьянства, настаивая на том, чтобы Плеве исключил из указа место, полагавшее, что основные начала указа не подлежат обсуждению («Журнал Комитета министров» от 25 ноября и 2 декабря 1903 г.); однако Николай II утвердил особое мнение государственного контролера Лобко о сохранении сословного строя и неотчуждаемости надельной земли¹³). Работы совещаний не были доведены до конца, но прав был Гурко, утверждая¹⁴⁻¹⁵), что если указ 9 ноября смог быть быстро применен, то это благодаря работе, выполненной в предыдущие годы.

Если взгляд Гурко на общину был определенно отрицательным еще до 1905 г., то отношение Кривошеина к этому вопросу следовало более сложной эволюции. Гурко пишет, что тот не принимал активного участия в Особом совещании Витте¹⁶) и избегал высказывать свое мнение, не желая скомпрометировать себя преждевременным выбором в вопросе, решение которого оставалось еще неясным. Не будучи «человеком от земли», как тверской и воронежский помещик Гурко¹⁷), Кривошеин в силу своей чиновничьей формации привык смотреть на принцип общины как на незыблемый. По свойственной ему осторожности высказаться против общепринятого принципа он не хотел, но, будучи прагматиком, а не идеологом, а потому не тяготевшим к общине ни идеологически, ни сентиментально, он смог отойти от нее в конце 1904 г. без каких-либо комплексов. Немного спустя, в первые, решающие для будущей земельной реформы дни 1906 г. он, так же как и Гурко, иногда в сотрудничестве, иногда в плохо согласованном соревновании, предпринял конкретные шаги, чтобы сдвинуть вопрос о единоличной собственности с мертвой точки.

Эволюцию взглядов Кривошеина Гурко объясняет относительно верно, но с присущим ему скептическим уклоном, а главное, совершенно произвольно переносит окончательный

отказ Кривошеина от общины на начальный период столыпинского премьерства 18). «Убедился ли Кривошеин искренне в правильности мер в пользу единоличной собственности», — писал Гурко 19), «понял ли он, что взятый тогда правительством курс останется в силе надолго и что принятие им этой точки зрения будет наиболее легким путем к завершению своей карьеры? Я склоняюсь к тому, что оба соображения правильны. Дело в том, что хотя Кривошеину недоставало глубокого знания крестьянства, он обладал исключительным умом, тонким политическим чутьем и способностью ориентироваться в самой сложной политической обстановке. Когда он собственными глазами увидел разницу между единоличной собственностью и общинным хозяйством, он не мог не понять преимущества частной собственности, а его политическое чутье подсказало ему, что это направление взято правительством твердо и что Столыпин намерен его сохранить».

Элементарная историческая справедливость требует, однако, отдать должное капитальной роли Витте в подготовке реформы, хотя ему и не суждено было осуществить ее самому.

Витте был убежденным сторонником общины в 1893 г. и всецело поддержал проведение закона 14 декабря того же года, запрещавшего выход из общины без согласия двух третей домохозяев, даже после погашения выкупного долга, как и залог выделенных в собственность наделов и их продажу лицам несельского состояния. Об этом законе председатель Комитета министров Н.Х. Бунге метко выразился, что он потушил навсегда у крестьян ясное представление о личной собственности и уважение к собственности помещиков 20). В сущности, принудительный характер общины был недавним продуктом меньшинства бюрократической верхушки, поддержанной Александром III, а защита этого принципа в начале XX века представителями либеральных течений — форменной аберрацией.

Не прошло и пяти лет, как Витте со свойственной ему проницательностью понял, что тяжелое материальное положение грозит подорвать платежеспособность крестьян, и нашел причину этого положения в правовых условиях их быта 21).

Понадобилось более трех лет, чтобы добиться наконец созыва особого совещания с участием местной общественности для обсуждения крестьянского вопроса в целом; 22 января 1902 г. было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, всего 8 дней после учреждения при министерстве внутренних дел редакционной комис-

сии, в которой видную роль сыграл Гурко. Оба коллегиальных органа имели в сущности то же задание, но, в отличие от комиссии, Особое совещание под председательством Витте начало свои труды на местах в лице губернских и уездных комитетов, при участии местной общественности, главным образом дворянства и земцев. Осенью 1903 г. местные комитеты передали собранные ими материалы в Особое совещание.

Общей тенденции в щекотливом вопросе общины не было, так как этот вопрос заинтересовал только меньшинство комитетов 22). Согласно с воззрениями общества, да и самого Витте, центр тяжести трудов комитетов был в приравнении правового и административного статута крестьянства к прочему населению, а не в вопросе общины, тогда еще не вполне созревшем. Тем не менее, вопрос существования общины был впервые поставлен перед обширнейшей аудиторией и сдвинулся с места. В составленных по указаниям Витте сводках и записках, отражавших взгляды немалой части комитетов, но еще более взгляды самого Витте, община подвергалась суровой критике и в праве выхода из нее усматривалось необходимое условие интенсивного хозяйства.

Уже в декабре 1903 г. «Вестник финансов» опубликовал краткую сводку трудов местных комитетов, утверждавшую, что из-за стеснительных правовых условий крестьянского хозяйства невозможны ни предприимчивость, ни улучшение земледельческой культуры и что этому не помогут никакие технические меры. Одним из главных стеснений является община, при которой устраняется основной двигатель материальной культуры и хозяйственный расчет сводится к тому, чтобы использовать как можно шире силы природы, вложив в землю как можно меньше, — отсюда невозможность интенсивного хозяйства. Сводка, напоминая о печальных последствиях произвола случайного большинства сходов, подводила следующим образом итог пожеланий большинства комитетов, высказавшихся по вопросам крестьянского правопорядка: содействовать переходу сельских обществ к подворному и хуторскому владению, предоставив отдельным крестьянам право выделить свой надел помимо согласия мира; устранить обособленность крестьянства в правах гражданских и личных, в частности в области управления и суда.

Почти одинаковые критические суждения об общине были одновременно и независимо представлены прессой от имени чисто бюрократической «комиссии Гурко» и части провинциальных общественных комитетов, — вопрос упразднения общины ставился жизнью.

Витте изложил затем дважды свою точку зрения и точку зрения значительной части комитетов в двух «Записках по крестьянскому делу». Первая появилась во время трудов совещания, в 1904 г. Вторая, более полная, уже в 1905 г. (23). Записки были составлены, по точным указаниям Витте, будущим сотрудником Кривошеина А.А. Риттихом; они представляют собой критический разбор мнений комитетов о различных сторонах крестьянской жизни, которые нужно было изменить: суд, управление, имущественное право и, наконец, община. Составленная сводка, отражающая и личное мнение Витте — один из самых убедительных и самых беспощадных обвинительных актов общинного землепользования.

Как это метко замечает Витте, «преклонение перед общиной предшествовало ее изучению», он целиком разделяет мнение комитетов, что община и связанный с ней уравнильный порядок, не предохраняя деревню от пролетаризации, ведут к постепенной всеобщей пролетаризации через измельчание наделов. Существование сельского пролетариата на общинных землях, по данным комитетов, уже было тогда обычным явлением. Временное владение наделом — неодолимое препятствие к улучшению культур, воспитывающее самые хищнические приемы эксплуатации земли. Возражая заранее тем, кто верил в возможное превращение общин в кооперативы, Витте утверждает, что община вовсе не есть первая ступень к распространенным в Западной Европе кооперативным союзам, так как основанием кооперации является твердое право собственности, определенная доля участия в доходах соответственно размеру владения, свобода вступления и выхода из союза. Наконец община, как это ни парадоксально, меньше всего воспитывает общественное чувство, но порождает рознь. К этому Витте добавляет, что если община может быть полезна в условиях примитивного земледелия и неразвитости гражданского права, неспособного обеспечить индивидуальные права, то она совсем не является национальной особенностью русского народа; зато она имеет сходство с идеалами социализма и коммунизма. Наконец Витте приводит вывод одного из комитетов, что община убивает стимул всякой материальной культуры — сознание и уверенность, что результатами работы воспользуются сами трудившиеся. Здесь он проявляет некоторую осторожность, замечая, что подобный вывод может быть немного крайним, но что, во всяком случае, общинный порядок является тормозом культуры. Тем не менее, Витте считает, что община может быть иногда выгодна для крестьян и что не следует ни понуждать к переходу к

личному владению, ни препятствовать ему. Община да будет союзом добровольным, а не принудительным; нельзя удерживать отдельных крестьян насильно в общине и надо вернуть право выхода из нее. « Вопрос о свободе выхода из общинного землепользования представляется мне основным в области упорядочения крестьянского землепользования ».

Несмотря на то, что Витте не был « человеком от земли », он понял, со свойственным ему даром охватывать все стороны занимавших его дел, что выход из общины только первый шаг к глубокому переустройству крестьянского хозяйства, завершением которого должно быть землеустройство. Предвидя, в результате выделов, замену чересполосного общинного владения чересполосным подворным, он считал, что право требовать выдела к одному месту должно быть предоставлено при переделах или когда такое желание заявлено одной третью или одной четвертью общинников. Но в отличие от Столыпина, Витте не предвидел (а впоследствии не одобрял) обязательного разверстания целых селений, когда этого требовали две трети общинников. Эта мера более всего содействовала успеху столыпинской реформы в плане экономики: путем выдела на хутора и отруба покончить с чересполосицей и другими язвами крестьянского хозяйства. Впрочем, мысль о такой радикальной мере зародилась у Столыпина не в 1904-1905 гг., когда Витте писал свои записки, а только летом 1906 г., после того как революционный взрыв сдвинул общепринятые принципы и отношения.

Подвергнув общинный строй решительной критике, Витте в конкретном плане выказал большую осторожность. Он допускал 24), что « впредь до изменения соотношения реальных сил » придется сохранить и на будущее время сословные союзы для заведования надельными землями, состоящими в общем и общинном владении, сословную замкнутость надельной земли и ее неответственность по долгам владельцев, сословную организацию поземельного кредита и т. д. Иначе говоря, конечной целью должно было быть приближение крестьянского правопорядка к общему и наряду с этим сохранение тех особенностей сословного строя, которые необходимы для пользы крестьян и всего государства 25). Община должна быть неприкосновенна, — ни принудительного перехода к подворному владению, ни искусственного ее сохранения, — но нельзя удерживать насильственно отдельных крестьян в общине, надо вернуть им право выхода.

Проявленная Витте осторожность объясняется отчасти « соотношением реальных сил » не только в крестьянстве, но

и во всем государстве, и престижем общины. Можно, впрочем, отметить, что почти все желательные для Витте ограничения вошли и в столыпинское законодательство. Сословная обособленность выделенных в единоличную собственность наделов была сохранена, вышедший из общины крестьянин мог уступить свой надел только лицу, приписанному к сельскому обществу; указ 15 ноября 1906 г., разрешая Крестьянскому банку выдавать ссуды под залог наделной земли, сохранял запрещение отдавать эти земли в залог частным лицам и обществам.

Труды комитетов обсуждались Особым совещанием между 8 декабря 1904 г. и 30 марта 1905 г. Всем руководил Витте, оппозиция справа была представлена сенатором Хвостовым, а оппозиция слева профессором А.С. Посниковым, защищавшим общину с точки зрения народников 26).

На заседании 22 января 1905 г. 27) Витте развивал мысль, что если бы предстояло устраивать быт новой, ненаселенной страны и стоял бы вопрос: что лучше, община или подворное владение — то столкнуться было бы легко в пользу личной собственности, но в России община есть факт, факта этого изменить нельзя и надо с этим считаться. Поэтому цель совещания не в том, чтобы уничтожить общину, а в том, чтобы выяснить, не следует ли устранить искусственные препятствия, поставленные законом с целью сохранения общины. Община обыкновенно противопоставляется подворному владению, но из того, что община имеет недостатки, нельзя выводить, что подворное владение заслуживает предпочтение. Нельзя возражать против облегчения перехода общинников на подворные участки, если сами крестьяне того пожелают, но такой переход не идеал.

На заседании 9 февраля Витте подвел такой итог: все мнения сошлись на том, чтобы не разрушать общину, а только устранить меры, насильственно связывающие отдельных лиц с ней, вопреки их воле. «Вопросы жизни не разрешаются росчерком пера (...) закон не в силах повернуть жизнь».

Нельзя отрешиться от ощущения некоторой академичности, навешенного этими благоразумными словами, если сопоставить их с беспощадной критикой общины в «Записке по крестьянскому делу». Нельзя упрекать Витте в том, что он отказывался упразднить общину «росчерком пера», — этого никогда не думал сделать и Столыпин, — но здесь проглядывает некоторая робость, некоторое отсутствие убежденности в спешности запоздавшего на несколько десятилетий решения.

Зато, когда Витте сталкивался с убежденным, — что тогда было редкостью, — и убедительным противником общины, то он переставал быть нерешительным и выказывал ему, пусть в частном порядке, свою солидарность. Так было с Гурко, выступившим в начале 1905 г. на совещании с резкой критикой общины: «Я вполне согласен с вами», — сказал Витте, пожимая руку Гурко 28).

Спрашивается, прав ли был все же Витте, заявляя Б.Б. Глинскому, автору очерка «Граф С.Ю. Витте» («Исторический Вестник», сентябрь 1915 г., стр. 894), что «все существенное, что Столыпин и Кривошеин сделали, заимствовано из трудов совещания, а главнейшее — из того, что мною намечалось»?

Ответ на это был дан ближайшим сотрудником Кривошеина, его «пером», Ив. Ив. Тхоржевским, сказавшим, что «вся столыпинская реформа и вся наша землеустроительная политика последних лет вышли из виттевского совещания» 29).

К этому нужно прибавить, что Витте попытался провести в марте 1906 г. весьма существенную часть будущей столыпинской реформы, но нельзя упускать из виду, что и пожелания совещания, формулированные Витте, и дальнейшие взгляды Витте на проблему общины, обрисованные в свете его неизменно критического отношения к указу 9 ноября, отличаются от столыпинской реформы общим замыслом, динамикой и ролью, предоставленной государству в ее проведении. Витте защищал невмешательство государства в процесс ускоренного перехода на единоличную собственность: разумеется, о ломке общины в дни совещания (1902-1905 гг.) не думали ни Гурко, ни Столыпин, но Витте придерживался своего взгляда и впоследствии. Он усматривал и позже в реформе общины, в постепенной эволюции последней при нейтральном отношении государства, только проблему агрономии и гражданского права, проблему рационального использования земли на основе личного интереса. Он не видел в ней срочной проблемы укрепления государственного строя, чем она начиная с 1905-1906 гг. стала для Гурко, Столыпина и Кривошеина и чем она, в сущности, была со времен освобождения крестьян, только этого не замечали.

Особое совещание Витте было неожиданно закрыто указом 30 марта 1905 г., не закончив своих трудов. Гурко видит в этом месть Горемыкина за его вынужденный уход с поста министра внутренних дел 20 октября 1899 г. в результате записки Витте «О самодержавии и земстве». Записка проти-

вилась существованию земских учреждений и более либеральной политике Горемыкина, желавшего тогда распространить земские учреждения и на западные губернии 30). Горемыкин действовал, по словам Гурко 31) и Витте 32), сообща с Вл. Ф. Треповым, братом последнего, Дим. Ф. Треповым, влиятельным при дворе, а также с начинавшим тогда играть закулисную роль Кривошеиным. Горемыкин обвинил Витте в неискренности, когда тот стал критиковать общину. Из кипы стенограмм Государственного совета, принесенных курьером, он привел предыдущие высказывания Витте за запрещение погасившим выкупные платежи крестьянам выйти из общины; Витте не подозревал, что совещание будет закрыто в тот же день, — присутствовавший на совещании Гурко узнал об этом от Кривошеина.

Особое совещание стало жертвой растущего недоверия Николая II к Витте; его судьба была решена вскоре после 19 января 1905 г., когда царю была передана записка, по всем данным исходившая от Кривошеина, критиковавшая труды совещания и предлагавшая ряд реформ в пользу крестьянского землевладения путем изменения общинного строя, расширения деятельности Крестьянского банка и переселения 33).

Рескрипт 30 марта 1905 г., назначавший И.Л. Горемыкина председателем нового «Особого совещания о мерах к укреплению и расширению крестьянского землевладения», отражавший эту записку, был составлен в очень определенных выражениях относительно «охранения частного землевладения от всяких на него посягательств», как условия «упрочения земельного строя крестьян»; для этого предлагалось произвести точное отграничение наделной земли от прочих владений, «чтобы утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности частной собственности», т. е. помещичьей собственности. Выражения, касавшиеся преобразований крестьянского землевладения, не обладали этой определенностью («должны быть установлены меры к предоставлению крестьянам удобнейших, соответственно с изменившимися хозяйственными условиями, способов пользования отведенными им наделными землями»). Здесь чувствуется свойственная Кривошеину осторожность, вызвавшая неверные истолкования его отношения к общине в те дни; зато официозные сведения, например близкое ему «Новое Время», определенно указывали (2 апреля 1905 г.) на то, что «уже теперь намечается в ряде ближайших работ совещания если не полное уничтожение общинного строя — в некоторых губерниях как Петербургская, Московская, Ярославская, где почти все мужское

население уходит на отхожие промыслы, считается уничтожить общинный строй невозможным, — то предоставить крестьянам больше свободы в праве владения и пользования землей». Кроме того, по словам газеты, предполагалось, в исполнение рескрипта, коренным образом изменить устав банка в целях облегчения крестьянам покупки земли. Наконец рескрипт предписывал облегчить возможность переселения сельских жителей.

Направление, взятое новым совещанием, было ясно понято П.Н. Милюковым, который в своей думской речи 1 ноября 1908 г., посвященной землеустроительной деятельности правительства, считал, что программа трудов совещания — зародыш столыпинского законодательства. Вполне основательно он подразумевал под «предоставлением удобнейших способов пользования наделными землями» предоставление способов, основанных не на общинном строе, понятие развившееся затем в программу земельных реформ.

Программа совещания опередила на несколько месяцев известный доклад Столыпина об общине и крепком крестьянине. Кроме того, она стремилась вводить собственность на всей наделной земле, а не только на банковской или казенной, как у Столыпина.

Программа совещания Горемыкина-Кривошеина (последний сразу стал душой совещания) отличалась от программы совещания Витте своей политической окраской; Витте преследовал в свободе выхода из общины чисто экономическую цель и не искал решения аграрной проблемы в плане взаимоотношений между крестьянами и помещиками; новое совещание, наряду с экономической целью, искало, как впоследствии и столыпинское законодательство, в освобождении от принудительной общины и создании класса крестьян — собственников, в покупке крестьянами помещичьей земли через банк и в переселении, сохранения помещичьей собственности «от всяких на нее посягательств» и укрепления государственного строя.

Участие в образовании и в трудах этого совещания было первым политическим шагом Кривошеина, тогда начальника Переселенческого управления. Кривошеин мог, пользуясь своим личным авторитетом, фрондировать Плеве, своего министра, когда тот репрессировал земство, но в предреволюционной атмосфере весны и лета 1905 г. этот разночинец, не владевший землей, будущий либеральный сановник, определенно решал политические и аграрные проблемы сохранением дворянского класса землевладельцев. В то же время он искал

удовлетворения крестьянского земельного голода не путем неосуществимого уравнительного обеспечения землей каждого, но в качественном устройстве земельной площади *). Эта политика отвечала, к тому же, воззрениям столь влиятельных при дворе братьев Треповых и благоприятствовала служебному продвижению Кривошеина : после преобразования 5 мая 1905 г. министерства земледелия в Главное управление землеустройством и земледелием, Кривошеин был назначен товарищем главноуправляющего, т. е. товарищем министра и награжден гофмейстерским мундиром, состоя « в должности гофмейстера », соответственно « генеральскому » чину действительного статского советника, полученному им в декабре 1904 г. 34).

Для трудов совещания должны были быть использованы материалы совещания Витте и, кроме того, опрошены сами крестьяне. В конце июля 1905 г. в « Правительственном Вестнике » появилось сообщение, оповещавшее крестьян о том, что их выборные доверенные будут призваны « для обсуждения вопросов земледельческого и крестьянского быта » 35). Однако в быстром ходе событий это было уже запоздалым жестом, так и не проведенным в жизнь. Совещание, не закончив своих трудов, было закрыто осенью 1905 г. по требованию Витте. Но, как на это указал советский исследователь Дубровский, учреждение этого совещания было первым шагом к столыпинской реформе (ук. соч., стр. 88) 36).

Летом того же 1905 г., в области решений земельного вопроса всплывает имя Столыпина. Будучи в должности саратовского губернатора, Столыпин представил на Высочайшее имя отчет о положении губернии за 1904 г., в котором он с большой яркостью развивал свою точку зрения как на экономическое, так и на социально-политическое значение крестьянской единоличной собственности, и тем самым положил основание связанной с его именем реформе 37).

Некоторая фактическая неосведомленность не помешала хорошо знакомому только с подворным землевладением ковенскому помещику Столыпину четко противопоставить, политически и экономически, мужику-общиннику, которого реакционные круги считали опорой престола, крепкого единоличника-собственника, устоя существующего строя.

*) Т. е. так, чтобы в оптимальном использовании своей производительности, каждый участок земли нашел бы своего лучшего, « настоящего » хозяина. В. Вошинин, « Колонизационное дело при А.В. Кривошеине », Петроград, 1915 г. стр. 5.

«...Существует непреодолимое препятствие к обогащению и улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самостоятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не остановиться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской жизни общинного владения землей, общинного строя (...) Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается в кулака, эксплуататора своих однообщественников, — по образному выражению, — «мироеда». Вот единственный почти выход крестьянина из бедноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии и инициативе лучших сил деревни и если бы дать трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, земельный участок, вырезанный из государственной земли или из земельного фонда Крестьянского банка (...), то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли (...) Такой тип уже родился в Западных губерниях».

От этих мыслей веет, одновременно, чем-то прозорливо-гениальным и в то же время несостоятельным. С одной стороны, ясное видение глубокого преобразования всего социального строя России путем создания зажиточного, нового класса крестьян-собственников, устойчивой опоры порядка. Зато, наряду с этим, — несостоятельность способа и масштаба осуществления столыпинской идеи. Заключительная часть записки показывает, что Столыпин вполне отдавал себе отчет в неотложности и масштабах необходимых мероприятий³⁸), но предлагаемое им создание сильного класса крестьян-собственников только на казенных и банковских землях, притом в виде опыта, без того чтобы затрагивался повсеместно существующий общинный строй, привело бы к более чем скромным результатам. Придя к власти, Столыпин радикально исправил свою ошибку, а потому остается еще раз подчеркнуть коренное различие подхода к проблеме выхода из общины Столыпина и Витте. Для Витте эта проблема оставалась экономической и юридической, для Столыпина — политической и экономической.

Причину слишком робкого отношения Столыпина к общине в 1905 г. нужно искать в его провинциализме и малом

знакомстве с законодательством об общине, на которое так нападает в своих воспоминаниях Гурко 39).

Вернувшись из Портсмута в зените своего престижа, Витте столкнулся с революцией лицом к лицу. Было бы необоснованно понимать его разностороннюю, иногда противоречивую деятельность до и во время премьерства как выполнение заранее обдуманного и систематического плана, содержащего разнообразные и взаимозаменяемые решения проблем управления, согласно с тем, как их ставила сама жизнь. Затруднительные и неожиданные обстоятельства нередко приводили его в замешательство и он мог терять присутствие духа. Это особенно сказывалось при различных решениях аграрной проблемы, выдвинутых им тогда. Хотя земельный голод и был одной из глубоких причин революции, но общественное движение поставило на первое место в октябре 1905 г. проблемы политических свобод и участия общественности в управлении государством. Витте, считавший себя призванным к решению этих проблем в согласии с общественностью и пребывавший в иллюзии, что его огромный престиж позволит ему достигнуть этой цели, изложил свои взгляды в поданной 9 октября записке, составленной профес. В.Д. Кузьминым-Караваевым 40) и очень близкой по содержанию к сентябрьским постановлениям съезда земских и городских деятелей 41). Среди прочего, он коснулся и земельного вопроса. Постановления съездов высказались за частичный выкуп, — т. е. за отчуждение частновладельческой земли. Неудивительно, что Витте в своей записке 42), признавая, что аграрный вопрос «далек от практического разрешения в полном объеме», предусматривал использование для этой цели казенных земель, а также «выкуп ренты, получаемой частными собственниками в виде арендной платы за землю (...). Такая форма экспроприации (...) находит некоторое оправдание в признании увеличения площади землевладения на началах личного земледельческого труда потребностью государственной и не многим отличается от выкупа земли, например для проведения железной дороги». Ясно, что под началами «личного земледельческого труда» подразумевалась единоличная собственность. В этом у Витте скрещивались попытка удовлетворить общественные пожелания и стремление провести в жизнь уже некоторое время созревшие мысли о крестьянской единоличной собственности. Но если незадолго до того Столыпин хотел ввести единоличную собственность только на казенных и банковских землях, не касаясь общей массы общинного землевладения, то Витте ограничивал насаждение

единоличной собственности казенными, банковскими и отчуждаемыми арендными землями, не трогая находившихся в общинном землепользовании наделов. Невозможно допустить, что Витте, коснувшийся в своей записке самых разнообразных преобразований, умолчал бы о своем намерении ввести единоличную собственность и на наделных землях, если бы это входило тогда в его планы. Очевидно он не считал своевременным вводить коренное изменение земельного строя деревни в накаленной атмосфере аграрных беспорядков. Кроме того, все направление мысли в записке, ее «кадетское» вдохновение и даже авторство, приближало графа Витте, пусть на короткий срок, к той части общественности, которая абсолютно не сочувствовала ослаблению общины.

В конце октября или в начале ноября 1905 г., Витте познакомился с запиской профессора П.П. Мигулина 43), предлагавшей довольно радикальное решение аграрной проблемы путем отчуждения половины помещичьих и казенных земель в пользу «маломочных» крестьян, переселения и неделимости подворных участков для перехода их владельцев к интенсивному хозяйству. Следовательно, проект касался только наделов, находящихся в личном, беспередельном пользовании, а не общинных, которых Мигулин вовсе не предлагал касаться. Проект получил поддержку некоторых придворных кругов, в частности Д.Ф. Трепова, так как он был созвучен паническому настроению, охватившему эти круги: Мигулин предупреждал, что если реформа не будет проведена немедленно, не дожидаясь думы, то произойдет катастрофа. Однако ни Витте, ни Совет министров не пошли по этому пути: проект был отклонен на том основании, что коренная реформа земельного распорядка не может быть предпринята до созыва думы, иначе было бы умалено значение акта, определившего права последней. Зато манифестом 3 ноября 1905 г. отменялись выкупные платежи с 1 января 1907 г., а с 1 января 1906 г. они уменьшались наполовину и расширялась деятельность Крестьянского банка. Непосредственной целью этих мероприятий было достигнуть, согласно с формулой Совета министров, «успокоения крестьян», но с отменой платежей открывалась наконец возможность приравнять наделы частной собственности и, тем самым, устранялось главное препятствие к выходу из общины.

В декабре 1905 г. текучесть политической ситуации снова поставила земельный вопрос на первое место. Витте поручил тогда главноуправляющему землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлеру разработать в сотрудничестве с профессором

А.А. Кауфманом, близким к кадетам, новый земельный закон; Кауфман был по этому случаю назначен чиновником особых поручений. Ведомство землеустройства было учреждено 5 мая 1905 г. с более обширными полномочиями, чем существовавшее до того министерство земледелия и государственных имуществ: ему поручалась землеустроительная политика (до того в ведении министерства внутренних дел) и к нему было присоединено Переселенческое управление, тогда как «государственные имущества» не земледельческого характера перешли в ведение ведомства торговли и промышленности. Проект Кутлера-Кауфмана 44) предлагал, сохранив культурные хозяйства, экспроприировать, в первую очередь, все арендуемые земли, затем $1/5$, $1/3$ и $1/2$ площади имений, в зависимости от их размеров, при этом устанавливался для каждой местности минимальный размер владений, не подлежащий экспроприации. Отчуждались также земли казенные, удельные, монастырские. Объяснительная записка признавала, что это только паллиатив, а приложенная таблица показывала незначительность получаемых таким образом отрезков, а потому, отказываясь «дать полное разрешение современного аграрного вопроса», проект стремился только наделить дополнительными прирезками наиболее подверженное острому малоземелью «маломочное» крестьянство, «которое не нашло исхода из своей земельной нужды в неземледельческих заработках или в интенсификации своего хозяйства». Отчуждение должно было быть произведено за справедливое вознаграждение, исчисленное на основании арендной платы или реальной доходности. Чтобы устранить из крестьянского сознания соблазн дарового наделения, суммы, выплаченные казной владельцам, должны были быть погашены с процентами крестьянами в 55-летний срок. Владельцы получали пятипроцентные обязательства Государственного казначейства.

Принцип принудительного отчуждения оправдывался запиской как единственный путь сохранить неприкосновенной прочую часть помещичьих владений. Проект не предусматривал облегчения выхода из общины, хотя записка и перечисляла, иносказательно и туманно, «внутринадельное землеустройство», как одну из основных сторон аграрной проблемы, вместе с расширением крестьянского землевладения, упразднением чересполосицы и повышением производительности надельных земель. Иначе говоря, выходу из общины не был придан актуальный характер.

Что могло бы принести России осуществление кутлеровского проекта? Нельзя не отметить, что если столыпинская

реформа покоилась на « ставке на сильных », то проект Кутлера можно было бы назвать « ставкой на слабейших », вовсе не на крестьянской массе в полном объеме, а на самой экономически не оправдывающей себя части крестьянства; в сущности, на « бедняцкой » части деревни, но только с совсем иной целью, чем затем у советов : ради сохранения, а не ради захвата большей части помещичьих земель, — последнее было гораздо более логичным. Кроме того, в аграрных беспорядках участвовали нередко довольно зажиточные элементы, часто владевшие внеадельной землей; как и « середняки », они не преминули бы затребовать и свою часть, следуя неписанному закону, в силу которого преимущества, полученные наименее обеспеченной категорией трудящихся, должны автоматически распространяться и на более обеспеченную; их требования, поддержанные « бедняками », разочарованными своими прирезками, привели бы к новой волне беспорядков.

В России, в отличие от Латинской Америки, где латифундии составляют часто 100 % земли, всякая частичная экспроприация могла быть, из-за ее недостаточности, только первым этапом полной; о том, что даже полная экспроприация, реализованная в 1918 г., принесла ничтожные прирезки крестьянству, будет изложено, на основании трудов советских исследователей, в конце этого раздела.

Кроме того, как это признавал Витте, финансы России не позволили бы произвести выкупную операцию согласно с проектом : « Такая мера способна окончательно поколебать и без того расшатанное финансовое и экономическое положение России » 45).

Все это сводило на нет политические преимущества принятия правительством кутлеровской реформы, которое позволило бы, по мнению некоторых, сговор правительства с господствовавшей в первой думе партией народной свободы. Впрочем, если бы этот сговор все-таки осуществился, то земельная реформа, основанная на выходе из общины и образовании единоличной собственности на всей надельной земле, была бы, из-за враждебности к ней кадетов, похоронена надолго 46).

В судьбах кутлеровского проекта Витте проявил удивительные для человека его калибра колебания и отсутствие авторитета : от начала до конца дело ускользнуло из его рук и он вынужден был то покрывать своих подчиненных, то оставлять их в трудном положении, им же вызванном, то терпеть их открытое неповиновение. Это объясняется тем, что он уже потерял тогда расположение Верховной власти, что

«сферы» не были склонны поступиться своими имущественными правами, а также потому, что в сознании Витте решение земельного вопроса оставалось неясным. Об этом свидетельствуют различные, часто противоречивые, предлагаемые им решения, от отчуждения, до выхода из общины, как средства против отчуждения.

Если основываться на рассказе самого Витте о первой фазе судьбы проекта, то получается, что Кутлер, не выполнив полученных от премьера инструкций, допуская отчуждение в виде исключения, положил отчуждение в основу проекта. Витте, не просмотрев проекта, разослал его прочим министрам, и только ознакомившись с ним, убедился, что ввиду перемены настроений в высших сферах определенно проводимый в проекте принцип отчуждения стал несвоевременным. Ему пришлось экстренно затребовать обратно посланные экземпляры 47). Обсужденный, по просьбе Кутлера, на частном совещании Совета министров проект был осужден всеми министрами как нарушающий принцип неприкосновенности частной собственности, тогда как Витте осудил его, считая, что выкуп отчуждаемых земель окончательно поколеблет расшатанные финансы России. Он сказал Кутлеру, что будет защищать его проект только в том случае, если он докажет, что то, что он предлагает, не обессилит Россию. Проект был тогда передан междудементственной комиссии на пересмотр.

Это изложение первой фазы обсуждения проекта неправдоподобно в целом и весьма неточно в отдельных, но важных подробностях. Если изложение верно, то Витте сыграл пассивную роль в капитальном вопросе того времени — в вопросе земельном — и стал жертвой своего недисциплинированного и предприимчивого подчиненного; если же изложение неверно, то, следовательно, Витте не хотел признаться, после фиаско проекта, что он был его вдохновителем. Между тем, многие свидетельства сходятся на том, что Кутлер был именно типичным представителем дисциплинированной, послушной и безынициативной бюрократии, аккуратно выполняющей инструкции начальства 48).

Различные свидетельства, в частности Гурко и Коковцова, подтверждают, какова бы ни была их тенденциозность, что проект вполне отвечал инструкциям Витте 49).

Если версия Витте судьбы кутлеровского проекта вплоть до передачи его комиссии для пересмотра вызывает сомнение, то известное чувство неловкости вызывает полное умолчание им дальнейшей судьбы проекта, решающей роли Кривошеина

в его отклонении и разработанной последним аграрной программы без одобрения Витте, в ущерб авторитету главы кабинета.

Основываясь на официальных документах того времени 50), на мемуарах Витте, Коковцова и Гурко и на свидетельствах прессы, можно утверждать, что попытка решения аграрного вопроса проектом Кутлера имела следующую судьбу: рассмотрение проекта Советом министров в первых числах января 1906 г. вызвало большое разногласие, большинство высказалось против, и было решено передать проект на пересмотр междуведомственному совещанию под председательством Кутлера. Нужно отметить, что это был официальный совет министров, а не частное совещание, как это утверждал Витте, стремясь придать проекту Кутлера частный, никого не обязывающий характер. Витте представил Николаю II 10 января подробный доклад об этом заседании 51), в котором он, не высказывая своего мнения, очень объективно приводит мнения как противников проекта (частичное наделение крестьян только ободрит их к захвату всей земельной собственности), так и сторонников (предпочтительно поступиться частью земель и обеспечить себе владение остальной частью). Витте предлагал представить проект на решение Государственной думы; он добавлял, что Совет министров постановил немедленно остановиться на последствиях манифеста 3 ноября 1905 г. об упразднении выкупных платежей, не дожидаясь думы, т. е. благоприятно разрешить вопрос прав крестьян на собственность их наделов и на выход из общины, « что может внушить крестьянам здравые взгляды на чужое право собственности ». Для этого Совет министров предложил главноуправляющему землеустройством и земеледелием образовать « Особое совещание для предварительной разработки вопросов о согласовании с Высочайшим манифестом 3 ноября 1905 г. законоположений, касающихся права крестьян на наделные земли ». Это малозаметное, но историческое решение переносило наконец в область практического выполнения вопрос о выходе из общины и тотчас получило одобрительную отметку Николая II на докладе Витте, тогда как принцип проекта Кутлера был царем не одобрен. Путь к тому, что стало вскоре « столыпинской реформой », но могло бы стать « реформой Витте », был открыт. Скорому прохождению этого пути препятствовала, помимо сопротивления сторонников общины, некоторая двусмысленность позиции Витте, умалявшая его авторитет. Вдохновив проект Кутлера, основанный на экспроприации, вынужденный отказаться от проекта, как и от автора

проекта, Витте предложил проект о выходе из общины, основанный на противоположном принципе. Если вместе с Витте видеть в выходе их общины метод воспитания у крестьян уважения к чужой собственности, то принцип частичной экспроприации это уважение в их сознании вряд ли мог укрепить.

Постановление Совета министров об особом совещании при ведомстве землеустройства для разработки вопросов, связанных с выходом из общины, очевидно не было так определено, как это считал Витте, в смысле ведомственной подчиненности. Основываясь на принципе, что крестьянское законодательство находилось в компетенции Земского отдела министерства внутренних дел, Гурко, при поддержке П.Н. Дурново, в буквальном смысле захватил в свои руки разработку этого вопроса. Когда 8 января 1906 г., исполнительный, но нерасторопный Кутлер 52) запросил министра внутренних дел, где будет собрано совещание, то ему было отвечено, что оно будет собрано при ведомстве внутренних дел и что председателем его уже назначен управляющий Земским отделом Вл. И. Гурко. Очевидно, Кутлер не решился сообщить Витте эту неприятную новость и сделал это только, когда последний, обеспокоенный его молчанием, запросил его 13 января 53). Витте пришлось примириться с этим, и междуправительственное совещание смогло начать свои труды 25 января 54), с участием, в частности, А.А. Риттиха от ведомства землеустройства и А.П. Никольского от финансов, — последний был убежденным противником общины. Витте оставалось только созвать междуправительственную комиссию под председательством Кутлера для пересмотра не получившего одобрения проекта отчуждения помещичьих земель. Но и здесь Кутлера постигла неудача. «Комиссия о дополнительном наделении крестьян и мерах борьбы с крестьянским малоземельем» (куда Витте передал также и мигулинский проект) собиралась только два раза, — 18 и 19 января, — и на втором заседании комиссии помощник Кутлера Кривошеин, присоединившись к критическим замечаниям Гурко, открыто голосовал против проекта своего начальника вместе с представителями других ведомств, тогда как другие чины его ведомства, А.А. Риттих и Г.В. Глинка, не пожелали дезавуировать своего министра 55); *).

*) В «Новом Времени» появились (8, 11 и 13 января) неподписанные статьи, приписываемые Кривошеину, о необходимости развить у крестьян «живой инстинкт собственности», лучший оплот против коммунизма. При общине это невозможно. Частичное отчуждение — путь к полному отчуждению.

Этот тактический ход Кривошеина, его «шпоры политического деятеля», сразу выделили его из общей массы политически не-активных бюрократов. В его житейском «послужном списке» этот шаг был единственным, совершенно отличным от его обычной тактики: никогда не выставлять себя на первое место. Этого смелого шага он больше никогда не решился повторить. Но в 1906 г., перед растерявшейся бюрократической и придворной верхушкой, Кривошеин поставил все свое будущее на «консервативную» карту и эта карта оказалась выигрышной; каковы бы ни были карьерные мотивы занятой им позиции, — а они несомненно были, — предпринятый им шаг абсолютно отвечал его тогдашним консервативным убеждениям. Консервативным, но не охранительно-неподвижным. Выдвигая себя как представителя партии сопротивления революции — но не партии неподвижности — он тотчас представил аграрную программу, противоположную неподвижности хотя бы потому, что она затрагивала священный принцип общины. Неудивительно, если несколько лет спустя, когда сама жизнь требовала нового направления политики, он стал представлять в правительстве «партию движения».

Предпринимая свой рискованный ход, Кривошеин мог надеяться на поддержку Верховной власти: накануне (18 января), принимая делегацию крестьян Щигровского уезда Курской губернии, Николай II заявил, что земли, принадлежащие помещикам, принадлежат им по тому же неотъемлемому праву, «как и ваши земли принадлежат вам» и «созовется дума и совместно со мной она обсудит, как это дело лучше решить». Оставленный Витте, Кутлер ушел в отставку (4 февраля 1906 г.), а Кривошеин, по настоянию царя, был назначен «временно исправляющим должность главноуправляющего», несомненно при содействии Д.Ф. Трепова. Николай II попытался навязать Кривошеина Витте окончательно, а не только впредь до назначения нового главы ведомства, но это вызвало вполне понятное противодействие со стороны премьера, наконец почувствовавшего, что дело идет о сохранении собственного авторитета. Кривошеин, благодаря своим связям в окружении Николая II, мог бы вести внутри правительства политику, отличную от политики его главы, — что он не раз делал впоследствии; когда Витте 10 февраля получил от царя «не то веление, не то прошение» назначить Кривошеина главноуправляющим, то он ответил запиской о невозможности правительства, которое не было бы солидарным по взаимным друг к другу отношениям, а к Кривошеину

он не имел тех элементарных чувств, которые бы давали возможность с ним работать 56). Для вящего впечатления Витте добился поддержки всего кабинета и нельзя отнять от Витте заслуги защиты единства только что объединенного правительства, единства, которое, кстати, записка Кривошеина на Высочайшее имя от 6 августа 1905 г. считала необходимым. Замещение Кутлера затянулось до 27 февраля, когда Витте, поняв, что пока он не предложит кандидата, приемлемого Кривошеину и Трепову, пост останется незамененным и Кривошеин будет продолжать руководить ведомством, предложил А.П. Никольского, управляющего сберегательными кассами, убежденного противника общины, к тому же осудившего проект Кутлера 19 января в комиссии 57).

Если Кривошеин с упорством, доходившим до обструкции, добивался получения министерского портфеля, то, помимо честолюбия, он руководствовался своим пониманием исторического момента. Он считал, что разработанное им решение земельного вопроса позволит избежать экспроприации помещичьей земли и укрепит существующий строй, открывая крестьянству доступ к частной собственности. Не имея возможности получить желанную должность, он сумел использовать им самим вызванную задержку в замещении Кутлера, для того, чтобы представить общественному мнению свою аграрную программу, независимо от политики кабинета. Этот «бюрократ по крови», каковым его считали многие, понял значение общественного мнения, используя для этого не без рекламных целей свои связи с «Новым Временем».

Заменив Кутлера, еще до его отставки, во главе комиссии, названной тогда «комиссией для рассмотрения ближайших мер к устройству земельного быта крестьян», Кривошеин приступил к составлению проекта на новых началах, — в сущности новой политики взамен отвергнутой 58). Он смог представить 17 февраля правительству свой проект, одобренный комиссией на заседаниях 31 января, 7 и 10 февраля. В тот же день проект был опубликован «Новым Временем».

Этот «Перечень ближайших мер к устройству земельного быта крестьян» в 10 пунктах предусматривал сначала те меры, которые могли быть проведены на основании существующего законодательства, т. е. до созыва думы: облегчение покупки частновладельческих и казенных земель крестьянами при помощи банка, широкое использование казенных земель для устройства малоземельных и безземельных крестьян, полюбовное и беспопышное разверстание чересполосных угодий, разделение крупных сельских обществ, выполнение

землемерных работ за счет казны; для осуществления этих мероприятий предусматривалось учреждение местных землеустроительных комиссий на основе привлечения местных сил и широкой децентрализации; предлагалось возобновить переселенческое движение, приостановленное войной, согласовать деятельность Крестьянского банка с ведомством землеустройства — Кривошеин и Гурко настаивали на передаче банка этому ведомству, но наткнулись на непреодолимое сопротивление министерства финансов.

Кроме этих немедленно осуществимых мер предлагалось надлежащим ведомствам разработать и внести в думу ряд предположений об облегчении крестьянам перехода к хуторскому и подворному землепользованию и выдела в частную собственность отдельных домохозяев их участков наделной земли; об отграничении и обязательном по требованию одной из сторон разверстании крестьянской земли (т. е. разверстании чересполосицы); о предоставлении Крестьянскому банку права выдачи ссуд под залог наделной земли для внесения доплат к ссудам, выдаваемым этим банком на покупку вненаделной земли 59) и для уплаты вознаграждения за наделы выходящим из общества домохозяевам; о расширении переселенческого дела и поощрении вольной колонизации в отдаленных районах; наконец, о предназначении всех государственных земельных имуществ, кроме лесов, к обеспечению быта малоземельных крестьян. В то же время, предлагалось издать акт, в силу которого посягательства крестьян на частную собственность будут преследоваться решительным образом 60). Нельзя не согласиться с С.М. Дубровским, что заключения комиссии составили основу законодательства Столыпина 61).

Необходимо также остановиться на программе деятельности землеустроительных комиссий, формулированной в одобренном 24 февраля 1906 г. 62) Советом министров указе и в правительственном сообщении 4 марта 63). Комиссиям вменялось в обязанность оказание помощи Крестьянскому банку в выполнении возложенных на него манифестом 3 ноября 1905 г. заданий по облегчению покупки крестьянами земли, а также и заданий перечисленных «Перечнем»: соглашения по устранению чересполосицы, содействие в улучшении условий землевладения и пр.

В этом сравнительно скромном начинании — в обоих документах ударение было поставлено на содействие банку и комиссиям давались только посреднические, а не обязательные для обеих сторон полномочия 64) — коренится все важнейшее, все экономически бесспорное будущей столыпинской

реформы: землеустройство, как рациональное переустройство всего сельского землепользования путем упразднения чересполосицы, мелкополосицы, дальнотемелья и прочих зол, которыми оно страдало. Без упразднения этого, одни выделы в собственность не привели бы к желанной цели. Из положения о землеустройстве 4 марта 1906 г. вышел, тоже разработанный Кривошеиным закон (положение) 29 мая 1911 г., который, давая решениям землеустроительных комиссий в вопросах, связанных с чересполосицей, отграничением и т. д., обязательный для сторон характер, дал сильный толчок росту землеустроительных работ. В указе 4 марта 1906 г. содержится начаток всей деятельности ведомства до самой революции. В 1913 г. число землеустроительных комиссий возросло от 188 в 1906 г. до 463 уездных и 47 губернских.

Если же обратить должное внимание на роль, предоставленную указом этим местным коллегиальным органам, основанным на сотрудничестве с местными силами, то будет нетрудно усмотреть в этом исходную точку общегосударственной политики, вернее политической доктрины, которую потом стремился проводить Кривошеин, согласно с его известной речью 1913 г. на тему «Мы и они».

Можно только удивиться, что Гурко в своих воспоминаниях обходит молчанием заключения комиссии Кривошеина, содержавшие сущность всей реформы.

Поставив свое решение земельного вопроса перед общественностью, Кривошеин не пренебрег поставить его и перед царем. В начале работ комиссии он подал записку на Высочайшее имя (на ней отмечено рукой Николая II, 3 февраля 1906 г.: «Заслуживает полного одобрения» (...)) «Теперь же обсудить в Совете министров» 65). Записка не подписана, но все важнейшие тезисы ее настолько совпадают с заключениями комиссии, что авторство Кривошеина не подлежит сомнению. Мало того, некоторые обороты записки удивительно близки к высказанным Кривошеиным семь лет спустя мыслям о невозможности управлять из одного центра и о необходимости привлечения к этому местных общественных органов («Мы и они»). Значение, придаваемое в записке кустарным промыслам, отвечало давнишним взглядам Кривошеина (восходившим к его связям с Абрамцевым), придавшим затем им такое развитие в должности министра.

Основная мысль записки — это перенесение землеустроительного дела на места, иначе говоря, выполнение его вне бюрократического аппарата, которым, кстати, ведомство не обладало. «Для выяснения необходимых мер (...) нужно при-

близиться к жизни крестьянства, никакие центральные органы достигнуть этого не в состоянии. Дело должно быть всецело возложено на действующие на местах коллегиальные учреждения. Эти комиссии должны выяснить причины резкого упадка благосостояния данного селения и предложить меры для устранения препятствий, которые крестьянство испытывает к более плодотворному использованию (...) своей земли». Среди предлагаемых мер указывается на устранение чересполосицы, развитие мелкого кредита, покупку частновладельческих земель, переселение (...). Но существует и другая область важных решений: законодательство о порядке землепользования наделной, общинной землей. «Укрепление в сознании крестьянства понятия о неприкосновенности частной собственности здесь может быть достигнуто (...) посредством облегчения каждому члену общины выделиться из ее состава с участком наделной земли (...). Достаточно сделать крестьянина собственником, чтобы он сознал всю чудовищность экспроприации чужой собственности. Манифест 3 ноября 1905 г. о выкупных платежах облегчает это дело. В сущности, с изданием манифеста вопрос этот предрешен и правила могут быть изданы до думы». По неясным причинам, это утверждение не было принято во внимание комиссией, предложившей внести предположение о выходе из общины на рассмотрение думы. Вероятно, что большинство комиссии сочло неуместным игнорировать прерогативы будущей думы, взгляд, разделяемый тогда самим царем, как это показывает его заявление цигровским крестьянам.

В то же время — и об этом говорится в самом начале записки — предлагалось пресекать аграрные беспорядки лишением их участников права на содействие Крестьянского банка в покупке помещичьей земли, тем более что эти беспорядки не оправдывались малоземельем, так как в них участвовали нередко владельцы нескольких десятков десятин вне наделной земли. «Разумеется, этим нельзя ограничиться; отрицать крайне бедственное положение некоторой части крестьянства невозможно».

Записка сыграла важную роль в судьбе столыпинской реформы. Она дала Николаю II, долгое время привязанному к принципу общины, ясное представление о возможности иной аграрной политики, и он это понял, отсюда его неуклонная поддержка Столыпину и Кривошеину в земельном вопросе.

Эта поддержка была тогда последнему крайне необходима. Витте не только противился назначению его на место Кутлера, но и стремился урезать полномочия ведомства, оставляя за

ним одно земледелие. Мемория Совета министров от 17 февраля 66) предлагала передать все землеустроительное дело министерству внутренних дел под предлогом, что ведомство земледелия не обладало необходимыми для землеустройства органами. Однако, прочитав « особое мнение » по этому вопросу Кривошеина, апеллировавшего к нему, чтобы защитить и свою политику и свое положение, Николай II одобрил именно это особое мнение и попытка кончилась неудачей.

Одобрив, не без давления « свыше », опубликованный 4 марта указ, учреждавший землеустроительные комиссии, Совет министров постановил зато вопросы, по мнению комиссии Кривошеина подлежащие рассмотрению думы (т. е. выход из общины), не обсуждать, под предлогом, что надлежащим ведомствам уже была поручена их разработка, т. е. отдавалось предпочтение только что законченному проекту Особого совещания Гурко. Дело в том, что одновременно с Кривошеиным Гурко энергично подготовлял на созванном, несколько произвольно, под его председательством совещании согласование крестьянского законодательства с манифестом 3 ноября 1905 г. Это относилось, первым делом, к выделу наделов в частную собственность, а также распространению операций Крестьянского банка на наделные земли. Около 22 февраля проект был передан Витте, с которым Гурко его не раз обсуждал 67). Витте, который был тогда в дурных отношениях с Кривошеиным и в хороших отношениях с Гурко, отдал предпочтение проекту последнего. Для этого имелись и причины объективного характера : кривошеинский проект был правительственной программой, осуществимой, в основном, только после созыва думы, тогда как проект Гурко позволял немедленное решение вопроса. Гурко убедил Витте, крайне удачно формулировав цель проекта, как согласование действующих узаконений с манифестом 3 ноября, утверждая очевидность того, что, упраздняя выкупные платежи, манифест автоматически приравнивал общинные наделы к обычной частной собственности, а потому санкции думы не требовались. Укрепление наделов за выходящими из общины могло быть сделано на основании 12-ой статьи положения о крестьянах 1861 г., с соблюдением временных правил, разработанных комиссией. Эти правила разрешали выдел наделов, состоящих в фактическом пользовании, заменяя тем самым статьи 12 и 106 положения о выкупе, позволявшие выкупившим свой надел требовать его выдела соразмерно с долей их участия в приобретении надела; при отсутствии регистрации выкупных платежей отдельных домохозяев, вычислить это в

1906 г. было невозможно, и без замены этого принципа принципом фактического пользования, выдел надела был неосуществим 68). Кроме того, проект устанавливал, что в обществах, где не было переделов за последние 24 года, «укрепленцы» должны платить обществу за возможные «излишки», которые могли бы у них образоваться из-за сокращения их семьи. Эти временные правила — прототип указа 9 ноября.

Став тогда вполне определенно на точку зрения необходимости быстрого решения аграрного вопроса путем образования крестьянской единоличной собственности, Витте защищал перед Государственным советом (еще дореформенного состава) политические и экономические преимущества выхода из общины, могущего отвлечь крестьян от экспроприации частной собственности помещиков *). Он был тогда далек от кутлеровского проекта и от своей записки 9 октября 1905 г. Министром внутренних дел были внесены 10 марта 1906 г. на рассмотрение Государственного совета «временные правила», разработанные Гурко, и Витте защищал их на заседании соединенных департаментов законов и государственной экономии, возражая тем, которые считали, что решение принадлежит только думе. По его мнению, в думе, «крестьянской массой будут руководить всякие авантюристы, кои, обещав ей земные блага, поведут ее куда угодно. Крестьяне будут заняты одной мыслью, одним требованием — получить (...) прибавку земли и нужно еще до думы открыть им иную перспективу: независимую, отдельную, личную собственность». Однако 18 марта соединенные департаменты 23 голосами против 17 высказались «против общей ломки крестьянского быта накануне созыва думы». Они сочли невозможным устанавливать новые правила о выходе домохозяев из общины, т. е. решать крестьянский вопрос без участия самих крестьян. Среди голосовавших против, как это подтверждает Гурко, были и сочувствовавшие реформе, но не находившие уместным нарушать prerogatives думы 69).

Попытки скорого решения земельного вопроса зимой 1905-1906 гг. не удались, отчасти из-за косности правящих кругов, а отчасти оттого, что Витте, Гурко и Кривошеин действовали несогласованно; однако ничто из подготовленного не было сделано напрасно: оно легло в основу указа 9 ноября 1906 г.

*) Витте впоследствии не только отказался от этой социально-политической цели реформы, но и резко осудил ее, утверждая, что она была поставлена Столыпиным по соображениям полицейским, а не государственным (Воспоминания, т. 3, Москва, 1960 г., стр. 325).

Нужно еще добавить, что, согласно с заключениями комиссии Кривошеина, правилами 10 марта было возобновлено приостановленное войной переселенческое движение.

Убедившись в том, что вопрос о выходе из общины тогда еще не созрел, Кривошеин отказался от предложенной ему в апреле 1906 г. должности главноуправляющего в кабинете Горемыкина, в образовании которого он, по словам Гурко 70), сыграл вместе с Д.Ф. Треповым и самим Горемыкиным решающую роль. Со свойственным ему политическим чутьем он почувствовал, что брать на себя всю ответственность в земельном вопросе было рискованно, так как успех его политики не был бы обеспечен. Назначенный тогда главноуправляющим А.С. Стишинский, сохранил свою должность всего 3 месяца, а оба предшественника последнего, Кутлер и Никольский, прошли, как тени, еще скорей. Довольствуясь сохранением должности товарища главноуправляющего, Кривошеин, как бы в компенсацию, был назначен 6 мая 1906 г. членом Государственного совета.

Подготовка земельного законодательства продолжалась в неустойчивой и напряженной атмосфере весны и лета 1906 г. и изложение ее подробностей не входит в мою задачу. Кривошеин принимал участие в ней в качестве ближайшего сотрудника Стишинского, когда-то его начальника по Переселенческому управлению. До недавнего времени убежденный сторонник общины, Стишинский сильно изменил свои взгляды за последние месяцы и, продолжая желать спасти общину от разрушения, признал необходимость поощрения единоличной собственности. Но капитальную, решающую роль сыграл Гурко, на этот раз с полным успехом (он был назначен товарищем министра внутренних дел 20 марта 1906 г., еще при П.Н. Дурново). Его главная заслуга состояла в том, что, соединяя дипломатию с упорством, он сумел убедить еще неопытного Столыпина в неотложности проведения реформы и преодолеть частые колебания последнего. Возможно, что Гурко преувеличивал эти колебания и некомпетентность Столыпина в вопросе общины, но они были 71). Можно верить Гурко, что Столыпин отмалчивался, при Горемыкине, в ходе обсуждения земельного вопроса кабинетом, сознавая свою неосведомленность в общинном законодательстве; в мае 1906 г. Столыпин представил Совету министров отвергнутый Государственным советом проект Витте-Гурко, но не защитил его, когда Горемыкин воспротивился его внесению в думу, не по принципиальным соображениям, а на том основании, что дума все равно его отвергнет 72) (Горемыкин тогда уже

вполне ясно определил земельную политику правительства на заседании Думы 13 мая 1906 г.: «Должны отпасть все ограничения права собственности на наделные земли, которые были установлены для исправного погашения выкупного долга»). Наконец Гурко удалось убедить Столыпина и Горемыкина: Совет министров одобрил 5 июня и внес в думу 10 июня проект, разработанный совместно ведомствами внутренних дел и землеустройства 73), но целиком основанный на трудах Особого совещания Гурко (январь-март 1906 г.); как указано выше, связь этих трудов с трудами Особого совещания Витте 1902-1905 гг. и комиссией Гурко 1902-1905 гг. несомненна. Законопроект был полнее указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г., так как он не только открывал двери к крестьянской единоличной собственности, но и придавал более рациональный характер общине там, где она была жизненна. В полной согласованности с взглядами Витте в его «Записке» 1905 г., предлагалось выделить земельные общества, т. е. превращенные в свободные земельные союзы бывшие общины, из местного управления, оставив за ними исключительно заведование делами, относящимися к земле-владению, и вручить руководство ими выборным земельным старостам, обязанным отчетностью только перед обществом и не состоящим в подчинении местным властям. Общество (мир) становилось частно-правовым союзом, каждый член которого мог требовать выдела своей доли земли или уплаты денежной компенсации. То, что относится к единоличной собственности выделенных или сведенных к одному месту наделов вошло в указ 9 ноября, кроме автоматического перехода в собственность наделов общин, где в течение 24 лет переделов не производилось 74). Одобренное в начале 1907 г. кабинетом Столыпина преобразование общины в свободный земельный союз так и не прошло через законодательные учреждения.

С премьерством Столыпина (9 июля 1906 г.), потребовавшего увольнения Стишинского, разработка земельной реформы сосредоточивается в междудементальной комиссии при министерстве внутренних дел, учрежденной 9 августа под председательством Гурко. Колебания Столыпина, однако, прекратились не сразу. С одной стороны, принимая в первые дни после роспуска первой Думы А.И. Гучкова и Н.Н. Львова, которому он хотел поручить портфель землеустройства, Столыпин изложил свои аграрные проекты, основанные на выходе из общины 75), но затем, ища соглашения с кадетами, он склонялся, тайно от Гурко, к отчуждению помещичьих земель и земель императорской фамилии. Это явствует из сказанного

им тогда графу А.А. Бобринскому : « Вам придется расстаться с частью вашей земли, граф ! » 76).

Наконец осенью 1906 г. колебания Столыпина кончились; Гурко, передавший ему 1 октября разработанные комиссией законопроекты, убедил его не только принять безоговорочно « столыпинскую реформу », но поставить ее в основание его общегосударственной политики и проводить эту социально-политическую меру огромного масштаба со всей силой своего волевого упора.

Заседание Совета министров 10 октября 1906 г. было поворотным пунктом принятой Столыпиным земельной политики. Правда, Столыпин в ходе прений предоставил целиком Гурко защищать проект, что, вероятно, объясняется тем, что он не был уверен, что сможет достаточно компетентно защищать техническую сторону проекта 77). Сам принцип выхода из общины не оспаривался, но возражения встретило применение 87-ой статьи. Главноуправляющий землеустройством кн. Б.А. Васильчиков был сторонником свободного выхода из общины; он был убежден 78), что « она не заслуживает больше покровительства », но противился ее ликвидации без одобрения думы (применение 87-ой статьи он назвал « смертным приговором над общиной »). Как и Коковцов, он ссылался на недавние царские обещания сохранить неприкосновенность общины 79), тогда как семь других министров одобрили решение Столыпина и аргументы Гурко, как одобрил его и сам Николай II (« Согласен с мнением председателя и семи членов »). Закон был обнародован, но тогда Коковцов воспротивился указу 15 ноября 1906 г., разрешавшему Крестьянскому банку открывать ссуды под залог наделных участков. Он занял тогда позицию характерную по своему чисто формальному, бухгалтерскому подходу к вопросу, затрагивающему всю социальную структуру России. В письме Столыпину, он отказывался разрешить эти операции, не желая брать на себя ответственности, если дума в будущем не утвердит указа 9 ноября. Энергичный ответ Столыпина заставил его уступить 80).

С этого времени начинается исполнительная роль Кривошеина в проведении земельной реформы : 6 октября 1906 г. Столыпин поручает ему заведование Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками вместе с должностью товарища министра финансов, в ведении которого находились оба банка. Это назначение совпало с значительным расширением деятельности Крестьянского банка, ставшего, по преимуществу, исполнительным органом государственной земельной

политики. Деятельность банков развивалась как в области расширения крестьянского землевладения, так и укрепления действительно рентабельного частного владения, сохранение которого Кривошеин считал необходимым для экономического развития России и сохранения ее культурного облика. Зато скупка банком нерентабельных, а иногда продаваемых из страха экспроприации помещичьих земель приняла такой оборот, что на съезде Объединенного дворянства в 1909 г., когда эта продажа уже чувствительно сократилась, Гурко назвал этот процесс — самым энергичным осуществлением программы социалистов-революционеров. На 53 миллиона десятин помещичьей земли, предложено было банку между 1906 и 1909 г. 14,5 миллиона десятин, а куплено 3,4 миллиона, причем банк поддерживал довольно высокие цены, чтобы не дезорганизовать рынок и не разорять помещичий класс в целом. В 1907 г., когда банк был все время руководим Кривошеиным, было куплено 1191 имение (против 522 между 1895 и 1905 г. включительно) с общей площадью 1520 тысяч десятин (против 961 т. дес. за весь период 1895-1905 гг.) 81).

Для выполнения выпавшего на его долю задания Кривошеину пришлось преодолеть огромные затруднения. Банк совсем не был приспособлен к землеустроительной работе и не имел подготовленного для этого персонала на местах. Теперь деятельность банка должна была направляться на продажу отдельным крестьянам — а не целым обществам — разбитых на мелкие участки помещичьих имений, притом участков, могущих составить жизненные хозяйственные единицы 82). С этой целью в июле 1907 г., наряду с обыкновенными отделениями и конторами, были созданы первые особые отделения на местах, с участием представителей ведомств внутренних дел и землеустройства, которые в сотрудничестве с землеустроительными комиссиями должны были согласовать инструкции банка с местными условиями. Неудивительно, что продажа земли крестьянам была начата с большой осторожностью. Зато уже в 1907 г. сильно разрослись ссуды на покупку крестьянами земель непосредственно от частных владельцев 83).

Однако выполнение этой осторожной программы продолжало встречать затруднения в области ее финансирования со стороны Коковцова. На этот раз он столкнулся не только со Столыпиным, но и с Кривошеиным, своим же товарищем министра, энергично проводившим через его голову политику Столыпина. По словам Коковцова 84), земельный вопрос остро встал в связи с желанием расширить деятельность Крестьян-

ского банка и отвести ему более активную роль в удовлетворении крестьянской нужды в земле. «Здесь в первый же день сказывается влияние на Столыпина А.В. Кривошеина и желание передать земельный кредит министерству земледелия. Оба они настаивали на большей активности в разрешении сделок крестьян с банком». Коковцов утверждал, что сберегательные кассы не могли поглотить закладные листы, выдаваемые помещикам за проданные земли, и противился финансированию частными банками. В конце концов он был вынужден частично уступить, согласившись на выдачу помещикам именных свидетельств повышенной доходности, но не котируемых на бирже, пока улучшение денежного рынка не позволило вернуться к котируемым закладным листам.

Весной 1908 г. для Кривошеина наступил час выбора, как он наступил и для Столыпина, так как сама возможность проведения реформы ставилась под вопрос. Нужно было положить конец «несогласованности регистров» между политикой Столыпина, твердо решившегося проводить «свою» реформу без малейших колебаний, и нерешительной позицией, занятой кн. Васильчиковым; задание превосходило силы последнего, а кроме того, у него не хватало авторитета, чтобы получить необходимые кредиты от Коковцова. Весной 1908 г. стало ясно, что дело нуждается в убежденном и энергичном руководителе, что сознавал и сам Васильчиков, выразив желание уйти в отставку. Столыпин предложил должность Кривошеину 85); в архивном фонде в Ц.Г.И.А. в Ленинграде сохранилось письмо Столыпина, приглашавшее Кривошеина в правительство, и черновик ответа Кривошеина, отказывавшегося «из-за отсутствия ораторского таланта», могущего затруднить его отношения с думой. В конце концов, Кривошеин принял предложенную должность, «на недолгий срок». Очень скоро он увлекся работой и со свойственной ему энергией стал преодолевать стоявшие на его пути препятствия, благодаря исключительно удачному подбору сотрудников, неизменной поддержке Столыпина и, что необходимо признать, Николая II, не проявлявшего в этой области своих обычных колебаний (21 мая 1908 г.) 86).

Далее будут приведены фактические данные, отражающие работу Кривошеина во главе ведомства, а также разнообразные отзывы о ней. Теперь хотелось бы указать на некоторые характерные штрихи его деятельности. Успешность ее в области земледелия признавалась политическими противниками его землеустроительной деятельности, причем успешность эта достигалась несмотря на то, что бюджет ведомства,

включая землеустройство и переселение, составлял, из-за противодействия министра финансов, всего 4,77 % общегосударственных расходов, даже в 1914 г. 87). Между тем, Кривошеин был, казалось, абсолютно некомпетентным в этой области, не имея в прошлом никакого отношения к технике сельского хозяйства. Этот успех противопоставлялся плачевным результатам, достигнутым Х.С. Ермоловым, министром земледелия до 1905 г. в течение доброго десятка лет, знатока агрономии европейского масштаба, оставившего своим преемникам «захудалое царство зеленой скуки, песчано-овражистые делопроизводства, покрытые плесенью департаменты... » 88).

Нельзя также пройти мимо плодотворной работы ведомства в области кустарного промысла. Тут, сотрудничество с обществом — думой, земством, отдельными меценатами — было исключительно тесным. По словам А.П. Наумова (воспоминания, т. 2, стр. 384), «Кривошеин сумел привлечь к кустарям сердца русских законодателей (...). Благодаря этому стали насаждаться кустарные школы, устраиваться грандиозные выставки». В марте 1913 г. петербургская выставка обнаружила высокий уровень производства. Председатель жюри этой выставки, Е.П. Ковалевский, сыграл видную роль в содействии кустарному делу в думе и в земстве. Под влиянием Кривошеина, Сергей Т. Морозов создал кустарный музей в Москве.

Но если достигнутые Кривошеиным крупные успехи объясняются тем, что он преобразил работу ведомства, то и работа ведомства преобразила его. Чтобы выразить это, лучше всего дать слово Вл. И. Гурко, мнение которого тем более веско, что в первой части своих воспоминаний он отзывался о Кривошеине с подчеркнутым недоброжелательством и беспощадной строгостью. К уже приведенным критическим замечаниям можно прибавить данную им общую характеристику моего отца 89). «По-моему, наиболее характерной чертой его было желание взять от жизни все лучшее, что можно от нее взять, не стесняясь средствами. Кривошеин поставил себе эту цель в молодости и преследовал ее неуклонно». Но вот что пишет Гурко о моем отце после назначения министром: «Мне хотелось бы описать происшедшую в нем перемену (...). Когда Кривошеин достиг целей, поставленных его честолюбием, и был назначен главой важного министерства, то он коренным образом изменился (...). Это была настоящая метаморфоза (...). Застенчивость, сокрытие своих политических взглядов, все это рассеялось. Для достижения своих целей Кривошеин

по-прежнему прибегал к своей обычной тактике приобретения и расширения связей, но теперь уже не ради своих личных интересов, а для выполнения вверенного ему задания, — развития сельского хозяйства, и он повел это дело с искренним интересом и увлечением (...). Он излагал свои цели с ясностью и определенностью и в достижении их выказал глубину мысли подлинного государственного деятеля. Он проявил также дарование организатора и администратора и добился удачного подбора одаренных, дельных сотрудников, предоставляя им большую свободу действия в подробностях и сохраняя за собой только общее руководство (...). Он обладал даром отличать существенное от второстепенного. Он был требовательным начальником, но не скупился на похвалу и поощрение тем, кто выполнял его директивы с умом и усердием. Он обладал даром приобретать людское расположение» 90). А.П. Наумов, тоже отзывавшийся о Кривошеине без особой симпатии, пишет, что он обладал способностью подбирать себе талантливых, дельных сотрудников, качество, являющееся, по его словам, одним из основных условий успеха всякого государственного деятеля 91). Его описание высшего персонала ведомства, во главе которого Наумов стал в 1915 г., есть своего рода портретная галерея выдающихся, компетентных работников. Не без остроумия формулировал эту способность Кривошеина и Николай II: «А.В. Кривошеин был умелым антрепренером» 92).

Элементарная добросовестность требует упомянуть хотя бы о самых близких его сотрудниках, неразрывно связанных с успехами, достигнутыми главой ведомства во всех областях: таковыми были Гр. В. Глинка, гр. П.Н. Игнатьев, А.А. Риттих, П.П. Зубовский, Д.Н. Любимов, Н.В. Грудистов, С.Н. Чаев, среди многих других.

Руководясь исключительно критерием дельности, Кривошеин подбирал своих сотрудников из самых разнообразных кругов, зорко следя за тем, чтобы в награду за свое усердие, они занимали почетное место в российской табели о рангах, а по возможности и награждались столь ценным придворным мундиром: это было провинциальное дворянство, служилый элемент, техники-разночинцы, а также и «иностранцы» (поляки и др.). Нельзя не отметить в общей массе Давида Самуиловича Флексера, думается — единственного в анналах русской бюрократии примера некрещенного еврея, достигшего «генеральского» чина действительного статского советника и, следовательно, потомственного дворянства.

Доверяя своим подчиненным, Кривошеин стремился со-

хранить их доверие и, не подражая дурному навыку очень многих «начальств», не присваивал чужих открытий и достижений и не умалчивал об их авторах. Это относилось и к внешним сотрудникам ведомства, влагавшим свой вклад в землеустроительные работы. А.П. Наумов, будучи еще членом самарской землеустроительной комиссии, рассказывает 93) о том, как он докладывал Кривошеину о весьма удачном и новом решении щекотливого вопроса внутринадельной разверстки в одном из селений Самарской губернии. Кривошеин с неослабным интересом выслушал сообщение, назвал его «открытием Америки», попросил Наумова доложить об этом лично Государю и взялся устроить ему Высочайшую аудиенцию («Считаю, что вы лучше меня ознакомите его со всеми подробностями дела»).

1) Д.Н. Любимов, «События и люди», фонд 1947, Центральный государственный литературный архив в Ленинграде, частично появилось в эмиграции в газете «Возрождение» в Париже.

2) «Аграрный вопрос в Совете министров, 1906 г.», Сборник документов, Госуд. издательство Центархив, под редакцией Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета и В.М. Фриче, вып. 4, стр. 5., Москва, 1924 г.

3) «Последние Новости», 1 ноября 1921 г., Париж, некролог А.В. Кривошеина («...человек крупного ума и несомненных дарований — покойный сыграл печальную роль в событиях последних двадцати лет. В значительной мере А.В. Кривошеину обязана Россия нежеланием правительства Столыпина произвести аграрную реформу на базе положений М.Я. Герценштейна. Именно А.В. Кривошеин выдвинул тогда проект хуторского хозяйства...») В действительности «сорван» был им проект Кутлера а не Герценштейна, против проекта Герценштейна с успехом выступал Гурко.

4) «Последние Новости», 25 ноября 1931 г. Зато П.Н. Милюков, как явствует из его речи 1 ноября 1908 г. в думе, был хорошо осведомлен о роли Гурко как в предыстории так и в истории столыпинской реформы.

5) С.М. Дубровский, «Столыпинская земельная реформа», Академия Наук, Институт Истории, Москва, 1963 г.

6) Эта комиссия часто неточно обозначается «комиссией Плеве», хотя инициатива ее учреждения принадлежит Д.С. Сипягину и она пережила Плеве. Обыкновенно напирается на реакционное, по сравнению с Особым совещанием Витте, направление ее трудов в области сохранения сословной обособленности крестьянства и недостаточно подчеркивается ее роль в столыпинском законодательстве (например в «Из новейшей истории крестьянского вопроса», «Вестник Европы», Петербург, апрель 1909 г., стр. 99-103).

7) Гурко, «Features and Figures of the Past», Stanford 1939, стр. 131.

8) Дубровский, ук. соч., стр. 71, довольно неточно излагает историю комиссии. Он относит к Особому совещанию Витте указ 14 января 1902 г., как и манифест 26 февраля 1903 г. (стр. 79), составленный Гурко именно для этой комиссии, а также и указ 8 января 1904 г. (стр. 77) о сохранении общины, предназначенный губернским совещаниям комиссии, а не местным комитетам Особого совещания.

9) «Контрабандой, но с государственной печатью», по выражению Гурко (ук. соч., стр. 159) так как всякая принципиальная критика общины была тогда немыслима в официальном документе.

10) 18,6 % всей наделной земли в коренной Европейской России (23,3 % всех дворов).

11) «Новое Время», 25 ноября и 7 декабря 1903 г.

12) Гурко, ук. соч., стр. 217-220; «предыстория» манифеста не лишена интереса: его первоначальный текст был составлен кн. В.П. Мещерским (письма Николая II Мещерскому между 18 апреля 1902 г. и 14 января 1903 г., изданные И. Виноградовым — см. главу «Роль кн. В.П. Мещерского»). Однако в последнюю минуту царь поручил Плеве составить окончательный текст, что и было выполнено Гурко при участии Д.Н. Любимова. Текст Гурко был менее реакционным, чем текст Мещерского, противника упразднения круговой поруки, что общалось манифестом и было осуществлено 12 марта 1903 г.

Вопрос о круговой поруке — характерный пример колебаний Николая II. Здесь сталкиваются влияния Витте и Мещерского. Упразднение круговой поруки было единогласно принято 24 апреля 1902 г. Государственным советом благодаря настойчивости Витте; журнал заседания пролежал почти год без движения у царя, не решавшегося ни утвердить его, ни отвергнуть («Дневник» Половцова, «Красный Архив», т. 3, 24 апреля 1902 г. и т. 3, 30 декабря 1902 г.). Витте объяснял задержку влиянием Мещерского («Дневник» генерала Куропаткина, «Красный Архив», т. 2, стр. 31, за 16 февраля 1903 г.), что подтверждается письмом Николая II от 8 августа 1902 г., благодарившего Мещерского за его «предупреждение в вопросе о круговой поруке».

13) «Вестник Европы», май 1909 г., стр. 100-103.

14 - 15) Там же, стр. 167 и 168.

16) Ук. соч., стр. 153 и 194.

17) Все, что мой отец знал о земле по опыту, сводилось к пребыванию во время летних каникул в имении польского помещика Ячиновского, отца его одноклассника Станислава Ячиновского, впоследствии адвоката и члена первой думы от польского населения.

18) Гурко (ук. соч., стр. 194) пишет, что Кривошеин осудил общину только на одном заседании Совета министров в 1907 г., в котором он участвовал в качестве управляющего поземельными банками. Земельные проекты Кривошеина в феврале 1906 г. и его назначение Столыпиным во главе Крестьянского банка в октябре 1906 г. опровергают это утверждение.

19) Гурко, стр. 194.

20) П.А. Зайончковский, «Российское самодержавие в конце XIX века», Москва, 1970 г., стр. 202-203. Витте боялся, что выходы из общины подорвут ее платежеспособность в области выкупных платежей, — выходили зажиточные. Но его благожелательное отношение к общине покоилось также на славянофильских основах его мировоззрения (М.Н. Энден — «Граф С.Ю. Витте», «Возрождение», Париж, январь 1971 г., № 228, стр. 85).

21) Доклад о государственной росписи 1899 г. («Воспоминания», т. 2, стр. 497, Москва, 1955 г.).

22) Согласно со сводкой А.А. Риттиха, будущего министра земледелия, приведенной С.С. Ольденбургом в его труде «Царствование императора Николая II», Белград, 1939 г., т. 1. стр. 184, из 482 уездных комитетов, 113 высказались за упразднение общины, 32 за ее сохранение, 11 уклонились от ответа, из 49 губернских 12 высказались за ее упразднение, 10 за ее сохранение и 6 воздержались; следовательно, две трети уездных комитетов не заинтересовались этим вопросом и менее четверти высказались определенно против общины; тем не менее, противники общины составляли большинство высказавшихся.

23) Издательство «Общественная Польза», почти целиком воспроизведена у Б.Б. Глинского, «Гр. С.Ю. Витте», «Исторический Вестник», август 1915 г., стр. 542-553.

24) «Вестник Европы», «Из новейшей истории крестьянского вопроса», апрель 1909 г., стр. 629.

25) Глинский, ук. соч., стр. 554.

26) Гурко, ук. соч., стр. 334.

27) «Вестник Европы», ук. очерк, стр. 625.

28) Гурко, стр. 334. Гурко видел уже тогда в крепком крестьянстве новый класс помещиков, призванный усилить старый (речь Милюкова в Думе, 1 ноября 1908 г.).

29) Газета «Возрождение», Париж, 3 марта 1936 г. Тхоржевский утверждает, что А.А. Риттих, исполнитель столыпинской реформы во главе департамента землеустройства, тоже вышел из «виттевского совещания».

30) Гурко, стр. 337-338; того же мнения был и А.А. Половцов («Дневник», «Красный Архив», т. 4, стр. 69, 28 сентября 1905 г.).

31) Ук. соч., стр. 337-338.

32) «Воспоминания», т. 1, стр. 440, 443 и 538 («Горемыкин, Кривошеин и Трепов взорвали совещание, представив его как революционный клуб»).

33) «Новое Время», 2 апреля 1905 г. Гурко и Витте называют Кривошеина как одного из вдохновителей упразднения Особого совещания Витте и учреждения Особого совещания Горемыкина, деятельным членом которого он стал. «Новое Время» (2 апр.) в котором Кривошеин имел друзей, утверждает, что вопрос этот был обсужден 19 января, когда через министерство внутренних дел была подана (очевидно царю) записка «одного из административных лиц», практически знакомого с положением крестьянства. Эта характеристика хорошо применима к Кривошеину-чиновнику не министерского ранга, знакомому с крестьянским вопросом по службе в министерстве внутренних дел. О его роли в этом маленьком «перевороте» упомянули Витте и Гурко, причем по свидетельству Гурко (стр. 335-336) из «кружка» братьев Треповых-Кривошеина исходили подаваемые на Высочайшее имя записки на различные темы, и это применимо к записке 19 января 1905 г. Д.Ф. Трепов был назначен петербургским генерал-губернатором 11 января 1905 г., но до того Кривошеин был в сношениях с его братом Вл. Ф.

Витте (как и Гурко) до крайности запутывает историю нового совещания, утверждая вопреки истине, что целью совещания было «проводить (...) идею общинного землевладения» (т. 2, стр. 392). Что касается до «упрочения земельного строя крестьян», о котором говорится в рескрипте 30 марта, то это было одним из трафаретных заверений сохранения общинного строя в целом, необходимых для разработки законодательства позволявшего выход из него.

34) Едва ли нужно напоминать, что Мещерский, пребывавший тогда в немилости, не имел никакого отношения к этому назначению, как и к назначению Кривошеина «исправляющим должность главноуправляющего» в феврале 1906 г.

35) «Вестник Европы», май 1909 г., стр. 99 и след.

36) Приблизительно того же мнения был Preyer, «Die Russische Agrarreform», Iena, 1914, стр. 151.

37) «Красный Архив», т. 17, стр. 81-82.

38) «Переживаемые ныне бурные события в деревне, являющиеся грозным предостережением, заставляют меня доложить (...) как страстно ждет земледельческий класс осязательных результатов предначертаний Ваших»... Он также говорит о сословной ненависти, царящей в деревне.

39) Гурко, ук. соч., стр. 461. Но нельзя преувеличивать эту «некомпетентность». Столыпин был тогда мало осведомлен об общине, чувствуя некоторую неуверенность в решении этого вопроса в плане юридического, но основная мысль его будущей реформы — сведение крестьянского землевладения на отруб и хутора — применялась им на практике

уже несколько лет, в условиях подворного строя в Ковенской губернии. По свидетельству А.Ф. Гирса, уездного понежежского предводителя дворянства, в 1901 г. Столыпин, будучи тогда губернским предводителем, приводил в порядок тамошнюю земельную неурядицу. «У нас нет закона, облегчающего переход на отрубное хозяйство, но мне, — говорил Столыпин, — удалось склонить крестьян многих селений (...) к разверстанию чересполосицы и некоторые уже живут на хуторах, как соседние курляндские фермеры» (газета «Возрождение», Париж, 5 сентября 1936 г. «Памяти Столыпина»).

40) Е.Д. Черменский — «Буржуазия и царизм в первой русской революции», Москва, 1970, стр. 140.

41) Там же, стр. 119.

42) «Красный Архив», «Из архива С.Ю. Витте», т. 11/12, 1925 г., стр. 58.

43) «Вестник Европы», май 1909 г., стр. 106-107; М.Н. Энден — «Граф С.Ю. Витте», «Возрождение», Париж, январь 1971 г., стр. 96.

44) Полный текст проекта Кутлера и объяснительная записка к нему опубликованы в брошюре «Аграрный вопрос в Совете министров...» (см. прим. 2), стр. 27-28 и 42-51. О проекте: М.Н. Энден, ук. соч., стр. 96.

45) Витте, ук. соч., т. 3, стр. 201.

46) Достаточно вникнуть в заявления таких кадетских лидеров как А.И. Шингарев, Фед. Из. Родичев и П.Н. Милоков, сделанные в 1908 и 1910 г., при обсуждении столыпинской реформы в палатах, чтобы убедиться в принципиальной враждебности их к ослаблению принудительной общины.

Советские историки, например Дубровский (ук. соч., стр. 148-151), пытаются, по доктринальным соображениям, доказать, что оппозиция кадетов была чисто тактической, направленной против методов проведения в жизнь реформы, но все изложение фактов тем же Дубровским доказывает обратное. Так, он приводит брошюру А.И. Чупрова «По поводу указа 9 ноября», доказывавшую преимущества общинного владения над личным, речь Шингарева в думе в 1908 г., призывавшую «оставить общину в покое, оставить этот исторический процесс идти, как он идет», выступление М.М. Ковалевского *) в Государственном совете во время обсуждения земельного проекта, указывавшего на риск пролетаризации деревни в случае исчезновения общины. Но наиболее ярко обрисовывает отношение кадетов к общине внесенный ими законопроект в 3-ью думу. Выдел с земель допускался только с разрешения общества, которое могло заменить выдел денежной выплатой. Общество могло даже не отвечать на просьбу в течение трех лет. В сущности, эта программа была близка правительственным актам 90-ых годов, прикрепившим крестьян к общине, но тогда существовало препятствие к выходу из общины в виде выкупных платежей.

В общем, на рубеже 19 и 20 веков, умеренно-либеральные, близкие к земству круги сочувствовали облегчению выхода из общины и переходу к подворному владению, поскольку это отвечало либерализации крестьянского состояния, наряду с такими мерами как распространение на него общегражданского права. Этим объясняется позиция земской группы в Комиссии по вопросу об упадке центра, работавшей под председательством В.Н. Коковцова в 1901-1903 гг. Однако, осенью 1905 г., либеральная общественность, ставшая вскоре партией народной свободы, потеряла не только интерес, но и сочувствие к выходу из общины, видя решение аграрного вопроса исключительно в частичном отчуждении помещичьих земель.

*) Ковалевский не был кадетом, но входил в «академическую группу» верхней палаты, очень близкую по направлению к партии к. д.

47) Витте, «Воспоминания», т. 3, стр. 199-201.

48) Гурко, ук. соч., стр. 325, «Кутлер мог с легкостью принимать окраску учреждения в котором он служил (...) и был вполне способен приобрести типичную ведомственную лояльность. Я считаю, что это было самой главной чертой его характера. Он был добросовестным работником и верным исполнителем мыслей и инструкций других людей, но у него не было собственных убеждений (...) Когда ему приказали составить проект частичного отчуждения частных владений, он приложил весь свой талант к этому новому заданию. Вследствие неудачи этого проекта и коварства Витте, приписавшего ему инициативу составления проекта, Кутлер был вынужден оставить государственную службу».

49) Коковцов, «Из моего прошлого», Париж, 1933 г., т. 1, стр. 129-130., передает, как после того как Вильгельм II выразил ему свое удивление по поводу «чистейшего марксизма», содержащегося в русских аграрных проектах, он справился у Витте и получил такой ответ: «Император совершенно прав, что такой проект существовал, но только в голове милейшего с вами друга Кутлера, но как только он мне его представил, я тотчас же уничтожил его и просил об этой безобразной мысли и не заикаться, так как нужно быть сумасшедшим, чтобы самому начать рубить сук, на котором сидишь». В январе 1906 г. Коковцов встретил Кутлера и спросил его, как мог он решиться на составление проекта о принудительном отчуждении. Нисколько не уклоняясь от ответа, Кутлер сказал ему: «Мне приказал С.Ю. Витте, и я должен был повиноваться (...), а вот когда дело провалилось, то все отпихивают от себя ответственность и говорят, что выдумал его Кутлер; мне ничего не оставалось, как просить гр. Витте уволить меня».

50) «Аграрный вопрос в Совете министров, 1906 г.».

51) Там же, стр. 77-80.

52) Там же, «Отношение» Кутлера от 8 января.

53) Там же.

54) «Новое Время», 12 и 25 января 1906 г.

55) «Новое Время», 15 и 21 января, а также 4 февраля 1906 г.

56) Витте, «Воспоминания», т. 3, стр. 204-205: «Не могу допустить в министерство в котором я председатель, лиц, делающих себе карьеру не прямым путем». Также стр. 210. О записке Кривошеина см. главу «Объединенное правительство» настоящего труда.

57) Накануне назначения Никольского Кривошеин был принят в Царском Селе — необычное царское внимание к временному возглавителю ведомства.

58) «Новое Время», 7 февраля 1906 г. «После крушения проекта г. Кутлера Главное управление приступило к составлению нового проекта, на основах, не имеющих ничего общего с принудительным отчуждением частновладельческих земель. Непосредственное руководство этой работой принял на себя А.В. Кривошеин». Гурко участвовал в этой комиссии, как представитель министерства внутренних дел, руководя в то же время Особым совещанием при этом министерстве для разработки мер, облегчающих выход из общины после упразднения выкупных платежей. Часто смешиваются эти два органа.

59) Для покупки внеадельной земли банк выдавал ссуды ниже стоимости приобретаемого участка; выдача ссуд под залог надельного участка позволила бы довести размер ссуды до 100 % стоимости. Указом 15 ноября 1906 г. банку было предоставлено право выдавать ссуды под залог надельной земли.

60) Проект манифеста об отказе кредита банка на покупку земли участникам беспорядков Высочайшего одобрения не получил («Аграрный вопрос в Совете министров...»).

61) «Аграрный вопрос в Совете министров...», стр. 5.

62) «Новое Время», 26 февраля 1906 г.

63) «Новое Время», 8 марта 1906 г.

64) С скромный масштаб начинания был придан ему против воли Кривошеина: правительственное сообщение появилось уже когда полномочия последнего по управлению ведомством кончились. Однако, с возглавления Кривошеиным ведомства в 1908 г. основным заданием комиссий стала именно работа в области землеустройства.

Комиссии состояли из предводителя дворянства, председателя земской управы, представителя ведомства, члена окружного суда, трех выборных от крестьян и представителя данной общины.

65) «Аграрный вопрос в Совете министров...»

66) Там же.

67) Гурко, стр. 453.

68) «Новое Время», 5 января 1906 г., статья Р. Пестржицкого, сотрудника Гурко по Земскому отделу.

69) «Дневник» Половцова, «Красный Архив», 1923 г., т. 4, стр. 96; Дубровский, ук. соч. стр. 101; М.Н. Энден, ук. очерк, стр. 94-95; Гурко, ук. соч., стр. 451.

70) Гурко, стр. 456; Гурко ошибается, утверждая, что Кривошеин предпочел в апреле 1906 г. должность заведующего обоими поземельными банками министерскому посту: эту должность он получил только в октябре 1906 г.

71) Гурко, стр. 461, 463 и 474.

72) Там же, стр. 474-475.

73) Проект воспроизведен «Новым Временем» 11, 14, 15, 16 и 17 июня 1906 г. Правительственное сообщение 20 июня, несомненно руки Гурко, излагало политику власти, направленную к созданию класса крестьян-собственников, и доказывало, на основании цифр, несостоятельность экспроприации.

74) Указ 9 ноября не сохранил эту статью, а в окончательной редакции закона 14 июня 1910 г. автоматический переход беспредельных общин на единоличную собственность был предвиден для общин, где переделов не производилось с 1861 г., эта мера коснулась 3,5 миллионов дворов, т. е. около трети общинников.

75) Воспоминания А.И. Гучкова, «Последние Новости», Париж, 16 авг. 1936 г.; там хронологическая невязка: свидание переносится на лето 1907 г.

76) Гурко, стр. 496.

77) О заседании 10 октября говорится у Гурко, стр. 500-501, но в особенности у Дубровского, ук. соч. стр. 122-123 и 126.

78) Его последующее «отношение» Совету министров от 19 октября 1906 г. (Дубровский, стр. 122-123).

79) В особенности на манифест 26 февраля 1903 г.

80) Дубровский, ук. соч., стр. 126. В своих воспоминаниях («Из моего прошлого», Париж, 1933 г., т. 1 стр. 226) Коковцов глухо передает этот эпизод. Согласно с указом 9 ноября 1906 г., свободное право выхода из общины сопровождалось укреплением надела в личную собственность по фактическому пользованию в момент выхода; там, где переделов за предыдущие 24 года не производилось, за «излишки» выплачивалось обществу по выкупной цене, крайне выгодной для укрепляющихся («излишки» получались при сокращении численности мужской части семьи). Всякий домохозяин, за которым укреплены участки, имеет право, по статье 12, во всякое время требовать выдела, взамен его участков, соответственного участка, по возможности к одному месту; по ст. 13, когда требование выдела к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел же оказывается неудобным или невозможным, обществу предлагается удовлетворить желающего деньгами. Ввиду того, что срок выплаты не указывался, выдел к одному месту отдельных членов оставался проблематическим. По закону 14 июня 1910 г., выдел отдельных членов к одному месту становился

обязательным, когда за это высказывалась одна пятая членов общества. При общих переделах, по ст. 14, выдел к одному месту участков хозяев выразивших это желание, был обязателен, без права для обществ заменять выдел деньгами. Переход целыми общинными селениями к владению по отрубным участкам совершается по приговору двух третей членов во всякое время. Устанавливался принцип личной, а не семейной собственности.

81) Дубровский, ук. соч., стр. 319-325.

82) Preyer, «Die Russische Agrarreform», Iena, 1914, стр. 309-311.

83) Одно время стало объектом критики территориальное распределение покупок помещичьих земель: покупались для продажи крестьянам имения в восточных районах, где, в отличие от западных районов, спрос на землю был невелик, что задерживало ликвидацию земельного фонда банка. Однако такая политика была основана на заселении восточных областей выходцами из перенаселенных западных губерний.

84) Ук. соч., т. 1, стр. 226.

85) Столыпин знал Кривошеина давно; мать Кривошеина, Юлия Ивановна, рожденная Яшинская († 1908 г.) и сестра, Ольга Васильевна, впоследствии Морозова († в 1953 г. в Париже), проживали в Гродне, когда Столыпин был там губернатором.

86) «Мая 21. Двора Нашего в должности гофмейстера, члену Государственного Совета, Товарищу министра финансов, заведывающему Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками, действительному статскому советнику Кривошеину — Всемилоостивейше повелеваем быть Главноуправляющим Землеустройством и Земледелием, с оставлением членом Государственного Совета и в должности гофмейстера» («Правительственный Вестник», суббота 24 мая 1908 г.).

87) Например И.П. Демидовым, известным кадетским деятелем («Последние Новости», Париж, ноябрь 1921 г., № 489).

88) И.И. Тхоржевский, «Былое и люди», газета «Возрождение», Париж, 30 ноября 1932 г.

89) Гурко, стр. 192.

90) Гурко дает эту характеристику в двух местах своих воспоминаний — стр. 195-197 и стр. 517, причем второй раз иногда буквально повторяет сказанное раньше. Здесь эти два отрывка слиты в один.

91) «Из уцелевших воспоминаний», Н. Йорк, 1955 г., т. 2, стр. 143.

92) Там же, стр. 493.

93) Там же, стр. 142-143.

ЧАСТЬ II

ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Столыпинская реформа преследовала двойную цель: создание класса крестьян-собственников (цель социально-политическую и психологическую) и коренную перестройку сельскохозяйственной территории, иначе говоря, землеустройство, причем, если вторая цель имела самостоятельное значение, то первая получала реальное значение только при достижении второй. Слишком часто в изложении хода реформы первая цель, т. е. укрепление наделов в собственность, отделяется от второй, больше того — в укреплении усматривается всё содержание и значение реформы, статистики часто ограничиваются цифрами, к укреплению наделов относящимися. Между тем, если бы реформа свелась к простому юридическому выделению отдельных домохозяев путем укрепления за ними наделов, то она не только не создала бы крепкого класса собственников, но, укрепляя вместе с наделом и «аршинную» чересполосицу, переделами иногда ослабляемую, привела бы к экономически отрицательным результатам. По замыслу реформы, по замыслу автора указа 9 ноября Гурко, укрепление оправдывалось только землеустройством. Поэтому нужно поставить на первое место не число укреплений, а число и площадь землеустроенных хозяйств. К землеустроительному процессу, в частности к образованию состоящих в единоличной собственности хуторских и отрубных, в хозяйственном отношении самостоятельных земельных единиц, укрепительный процесс имел весьма слабое отношение: из общего числа укрепившихся «на полосах» (т. е. с сохранением чересполосицы) двух миллионов домохозяев, только 200.000, т. е. менее 10 процентов, выделилось на хутора и отруба, а около миллиона продало свои укрепленные участки, тогда как землеустроительным путем, без предварительного укрепления, было образовано на надельной и банковской

земле более 1,3 миллиона хуторов и отрубов 94). Указ 9 ноября имел значение огромного психологического шока, вызвавшего процесс преобразования земельного строя из общинного в единоличный, но полноту реального значения он получал только, когда позволял целым селениям, без предварительного укрепления наделов, переходить на хуторское и отрубное хозяйство путем разверстания их угодий *). С тех пор как проведенный по инициативе Кривошеина закон 29 мая 1911 г., дополнявший указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г., предоставил и отдельным домохозяевам право выдела на хутора и отруба без предварительного укрепления надела, укрепительный процес потерял уже всякий интерес и не лишен был отрицательных последствий. Усматривать в статистических показателях укрепительного процесса конкретное выражение результатов реформы, как это делается почти повсеместно, уже потому ошибочно, что за последние годы перед войной правительство перестало поощрять укрепительный процесс. Можно сказать, что те, кто после 1911 г. укрепляли без землеустройства, делали это по побуждениям далеким от проявления собственнического инстинкта: желание удержать земельные излишки, которые из-за уменьшения численности семьи были бы от них отняты при следующем переделе; продажа, главным образом ради переселения или из-за бедности, не позволяющей вести хозяйство. В этом отношении указ 9 ноября имел большое положительное значение, «раскрепостив» от земли деревенский пролетариат и полупролетариат и позволив ему искать работу в городах, в период промышленного подъема. Неудивительно, что с исчерпанием этих элементов, а также и тех, которые продавали укрепленные наделы, чтобы купить лучшие вненадельные земли при помощи банка, количество укреплений падало каждый год. Это дало повод ошибочно утверждать, что осуществление реформы приняло неудовлетворительный оборот. В действительности, с 1911 г. центр тяжести реформы переносится на землеустройство.

Нужно еще отметить, что кривошеинское землеустройство, понятое как упорядочение земли, затрагивало не только укрепляемые в собственность земли, но и остающиеся в общине, там, где последняя была жизненна, а также и подворные, вовлекая в землеустроительный процесс все русское крестьянство. Разумеется и общинное землепользование было бы

*) См. примечание 80; напомним, что «укрепление» было выделом надела в собственность с выдачей соответствующих крепостных актов.

постепенно вовлечено в процесс образования личной собственности в силу очевидной экономической выгоды отрубного хозяйства.

Как известно, земельная реформа проводилась одновременно ведомством внутренних дел и ведомством землеустройства; первому подлежало рассмотрение ходатайств об укреплении наделов в собственность местным административным аппаратом, от земских начальником до губернаторов, при участии членов губернских присутствий и учрежденных при них особых совещаний. Ведомству землеустройства подлежала вся собственно землеустроительная часть, работа на местах проводилась местными землеустроительными комиссиями, которые, по мысли Кривошеина, состояли из представителей администрации и представителей местных сил. Такое крупное начинание, как земельная реформа в ее целом, было осуществимо только при единоначалии, а потому, при абсолютном доверии Столыпина к Кривошеину, последнему была предоставлена полная свобода действий, а затем, особое положение Кривошеина в кабинете только закрепило за ним фактическое руководство делом 95).

Решающую роль землеустройства в земельной реформе отлично понимал сам Столыпин, неоднократно напоминая об этом чинам ведомства внутренних дел на местах и призывая их сотрудничать с ведомством землеустройства. В частности, открывая в начале января 1909 г. съезд членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий 96), Столыпин напомнил, что им «надлежит проникнуться убеждением, что укрепление участков лишь половина дела, даже лишь начало дела, и что не для укрепления чересполосицы был создан закон 9 ноября. Вам придется теперь обеспечить успех второй стадии: отвод участков к одним местам, внутринадельное устройство крестьян. В этом деле вам придется работать рука об руку с ведомством землеустройства (...). Вот почему я приношу глубокую благодарность его высокопревосходительству главному управляющему, пошедшему навстречу совместно-му обсуждению назревших в области землеустройства проблем».

Несмотря на поощрения, даваемые указом 9 ноября, разверстка чересполосных участков и сведение их к одному месту, выдел на хутора и отруба, столкнулись вначале с огромными трудностями, отчасти связанными с трехпольем; кроме того, большое количество домохозяев ограничилось захватом на выгодных условиях надела и не приступало к разверстанию чересполосных участков 97). Тем не менее,

землеустроительное движение, хотя и не повсеместно, сдвинулось постепенно с мертвой точки и все ускоряющимся темпом стало обгонять и заменять собой простое укрепление наделов. Хотя оно стало чувствительно разрастаться на третий год проведения реформы (1909 г.), но решительный толчок был дан законом 29 мая 1911 г., разработанным ведомством землеустройства на основании практического опыта почти пяти лет применения реформы. Этот закон значительно расширил полномочия землеустроительных комиссий, ставших из посреднических своего рода судебными органами, решения которых были обязательными в вопросах разверстания чересполосицы, отграничения смежных владений и пр., там, где не было добровольного согласия всех сторон; кроме того, для проведения землеустроительных работ больше не требовалось предварительного укрепления земли в личную собственность в случае отдельного выдела, и землеустроительные комиссии могли выдавать на отведенные ими земли документы, имеющие значение крепостных актов. Их полномочия простирались теперь не только на наделные, но и на купленные крестьянами вненаделные земли. «С изданием нового закона», — заявил Кривошеин в Государственном совете 31 марта 1911 г., — «масштаб землеустроительных работ еще повысится; кроме наделных земель в круг работ войдут свыше 30 миллионов десятин, прикупленных крестьянами, и все мелкое, некрестьянское землевладение, а в отдельных случаях и части смежных частных владений».

«С изданием закона явится возможность лечить затяжные, а иногда и прямо опасные недуги, врачевать ту область, где добровольное соглашение недостижимо и где земельная неурядица дает себя чувствовать особенно больно. Издание положения о землеустройстве особенно своевременно, так как особенно важно не упустить того периода, когда еще имеются налицо все данные для осуществления наиболее решительно и наиболее целесообразно землеустройства. История аграрных законов повторяется. По этому пути прошли все страны Запада, и до сих пор нигде не возникло сожаления о принятых в этом направлении мерах. Наоборот, немецкое, например, хозяйство именно благодаря этим мерам, в течение полувека двинулось дальше вперед, чем за всё предыдущее тысячелетие» 98).

Кроме того, 3-ья статья положения (закона) ставила крест над неприкосновенностью наделного земельного фонда и выбрасывала на рынок для свободной продажи те земли, которые еще закон 14 июня 1910 г. признавал необходимым со-

хранить исключительно в руках крестьян, а именно отрубные владения, составленные из выделенной из общины наделной и из ненаделной, т. е. прикупной земли. Иначе говоря, достаточно было крестьянину прикупить хотя бы десятину к своему сведенному к одному месту наделу, чтобы этот надел стал обычной частной собственностью, для которой открывались возможности частного поземельного кредита. Считалось, что один факт сведения своего надела к одному месту и прикупки вненаделной земли указывал на кредитоспособность владельца нового участка. Часто упускается из виду, что реформа в своей первой версии (акты 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г.) не признавала за выделенными в единоличную собственность наделами основного свойства всякой частной собственности: права быть проданными кому угодно. Выделенные наделы сохраняли свою сословную замкнутость, т. е. могли быть проданы только членам сельских обществ 99). Цены на наделную землю были ниже цен на вненаделную. Первая версия нового закона сохраняла целиком это ограничение, и только по настоянию Кривошеина оно было упразднено в окончательном тексте для смешанных наделных и вненаделных участков, несмотря на оппозицию справа и слева. Приравнение этих смешанных владений к частной собственности подымало их цену — покупщиком мог быть теперь не только местный кулак без конкурентов — и было непереносимым условием всякого частного кредита; только с упразднением невзыскаемости надела за долги мог развиваться частный кредит на мелиорацию, без которого повышение земледельческой техники оставалось недостижимым. Круг деятельности Крестьянского банка ограничивался облегчением покупки земли.

Значение инициативы Кривошеина станет понятным если вспомнить, что для многих она была недопустимым нарушением священного принципа неприкосновенности наделного земельного фонда, не оспариваемого ни Витте, ни Столыпиным. Немного позже, проникательный ум Витте понял анахронизм этого пережитка в быстром развитии товарности сельского хозяйства и во время обсуждения земельного закона Государственным советом в марте 1910 г. он защищал полное приравнение всей наделной земли к обычной частной собственности. Инициатива Кривошеина не шла так далеко хотя бы потому, что это полное приравнение не имело никакого шанса быть принятым, но она касалась наиболее развитой части крестьянства, которая прикупала вненадельные земли и сводила свои наделы и прикупные земли к хуторам и отрубам.

Принятие законопроекта совпало со съездом по земле-

устроительным делам, который одобрил 20 мая 1911 г. новый наказ землеустроительным комиссиям, основанный на новом законе. Если новый закон и превращал комиссии в арбитров неразрешенных споров, то Кривошеин напомнил съезду необходимость ограждать добровольное согласие всего населения на землеустройство, « которое должно красной нитью проходить через всю деятельность землеустроительных учреждений (...) Было бы совершенно ненормальным проводить те меры, которым не сочувствуют владельцы земли. Какие бы полномочия ему ни давал закон, именно только то землеустройство имеет цену, польза которого признается и одобряется всем заинтересованным населением » 100). Закрывая съезд, Кривошеин сказал, что « сознавая, что лучшие правила могут быть выработаны при участии местных сил, непосредственных участников съезда, он внес свои предположения на рассмотрение последнего. Все предстоящие работы будут предприниматься в тесном единении с местными деятелями, голос и совет которых будет выслушиваться с особым вниманием. Все работники по землеустройству не должны забывать, что на их долю выпадает громадная работа и счастье положить основание поземельному переустройству сельской России » 101).

Издание закона и нового землеустроительного наказа придало новую ориентацию проведению земельной реформы. Вместо формального укрепления наделов, предпочтение отдается целому ряду землеустроительных операций, выгодных как становящимся собственниками (« участковым хозяйствам »), так и остающимся при общинном строе селениям (« групповые хозяйства »). Из этого последовало сильное уменьшение ходатайств о простом укреплении на основании актов 1906 и 1910 гг. и, напротив, бурное нарастание заявлений о землеустройстве в рамках закона 1911 г., из которых половина приходилась на образование отрубных и хуторских участков. Это отвечало интересам крестьян, получавших в собственность уже землеустроенные участки и поощрялось правительством. Так, циркуляром министра внутренних дел от 11 марта 1914 г., № 11 ¹⁰²⁾ разъяснялось, что с введением в действие закона 29 мая 1911 г. « укрепление и удостоверение ¹⁰³⁾ надельной земли (...) , как необходимое условие для дальнейшего устройства этих земель, уже утратило самостоятельное значение, так как закон 29 мая не делает различия между землей укрепленной и общинной, распространяя землеустроительные действия одинаково как на ту, так и на другую ». Местным властям, в интересах землеустройства, предлагалось избегать « какого-либо искусственного поощрения крестьян к предъ-

явлению излишних ходатайств об укреплении и удостоверении» *). Эта процедура предоставлялась только крестьянам, не хотевшим воспользоваться землеустройством 104), тем более что акты землеустроительных комиссий «имели ту же силу и значение крепостных документов, что и документы, выданные в порядке закона 14 июня 1910 г.» 105).

Здесь представляется уместным привести основные цифровые данные, отражающие проведение реформы в жизнь. Однако ввиду того, что почти исчерпывающие статистические данные были приведены уже С.М. Дубровским в его капитальном труде «Столыпинская земельная реформа», Академия Наук, Москва, 1963 г., на основании первоисточников (Статистический ежегодник России за 1915 г., Петроград, 1916 г., Отчеты о деятельности землеустроительных комиссий, Результаты переписи 1916 г.) здесь будут приведены только самые характерные цифры.

УКРЕПЛЕНИЕ НАДЕЛОВ В СОБСТВЕННОСТЬ

(по 40 губерниям Европейской России с общинным строем)
к 1 января 1916 г. (106)

Подано ходатайств о выходе из общины	Закончено укрепление (число дворов)	Окончательно ук- репленная пло- щадь (в десятинах)
2.755.663	2.008.432	14.123.000
Затребовано удостоверительных актов на наделы беспередельных общин	Выдано удосто- верительных актов	Удостоверенная площадь
618.000	469.792	1.796.000
<hr/> 3.373.663	<hr/> 2.478.224 (а)	<hr/> 15.919.000

*) Этот капитальный по своему значению административный акт не получил до сих пор должного освещения. Он показывает, что вскоре после применения закона 29 мая 1911 г., правительство перестало поощрять то, что по общепринятому мнению составляло самую суть столыпинской реформы — укрепление наделов в собственность, если оно не было результатом землеустроительных операций. Создание крепкого крестьянина, опоры государственности, оставалось конечной целью этой реформы, но не путем формального укрепления, а путем экономического преобразования надельной земли. Реформа была одновременно политической и экономической.

Обыкновенно этой (а) цифрой выражают результаты реформы; цифры, относящиеся к землеустроительным работам, выражают эти результаты гораздо более правильно, тем более что 914.000 укрепившихся продали свои наделы.

В итоге это составляет, по 40 губерниям Европейской России с общинным строем, 26 % дворов, для которых оформление в собственность было закончено, 36 % с учетом незавершенных ходатайств; окончательно было выделено из общины только путем укрепления и удостоверения 15,8 % общинной земли.

Стремление к землеустройству, т. е. к упорядочению всей крестьянской земли, как общинной, так и подворной, приняло столь стихийный характер, что завершение работ, гораздо более сложных, чем простое укрепление наделов в собственность, вначале сильно задержалось, но отставание стало затем быстро сокращаться. Несмотря на ограниченное количество технического персонала, ежегодно устроенная площадь возросла с 132,5 тысяч десятин в 1907 г. до 2,9 миллионов в 1911 г. и 3,9 миллионов в 1914 г. 107).

При общем числе 14,6 миллионов наделных дворов по 47 губерниям Европейской России 108), на 5,8 миллионов домохозяев, подавших заявления о землеустройстве, подготовка к выполнению их просьб заканчивалась в 1915 г. для 3,5 миллионов 109), были завершены и юридически утверждены землеустроительные операции для 2,3 миллионов домохозяев 109а); фактически же к 1 января 1915 г. было завершено в натуре, включая установку межевых знаков, но, частично, еще не утверждено землеустройство 2.485 тысяч наделных дворов на площади в 21.311.225 десятин 110). Это составляло 16,8 % наделных дворов и 17,2 % площади наделной земли, без казачьей. Следовательно, в 1915 г. из 14,6 миллионов домохозяев 23 % (3,4 миллиона) было уже вовлечено в укрепительный процесс, а 40 % (5,8 миллиона) в различный от него землеустроительный процесс, как «участковый» (хутора и отруба), так и «групповой» (реорганизация общин), причем, оба процесса были завершены на площади превосходящей территорию Италии. В том же 1915 г., законченные с 1907 г. «участковые» работы, т. е. образование хуторов и отрубов, достигли цифры 1,25 миллиона дворов *), — около половины всех землеустроительных работ 110). Значительность доли «груп-

*) Из участковых работ 64,3 % приходилось на разверстание на хутора и отруба целых селений, 29,4 % — на выдел устроенных участков отдельным хозяевам.

повых » работ объясняется тем, что они прежде всего касались тех общин, где выдел в единоличную собственность был неосуществим без предварительных операций. Так, из « групповых работ » 65,8 % приходилось на раздел угодий, принадлежавших сообща нескольким (т. наз. « одноплановым ») селениям, где запутанность земельных отношений и связанная с ней хозяйственная неурядица достигали огромных размеров : всего 2,2 % землеустроенных в единоличную собственность дворов входили в состав этих селений; кроме того, доля площади, отведенной в собственность путем землеустройства (61,3 %), была выше доли устроенных в собственность дворов (около 50 %), что объясняется повышенным интересом к владению хуторами и отрубам у более зажиточных крестьян. В укрепительном процессе, напротив, доля укрепленной площади была ниже доли укрепивших ее выделом из общины хозяев : часто укрепляли хозяева нерентабельно малых наделов, чтобы затем их продать. Во всяком случае, о пропорциях « участкового » и « группового » землеустройств можно судить только по законченным к 1914-1915 гг. работам — немного более трети подготовляемых.

Интересно сравнение движений ходатайств об укреплении и заявлений о землеустройстве по годам 111-112) :

Укрепление (в тысячах)		Землеустройство
1907 г.	212	219
1908 г.	840	380
1909 г.	650	705
1910 г.	341	650
1911 г.	243	678
1912 г.	153	1.226
1913 г.	160	1.106
1914 г.	120	829
1915 г.	36	
<hr/> 2.755		<hr/> 5.793

Сокращение укреплений было компенсировано стихийным влечением к землеустройству. Характерно почти удвоенное количество заявлений о землеустройстве в 1912 г. вследствие закона 29 мая 1911 г. Сокращение заявлений в 1914 г. было вызвано войной.

Сравнение развития укреплений наделов с землеустроительным процессом по географическим зонам позволяет установить следующие тенденции 113) :

1) Там, где укрепление развивалось особенно успешно (правобережная и степная Украина, Белоруссия, Нижневолжский край), интерес к землеустроительным работам был ниже среднего, что отчасти объясняется сравнительно меньшим, чем в центральных районах, распространением чересполосицы; усиливая общую тенденцию к выходу из общины, значительное большинство землеустроительных работ в этих областях были тоже направлены к образованию единоличной собственности.

2) В других областях относительно успешному развитию укреплений соответствовала такая же тенденция землеустроительных работ, однако, в отличие от предыдущей группы, с сохранением общины, главным образом потому, что раздел угодий одноплановых селений должен был предшествовать всем другим операциям 114).

Необходимо еще остановиться на категории крестьян-общинников, так называемых «стародушников», входивших в те общины, где переделов с 1861 г. не производилось. По закону 1910 г. наделы крестьян этой группы автоматически признавались их единоличной собственностью, причем желающие оформить свои права могли затребовать соответствующие «удостоверительные акты», однако не дававшие дополнительных прав. Таковых было затребовано 618.000 до 1915 г., при общем числе 3.489.898 общинников-беспередельников в 1911 г., составлявших около трети всех общинников; значительность последней цифры показывает, насколько процесс отмирания общины повсеместно зашел далеко 115).

Основываясь на авторитетном труде П. Н. Першина «Участковое землепользование в России», приложение, стр. 46-47, Москва, 1922 г., образование на основе единоличной собственности хуторов и отрубов, которое нельзя смешивать с укреплением наделов в собственность без сведения их к одному месту, выразилось следующими цифрами (к 1916 г.):

число хуторов и отрубов (в тысячах)		площадь (в тысячах десятин)
на надельной земле	1.265,5	12.231,9
на банковской земле	280	2.942,3
на казенной земле	13,5	222,2
	<hr/> 1.559,0	<hr/> 15.396,4

Необходимо учесть, что эта завершенная часть землеустройства составляла немногим более 40 % подготовляемой тогда и близкой к завершению земельной реформы.

Избегая двойного счета, можно считать, что завершенное к 1916 г. укрепление и удостоверение наделов в собственность и образование хуторов и отрубов на одной только надельной земле, равнялось около 20 % этой земли, как общинной, так и подворной. Если же к этому прибавить площадь, принадлежащую общинникам-беспередельникам в собственность без удостоверительных актов, то окажется, с учетом еще неземлеустроенного подворного надельного землевладения, что в момент революции более половины надельной земли, — около 60 %, — уже принадлежало на основе единоличной собственности крестьянскому сословию, которое продолжало активно выделяться из общинного строя, как об этом свидетельствуют еще не завершенные землеустроительные и укрепительные работы.

О том, что дало бы России землеустройство, показывает правительственное обследование, произведенное в 1913 г. по 12 уездам различных районов Европейской России, опубликованное затем отдельной книгой под названием: «Землеустроенные хозяйства. Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства», Петроград, 1915 г. 116).

На основании результатов обследования, коснувшегося 22.399 устроенных в единоличную собственность (хутора и отруба) хозяйств, можно сделать следующие выводы: особенно сильно сократилась мелкополосица: после землеустройства, 100 % хозяйств владели надельной землей в не более чем трех полосах (причем 48,9 % в двух и 26,4 % в одной) против всего 9,8 % хозяйств до землеустройства, когда около 63 % хозяйств насчитывали от 6 до 40 полос, а 5,9 % — от 60 до 100 и больше. Сократилось и дальнотемелье, т. е. расстояние участков от усадьбы: так, 26,2 % устроенных участков (70 % хуторских) были расположены у усадьбы, против 2,4 % прежде; процент участков, расположенных на расстоянии свыше 5 верст сократился с 36,4 % до 17 %; увеличилось пользование техническим материалом. Значительно повысился процент хозяйств, участвовавших в учреждениях мелкого кредита (в некоторых уездах 53,3 % против 16,8 и 64,8 % против 17,9). Увеличился на треть, а иногда на половину процент хозяйств, прибегавших к наемному труду. Без существенных изменений осталось скотоводство. Сильно повысилась урожайность (в пудах с десятины, урожайность в землеустроенных хозяйствах превышала в 1913 г. в некоторых уездах урожайность хозяйств, сохранивших общину, на одну треть, а то и на половину и больше) 117).

Обследование показало сильное сокращение найма земли в аренду после землеустройства. По словам Дубровского 118), повышение производительности труда на той же площади пашни благодаря землеустройству несомненно понижало спрос на аренду. Приводя мнение отнюдь не расположенного к царскому правительству социалиста Н.А. Рожкова, что землеустройство, если не уничтожило вполне, то во всяком случае довело до допустимого минимума крепостническую аренду, Дубровский, не соглашаясь с этим мнением, признает, что, во всяком случае, уменьшение кабальной аренды было налицо.

Чтобы избежать дробления и распыления хуторов и отрубов из-за семейных разделов, Кривошеин внес в думу в 1913 г. законопроект о мерах к ограничению дробления мелкоземельной собственности, образованной при содействии правительства; законопроект предвидел создание крестьянских майоратов.

Вопреки желанию Столыпина и Кривошеина, Крестьянский банк оставался в ведении ведомства финансов. Банк слишком часто руководился чисто финансовой стороной дела, однако общий итог его работы был значителен. Между 1907 и 1915 г. банк продал 4.116.168 десятин почти исключительно крестьянам, притом начиная с 1910 г. более 93 % проданной земли было куплено единоличниками. На покупку банковских земель крестьянам было выдано ссуд на 421 млн. рублей, а 606 млн. рублей было выдано на покупку помещичьей земли при посредничестве банка (5.722 тыс. десятин). За период 1906-1915 гг. помещичьи земли сократились с 53 млн. десятин до примерно 44 млн., т. е. на половину со времени освобождения крестьян 119).

Если результаты обследования землеустроенных крестьянских хозяйств установили не только улучшение условий производства, но и намечавшиеся в нем глубокие сдвиги, то в общей массе неустроенного крестьянского землепользования, основанного на общине, осязательных сдвигов за десятилетие, предшествовавшее революции, не произошло. Это коренилось, прежде всего, в самой общине, не позволявшей ни предприимчивости, ни улучшения земледельческой культуры. Кроме того, в России, « стране с средневековым земледелием », не существовало широко поставленного государственного кредита сельскому хозяйству, так как финансовое ведомство категорически отказывалось, вопреки стараниям Кривошеина, учредить Сельскохозяйственный банк. « Ничтожные суммы отпускаются у нас на сельское хозяйство, — утверждал в феврале 1909 г. Гурко на съезде Объединенного дворянства 120), — и

почему-то считается, что только торговля и промышленность нуждаются в кредите, а в сельском хозяйстве мы работаем машинами царя Гороха». Если столь острую нужду в кредите испытывал помещичий класс, то тем более испытывало ее и крестьянство, для обслуживания которого, в первую очередь, предназначался проектируемый банк.

До 1906-1908 гг. агрономическая помощь земледелию была ничтожной. Витте долгое время придерживался теории натурального хозяйства в земледелии при высоком уровне промышленности и систематически урезывал бюджет министерства земледелия, а министр Х.С. Ермолов (1895-1905 гг.) не сумел использовать эти ничтожные кредиты.

Не имея возможности, до отставки Коковцова, организовать государственный кредит земледелию, Кривошеин всячески покровительствовал кредитной и промысловой кооперации. По словам кадета И.П. Демидова, «он вычеркнул из правительственного лексикона «крамольную агрономию», протянул руку земскому самоуправлению и всеми силами стремился открыть перед земледельцем правительственные двери к знанию, технике и кредиту (...) и то, что еще вчера считалось «ниспровержением существующего строя» — агроном, кредитное товарищество и т. д. — всё это не только получило законное право на существование, но было поставлено на некоторое привилегированное положение» 121). Число кредитных товариществ возросло между 1905 и 1915 гг. с 1.680 при 37 млн. рублей вкладов до 15.573 при 682 млн. рублей вкладов, выдаваемые ими ссуды с 58 млн. рублей до 533 млн. рублей. Толчок к развитию сельскохозяйственной кооперации был дан в 1908 г. изданием для нее нормального устава: число кооперативов, без кредитных товариществ, возросло с 286 в 1900 г. и 2.967 в 1908 г. до 10.350 в 1915 г., среди них 2.700 маслодельных артелей 122).

Анализ финансовой помощи государства земледелию при Кривошеине позволяет установить две ярко определяющие ее черты: значительность ее роста и ее недостаточность для поставленной цели. Так, например, собственно мелиоративные ссуды возросли с смехотворной суммы в 12 тысяч рублей до 2,1 миллиона рублей в 1913 г. 123). Ссуды на огнестойкое строительство равнялись 4,3 миллиона рублей в 1915 г. против 36 тысяч рублей при Ермолове 124); они дополнялись ссудами земств.

Большое значение получило образование опытных полей и участков. Встреченные с недоверием, будучи вначале нередко объектом вредительства, они наглядно показали крестьянам

преимущества передовых технических методов; их средняя урожайность превышала часто на 100 % соответственную урожайность соседних полей 125), на них вводился травопольный севооборот. В то же время число слушателей сельскохозяйственных чтений возросло между 1906 и 1914 гг. с 48 тысяч до 1,6 миллиона в год.

Чувствительно повысилась урожайность за десятилетие перед 1914 г., будучи, однако, еще низкой по сравнению с развитыми странами (на 27 % для ржи, на 30 % для пшеницы, ячменя и овса в урожайные годы, на 18 % для ржи, 8 % для пшеницы и 13 % для ячменя если взять среднюю урожайность за 1912-1915 гг.).

Если крестьянский земельный строй, косность многих помещичьих хозяйств и мальтузианская политика финансового ведомства не позволяли достигнуть в короткий срок коренного сдвига в сельском хозяйстве, то предпосылки сдвига намечались в огромном росте производства и ввоза сельскохозяйственных машин и перевозки минеральных удобрений по железным дорогам, а также в территориальном перераспределении различных культур на основе замены менее выгодных для данного района более выгодными. В 1913 г. были ввезены первые тракторы, к 1917 г. 25 % крестьянских хозяйств владели усовершенствованным инвентарем. Применение минеральных удобрений, несмотря на его увеличение, оставалось, однако, еще слабым: 7 кг. на гектар против 57 во Франции 126).

Сильно увеличилась товарность производства, показателем которой был рост экспорта хлеба: 673 миллиона рублей в год в среднем в 1909-1913 гг. против 470 миллионов рублей в 1904-1908 гг. (+ 43 %). Однако вопрос, сможет ли Россия в будущем, учитывая быстрый прирост ее населения, не только развить, но даже сохранить свободную для экспорта долю своего производства, ставился многими. Некоторые пессимисты, как Гурко на съезде Объединенного дворянства в феврале 1909 г. 127), предсказывали даже неизбежность ввоза хлеба лет через десять; развитие экспорта хлеба за 1909-1913 гг. опровергло, казалось, это предсказание, но ясно, что прочные положительные результаты могли быть достигнуты только при двух условиях: при ускоренной интенсификации земледелия и при освоении сибирских целин путем их заселения. «Новый курс», взятый правительством в январе 1914 г. под влиянием Кривошеина, основывался, среди прочего, на увеличении капиталовложений в земледелие, на организации

широкого сельскохозяйственного кредита и на освоении Азиатской России.

И.П. Демидов, видный кадетский деятель, определенный критик всей землеустроительной политики Кривошеина, указывает на то (28), что если бы перед Россией в начале XX века стоял только вопрос земледелия, то тогда «быть может, мы имели бы кривошеинскую эпоху, так как в этой области Кривошеин шел действительно прогрессивным путем. В вопросе земледелия он воспринял ту жажду новой жизни, к которой стремился русский крестьянин. В этом отношении в нем жила твердая вера в русского земледельца, в его творческий дух: дайте крестьянину то, чего у него до сих пор не было, и он создаст богатую ниву — так, в одной фразе можно охарактеризовать земледельческий символ веры А.В. Кривошеина. Если поставить вопрос, — добавляет Демидов, — какой итог получила Россия от того десятилетия, когда Кривошеин стоял во главе Главного управления, то приходится, по справедливости, ответить, что итог был довольно значительный...»

В начальной стадии землеустроительной реформы было бы преждевременно говорить о достижении ее конечной цели — образовании крепкой сельской буржуазии при общем подъеме сельского хозяйства. Можно было только устанавливать намечавшиеся тенденции, и это позволяет заключить, что эволюция сельской России протекала успешно по направлению к заданной цели. На это указывают и результаты обследования землеустроенных хозяйств и рост вкладов в сберегательные кассы (2 миллиарда рублей к 31 декабря 1915 г. против 1631 миллиона в 1912 г.), немыслимый без образования зажиточного крестьянства. Одним из положительных последствий земельной реформы было перераспределение крестьянского землевладения, вернее его оздоровление. Этот процесс, — переход измельчавших отрезков из рук экономически слабых элементов в руки более сильных, — часто неправильно характеризуется как пролетаризация деревни, тогда как образование сельского пролетариата составляло только один из далеко не самых существенных элементов этого перераспределения. Для огромного большинства деревенского полупролетариата продажа их наделов была освобождением от земли, в положительном значении этого понятия, и возможностью перестроить свою жизнь на новой основе. Между 1908 и 1915 гг. около 914 тысяч единоличников, вышедших из общины, продали свои наделы другим крестьянам, что составляет 36,9 % укрепивших свои наделы, но только 21,6 % укрепленной земли: по обследованию 12 уездов 52,8 % про-

данных наделов были менее 5 десятин, т. е. ниже потребительской нормы. Из продавших, 12,6 % переселилось за Урал, 26,4 % оставило деревню для работы в городах, где огромный промышленный подъем позволил им найти более выгодный заработок; 30 % продали для покупки лучшей земли через банк, т. е. представляли зажиточный элемент и, наконец, 20,7 % продавали по бедности, недостатку рабочих рук и пьянству, т. е. составили пролетаризованный элемент деревни, к которому они уже без того принадлежали 129). В то же время намечалась концентрация укрепленной наделной земли в одни руки, начинавшая принимать такой оборот, что законом 14 июня 1910 г. (статья 56) возбранялась концентрация более шести наделов в одних руках. Однако, если искусственные меры могли задержать этот процесс, они не могли его остановить. Все данные указывают на то, что и после издания этого закона, через подставных лиц и иными способами, образование экономически сильной буржуазии становилось вполне естественным явлением, но эта буржуазия составлялась не только из единичных «богатеев», но и из зажиточных середняков 130).

Говоря об образовании экономически сильной деревенской буржуазии в результате вовлечения наделной земли в товарный оборот, на основе столыпинского законодательства, Дубровский (ук. соч., стр. 351) так характеризует этот процесс: «Это был чисто капиталистический путь ликвидации мелкоземелья. Земли, распыленные по миллионам мелких и мельчайших владельцев, могли теперь постепенно собираться в руках крепких и сильных крестьян; с другой стороны, укрепление общинных наделов в личную собственность давало возможность мелким пролетарским и полупролетарским хозяйствам порвать со своими участками и продать их более сильным хозяйствам, в основном сельской буржуазии, самим же перейти в область промышленности или транспорта и вообще стать на положение наемных рабочих».

Почему не применить к последней категории крестьянства меткое, но одностороннее определение Ленина, что в России «частная собственность на землю является в первую очередь орудием освобождения от земли» (Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 352), с тем только комментарием, что как и для этой категории крестьян, так и для всего народного хозяйства, это «освобождение» и его последствия были фактами прогрессивными и положительными. А между тем, «пролетаризация деревни» является одним из ходячих мест критики земельной реформы.

Как ни многообразна была деятельность Кривошеина во главе ведомства, первое место в ней принадлежало землеустроительной реформе и освоению Азиатской России путем переселения. В ходе истории это освоение не остановилось и не прервалось, подтверждая тем самым свою жизненность. Зато земельная реформа, над которой потрудились Столыпин и Кривошеин, была остановлена революцией и не достигла своей конечной цели. Судить можно только о том, как она проводилась и была ли в ней заложена возможность успеха. Для этого, лучше чем к цифрам, следует обратиться к авторитетным суждениям, выбранным по критерию их интереса.

Большая часть отзывов о землеустроительной работе правительства редко упоминают имя Кривошеина (а имя Столыпина, главным образом называя реформу «стольпинской»), но осуществление реформы настолько связано с его деятельностью, что отделять их невозможно. Это частое умолчание его имени было в какой-то степени последствием постоянной тактики Кривошеина, не ставить себя в интересах карьеры на первое место, сохраняя при этом преимущества власти.

Начнем с отзывов исключительной яркости и пронизательности, принадлежащих перу Ленина. Так, Ленин писал, что «судьбы демократической революции в России находились в прямой зависимости от успеха или неуспеха стольпинской реформы, а она несомненно имеет известные шансы на успех» 131), или, что реформа «в научно-экономической мере прогрессивна, так как она не закрывает путь капиталистическому развитию, а содействует ему, расчищая ему дорогу» 132). «Стольпинское переустройство деревни могло бы снять с порядка дня буржуазную крестьянскую революцию, если бы «стольпинская» аграрная политика (...) продержалась очень долгое время, если бы пересоздала на чисто буржуазный лад все деревенские отношения» 133). «В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики невозможен. Возможен!» «...Это была последняя попытка отсрочить крушение старого порядка. От успеха и неуспеха реформы зависела судьба революции в России. Окончательный переход правительства царя на сторону аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьба буржуазной революции в России (...) зависит больше всего от успеха или неуспеха этой политики» 134).

В 1912 г. Ленин высказывался более сдержанно. Это было связано с тем, что если успех реформы был огромным, он не

был молниеносным, а потому, до полного осуществления реформы, вызванное ею обострение напряжения в деревне могло, по мнению некоторых, увеличить шансы революции. Поэтому Ленин, считая, что реформа — « последний клапан » в руках старого, писал : « Это последний шаг, который может сделать старое (...) и именно потому, что этот шаг к новому сделан старым, этот шаг не мог привести и не приведет ни к чему прочному » 135).

Разумеется, нельзя упускать из виду, что положительный характер отзывов Ленина должен быть понят в оптике марксизма и что если успех реформы грозил снять с порядка дня крестьянскую буржуазную революцию, то именно в силу своей прогрессивности реформа, сменив отсталую общину прогрессивным капитализмом, создавала предпосылки коммунистической революции будущего. Но его оценка реформы как прогрессивного экономического явления, « последней отсрочки старого порядка », интересна.

Тем более интересны благоприятные отзывы советских « историков-аграрников » двадцатых годов, сформулированные после падения царского режима, аграрной революции 1917-1920 гг. и осуществленного ею уравнительного черного передела. Эти отзывы исходят от первого поколения историков, получивших образование в советских высших учебных заведениях и писавших до коллективизации сельского хозяйства. Так, А. Тюменев признавал, что в годы предвоенного промышленного подъема « капиталистические отношения выступили наружу и притом с тем большей силой, чем сильнее до того давали себя чувствовать устранные революцией пережитки крепостничества » 136). Тюменев так оценивает реформу : « Закон 9 ноября - 14 июня отвечал давно назревшей потребности. Вот почему результаты его превзошли всякие ожидания ». По его словам, между двумя революциями процесс развития капитализма в деревне « совершался настолько быстрым и всё прогрессирующим темпом, что у свидетеля получается впечатление лавины, долгое время висевшей над пропастью и наконец подтаявшей и вдруг сорвавшейся и стремительно покотившейся вниз » 137).

Того же мнения были Н. Карпов 138) и И. Литвинов 139). Цель, поставленная Столыпиным, была достигнута. После 1907 г. сельская буржуазия начала развиваться поистине революционным путем, а Россия пошла « по линии прогрессивно-капиталистического развития ». Поэтому, заключал Карпов, столыпинское аграрное законодательство может нами быть признано прогрессивным в научно-экономическом смы-

сле. Что касается до «второй революции» (1917 г.), то при таком успехе реформы она объясняется несоответствием общих политических условий страны ее капиталистическому базису 140).

Особое место среди трудов советских историков-аграрников занимают некоторые авторы эпохи нэпа. Они вполне положительно оценивали результаты столыпинской реформы, сурово осуждая аграрный черный передел 1918-1920 гг., о чем будет упомянуто далее. Так, Б.А. Бруцкус 141) пишет в конце своего труда: «Мы, в заключение, позволим себе выразить уверенность, что в процессе грядущего возрождения русского народного хозяйства вообще и сельского хозяйства, в частности, хуторянам и отрубникам суждено сыграть не последнюю роль». Не менее интересна позиция другого представителя сторонников «фермерского развития деревни» тех годов, как их называет К.Н. Тарновский 142), а именно П.Н. Першина 143). Оставляя в стороне политические цели реформы, автор рассматривает ее как совокупность чисто землеустроительных мероприятий по рациональной организации сельскохозяйственной территории на началах участкового землепользования. Он подчеркивает благоприятное влияние реформы на развитие сельскохозяйственного производства и на этом основании приходит к выводу о «жизненности индивидуального хуторского хозяйства» и его «полной народно-хозяйственной целесообразности» в обстановке новой экономической политики. «Поэтому запретительная политика по отношению к хуторам и отрубам в новейших условиях народно-хозяйственного развития (...) ни в коей мере не является целесообразной; ее продолжение было бы большой исторической ошибкой...» Тот же Першин указывает 144) на то, что после бурной реакции против хуторян в первые годы после революции — и этот факт представляет большой интерес, как доказательство жизненности хуторского движения, — с 1920 г., когда деревня успокоилась, во многих губерниях движение крестьян к хуторскому землепользованию поднялось с новой силой, несмотря на неблагоприятную обстановку.

Обратимся теперь к капитальному по документации и качеству собранных материалов, вышедшему 40 лет спустя труду С.М. Дубровского — «Столыпинская аграрная реформа». Его подход к истолкованию реформы иной, чем у советских ученых начала двадцатых годов, — трудно было бы ожидать от него не абсолютно ортодоксальную, общеобязательную оценку вопроса. Но и эта односторонняя оценка реформы также содержит положительные элементы: «Столы-

пинская реформа, как усилившая развитие капитализма в земледелии (...) несомненно дала толчок дальнейшему углублению внутреннего рынка, особенно в связи с ростом расслоения в деревне. Развивающееся кулачество предъявляло возраставший спрос на средства производства, — на новые сельскохозяйственные орудия и машины, на строительные материалы, в особенности на железо, а также, разумеется, на средства потребления. На последние увеличивался спрос также со стороны пролетаризировавшегося крестьянства 145). Всё это вместе взятое способствовало росту промышленного производства в России, как бы медленно последнее ни шло (...). В годы «столыпинщины» значительно возросло внутреннее накопление. Увеличивается приток капиталов из сельского хозяйства в промышленность через сберегательные кассы, кредитную систему и т. д. Несколько повышенные урожаи 1909-1910 гг. при росте посевных площадей и при относительно высоких ценах как на международном, так и на внутреннем рынке, способствовали значительному накоплению капиталов. Если к внутреннему накоплению прибавить приток иностранных капиталов (...) то для нас будут понятны общие предпосылки промышленного подъема, наступившего в России в 1910-1914 гг.» 146).

И.П. Демидов, известный деятель партии народной свободы, затем редактор выходивших в Париже, в эмиграции, «Последних Новостей», определенный противник аграрной политики Столыпина, так характеризует Кривошеина 147): «Витте и Кривошеин — два имени недавнего прошлого, на которых останавливается мысль. Несмотря на глубокую несхожесть этих двух лиц, — между ними в их государственной работе существует параллелизм, который связывает их не только как крупных государственных деятелей-руководителей, но и тех русских людей, которые ощутили «новое» и стремились в разных областях к одной и той же цели: можно сказать, что Кривошеин — это Витте в области земледелия, а Витте — это Кривошеин в области промышленности. Оба поняли, что настала эпоха, когда Россия или должна стать «самостоятельной» в мировом ходе событий, или перестать быть великой державой. Оба поняли, что достигнуть первого можно силами народа, а не искусством управлять народом, и оба верили, что еще не утеряно время для эволюционного процесса в стране. И если граф Витте достиг больших результатов, чем А.В. Кривошеин, — то причина этого лежит в том, что поле русской промышленности было чисто от входящих социально-политических подводных камней (...)

А.В. Кривошеин принял на себя всю тяжесть наследства в запутанном и уродливо задержанном в своем развитии центральном вопросе русской жизни, вокруг которого кипела страстная борьба между старым и новым, — в вопросе земельном... »

« В период его деятельности возможны были только два исхода : или реформа сверху (. . .), или революция снизу. Полученное наследство требовало от Кривошеина другого. Оно требовало не только эволюционного пути, оно не только отрицало земельную реформу и допускало лишь земельную политику, но и надеялось добиться, чтобы русский крестьянин отказался от своих требований на землю (. . .), но в земельном вопросе эволюционный путь был навсегда утерян в то мертвое полустолетие, которое протекло со дня освобождения крестьян до минуты появления столыпинского закона (. . .) закон о землеустройстве должен был появиться не 14 июня 1910 г., а 20 февраля 1861 г., т. е. на следующий день после освобождения крестьян. Догнать утерянные годы, т. е. повернуть историю назад и заставить ее пройти так, как она должна была пройти, а не так, как она прошла — такую цель поставил себе А.В. Кривошеин ». По словам Демидова, в начале XX века, центр тяжести русской жизни лежал не в области « земледелия », в которой преуспевал Кривошеин, а в области « землеустройства », « т. е. в области искусственно и уродливо задержанной мобилизации и организации земельной собственности русского крестьянина (. . .). Этот полувековой застой требовал решительных мер, новой великой реформы, которую, как и первую, сторонники старого называли « грабежом », « нарушением священного права собственности » — реформы дополнительного наделения земель крестьянства. А.В. Кривошеин не мог не только внешне, но не хотел и внутренне идти этим путем. Он его отрицал, и здесь был тот перелом, который раздваивал волю, лишал ее творчества (. . .) и вел ее (. . .) на конечную неудачу компромисса старого с новым. Этот компромисс доказывал, что ускоренный переход в руки лишившегося земли крестьянства необходим, но он при выполнении не давал общего удовлетворения : в народной психологии вопрос был поставлен к немедленному разрешению, но разрешения не было, а была лишь политика частного, непланового удовлетворения (. . .). То, что было силой Кривошеина в области земледелия, являлось слабостью в области землеустройства. Вера в индивидуальную творческую силу русского земледельца и желание, чтобы только действительная сила пробила себе дорогу, отрицали необходимость общей государствен-

ной реформы уравнительного наделения (...). Основной задачи эпохи А.В. Кривошеин не понял и тем самым встал во главе старого (...). Он стоял на переломе русской истории, перелом этот понимал и обхватывал, но и в нем самом всегда ощущалось отражение перелома — сосуществование двух эпох, из которых ни одна не могла стать главной и единственной. Его ум — большой и тонкий — верно анализировал изменившуюся атмосферу страны, его такт — развитой и чуткий — верно указывал путь, намечавшийся довоенными событиями, но его воля была недостаточна для « истории », а потому Россия не знает « Кривошеинской эпохи », хотя по А.В. Кривошеину и его государственной-общественной деятельности можно хорошо изучить эпоху, в которой жил этот недюжинный человек... »

Нельзя пренебрегать аргументом Демидова, что земельная реформа запоздала на 50 лет и что в народной психологии вопрос шел о немедленном разрешении земельной проблемы, чего реформа не давала. Но и не давало решения проблемы общее уравнительное наделение земель, защищаемое Демидовым. На этом сходятся все научные исследования, в первую очередь советские : всеобщее отчуждение помещичьей земли принесло минимальные земельные прирезки крестьянству, быстро поглощенные приростом населения. Аргументация Демидова оправдывается только ранним временем написания статьи — 1921 г., когда в эмиграции последствия аграрной революции 1917-1920 гг. еще не могли быть ясно ощутимы и аграрная проблема казалась окончательно и удачно решенной самой жизнью. Но выводы советских и социалистических экономистов удивительно совпадают с тем, что было предвидено по подсчетам Главного управления землеустройством и земледелием в 1906 г. и с основанными на них аргументами известной речи Гурко в думе 19 мая того же года, слывшего представителем « Объединенного дворянства ».

Возьмем составленный советским экономистом Б.Н. Книповичем « Отчет о деятельности народного комиссариата земледелия за 3 года (1917-1920), Москва, 1920 и 1921 г. » 148). Итоги по выполнению раздела помещичьей земли были значительно меньше, чем ожидали многие. Громадное количество земли, разделенное между многомиллионной массой, дало ничтожные результаты, в десятых и даже сотых десятины на душу, по специальной анкете центрального статистического отделения землеустройства. В громадном большинстве случаев, увеличение не превышало полудесятины :

менее 0,1 дес. — в губерниях Московской, Новгородской, Вятской,

0,1-0,25 — в губ. Вологодской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Курской, Могилевской.

0,25-0,50 — в губ. Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Орловской, Воронежской, Пензенской, Симбирской,

0,50-1 — в губ. Петербургской и Саратовской.

Другой советский экономист Б. Месяцев пишет в сборнике «О земле», вып. 1, 1921 г., стр. 29-31, о ничтожном размере прирезков для отдельных хозяйств. По данным Центрального управления землеустройством к 1 ноября 1920 г. (сборник «О земле», вып. 1, 1921 г.), если в 36 исследованных губерниях крестьянское землевладение возросло в целом на 22,6 %, то это объясняется тем, что в некоторых районах это увеличение было более ощутимо (50 % в средневолжском, 27 % в центральноземледельческом), тогда как в большинстве других оно было значительно ниже этой цифры 22,6 % (8,3 % в северных губерниях, 12,3 % в приозерных, 16,3 % в нижневолжских и 7,3 % в приуральских), притом в экспроприированные земли входили владения не только помещиков, но и зажиточных крестьян.

Это дало повод народному социалисту С.Н. Прокоповичу признать, что «такой результат аграрной революции, к которой так стремилась русская интеллигенция, был для крестьян полной неожиданностью».

Решительную критику аграрной революции 1917-1920 гг. содержит труд советского историка — «аграрника» Б.Д. Бруцкуса (ук. соч). По его мнению, результаты ее были не только противоречащими интересам развития сельского хозяйства, но и не соответствующими видам и намерениям большевистской партии. «Закон о социализации земли от 27 января 1918 г. был отредактирован в духе социалистов-революционеров, и земельная революция совершалась в направлении "черного передела". Российская социал-демократия была очень далека от мысли, чтобы в распределении земли среди крестьянства в соответствии с его потребительскими нуждами усматривать решение аграрного вопроса, и лишь в пылу политической борьбы, в целях завоевания крестьянства она санкционировала его революционные аграрные выступления» (стр. 109-110).

Уравнительное решение земельного вопроса в 1918-1920 гг. имело отрицательное последствие, начинавшее принимать угрожающий характер для народного хозяйства в целом. «Несмотря на то, что валовой сбор был почти равен довоенному, — отмечает Большая Советская Энциклопедия 149), — его

товарная часть сократилась вдвое — 13,3 % против 26 % до войны (47 % у помещичьей земли) ». Эти данные, относящиеся к 1925-1926 гг., объясняются измельчением крестьянских хозяйств, число которых возросло с 15 млн. до 25 млн. Иначе говоря, процент урожая, не потребляемого крестьянством, но поступающего на рынок для прокормления городов или для экспорта, понизился в результате уравнительного распределения земли и прироста населения вдвое, несмотря на то, что благоприятное влияние политики нэпа еще не прекратилось. Назревала потребность укрупнения хозяйств, сопровождаемого массовым исходом населения в города, при условии, что индустриализация позволила бы поглотить образовавшиеся трудовые резервы. Иначе говоря, в условиях советского строя, коллективизация становилась неизбежной.

Интересны суждения о столыпинской реформе и в особенности о ее осуществлении немецких специалистов, которые накануне войны 1914 г. вместе с правительственными и аграрными кругами внимательно следили за ходом реформы и взвешивали ее последствия для усиления России, возможного противника Германии. Среди многочисленной литературы, посвященной этому вопросу, выделяется своей богатой документацией монументальный труд Прейера (Preyer — Die Russische Agrarreform — Йена, 1914 г. 415 стр.). Вот что автор пишет в своем вступлении: « Великие реформы, коренным образом изменяющие все основы важных государственных отраслей в области материальных или личных отношений, обыкновенно предпринимаются после огромных внешних потрясений. Так было осуществлено в Пруссии освобождение крестьян после крушения государства в наполеоновских войнах, а в России после катастрофы крымской войны. Таким же путем и по той же причине осуществляется перед нами в России переворот в земельном строе, по своему значению едва уступающий освобождению крестьян (...). С необычайной энергией было приступлено к делу, но тогда как в Пруссии при освобождении крестьян всевозможные ретроградные течения одерживали частично верх в первые годы реформы и первоначальные проекты выполнялись с чувствительными изменениями, в осуществлении теперешней реформы случилось противоположное: поставленные с самого начала цели остались, по прошествии нескольких лет, неизменными и работа выполняющих реформу органов расширяется из года в год ». Далее (стр. 331), автор пишет: « Семь лет прошло уже с начала земельной реформы. Из осторожного и неуверенного начинания она разрослась до таких размеров, что предстала перед

нами как предприятие первостепенного значения для русского народного хозяйства...». Больше того, автор ставит проведение русской земельной реформы в пример прусскому сельскому хозяйству, в частности расселение по хуторам, настойчиво советуя применить русские методы, — русские по вложенным средствам, энергии и упорству в выполнении (стр. 368).

О том, какое значение придавала Германия роли земельной реформы в экономическом развитии России, свидетельствует эпизод, приведенный в своих воспоминаниях Д.Н. Любимовым, управляющим делами Главного комитета по землеустройству незадолго до войны, освещающий одну малоизвестную сторону этого дела 150). «Помню, как приезжала в августе 1913 г. из Германии правительственная комиссия, возглавляемая профессором Аугагеном, для изучения результатов землеустроительной реформы (...). Она была ими поражена. Объехав землеустроительные работы в целом ряде губерний, германская комиссия представила своему правительству отчет. Нам удалось узнать его содержание. В нем говорилось, что если землеустроительная реформа будет продолжаться при ненарушении порядка в империи еще десять лет, то Россия превратится в сильнейшую страну в Европе. Отчетом, по имевшимся от русского посла в Берлине сведениям, сильно обеспокоилось германское правительство и особенно император Вильгельм II » 151).

94) В некоторых губерниях процент укреплений с выделом на хутора и отруба был более значительным — 20,6 % укрепившихся в центрально-черноземной области, 24,8 % в Поволжье.

95) Этому принципу охотно следовал руководивший «укрепительным» процессом в министерстве внутренних дел товарищ министра А.И. Лыкошин, по словам Гурко (ук. соч., стр. 151) предпочитавший всегда соглашаться с тем, что Кривошеин говорил или делал.

96) «Новое Время», 12 янв. 1909 г.

97) так, в Николаевском уезде Самарской губернии, где внешняя реформа выполнялась успешно — 37.000 дворов, т. е. 64 % общего числа укрепили свои наделы, оставаясь, однако, на полосах еще в 1913 г. К этому времени было образовано 7.694 хуторов и отрубов из которых только 2.000 числились среди 37.000 укрепившихся, а 5.694 разверстались целыми селениями («Новое Время», 31 марта 1913 г.).

98) «Новое Время», 1 апреля 1911 г.

99) На практике это ограничение часто обходилось приписыванием покупателя к сельскому обществу или покупкой через подставных лиц.

100) «Новое Время», 21 мая 1911 г.

101) «Новое Время», 25 мая 1911 г.

Первое нарушение принципа неприкосновенности надельного фонда встречается в указе 15 ноября 1906 г., разрешившем Крестьянскому банку открывать кредиты под залог наделов: указ устанавливал, что если на продаваемый «с молотка» надел неисправного должника не

явится покупатель сельского состояния, то на вторых торгах надел может быть продан любому покупщику, как всякая частная собственность.

102) Дубровский, ук. соч., стр. 235, по архивному фонду 1291 Ц.Г.И.А.Л.

103) «Удостоверение» было юридическим оформлением перехода на единоличную собственность наделов общин, где переделов не производилось и которые, согласно с законом 14 июня 1910 г., были автоматически признаны единоличной собственностью их домохозяев.

104) Это случалось там, где укрепление надела «на полосах» затрагивало в меньшей степени, чем сведение к одному месту, интересы оставшихся в общине соседей.

105) Дубровский, стр. 242, циркуляр министра внутренних дел от 13 декабря 1913 г., № 40.

106) Там же, стр. 199, 200 и 203.

107) Там же, стр. 241, по отчетам о деятельности землеустроительных комиссий.

108) Там же, стр. 247.

109) Там же, стр. 241, по отчетам землеустроительных комиссий.

109а) Там же, стр. 247.

110) Там же, стр. 584, по Статистическому ежегоднику России 1915 г., Петроград, 1916 г., VI отдел, стр. 6-11. Там для общего числа заявлений указывается 5.660.511.

111-112) Там же, стр. 200, по донесениям губернаторов, и стр. 241.

113) Там же, стр. 246-247.

114) В очерке М.С. Симоновой о столыпинской реформе («Историческая Советская Энциклопедия», Москва, 1971 г., т. 13) критически утверждается, что только минимальная часть землеустроительных работ посвящалась упразднению чересполосицы. Если, действительно, работы, имевшие исключительно эту цель, коснулись только 7,2% землеустроенных дворов, то к этому нужно прибавить раздел угодий, принадлежавших сообща нескольким селениям (37% всех землеустроенных дворов или 65,8% «групповых работ»), как первый этап упразднения чересполосицы, в данном случае «внешней», и, разумеется, выдел в единоличную собственность участков, сведенных к одному месту (53% землеустроенных дворов к 1914 г.).

115) По данным министерства внутренних дел, объяснительная записка к росписи 1912 г. Вскоре удостоверение без землеустройства перестало быть поощряемо властями.

116) Для того чтобы обследование лучше выражало действительные реформы, из обследовательских работ, по мысли Кривошеина, были исключены земские начальники и члены землеустроительных комиссий; работы велись агрономами, земскими статистиками и студентами, в сущности интеллигентским «третьим элементом», представителями «крамольной агрономии», постоянным кошмаром всех министров внутренних дел, но не Кривошеина. Светский поэт-сатирик Мятлев написал на эту тему бравурный «Марш землеустроителей», в котором утверждалось, что «не страшны нам губернаторы за Кривошеина спиной».

117) По «обследованию» и по И.В. Мозжухину «Землеустройство в Богородицком уезде», Москва, 1917 г., стр. 257.

118) Ук. соч., стр. 298-299, по Рожкову — «Аграрный вопрос и землеустройство», «Современный мир», 1916 г., № 3, стр. 58.

119) Дубровский, стр. 319-325, на основании отчетов банка. Следствием покупки земли только из имений Крестьянского банка было увеличение в два с половиной раза земельной собственности покупателей: вместо 5,6 десятин на двор до покупки, 14,6 после (Дубровский, стр. 342-345). Этот средний размер участка — 14,6 десятин — характерен

именно для зажиточного «середняка» — только в некоторых районах средний размер хозяйства после покупки перевалил за 20 десятин.

120) «Новое Время», 22 февр. 1909 г.

121) «Последние Новости», № 489, Париж, ноябрь 1921 г.

122) Дубровский, ук. соч., стр. 447-450.

123) Там же, стр. 453.

124) «Петроградский Курьер», 28 окт. 1915 г.

125) Преуер, ук. соч., стр. 275, Дубровский, ук. соч., стр. 268.

126) Дубровский, ук. соч., стр. 419, 430, 434 и 444.

127) «Новое Время», 19 февр. 1909 г.

128) «Последние Новости», ук. номер.

129) Примером такой неправильной характеристики служит комментарий к 326-ой странице, второго тома московского издания «Воспоминаний» Витте (Москва, 1960 г.) И.В. Бестужева и В.Н. Емеца, на стр. 639: «Из общины выделилось 2,5 млн. домохозяев (...), из них половина (1,3 млн.) продала свою землю. В итоге реформы увеличилась бедняцкая прослойка, составившая две трети крестьянского населения». Не говоря о том, что число выделившихся из общины, продавших свои наделы равнялось 914 тысяч, а не 1,3 млн. (последняя цифра включает в себя и подворных домохозяев), приведенные выше цифры показывают, что только около 20 процентов продавцов вошло в состав деревенского пролетариата.

Эти данные дополняются обследованием Николаевского уезда Самарской губернии в начале 1913 г., опубликованном 31 марта 1913 г. «Новым Временем» под названием «Правда о Самарском землеустройстве». Обследование было сделано для выяснения степени пролетаризации вышедших из общины хозяев в районе, где процент выделов был исключительно велик и позволял, поэтому, делать выводы, основанные не только на частных случаях: 37.000 хозяев, т. е. 64 % общего числа хозяев уезда укрепили свои наделы. Процент продавших свои наделы был довольно значителен — 19 % укрепились, однако из 5.982 продавцов, 2.606 т. е. 43 % никогда не занимались земледелием, а из 3.376 занимавшихся, 23 % переселились за Урал, 11 % приобрели лучшие земли, 6 % продали часть надела для улучшения хозяйства, 6 % для перехода на городские занятия; 1.601 хозяев продали по нужде (болезнь, пьянство и т. д.) и, вероятно, вошли в сельский пролетариат, что составляет 26 % продавцов, но всего 4 % укрепились.

130) В виде примера, согласно с подворной переписью крестьянских хозяйств Самарской губернии, Самара, 1913 г., 87,6 % купленной по Самарскому уезду земли было куплено покупателями, владевшими участками от 9,1 десятины и более (Дубровский, стр. 379).

131) В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 32.

132) Ук. соч., т. 16, стр. 170.

133) Ук. соч., т. 17, стр. 775.

134) Ук. соч., т. 16, стр. 423.

135) Ук. соч., т. 18, стр. 228; конечно, у Ленина встречаются и такие выражения, как «крах столыпинской реформы», но нельзя забывать, что Ленин был не только мыслителем, но и агитатором и политиком, вождем нуждавшихся в «подъеме духа» масс.

136) «От революции к революции». Из общественно-политических итогов революции 1905 г., Ленинград, 1925 г., стр. 279; речь идет о революции 1905-1906 гг. Приведено у К.Н. Тарновского, «Проблемы аграрной истории России в советской историографии» («Исторические записки», Академия Наук, т. 78, стр. 57, 1965 г.).

137) Тюменев, ук. соч., стр. 13 и 157.

138) «Аграрная политика Столыпина», стр. 148-149, по Тарновскому, стр. 57.

139) «Экономические предпосылки октябрьской революции», Москва, 1924 г.

- 140) Тюменев, ук. соч., стр. 151.
- 141) Б.Д. Бруцкус, «Аграрный вопрос и аграрная политика», Петроград, 1922 г., ст. 201, по Тарновскому, стр. 47.
- 142) Ук. соч., стр. 46.
- 143) «Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907-1916 гг. и судьба за время революции (1917-1920 гг.)», Москва, 1922 г., стр. 6 и 45.
- 144) Ук. соч., стр. 35-39.
- 145) Из чего можно заключить, что, по мнению автора, материальное положение этой группы тоже улучшилось.
- 146) Стр. 503-504.
- 147) «Последние Новости», Париж, ноябрь 1921 г., № 489.
- 148) Цитируется по С.Н. Прокоповичу, «Народное хозяйство СССР», Н. Йорк, 1952 г., т. 1, стр. 133.
- 149) Т. 50, 1952 г., стр. 308-309.
- 150) Д.Н. Любимов, «События и люди», Ц.Г.А.Л.И. фонд 1947.
- 151) Вот что пишет по этому поводу А.Н. Яхонтов, помощник управляющего делами Совета министров в 1914-1915 гг. («Первый год войны», газета «Возрождение», Париж, 28 мая 1936 г.): «Среди многочисленных документов, мною ему докладывавшихся, вспоминаю добытый тайными путями отчет комиссии германских специалистов, объездивших империю незадолго до 1914 г. для изучения землеустроительных работ и положения сельского хозяйства, Специалисты эти были поражены невероятным ростом нашей родины». Далее приводится их вышеуказанный вывод.

В подтверждение этого можно сослаться на свидетельство проф. Зеринга, участника миссии проф. Аугагена, бывшего в тридцатых годах одним из руководителей берлинского исследовательского центра по изучению вопросов земледелия в Советском Союзе. По словам Зеринга С.С. Оболенскому, основным выводом отчета миссии Аугагена было, что по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе.

СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТОЛЫПИНЫМ

Редко встреча двух государственных деятелей на путях истории была столь удачной, а потому и плодотворной, как встреча и сотрудничество Столыпина и Кривошеина. Если их личности коренным образом взаимно отличались, то их характеры взаимно дополнялись, и это привело к теснейшему сотрудничеству, хотя личная близость у них не создавалась.

Реакция Кривошеина на известие о ранении Столыпина лучше всего определяет характер их взаимоотношений. Узнав о покушении, мой отец заплакал, но когда моя мать сказала ему: «Да, у вас ведь была полная общность взглядов», то отец возразил ей: «Совсем нет, во многом мы расходились, но взаимопонимали, внимательно друг друга выслушивали и уважали».

Столыпин был природным вождем, властным и уверенным в своей силе, с твердой волей, большим ораторским даром, качествами, обратной стороной которых было отсутствие гибкости и широты, вера в себя, переходящая в самоуверенность с упрямством.

Кривошеин знал пределы своих дарований, не чувствовал себя вождем общественных сил или парламентских коалиций, преувеличивая недостаточность своего ораторского таланта, значительного, но проявлявшегося только в небольшой аудитории. Зато он признавал, что имеет все данные для возглавления отрасли, где искусство руководить людьми было основным условием успеха. Он был «полон идей», но будучи честлюбивым, не обладал дерзновением, нужным для того, чтобы добиваться власти, не имея, впрочем, ни малейшей уверенности, что ему дадут управлять. Но он обладал бóльшей широтой ума, чем Столыпин, бóльшим тактом, бóльшим знанием людей и умением с ними обходиться.

Так или иначе, но обе исторические фигуры, поняв и оценив друг друга, сошлись и сумели сочетать свои дарования, чтобы совместно пытаться положить прочную социально-экономическую основу бурно перерождавшейся страны.

Если удачный пример первых годов столыпинского премьерства ускорил эволюцию Кривошеина от консерватизма к сотрудничеству с думой и местной общественностью, то постепенно Кривошеин пошел дальше своего учителя и, будучи правой рукой Столыпина в практике управления, становился его левой рукой в вопросах чистой политики, его политическим суфлером.

Одним из примеров этого тесного сотрудничества была их совместная, затеянная Кривошеиным поездка в Поволжье и Сибирь осенью 1910 г., позволившая им проверить и во многом исправить переселенческую политику правительства. Подобное сотрудничество проявлялось во всех областях ежедневно. Достаточно сказать, что почти каждый вечер, немного до полуночи, Столыпин звонил Кривошеину по телефону, чтобы обсудить с ним политическую злобу дня 1).

В области землеустройства и переселения Столыпин предоставлял полную свободу действий своему сотруднику. «Петр Аркадьевич никогда не мешал мне делать в министерстве то, что я считал нужным: вряд ли это будет возможно при его преемнике, кто бы он ни был» Опасения оказались напрасными: его авторитет и поддержка Государя обеспечили ему ту же свободу действия, но он больше не имел поддержки Столыпина в борьбе с финансовым ведомством за увеличение бюджета, впрочем, все же разраставшегося.

Во время конфликта между Столыпиным и Государственным советом по поводу закона о земствах в Западном крае в марте 1911 г. Кривошеин всячески, но безуспешно отговаривал Столыпина от проведения этого закона в порядке 87-ой статьи, после соответствующего ультиматума императору Николаю II. Бывший таврический губернатор, граф П.Н. Апраксин передавал, как он был свидетелем развязки этого ультиматума: он находился в кабинете Кривошеина, когда Столыпин тотчас по возвращении из Царского Села позвонил своему близкому сотруднику и, полный оптимизма, описал царскую аудиенцию. Кривошеин передал Апраксину вторую трубку, и тот услышал, как Столыпин говорил: «Никогда еще Государь не оказывал мне столь милостивого приема», на что Кривошеин, прикрывая трубку рукой, заметил Апраксину: «Никогда Государь этого ему не простит» 2).

1) На этой почве против премьера обернулся чрезмерный, политически ошибочный полицейский надзор, которому он придал такое развитие: убедившись, что его разговоры подслушиваются департаментом полиции, Столыпин не раз выражал свое негодование подслушивающему, — пример зависимости власть имущих от собственной полиции.

2) Со слов графа Апраксина.

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

Из всех заданий, порученных Кривошеину, заселение и освоение обширных пространств Сибири теснее всего связано с его личностью, так как он выполнял это задание с момента учреждения Переселенческого управления в 1896 г., сначала в качестве помощника начальника (но фактического начальника), затем начальника, и наконец, на министерском посту. Да с сопровождения в 1888 г. партии переселенцев на Дальний Восток и началась его карьера.

За это время ему пришлось вызывать, руководить, организовывать и, по необходимости, сдерживать в твердых рамках огромное стихийное движение, уже по одному тому трудно поддававшееся регулировке, что исчислялось оно, и не только по-канцелярски, количеством «душ». Естественно, что такое массовое передвижение «душ человеческих» имело свои теневые и свои светлые стороны, сопровождалось личными трагедиями и личными удачами, цифрами не выражаемыми. Однако и из цифр ясно следует, что бюрократическое учреждение осилило и вывело из хаоса такое стихийное явление, как переселение более четырех миллионов человек за тысячи и тысячи верст. По сравнению с этими четырьмя миллионами, цифра в 700.000 возвратившихся за 20 лет при всей ее значительности только подчеркивает успех предприятия в целом.

Столыпин в своем докладе царю в конце 1910 г. ярко осветил размах переселенческой стихии, указывая на то, что за 300 лет русского владычества в Сибири оказалось налицо 4 1/2 миллиона русского населения, а за последние 15 лет (1896-1910 гг.) в нее прибыло и обосновалось около трех миллионов, из них около 1 1/2 миллионов за трехлетие 1908-1910 гг. Можно добавить, что еще около миллиона прибыло между 1911 и 1916 гг.

Как и все глубокие сдвиги, изменившие с 90-ых годов прошлого века экономический и тем самым государственный облик России, так и новое направление правительственной

политики в вопросе переселения, связаны с именем Витте. До него правительство занимало выжидательную, пассивную позицию по отношению к зарождавшемуся стихийному явлению, значение которого, положительное или отрицательное, оставалось неясным. Несмотря на более благоприятное отношение некоторых представителей бюрократии, на эту позицию влияли опасения землевладельцев лишиться деревенских рабочих рук.

Граф Д.А. Толстой, хотя и определенный представитель дворянских интересов, уже в силу своего ума относился к переселению сравнительно благожелательно. Опасность столкновения с Китаем вызвала начиная с 1882 г. отправку переселенцев в Приморскую область на крайне выгодных для них условиях¹⁾. Положением 1884 г. был учрежден земельный кадастр Сибири для образования переселенческих участков. Но дальше колебаний между административным сдерживанием и поощрением, выражением которых был закон 1889 г., дело не шло.

Начало постройки Великого Сибирского Пути перенесло вопрос в другую плоскость, и Витте, тотчас по своем назначении управляющим министерством финансов 30 августа 1892 г. понял все, что принесет использованное в общегосударственных целях нарастающее стихийное движение. И хотя Витте не понимал тогда ни крестьянского вопроса, ни роли и места земледелия в русском народном хозяйстве, грандиозная геополитическая и экономическая перспектива заселения Сибири, связанная с проникновением туда Сибирского пути, с приобщением целины и тайги к культурно-хозяйственной жизни России, открылась ему с большой ясностью²⁾.

Нельзя не остановиться на высказанных им, сначала в 1892 г., а затем 1902 г., взглядах, хотя бы для того, чтобы найти в них то, что вошло в колонизационную политику Кривошеина, и то, чем последняя от них отличалась.

Общий смысл доклада Витте 6 ноября 1892 г. «О способах сооружения Великого Сибирского Пути», представленного им 13 ноября созванному по его почину Особому совещанию под председательством гр. Д.М. Сольского, и докладной записки о росписи 1893 г. ³⁾ заключался в том, что вопрос о постройке должен быть поставлен независимо от бюджетных поступлений. Оценивать ее значение с точки зрения только финансовой было бы совершенно неправильно, а нужно уделять главное внимание экономическому значению дороги. Нужно было покончить с разобщенностью Сибири и Европейской России: «Сибирь, будучи частью России, не была участницей России

в ее гражданских, культурных и экономических успехах, но как бы застыла в своей вековой неподвижности » ... Желательно связать постройку дороги с колонизацией обширных плодородных пространств Сибири, способствуя таким путем и оживлению района рельсовой линии и назревшей государственной задаче устройства быта малоземельных крестьян Европейской России... Особое внимание нужно уделить колонизационному вопросу. « Наиболее целесообразным способом расширения малоземелья является наделение нуждающегося крестьянства казенной землей в Сибири, способной удовлетворить потребность населения Европейской России в земле; (...) с появлением на местах достаточной рабочей силы плодородные сибирские земли приобретут притягательность и для образованных слоев общества, которые приведут с собой и капиталы и знания и цивилизирующее влияние на окружающую среду ».

Работы Особого совещания увенчались законом 10 декабря 1892 г., учреждавшим Комитет по постройке Сибирской железной дороги под председательством будущего императора Николая Александровича, в распоряжение которого был передан специальный 14-миллионный фонд « на вспомогательные предприятия, связанные с постройкой Сибирской железной дороги и имеющие целью как облегчение сей постройки, так и содействие заселению и промышленному развитию прилегающей к дороге местности » 4). Фактическим руководителем Комитета был его управляющий делами статс-секретарь А.Н. Куломзин, энергичный сторонник создания « цепи деревень от Урала до Тихого океана ».

Обладая правами законодательными, Комитет сыграл видную роль в начальной фазе переселения. Так, в 1895 г. Комитет признал, что выселение крестьян из внутренних губерний не может иметь неблагоприятных последствий вследствие его незначительности по сравнению с приростом населения и установил « крайне благоприятное влияние переселения на политическое и экономическое развитие Сибири, способствующее насаждению там русской культуры и содействующее достижению правительственной задачи ближайшего объединения наших азиатских владений с Европейской Россией » 5). Это и были основные положения будущей переселенческой политики Кривошеина на министерском посту.

Чтобы покончить с распылением административных инстанций, указом 2 декабря 1896 г., по докладу И.Л. Горемыкина, тогда министра внутренних дел, для выполнения не только координационных, но и центрально-исполнительных функций, для разработки законодательных предположений и

руководства переселением, было учреждено Переселенческое управление. Его начальником назначен был В.И. Гиппиус, а помощником последнего, по представлению Горемыкина, молодой столоначальник Земского отдела А.В. Кривошеин, пользовавшийся, кстати, симпатиями Гиппиуса *). Назначение Гиппиуса не отвечало порученному ему заданию, совсем недавно до того он высказался против расширения переселения, считая образование безземельного крестьянства меньшим злом, чем недостаток рабочих рук в крупных владениях б). Это было назначение по старшинству; очень скоро Гиппиус предоставил Кривошеину руководство управлением, а затем впал в старческий маразм. На долю Кривошеина выпало трудное задание, так как согласно с докладом Горемыкина от управления ожидалась деятельность «требуемая не столько соображения с законами, сколько живой распорядительности и быстрого приспособления к удовлетворению внезапно возникающих и часто крайне изменчивых запросов переселенческого движения » 7).

Назначение Кривошеина совпало с быстрым ростом переселения в связи с постройкой Сибирского пути 8) : с 161 тысяч за все десятилетие 1885-1895 гг., оно возросло до 178 тысяч за один 1896 год (что вызвало 20 янв. 1897 г. временное приостановление движения), а за все время фактического и официального руководства им управлением (1896-1905 гг.) оно достигло 1.076.000 душ (не считая 293 тыс. ходоков), при 224 тыс. вернувшихся 9).

Будучи исполнителем эволюционирующей правительственной политики, Кривошеин внес в ее осуществление некоторые личные черты, впрочем отвечавшие передовым тенденциям Комитета, если не министерства внутр. дел. Таковыми были принципы сотрудничества правительства с общественностью на местах — и это в реакционные годы Сипягина и Плеве, — а также предпочтение основанному на экономической рентабельности содействию переселенцам перед раздаваемыми, в сущности ничтожными и не эффективными ссудами. На этих началах были с 1898 г. Кривошеиным организованы, с использованием фонда Комитета Сибирской дороги и с участием местных общественных элементов за неимением земств, на чисто коммерческом основании, «сельскохозяй-

*) Ни тот, ни другой не могли предполагать, что 18 лет спустя по личному совету Кривошеина Горемыкин будет назначен председателем Совета министров — первым должностным лицом империи.

ственные склады», продававшие переселенцам сельскохозяйственные машины на всем протяжении Сибири.

Эти «вызванные к жизни лично А.В. Кривошеиным» 10) 242 склада, про которые было сказано, что они были первым применением принципов, высказанных в 1913 г. в речи на тему «Мы и Они», развили за 15 лет свой оборот с 212 т. рублей в год до 8 миллионов и помещали монополизации торговли сельскохозяйственными орудиями частными фирмами. С развитием благосостояния новоселов, однако, частные фирмы стали успешно конкурировать с этими казенными предприятиями благодаря более живой коммерческой инициативе, хотя и тогда годовой оборот складов достигал 33 % общего оборота торговли сельскохозяйственными орудиями, сохраняя первое место в этой отрасли.

В 1914 г. в круг деятельности этих складов входила не только торговля машинами и предметами домообзаводства, но и заготовка хлеба (22 зернохранилища); кроме того, было открыто 50 товаро-продовольственных лавок в отдаленных районах и лесные склады для продажи лесных материалов в районах безлесья 11).

За десятилетие (1896-1905 гг.) руководства управлением Кривошеиным 12) правительственная политика — вернее политика Комитета — в деле переселения шла постепенно от сдерживания коллективного психоза к пробуждению сознательного и обдуманного отношения переселенцев к этому рискованному предприятию. На этом принципе основывалось, начиная с 1896 г., покровительство ходачеству, а затем его обязательность, а также разъяснительная работа на местах путем издания и массового распространения брошюр, в которых наряду с практическими советами подчеркивались не только соблазнительные перспективы поселения в Зауралье, но и связанный с ним риск.

Новый толчок к дальнейшей эволюции правительственной политики был опять дан Витте. Вернувшись из своей поездки в Сибирь в 1902 г., он представил доклад, в котором подчеркивалось мировое значение Великого Сибирского Пути («мировой транзитный путь, по которому будет совершаться обмен товаров между Западом и Востоком») и значение для России колонизации Сибири 13), связанной с этим путем. Благодаря деятельности Комитета переселенческое дело получило стройную организацию, подчеркивал Витте, переселение возросло (200.000 в год), «но и этот размер переселенческого движения не отвечает ни действительной нужде в устройстве быта малоземельного крестьянства внутренних гу-

берний, ни потребности необъятных областей Сибири в земледельческой колонизации». Витте верил, что неограниченные возможности Сибири могут на значительное время ослабить остроту аграрного вопроса в Европейской России. В этом он ошибался, но его убеждение в огромном значении развития переселения для экономического и культурного будущего Сибири было в основе правильным. «Приходится иногда слышать, что в Сибири запас земли пригодной для колонизации близок к истощению 14), но такое мнение в корне несправедливо. Расширение колонизации ожидается в Степном крае, где произведенные исследования выяснили наличность у киргизского населения весьма значительного излишка земель. Обширное поле представляет и почти нетронутая Амурская область».

«Итак, по моему мнению, ни в желающих переселиться в Сибирь, ни в свободных землях для них недостатка не будет. Между тем скорейшая колонизация наших азиатских владений представляется делом первостепенной государственной важности как в экономическом, так и в политическом отношении (...). С заселением обширных сибирских областей, с обращением их хотя бы до некоторой степени в культурное состояние, экономическая жизнь империи и политическое ее могущество возрастут весьма значительно...»

Для развития переселения Витте предлагает следующие меры: облегчить выход переселенцев и для этого устранить противодействие со стороны местных властей; ознакомить крестьянство с действительными условиями жизни за Уралом, для чего распространить ходачество; планомерно и систематически обследовать таежные пространства с целью сохранения ценных лесов и обращения под переселение участков, не имеющих лесохозяйственного значения. Развить сеть дорог от грунтовых до железных: «Обратить особое внимание на скорейшее сооружение линии от Омска до Ташкента. Линия эта откроет новый большой район для заселения и обеспечит среднеазиатский рынок дешевым сибирским хлебом, благодаря чему явится возможность расширить за счет зерновых посевов разведение хлопка в Средней Азии».

Перечисляя необходимые затраты на врачебно-продовольственную помощь, на развитие деятельности межевых партий (для выработки стройного плана заселения) и т. д., Витте добавляет, что жертвы казначейства «найдут себе оправдание, с одной стороны, в той культурной роли, которую предназначены выполнить переселенцы в деле оживления необъятной Сибири и разработки природных богатств края, а с другой —

в уменьшении в Европейской России излишков населения».

Наконец Витте видит будущность края не в одном только земледелии: для всестороннего его экономического развития необходимо насаждение в нем обрабатывающей промышленности, увеличение числа рабочих и городского населения 15). Русские капиталы для этого недостаточны, — необходимо привлечь иностранные; для привлечения рабочих элементов нужно предоставить им участки в долгосрочную аренду.

Так, смелой и твердой рукой мог Витте чертить грандиозный и в то же время разумный план будущего развития Сибири, культурной миссии русского народа в пробуждении скрытых в ней энергий, и в этой части начертанного им плана он не ошибался; заселение и освоение Сибири пошло именно предвиденным им путем, его предназначения вошли в программу Кривошеина. Поражают отдельные подробности, в 1902 — а тем более в 1892 г. частью казавшиеся неактуальными, но получившие потом большое значение. Так, железнодорожная связь между хлебным районом к югу от Омска и хлопководческим Туркестаном для обеспечения хлебом последнего и развития там культуры хлопка за счет зерновых культур; так, заселение киргизских степей с их антиэкономическим кочевым хозяйством; заселение Приамурья; привлечение в Сибирь «образованных слоев общества» путем создания крупной частной собственности или поощрение оседания в ней рабочего элемента льготным предоставлением ему участков в аренду. Так, наконец, то, что могло казаться тогда праздной мечтой, — ясное сознание необходимости индустриализации огромной и почти незаселенной страны, хотя бы ценой привлечения иностранного капитала.

Но если Витте ясно видел огромные возможности развития Сибири и то, что это развитие могло прибавить к экономической мощи империи, то в одной, но крайне важной части своей программы он не учел реальной обстановки: поглотить естественный прирост сельского населения России и ослабить малоземелье Сибирь не могла ни тогда, ни потом. Как ни велики были тогда еще неисчерпанные возможности ее заселения, они были ограничены, и начиная с некоторого момента — нерентабельны. Сокращение малоземелья, помимо интенсификации сельского хозяйства, могло быть достигнуто только массивным исходом деревенских излишков в промышленность, т. е. той индустриализацией, первым делом, Европейской России, которая неразрывно связана с именем Витте.

В положении Переселенческого управления оставалась известная двойственность: учрежденное, чтобы проводить

предначертания Комитета Сибирского пути, оно было составной частью министерства внутренних дел. Плеве интересовался переселением и летом 1903 г., в сопровождении Кривошеина, объездил поселки новоселов в Западной Сибири.

Комитет предложил ему составить новые правила, но направление составленного министром проекта не отвечало тенденциям Комитета: Плеве, ставя колонизационные цели на второй план, искал в детальной регламентации выселения способ разрежения сельского населения только в тех местах, где малоземелье ощущалось особенно остро 16).

Однако Комитет отдал предпочтение принципу свободы переселения в духе записки Витте и законом 6 июня 1904 г., предоставляя льготы только регламентированному, «поощряемому» переселению, снимались все запрещения с все растущей волны «самовольцев».

Наконец 5 мая 1905 г., руководство переселением было преобразовано: с переименованием министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройством и земледелием с министерскими правами, Переселенческое управление было изъято из ведения министерства внутренних дел и присоединено к новому Главному управлению. Целый ряд вопросов, тесно связанных с устройством участков для новоселов (мелиоративные и землемерные работы и т. д.), находившихся до того в ведении министерства земледелия, вошли в компетенцию Переселенческого управления, поскольку они касались переселенцев. Прежнему двоевластью был положен конец 17). Но глава Переселенческого управления Кривошеин, став помощником главноуправляющего, несколько отошел от переселенческого дела, центр тяжести его деятельности был перенесен на подготовку земельной реформы. Приостановленное войной движение переселенцев было, однако, возобновлено 10 марта 1906 г. по его инициативе. Таково было заключение трудов междудомственной комиссии по земельному вопросу под его председательством, после отставки Н.Н. Кутлера, в феврале 1906 г. Кривошеин оставался также несколько в стороне от переселения, когда между 6 октября 1906 г. и 21 мая 1908 г. он руководил Крестьянским банком в качестве товарища министра финансов. Призванный затем Столыпиным возглавлять Главное управление землеустройством и земледелием, Кривошеин посвятил не меньше энергии и внимания переселенческому делу, но теперь уже не в качестве исполнителя директив правительства, а фактического «министра Азиатской России». Как и в землеустройстве, Столыпин предоставил ему полную

свободу действий, и вместе со Столыпиным он сделал необходимые выводы из их совместной поездки в Сибирь осенью 1910 г., и внес соответствующие поправки, иногда очень глубокие, в свою политику.

Основой министерской программы Кривошеина был отказ от господствовавшего долгое время в правительственных (и помещичьих) кругах, в том числе, отчасти, и у него самого, взгляда на переселение как на выселение излишков хозяйственно слабого и беспокойного крестьянства в установленные для этого бюрократией «территориальные резервы». Вместо этой не оправдавшей себя линии, он стал проводить иную, экономически и геополитически самодовлеющую политику, сочетающую более рациональное распределение русского земледельческого населения с экономическим и культурным освоением сибирской целины и тайги.

Прошло время, когда достаточно было водворить нуждающихся крестьян в поисках за землей, чтобы выполнить этим огромные задания колонизации, — таков был смысл одного из первых выступлений Кривошеина в 1908 г., по вступлении в должность 18). Не менее определенно высказался он в своей бюджетной речи в Государственной думе, 17 марта 1909 г. 19): «Для ежегодного прироста населения Европейской России переселение является гомеопатической дозой: переселение не устраивает даже половины избытка. Но перенесемся на одно мгновение за Урал, в заселяемые районы. В 1905 г. всего сельского населения там было 7 миллионов и за последнее трехлетие туда прибыло 1 1/2 миллиона. В Акмолинской области крестьянское население увеличилось за 15 лет в 15 раз. Подумайте, какими крупными ступенями идет перелом всей экономической жизни. Подумайте, как увеличивается одно только производство хлеба, заваливающее местные рынки и не имеющее обеспеченных рынков. В ближайшем будущем нам придется построить целую сеть железных дорог, а до тех пор ежегодное увеличение переселяющихся было бы весьма рискованным».

И уже с абсолютной определенностью он формулировал свой взгляд на переселение, который был и взглядом Столыпина, в их совместном докладе (записке) о поездке в Сибирь в 1910 г.: «Основывать переселение на идее прочного заселения Сибири, а не на разрежении населения Европейской России» 20).

На том же принципе оправдания самой жизнью, и только ею, переселение было 4 марта 1911 г. объявлено свободным, нерегламентированным, в любые районы, согласно живому

выбору самих переселяющихся, их вкусу и инстинкту, после предварительного обязательного осмотра участков ходоком. Те, кто пренебрегали этой элементарной предосторожностью, шли на свой страх и риск, не пользовались льготным проездом и могли только пенять на себя, хотя ведомство все же помогало им, отводя им землю во вторую очередь. Это они составили две трети возвращавшихся.

Свое намерение упразднить регламентацию Кривошеин возвестил еще за два года до того, в той же программной речи 17 марта 1909 г.: «Что касается до регламентации, то я не верю в ее успешность. Как ни заманчива цель перейти от беспорядочно партизанского заселения Сибири к планомерному выселению в Сибирь организованных переселенческих отрядов, достигнуть ее едва ли возможно. В живом народном деле следует опасаться канцелярских приемов. Люди идут устраивать новую жизнь, ломая старую. Направлять их искусственно, куда хочет правительство, а не туда, куда их самих тянет, это брать на себя слишком большую ответственность. Единственно, что возможно сделать, это добиться заблаговременного осведомления ходоков о местностях свободных и местностях занятых».

В связи с свободой выбора районов переселения размер правительственной ссуды переселенцам был, согласно закону 1912 г., установлен неодинаковым, сообразно не с антиэкономическим принципом большей или меньшей бедности переселяющихся, а с большей или меньшей трудностью данного района. «Отказываясь от полицейских традиций запрещения и пресечения, регулируя колонизацию только посредством ссудной системы, правительство хоть отчасти вносит известную планомерность в стихийное переселенческое движение» — признает критик «слева» переселенческой политики Н. Огановский²¹). Была создана шкала ссуд, разделенная на семь категорий, от нуля в Западной Сибири до 400 рублей в Приамурье и пограничной с Китаем области, из которых 200 рублей безвозвратно. Косвенной помощи — дорогам, больницам и школам — отдавалось предпочтение перед индивидуальными ссудами.

Затем, в силу принципа экономической рентабельности, а не уравнительного наделения («Нельзя во всей Азиатской России отводить и лучшую и худшую землю одинаково даром» и «Правильная расценка и продажа лучших земель, при единовременном усилении правительственной помощи в суровых местностях, — наиболее верное средство планомерного и прочного заселения Сибири», говорит вышеназванная

записка 22), был внесен в 1912 г. в думу законопроект о продаже переселенцам участков в наиболее удобных местностях Сибири. Законопроект остался думой нерассмотренным, но в порядке фактического и подготовительного осуществления этого решения все предназначенные участки были в 1913 г. 23) изъяты из переселенческого фонда и сдавались их будущим покупателям на 12 лет на особых, льготных условиях, — тем самым привлекались в Сибирь зажиточные элементы крестьянства, более подготовленные для перехода к интенсивному земледелию.

С того момента, как переселение перестало быть способом ослабления малоземелья в Европейской России, сохранение казенного переселенческого фонда в виде неприкосновенного крестьянского заповедника, закрытого для других сословий, становилось антиэкономическим пережитком. Основываясь на этом принципе, Кривошеин был внесен в 1913 г. в думу законопроект о предоставлении права переселения на казенные земли лицам всех сословий на общих с сельскими обывателями основаниях. Вызвавший резкую критику слева, при пассивном отношении думского большинства, законопроект так и не был еще рассмотрен в 1914 г. 24).

Несколько раньше другой, одобренный в марте 1912 г. Советом министров, законопроект касался уже не заселения, а освоения в порядке использования пустующих земель не только Сибири, но и крайнего севера Европейской России, непригодных для мелкого крестьянского хозяйства, но могущих быть использованными, например, для скотоводства или лесной промышленности. Земли эти должны были быть уступлены в собственность крупным частным предпринимателям. Хотя проект и не был еще рассмотрен, он, как и предыдущий, шел вразрез с господствующими народническими настроениями, но был применен ведомством обходным путем. Ведомство сдавало в сравнительно засушливых степях будущего Казахстана «имущественно-обеспеченным скотоводам и коневодам» участки в аренду на срок до 36 лет 25). Одной из целей законопроекта была передача «имущественно-обеспеченным» предпринимателям пустующих земель для промышленной эксплуатации природных богатств: лесной промышленности и ископаемых минералов.

Кривошеин был убежденным сторонником участия крупного капитала, наряду с казной, в освоении природных богатств, и этот «капиталистический подход» к вопросам экономической политики нашел своеобразное отражение в советской историографии: «Главное управление землеустрой-

ством в большей мере (чем министерство внутренних дел) представляло интересы капиталистических кругов помещиков, деятельность его была связана с общим капиталистическим развитием страны » 26).

Для рационального использования азиатской территории для заселения или для других видов освоения большое усилие было приложено на « труды по предварительному изучению естественных свойств предназначенных для колонизации местностей и экономических условий их заселения » 27). Для этого командированные ведомством научные экспедиции обследовали к 1915 г. почти все подлежащие заселению пространства. Так, в 1911 г. они обследовали 10 миллионов десятин, из них 5 миллионов на Дальнем Востоке (из коих 2 миллиона были признаны пригодными для земледелия). В 1912 г. были обследованы Якутская и Закаспийская области. Была составлена почвенная карта Сибири. Признана была возможность земледелия в районах вечной мерзлоты. Иногда ведомство привлекало к этим обследованиям Вольно-экономическое общество, несмотря на определенную оппозиционность последнего к земельной политике Кривошеина.

Осуществленные в 1912-1914 гг. Кривошеиным мероприятия в области аренды государственного земельного фонда и всеобщности заселения были реальным, хотя еще не оформленным шагом в сторону насаждения частной собственности на землю и тем самым к образованию более зажиточного, более культурного и экономически развитого класса в социальной структуре сибирского « мужицкого царства ». « Без этого, — как писал Столыпин Николаю II тотчас по своем возвращении из Сибири в сентябре 1910 г., — бессознательно и бесформенно создается громадная, грубо демократическая страна, которая задавит Россию Европейскую... 28). Тогда как соседство более крупных и культурных хозяйств может помочь общему подъему сельского хозяйства за Уралом и может дать приток свежих сил, образованных и предприимчивых деятелей, без которых едва ли мыслимо поставить и земское и городское хозяйство » 29).

Но ни Столыпин, ни Кривошеин не успели довести до конца внедрения понятия частной, точно ограниченной собственности на землю в массу как старожильского, так и новосельческого крестьянства. Первое пользовалось своей землей на основе заимного, в сущности захватного обычного права « на глаз », без твердого основания на владение определенным участком земли, откуда экстенсивный, варварский, непроизводительный характер земледелия. Что касается до

новоселов, то Столыпин должен был признаться в том же письме Николаю II, что «мы искусственно насаждаем общину в стране, которая привыкла к личной собственности...».

Дело в том, что до 1908 г. включительно огромное нарастание переселения (758 тысяч в 1908 г. против 216 тысяч в 1906 г.) принудило прибегать к более скорому и легко выполнимому отводу больших площадей — в 5-10 тысяч десятин вместе, для общинного устройства переселенческих обществ 30). Приходилось считаться с необходимостью нормализовать как можно скорее стихийное явление, грозившее превратиться в стихийное бедствие.

Во всяком случае, с назначением Кривошеина, как только переселенческая волна начала спадать (316 тысяч в 1910 г.) и ежегодные заготовки участков для новоселов уменьшились с 4,5 миллионов десятин до 1 1/2 миллиона десятин, была, в первую очередь, использована появившаяся возможность отводить площади размером не более 1500-2000 десятин «в виде удобных для последующих разделов небольших хозяйственных единиц» 31); а главное, стали отводить половину участков для каждого домохозяина отдельно, в виде отрубных владений (с общим поселением в центре) в бессрочное единоличное пользование, а также выделять для хуторов поселки 32).

В замысел Столыпина и Кривошеина входило уравнивание как старожилов, так и новоселов, с крестьянами европейских губерний в области землеустройства и тем самым признания за ними права собственности на их наделы. Осуществление этого принципа, было в бескрайней сибирской шире условием перехода экстенсивного, часто варварски разрушительного сибирского земледелия на интенсивное, культурное хозяйство. Однако внесенный еще в 1911 г. в думу соответствующий законопроект, так и не был рассмотрен ею до самой войны. Благожелательное отношение 3-ей и 4-ой дум к переселенческой политике Столыпина и Кривошеина слишком часто сопровождалось робостью или пассивностью, когда приходилось принимать смелые решения, и ни Коковцов, ни сменявшиеся министры внутренних дел не интересовались вопросом такой капитальной важности.

Как и в вопросе продажи ценной земли переселенцам или пустующих земель — частным владельцам, Кривошеин мог только готовить или реализовать фактически право собственности в обход существующих законов.

Эти подготовительные работы начали проводиться тотчас по вступлении Кривошеина в должность: законом июня 1909 г. 33) были установлены ссуды сельским обществам на вну-

тринадельное межевание, т. е. отграничение наделов как новоселов, так и старожилов, не имевших точных наделных границ. Всего из 33 ¹/₂ миллионов десятин, подлежащих отводу старожилам, с 1898 по 1913 г. было запроектировано наделов до 20 миллионов десятин, в том числе отграничено в натуре 11 миллионов десятин и составлено отводных записей, т. е. окончательно оформлено 6 миллионов десятин 34).

Кроме того, были отграничены (законы 1914 г.) земли семиреченских, амурских и уссурийских казаков, с предоставлением им, как и их соседям, крестьянам и инородцам, определенных наделов, что позволяло установить существование возможных земельных запасов для заселения переселенцами 35).

С назначением Кривошеина началось переселение в Семиречье и заселение киргизской степи, сопровождаемое переходом на оседлость киргизских кочевников 36). До него местные власти отрицали возможность переселения туда и существование там свободных земель, между тем как Семиречье было богато высококачественным черноземом 37). Естественно, что, как всякая недобровольная ломка векового жизненного уклада, этот процесс был болезненным для кочевников, но еще более несомненно то, что он вел к экономическому прогрессу. «Не могу оберегать кочевое хозяйство на черноземе в ущерб русским земледельцам», — заявил Кривошеин в думе в марте 1909 г., а записка о переселении 1910 г. утверждала, что «от широкого прилива русских переселенцев выиграют и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность».

Переход от антиэкономического кочевого быта на оседлость должен был освободить огромные пространства для переселения. Переход производился постепенно, ежегодным отводом нескольких сот тысяч десятин оседлым киргизам в собственность, по 10 десятин на мужскую душу вместо прежних 40, что вполне отвечало соотношению между продуктивностью кочевого быта и основанного на оседлости хлебопашества.

Переход на оседлость был полностью осуществлен советской властью. Можно добавить, что принцип перехода кочевников на оседлость признан Международной Организацией Труда необходимым условием прогресса всех развивающихся стран, с хотя бы частично существующим кочевым хозяйством 37а).

Для руководства заселением Дальнего Востока был организован специальный комитет под председательством Столы-

пина и Кривошеина. Заселение Дальнего Востока носило с самого начала геополитический характер, а затем особое внимание было обращено на промышленное развитие края. Соседство с Китаем и неизбежность заселения этого края китайцами из-за отсутствия русского населения вынудило правительство начать его колонизацию еще в 80-х гг. Поощряемая затем, после русско-японской войны, земледельческая колонизация дала только относительно благоприятные результаты и вызвала большой процент возвращения из-за тяжелого климата и пустынного характера края. Заселение стало развиваться в связи с постройкой Амурской железной дороги, законченной в 1915 г. Именно благодаря ей край открылся освоению. По словам советского экономиста П.И. Лященко, дорога «открыла в этом районе обширнейший земледельческий колонизационный фонд и обширный лесной фонд для промышленной эксплуатации и экспорта» 38). Уже в 1913 г. ввиду отсутствия частной инициативы, ведомство разрабатывало проект создания, в целях освоения края, крупных казенных лесопромышленных предприятий 39).

Освоение края энергично проводилось ген.-губернатором Н.Л. Гондатти, обязанным своей успешной карьерой содействию Кривошеина. Для разработки правительственных мероприятий в начале 1913 г. было создано при ведомстве землеустройства Особое совещание под председательством Гондатти, тем более необходимое, что заменивший Столыпина в Комитете по Дальневосточным делам В.Н. Коковцов не проявлял большого понимания в этом вопросе.

В феврале 1913 г., Совет министров одобрил 40) поддержанное Кривошеиным предложение Особого совещания установить на ввоз манчжурского зерна на Дальний Восток, пошлину (30 копеек с пуда), без которой было невозможно развитие, даже существование там земледелия и, следовательно, заселение этого пустынного края, неизбежно ставшего бы китайским или японским, во всяком случае — потерянным для России. Мера была одобрена Советом министров единогласно, против одного Коковцова, считавшего, что она неблагоприятно отразится на финансовых интересах Восточно-Китайской железной дороги *).

*) В июле 1913 г. Коковцов сорвал проект Приамурского колониационного банка, одобренный в апреле межуведомственным совещанием Гондатти. Банк с капиталом в 25 милл. руб. должен был быть образован при участии городов и биржевых комитетов. Коковцов отказал в правительственной гарантии облигациям банка. («Новое Время», 8 июля 1913 г.).

Ввиду трудностей, встречаемых земледельческой колонизацией, было положено начало «промышленному», т. е. рабочему переселению на Дальний Восток, необходимому условию развития там промышленности. Для этого был применен метод, упомянутый Витте в его записке 1902 г. касательно рабочих, строивших Сибирский путь: рабочим, занятым на постройке Амурской дороги, которых приходилось привозить из Европейской России (их число достигло 106 тысяч в 1912 г. против 52 тысяч в 1911 г.) 41), давались льготы и ссуды на оседание. Одновременно была начата индустриализация края, связанная с возможностью использования высококачественного сахалинского угля. В начале 1914 года был решен положительно вопрос постройки большого порта в Александровском посту для вывоза угля, а в июне того же года были пущены в ход частным товариществом в Тетюхе заводы по обогащению серебряносвинцовой и цинковой руды 42). Был запрещен «желтый», т. е. китайский труд на казенных предприятиях. В 1914-1915 годах дальневосточные области стояли на первом месте по развитию промышленности в Сибири и на втором месте, после Царства Польского, по развитию городской жизни в империи. В них русское хозяйство, в том числе и земледелие, поддерживалось городом и промышленностью 43).

Министр земледелия был, в силу руководства им Переселенческим управлением, «министром Азиатской России»; в круг его деятельности входили не только нормальные обязанности земства, в Сибири не существовавшего, но и ряд сродных, как открытие школ, больниц, церквей, помощь «водворяемым» земледельческими орудиями, строительными материалами и пр. Неудивительно, что Переселенческое управление было удачно названо «Всеазиатской земской управой» 44). На нем лежала организация врачебной помощи, еще недостаточной: 416 врачебных и фельдшерских пунктов в районах водворения, на которых работало 130 врачей и 684 фельдшера в 1915 г., выполнявших колоссальную работу (до 1.357.000 амбулаторных посещений в год). Во всяком случае, переселенческая масса была предохранена от эпидемии холеры, распространявшейся во многих районах Европейской России в 1908 г. и средняя смертность у нее (40/1000) только немногим превосходила столичную (32/1000). В бюджет ведомства входило проведение шоссейных дорог в переселенческих районах, — в 1914 г. их сеть достигла 12.000 верст при годовом ассигновании в 5 миллионов рублей 45).

Кроме этой местной работы, Кривошеин, посредством

Переселенческого управления, принял активное участие в разработке проектов постройки железных дорог между азиатскими областями, необходимых для земледельческого и промышленного развития Азиатской России, а главное, оказал энергичное воздействие на их реализацию 46). В отчете об его поездке со Столыпиным в Сибирь было указано на необходимость постройки Южно-Сибирской магистрали, « призванной тесно связать нашу Сибирскую окраину с мировым рынком, дать южным киргизским степям, богатым хлебом, скотом, золотом, медью и каменным углем возможность сбыта этих богатств ». Рассмотренный особым междуправительственным совещанием этот проект был одобрен Советом министров 17 февраля и 27 апреля 1911 г. Согласно с особым журналом этого учреждения за этим числами по вопросу о сооружении железных дорог в Западной Сибири и Северном Туркестане, Совет министров пришел к заключению, что почти неиспользованный край южно-сибирских степей действительно нуждается в магистральном рельсовом пути, который облегчит заселение края и даст выход произведенным продуктам. На основании представленных обширных материалов и изустных объяснений А.В. Кривошеина Совет министров пришел к заключению, что район проектируемого Южно-Сибирского пути является одной из лучших частей Сибири (Тургайская, Семипалатинская и Акмолинская области).

« Согласно с изустным заявлением А.В. Кривошеина, нет уже сомнения в пригодности для земледелия большинства местностей, пересекаемых Южно-Сибирской магистралью (только у Семипалатинска встречаются солончаки, могущие быть использованными для промышленного скота, как разведение тонкорунных овец) ». Наконец « обилие здесь ископаемых богатств и счастливое сочетание в означенных местностях залежей металлов и каменного угля дают надежду на развитие в ней черных промыслов ». Дорога должна была соединить Сибирский путь с западной частью Ташкентской дороги, обходя Уральский хребет с юга 47).

Одобрение этого плана открывало новые перспективы освоения Азиатской России, — перспективы ее индустриализации.

В главе « Конфликт с Коковцовым » излагается, как последний затягивал выполнение программы железнодорожного строительства, пока наконец, под сильным давлением Кривошеина и Рухлова, им не был заключен железнодорожный заем в Париже (октябрь 1913—январь 1914 г.). Рассмотренный комиссией Государственной думы весной 1913 г. 48),

проект Южно-Сибирской магистрали (Орск-Акмолинск*)-Семипалатинск, протяжением в 1618 верст) был наконец одобрен Советом министров 19 декабря 1913 г. 49), а 16 июня 1914 г. 50) второй департамент Государственного совета одобрил в качестве последней инстанции выдачу концессии частной группе, возглавляемой Вл. Ф. Треповым, притом отмечалось, что Рухлов, Кривошеин и Барк высказались за это решение, против сооружения дороги на средства казны (стоимость дороги исчислялась в 116 миллионов рублей). Необходимый для оживления Сибири приток иностранных капиталов, благодаря тому, что заключенный в Париже заем был унификационным для всех предположенных к постройке в России линий, оставлял в руках русского правительства контроль над строящимися линиями.

19 июня 1914 г. 51) тот же второй департамент разрешил постройку дороги Орск-Троицк и дороги, идущей от этой линии на Магнитную Гору. Как известно, приостановленная войной эта ветвь к основанному в 1929 г. городу Магнитогорску была сооружена в 1930 г. Решение Государственного совета положило начало, 15 лет до того, образованию крупного промышленного района Азиатской России.

Линии Троицк-Кустанай и Новониколаевск-Барнаул-Семипалатинск, проходящие по черноземной степи, одобренные к постройке «при ближайшем участии Переселенческого управления» 52), были закончены, первая — 1 декабря 1913 г., вторая — в 1916 г. 53).

В мае 1913 г. было разрешено производить изыскания на предмет постройки линии от Кольчугина до Барнаула с ветвью на Кемерово для обслуживания угольного бассейна и хлебных районов 53а).

К 1917 г. Кольчугино (будущий Ленинск-Кузнецкий) и Кемерово были уже соединены рельсовым путем с Великим Сибирским путем.

В начале 1914 г. ведомство энергично добивалось сооружения Усинской железной дороги для соединения Усинского края, граничащего с Урянхайским, с Красноярском. Предполагалось заселить этот гористый край русскими поселенцами. За отсутствием рабочих рук на месте, ведомство предлагало использовать саперные части 54).

Какой же итог можно подвести переселению? Каковы

*) Теперь Целиноград.

были бы его перспективы, если бы война и революция не изменили ход истории?

Иначе говоря: что дало переселение и что могло оно дать? На теневые стороны этого огромного процесса закрывать глаза нельзя: возвращение обратно тех 18%, которые не вынесли трудностей и не водворились прочно, вечное движение «слепого переселения», экономически и духовно слабых элементов, передвигавшихся внутри Сибири с одного места на другое, не приписавшихся к старожилам, но получивших ссуду. Численность этих элементов, на две трети самовольцев, достигала 700.000 в 1910 г. и если 314.000 душевых долей, заготовленных для переселенцев, тогда пустовали, то одновременно 344.000 мужских душ⁵⁵), которые могли бы занять их, оставались еще на положении неводворенных, потому ли что они не облюбовали предложенные им участки, оттого ли что условия жизни, например — в тайге, были слишком чужды уроженцам Украины?

Но если Столыпин насчитывал еще в 1910 г. до 700.000 неустроенных, в большинстве своем из числа прошедших за 1907-1909 гг. 690.000 самовольцев, то постепенно, благодаря отграничению земель старожилов, освободившему значительную площадь до того анархически используемой земли, а также за счет кабинетских земель, большинство самовольцев было водворено. Так, в Томской губернии к 1912 г. оставалось всего 33 тысячи неводворенных из 224.500⁵⁶). Из них немалый процент оказался вообще неспособным вести самостоятельное хозяйство и работал в батраках как у старожилов, так и у преуспевавших новоселов.

Нельзя упускать из виду, что переселенческая стихия была одним из самых иррациональных проявлений массового психоза, которых знала история, где слабые и случайные элементы вливались наряду с сильными в искания новой жизни, слишком часто не находя ее. Правительство могло только предупреждать о трудностях разъяснениями, требовать от выселяющихся обследования земель ходаками, направлять волну в наиболее благоприятные места, оставляя им, однако, свободу выбора, — всякая регламентация вызывала только параллельную волну «самовольцев». Оставалось только дать место естественному отбору экономических и человеческих факторов, помогать переселяющимся в пути и на месте поселения и, облегчив возвращение неприспособившимся, предохранить все предприятие от хаоса.

Если иррациональный характер переселенческого психоза был слабой, неукладывающейся в нормально задуманные

организационные планы стороны движения, то в нем таилась и сила, помогавшая многим и многим преодолеть все трудности: этой силой были православная вера, которая вместе с неприхотливостью и долготерпением русского крестьянина была одним из благоприятных факторов успеха этого трудного демографического процесса. В критике работы Переселенческого управления, упоминается о том, что Кривошеин обращал особое внимание на обслуживание религиозных нужд переселенцев постройкой церквей (но строились и школы) и временных молитвенных домов, — часто подвижных 57); с точки зрения эффективности переселенческого дела, подобная политика себя оправдала 58).

Главная трудность организационной работы коренилась в недостатке отпускаемых финансовым ведомством ассигнований, хотя они и возрастали из года в год (4,8 миллионов рублей в 1906 г., 25 миллионов рублей в 1910 г. и 30,2 миллиона — в 1914 г.), и вытекающая из этого ограниченность агрономической помощи после водворения. До 1910-1911 гг. в Сибири Переселенческое управление называлось « маломочным » ведомством, на подобие « маломочного », впоследствии « бедняцкого », крестьянства.

Но несмотря на все это переселенческое дело преуспевало. Подавляющая часть водворившихся переселенцев не только сжилась со старожильческим населением, но стала фактором прогресса для старожилов и для всего сибирского народного хозяйства. « Для экономики Сибири, — пишет советский экономист П.И. Лященко 59), — имел значение не только этот приток людей, но и все ценности, которые они стали вносить в сибирское хозяйство. В результате повышения переселенческой волны в 1907-1909 гг. началось усиленное освоение новых земель, рост посевных площадей, развитие животноводства ». « Спустя несколько лет после переселения хозяйства новоселов становились (особенно после проведения железных дорог и развития рыночного сбыта) типично мелко-товарными » 60).

Эта советская оценка значения для Сибири переселения совпадает с высказываниями Кривошеина в его записке 1911 г., что « переселение является за Уралом главной движущей силой и деятельным творческим началом, под влиянием которых сдвигаются с места и переустраиваются все отношения... »

« Не было усовершенствования в сельском хозяйстве, которым Сибирь не была бы обязанной переселенцам » 61), — так обобщил французский исследователь переселения общепринятое мнение русских исследователей этого вопроса.

Не входя в подробности, достаточно указать на рост вывоза масла (с 400 пудов в 1894 г. до 4^{1/2} миллионов), почти целиком экспортированного в Англию *), на увеличение в Алтайском округе посевных площадей на 70 % между 1905 и 1915 гг. 62), сопровождаемое пятикратным увеличением товарности хлеба (с 10,5 миллионов пудов в год до 50 миллионов), на то, что только за 1907-1910 гг. возрастание одних азиатских посевов составило 40 % всего общеимперского прироста, на развитие скотоводства 63), по количеству голов на 100 жителей не только опередившего Европейскую Россию, но и большинство стран Западной Европы 64); по чьему-то меткому определению, свинья лишила первенства соболя. Рост скота и посевов почти вдвое превышал бурный рост населения — признак необычного развития производительных сил, никогда не наблюдавшегося в коренной России, где наблюдалось обратное. « Сибирь всасывала в себя поток людей и затем начинала выбрасывать на внутренний рынок потоки пшеницы, масла и других сельскохозяйственных продуктов » 65), признавал радикальный экономист Н. Огановский.

Несравненно больше, чем во внутренних губерниях, крестьяне в Сибири пользовались усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, в том числе и новоселы, — последним открывались все возрастающие ссуды Государственного банка (9 миллионов рублей в 1914 г.) 66).

И все же земледелие оставалось недостаточно интенсивным, « мужицким », велось непредусмотрительно, в результате чего для сибирского народного хозяйства после быстрых успехов, связанных с проведением Сибирского пути, создавалась опасность застоя. Следовало спешить с осуществлением второго этапа программы Кривошеина. Для того чтобы интенсификация земледелия стала осуществимой, нужно было путем внутринадельного межевания и проведения в жизнь права собственности заинтересовать в этом крестьянство, а также отучить его от хищнического использования неизвестно кому принадлежащей земли; нужно было образовать культурные частные владения. Но для того чтобы интенсификация земледелия стала рентабельной, необходимо было создать большой внутренний рынок, иначе говоря, путем индустриализации развить промышленное заселение и умножить крупные населенные пункты, потребители продуктов сельского хозяй-

*) Стоимость вывезенного в 1912 г. в Англию масла — 68 милл. руб., превышала в два раза, в рублях, производство сибирского золота. Развитие производства масла произошло благодаря технической помощи ведомства, содействовавшего созданию кооперативов.

ства. Это была самая трудновыполнимая часть программы, так как привлечь в Сибирь рабочие руки даже при высокой заработной плате было нелегко. А между тем освоение Сибири, сначала рассматриваемое как простое заселение ее поверхности, становилось, прежде всего, эксплуатацией ее недр 67). Развитие железнодорожной сети, первое условие всякой индустриализации, вошло в область фактического осуществления накануне войны и было направлено на образование внешних и внутренних рынков и на «развитие черных промыслов» 68). Вне сомнения, в этой области, в экономической политике правительства, начиная с 1912 г. ощущается поворот. Записка Столыпина-Кривошеина предвидела большие возможности развития добычи меди и свинца, благодаря проведению железных дорог, но она указывала на то, что Сибирь еще надолго останется земледельческой страной из-за отсутствия рабочего населения и местных капиталов, при умеренном развитии обрабатывающей промышленности. Столыпин относился к иностранному капиталу довольно сдержанно. Как известно, он мечтал о «национализации», т. е. руссификации кредита; Южно-Сибирская магистраль должна была быть сооружена на казенные средства. Взгляд Кривошеина эволюционировал в этой области в несколько ином направлении. Деятельность «Копикуза» (см. примечание 53а), группы Вл. Ф. Трепова, тесно связанной с французским и немецким капиталом, смогла быть направлена, с 1912-1913 гг., к сооружению осуществленного впоследствии Кузнецкого металлургического комбината, а постройка Южно-Сибирской магистрали была поручена, по настоянию Кривошеина, той же группе при использовании заключенного в Париже займа. Одновременно с этим постройка линии на Магнитную гору входила в программу развития металлургии этой части Урала. Отставка Коковцова 30 января 1914 г. и «новый курс», взятый правительством в экономической политике по инициативе Кривошеина, открывали интересные перспективы в области более интенсивной эксплуатации естественных богатств страны и выполнения разработанной по инициативе Переселенческого управления программы железнодорожного строительства и использования водных путей 69).

Кривошеин, как и в прочих отраслях своего ведомства, сумел подобрать себе высокого уровня сотрудников. Переселенческое дело неразрывно связано с Г.В. Глинкой, его многолетним начальником, а во время войны руководителем снабжения армии продовольствием, автором земельной реформы в Крыму в 1920 г.

Ощущалось ли в азиатской политике Кривошеина проявление того, что принято называть «русской великодержавностью»? В этом нет сомнения, да это и не скрывалось. Заселение пограничных областей — Дальнего Востока, Урянхайского края, Прикульджинской полосы, Муганской степи в Закавказье русскими переселенцами — отвечало этой политической линии и вытекало из его государственного мировоззрения. Впрочем, заселение этих нескольких пограничных районов было только подробностью геополитики, которую на прочной экономической основе стремился осуществить А.В. Кривошеин, «министр Азиатской России»: превратить Сибирь из чрезмерного, инертного придатка исторической России в органическую часть становящейся, евразийской географически, но русской по культуре Великой России.

1) F.X. Coquin, «La Sibérie, peuplement et immigration paysanne au XIX siècle, Paris 1969. В своем труде автор, кроме литературы на эту тему, использовал документы Ц.Г.И.А.Л.

2) О роли Витте в этой фазе переселения: Б.Б. Глинский, «Пролог русско-японской войны», «Исторический Вестник», С.П.Б., т. 135 и 136. В этом труде опубликованы, некоторые полностью, другие частично доклады и записки о Великом Сибирском Пути, касавшиеся также и переселения. Также F.X. Coquin, ук. соч., М.Н. Энден — «Граф С.Ю. Витте», «Возрождение», Париж, февр. 1971, стр. 96.

3) Б.Б. Глинский, ук. соч., «Истор. Вестник», январь 1914 г., т. 135, стр. 179-199 и т. 136, стр. 1035.

4) Г.В. Глинка, «Азиатская Россия», издание Главного управления землеустройством и земледелием, С.П.Б., 1914 г., т. I, стр. 459.

5) Там же, стр. 460-461.

6) F.X. Coquin, ук. соч., стр. 468. Гиппиус был управляющим делами комиссии Сипягина, тов. мин. вн. дел, высказавшейся против переселения.

7) Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, стр. 462.

8) Дубровский, «Столыпинская земельная реформа», Москва, 1963 г., стр. 390.

9) Sineokov, «La colonisation russe en Asie», Париж, 1929, докторская диссертация при Лозаннском университете, так охарактеризовал работу Переселенческого управления: «Можно все же сказать, что, в целом, управление хорошо повело дело: за 12 лет (1893-1904 гг.), 620.000 участков было отведено на площади 11,5 миллионов десятин для 1,2 миллиона переселенцев обоого пола, не считая детей».

10) В. Вошинин, «Колонизационное дело при А.В. Кривошеине», Петроград, 1915 г., стр. 18.

11) Глинка, ук. соч., т. I, стр. 469 и след.

12) После ухода В.И. Гиппиуса Кривошеин, за неимением достаточного служебного стажа, не мог быть назначен начальником управления и руководил им фактически, в то время как товарищ министра вн. дел, А.А. Стишинский совмещал на бумаге эту должность с должностью начальника управления. В 1902 г. он был назначен исправляющим должность начальника, а в 1904 г. — начальником.

13) Б.Б. Глинский, ук. соч., «Истор. Вестник», июнь 1914 г. т. 136, стр. 1032-1088.

14) Там же, стр. 1038; записка была также опубликована под наз-

ванием «Значение колонизации Сибири и будущего наших тихоокеанских портов» по всеподданнейшему докладу министра финансов в «Русском экономическом обозрении», в 1903 г.

15) Глинский, «Ист. Вестник», т. 136, стр. 1045.

16) Глинка, ук. соч., т. I, стр. 463; F.X. Coquin, ук. соч., стр. 711-713.

17) Комитет Сибирской дороги был упразднен в сентябре 1905 г.

18) F.X. Coquin, ук. соч., стр. 736.

19) «Новое Время», 17 марта 1909 г. В это время в крайне правом секторе думы разрабатывались фантастические проекты довести переселение до нескольких миллионов душ в год, с целью ослабления малоземелья.

20) Было бы праздным занятием разбирать, что в записке принадлежит Столыпину и что Кривошеину. Их взгляды дополняли друг друга. И тот и другой обладали даром яркой и убедительной формулировки своих взглядов: Столыпин — словом, Кривошеин — пером. Но Кривошеину, как и Вите, было более свойственно схватывать значение чисто экономических двигателей великих исторических процессов, — его «стаж» в мире московского торгово-промышленного капитала не прошел для него даром. Во всяком случае, отчет о путешествии в Сибирь и записка на ту же тему были написаны его «пером», И.И. Тхоржевским, притом отчет — в очень своеобразных обстоятельствах. Сама идея поездки принадлежала Кривошеину, как способ привлечь внимание правящих кругов и общественности к заселению Сибири путем издания интересного и убедительного отчета об этой поездке. Поэтому, еще до принятия окончательного решения Кривошеин обратился к И.И. Тхоржевскому, хорошо знавшему обстановку на местах, с парадоксальным предложением написать предварительно проект отчета; поездка должна была быть осуществлена только если «отчет» получится интересным. Тхоржевскому это удалось, поездка состоялась, но Иван Иванович проводил ночи напролет в поезде, дополняя и исправляя применительно к реальности заранее написанный текст.

21) Н. Огановский. «Очерки по аграрному вопросу», «Вестник Европы», декабрь 1913 г., стр. 287.

22) «Мы раздаем крестьянам, наравне с заимной землей, землю стоящую уже теперь 100 рублей», писал Столыпин Николаю II 26 сентября 1910 г. (Красный Архив, 1928 г., вып. 30, стр. 82-83).

23) Правила 6 января 1913 г.

24) В. Воцинин, ук. соч., стр. 10; Дубровский, ук. соч., стр. 386, ошибается, утверждая, что закон был рассмотрен.

25) Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, стр. 574; Воцинин, ук. соч., стр. 14. Поощрялось также разведение тонкорунных овец мериносов. Развитием коневодства заинтересовались и Главное управление по коннозаводству и Управление по ремонту армии.

26) Дубровский, стр. 90.

27) Объяснительная записка к смете Переселенческого управления на 1909 г.

28) «Красный Архив», 1928 г. вып. 30, стр. 82-83.

29) Записка Столыпина и Кривошеина, СПб. 1911 г.

30) Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, стр. 474.

31) Там же, т. I, стр. 474.

32) Там же, т. I, стр. 476.

33) F.X. Coquin, ук. соч., стр. 735.

34) Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, стр. 476. Основываясь на том, что из-за колоссальности задания не предполагалось пока сводить отграниченные земли на отруба, Огановский (ук. соч., стр. 282-283) усматривал в этом опасность закрепления чересполосицы. Однако отграничение было непременно условием к переходу к более интенсивному, менее хищническому хозяйству.

35) В. Воцинин, ук. соч., стр. 12.

36) Инструкция Совета министров 9 июня 1909 г. о порядке определения земельного фонда в районе киргизского землепользования (В. Воцинин, ук. соч., стр. 12).

37) «Новое Время», 5 июля 1910 г.; он нашел способного сотрудника в лице генерал-губернатора Туркестана, ген. Самсонова, погибшего в августе 1914 г. в Восточной Пруссии.

37а) Примером рационального использования кочевого хозяйства была Кулундинская степь, в Барнаульском округе. Вся ее площадь — 913.000 дес., сдавалась за 3.000 руб. в год 1.089 кибиткам киргизов; в 1907 г. киргизам было оставлено 167.000 дес. (150 на кибитку), а на 746.000 дес. было поселено в 1909 г. 55.000 переселенцев в 200 деревнях и основан город Славгород (Записка Столыпина-Кривошеина).

38) П.И. Лященко, «История народного хозяйства СССР», Москва, 1947 г., т. 2., Капитализм, стр. 521.

39) «Новое Время», 22 марта 1913 г.

40) «Новое Время», 2 марта 1913 г.

41) Огановский, ук. соч., ноябрь 1913 г., стр. 292.

42) «Новое Время», 18 мая 1914 г.

43) Огановский, ук. соч., стр. 292.

44) В. Воцинин, ук. соч., стр. 17.

45) Глинка, ук. соч., т. 2, стр. 469.

46) «Благодаря настойчивости А.В. Кривошеина», пишет думский депутат В. Воцинин, «последовательный план постройки, в интересах колонизации, железнодорожных путей был подробно разработан в 1912 г.» (ук. соч., стр. 19).

47) Глинка, ук. соч., т. II стр. 552-554.

48) «Новое Время», 1 марта 1913 г.

49) Там же, 20 дек. 1913 г.

50) Там же, 17 июня 1914 г.

51) Там же, 20 июня 1914 г.

О том, как необходимо было расширение железнодорожной сети, свидетельствует член Думы В. Воцинин в заметке под названием «Наша Канада» в «Новом Времени» от 23 марта 1913 г.: «У озера Чана, в 80 верстах от магистрали, все больше железнодорожной лихорадкой: «Когда же дорога?» «Пустынная целина дает прекрасные урожаи, но какой смысл вырабатывать горы хлеба, когда нет сбыта».

52) «Новое Время», 1 янв. 1913 г. и 2 декабря 1913 г.

53) Концессия на постройку второй дороги была выдана группе Утина, председателя Учетного и Ссудного банка, в котором были заинтересованы немецкие капиталы («Новое Время», 13 марта 1912 г.). Об окончании линии: Б. Сов. Энцикл., 1950 г., т. 4, стр. 251.

53а) Вл. Ф. Трепов основал в 1912 г. Акц. Общество Кузнецких угольных копей «Копикуз». Геологические разведки, произведенные в 1913-1914 гг. к югу от Кузнецкого бассейна, показали большие запасы железной руды. В 1916 г. «Копикуз» окончательно принял решение строить крупный металлургический завод («Русская Мысль», Париж, 9 марта 1912 г., статья М. Ошарова). При советском строе был создан крупный комбинат, однако, в первые годы руда привозилась из Магнитогорска, за 2.000 км. и только впоследствии была использована местная руда. («Новое Время» 3 мая 1913 г., Больш. Сов. Энцикл., 1950 г., т. 4, стр. 603).

54) «Новое Время», 15 февр. 1914 г.

55) F.X. Coquin, ук. соч., стр. 722.

56) Н. Огановский, ук. соч., стр. 279; «Записка Столыпина и Кривошеина».

57) Дубровский, ук. соч., стр. 400.

58) В период максимальной волны переселенцев, т. е. в 1906-1914 гг., ежегодный процент возвращавшихся был значительно ниже 18 0/0 — в среднем 9,1 0/0 за 1906-1909 гг., притом в год максимального роста

переселения (664.777 душ в 1908 г., 758.812 с ходоками) этот процент был всего 6,8. Резкое повышение произошло в течение двухлетия 1910 и 1911 гг.: 36,3 и 61,3 0/0, из-за катастрофической засухи, посетившей Западную Сибирь. Критики правительства слева писали тогда о «крахе переселенческой политики», однако процент этот так же резко спустился на 18,9 в 1913 г. и на 11,4 в 1914 г. Ведомство не раз обвинялось в перевозке переселенцев в теплушках «как скот». Никогда Сибирский путь не смог бы перевести 750.000 переселенцев с их скарбом за одно лето в вагонах 3-го класса, но начиная с 1910-1911 гг. было пущено большое количество вагонов 4-го класса, вмещавших переселенцев и их скарб в условиях, подобных условиям 3-го класса. Вагоны продолжали быть заказываемы в 1914 г. несмотря на уменьшение переселенческой волны. Отметим, что между 1896 и 1909 г. 67 0/0 возвращенцев были самовольцами, притом 60 0/0 из них вернулись в том же году, даже не попытавшись обосноваться. (Дубровский, ук. соч., стр. 390 и след., «Записка Столыпина и Кривошеина»).

59) П.И. Лященко, ук. соч., стр. 523.

60) Там же; в 1912 г. обработанная площадь хозяйства переселенца достигала 17,25 десятин в среднем, после 10 лет. Обыкновенно первоначальный капитал переселенца удваивался в срок от 4 до 8 лет, в зависимости от района (Синеоков, ук. соч., стр. 194).

61) F.X. Coquin, ук. соч., стр. 736.

62) Дубровский, стр. 418.

63) В обеих столицах 45-50 0/0 мяса шло из Сибири.

64) Дубровский, ук. соч., стр. 439.

65) Огановский, ук. соч., стр. 273.

66) Дубровский, ук. соч., стр., 431, по отчетам банка.

67) F.X. Coquin, ук. соч., стр. 736-737.

68) Заявление Кривошеина на Совете министров 17 февр. 1911 г.

69) Значение этого поворотного пункта в промышленном развитии Сибири за несколько лет до войны 1914 г. отмечается R. Girault в очерке помещенном в «Revue Historique», Paris, март 1973 г. стр. 218.

70) Установление связи Камы с Иртышом каналом и шлюзованием.

ОРОШЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОБЛАСТЕЙ И ЗАКАВКАЗЬЯ

Годы, предшествовавшие первой мировой войне, совпали с разработкой и началом выполнения «министерством Азиатской России» первых многолетних планов орошения и освоения пустынных степей Средней Азии и Закавказья. Приостановленное войной, выполнение этих планов, значительно расширенных, было закончено часто много лет спустя, уже при советском строе.

Политика освоения этих пустынных областей преследовала тройную цель: их экономическое оживление, заселение русскими переселенцами и развитие культуры хлопка для полного удовлетворения спроса текстильной промышленности, ввозившей значительную часть сырья из-за границы и зависевшей от американского рынка.

Если частная инициатива, в особенности московские текстильные промышленники с Т.С. Морозовым во главе, уже давно (с 1884 г.) заинтересовалась развитием культуры хлопка туземным населением «русского Египта», то правительственные органы держали себя долгое время пассивно, в значительной мере за неимением кредитов, которых финансовое ведомство еще при Витте отказывалось им давать. Созданный при министерстве земледелия в 1894 г. отдел земельных улучшений смог развить ничтожную деятельность в своей сфере 1), пока, наконец, положение не изменилось начиная с 1909-1910 гг., после того как Кривошеину удалось провести через думу значительные по сравнению с прошлым сметы.

Осенью 1910 г. ведомство опубликовало план освоения Туркестана, основанный на орошении и на развитии культуры хлопка, план одобренный Советом министров 18 марта 1911 года 2). Первой реализацией плана было орошение Голодной степи в теперешней Узбекской ССР посредством Романовского канала длиной в 140 верст, законченного в 1913 г. Постройка будущего канала была начата почти за 10 лет до того, но

интересно сравнить то, что было сделано за эти 10 лет с тем, что было реализовано за полтора года до торжественного открытия канала 5 октября 1913 г. За первые 10 лет стройка продвигалась со скоростью 3 верст в год, причем истрачено было 2 млн. рублей; за последние 18 месяцев, когда Кривошеин поручил дело инженеру С.Н. Чаеву, было построено 103 версты и истрачено всего 2,5 млн., несмотря на более чем утроенный объем работы 3). Между тем пришлось заново произвести изыскания, проектировать новые главные сооружения. Работы производились механизированным способом. В 1915 г., при расходе в 7 млн. рублей, должно было быть орошено 65 тысяч десятин вместо предполагаемых 45 тысяч 4) и заканчивалось сооружение сети малых оросительных каналов общим протяжением в 1.600 верст. Еще в 1913 г. началось отведение переселенцам земельных участков в размере 8-10 десятин, для разведения хлопка, на крайне льготных условиях (безвозмездно первые два года, затем 5 руб. с десятины в течение 6 лет, по 10 руб. в течение следующих 5 лет и по 15 руб. в течение последних 5 лет, после чего участки переходили в их собственность). В 1913 г. уже было заселено 20.000 десятин, а в 1914 г. предвиделось сооружение мелких хлопкоочистительных заводов 5).

Большие гидротехнические сооружения были спроектированы и разработаны, а подготовительные работы к ним начаты в 1914 г. в бассейне реки Чу, в теперешней Киргизской ССР, после длившихся четыре года изысканий 6). Первая часть программы, предвидевшая орошение 32.000 десятин, должна была быть закончена в 1916 г., общая площадь орошаемых земель была запланирована в 200.000 десятин, с подразделением на 4 последовательно осваиваемых участка, с общей стоимостью в 28 млн. руб. Приостановленное войной сооружение этой водной системы было возобновлено в расширенном масштабе советской властью и закончено в середине 50-ых годов.

Для расширения масштабов оросительных работ Кривошеин избрал путь обращения к частной инициативе при чувствительном увеличении государственных капиталовложений. По возвращении из своей поездки в Туркестан весной 1912 г. он внес в думу законопроект, привлекавший частные капиталы для орошения новых площадей, причем часть орошенной земли предназначалась для аренды крестьянам, а остальная сдавалась бы предпринимателям в долгосрочную аренду с оставлением права выкупа для казны. Одновременно с этим был внесен «водный закон», который должен был определить и упорядочить водопользование на поливаемых

землях и выяснить объем водных запасов Туркестана 7). 1 мая 1913 г. был одобрен законопроект о привлечении состоятельных переселенцев с минимумом 1000 рублей капитала 7а).

В 1913 г. Государственная дума по случаю романовского юбилея приняла по инициативе Кривошеина принципиальное решение о создании 150-миллионного фонда, распределенного на 5 лет, для финансирования работ мелиоративного характера в Европейской и в Азиатской России. Ведомство представило в начале января 1914 г. план мелиоративных работ на эту сумму, план, одобренный Советом министров 8 марта 1914 г. после того, как противодействие со стороны Коковцова было устранено его отставкой 8). По пятилетнему плану, на создание «Нового Туркестана» приходилось 39 млн. руб. казенных ассигнований, в том числе 9,7 млн. руб. на изыскания и составление проектов орошения, совместно с частными предпринимателями, огромной площади до 4 млн. десятин в бассейнах рек Сыр-Дарьи, Зеравшана, Или и Чу 9). Кроме того, 10 млн. руб. были предвидены на начало работ по устройству водохранилищ в верховьях Сыр-Дарьи и Зеравшана, 11,3 млн. руб. на орошение в низовьях Аму-Дарьи и в бассейне Чу, а 8 млн. руб. на расширение орошенной площади Голодной степи 10). К работам в бассейне Чу предполагалось приступить в ближайшее время.

Используя начатые в 1906 г. 11) изыскания, ведомство одобрило еще весной 1910 г. проект постройки на частные средства железной дороги Арысь-Верный (Турксиб); 13 марта 1912 г. выдача концессии была одобрена вторым департаментом Государственного совета, высшей инстанции в этой области 12), а в 1915 г. проект был значительно расширен и дорога должна была связать не только Верный (Альма-Ата), но и Семипалатинск с Ташкентом. В 1916 г. уже был сооружен участок Арысь (на Ташкентской дороге) — Бурное (недалеко от Джамбула), а на севере — Семипалатинск-Алейское. Осуществление этого проекта позволило бы, благодаря дешевому южно-сибирскому хлебу, сократить зерновые культуры Туркестана в пользу культуры хлопка и решить проблему обеспечения этим сырьем русской текстильной промышленности, что и случилось при советской власти, когда была закончена дорога: в одной Узбекской республике за 40 лет (1913-1953 гг.) площадь культуры хлопка возросла с 19 до 50 % общей площади, занятой под сельское хозяйство, тогда как зерновые культуры снизились с 70 до 33 %. Между тем этот проект был крайне критически встречен перед войной «левой общественностью», вообще «пораженчески» относившейся к переселе-

нию, заселению и освоению, проводимым Кривошеиным. Так, Н. Огановский, слывший специалистом этого вопроса, спрашивал себя в «Очерках по аграрному вопросу» («Вестник Европы», ноябрь 1913 г., стр. 299), не придется ли привозить туркестанский хлеб в Семиречье? 13).

Крупным заданием было предпринятое орошение и освоение Муганской степи, части Куро-Араксинской низменности в Закавказье. Начало оросительной системы там было положено еще при главноначальнике, кн. Г.С. Голицыне («Голицынская система»), с осуществлением которой с весьма скромной затратой в 312.000 руб., в северной Мугани было орошено 25.000 дес. и основано 16 русских поселков 14). 18 марта 1911 г. Совет министров одобрил представленный Отделом земельных улучшений проект орошения центральной Мугани с площадью в 142.000 десятин и общим протяжением каналов в 2500 верст. Проект должен был быть выполнен в 1915 г. 15). В 1913 г. уже было орошено 70.000 дес., устроено в 49 поселках 20.000 переселенцев, строилось 3 больших канала и ряд гидротехнических сооружений на реке Араксе, на что было ассигновано 11 млн. руб. 16).

В 1913 г. уже разрабатывался проект орошения 160.000 десятин соседних Мильской и Ширванской степей, а в начале февраля 1914 г. Совет министров одобрил для внесения в думу кредит в 10,5 млн. руб., покрывавший первую очередь работ по орошению 87 тыс. дес. Мильской степи системой трех каналов, общей сложностью длиной в 183 версты 17).

В декабре 1912 г. в Мугани был открыт при участии ведомства первый в России крестьянский хлопкоочистительный завод, принадлежавший кредитному товариществу 17а).

После своей поездки в Закавказье в апреле 1913 г., где кроме Мугани, он посетил чайные плантации в Батуме и рыбные промыслы на Каспии 18), Кривошеин изложил план развития Восточного Закавказья в записке, поданной на Высочайшее имя 19). Записка предлагала дать прочное поземельное устройство оседлому населению и ускорить земельное устройство кочевников, т. е. их переход на оседлый образ жизни, осуществленный впоследствии при советской власти; оросить всю площадь пустынных степей Восточного Закавказья, доступную для орошения (1,2 млн. десятин) и предоставить казенные орошенные земли русскому переселению; взять концессию на персидскую часть Муганской степи (в частности для организации там борьбы с прилетающей оттуда саранчой), построить Муганскую железную дорогу и развить ценные культуры, первым делом хлопка, производство кото-

рого должно было возрасти в пять раз и достигнуть 9-10 млн. пудов. Наконец, предлагалось провести железную дорогу от Владикавказа до Тифлиса, через восточную часть Кавказского хребта. Сооружение этой Перевальной дороги, одобренное 16 мая 1914 г., должно было быть закончено ввиду ее большой стоимости (104 млн. руб.) только в 1922 г.

Туземные государства — Хивинское ханство и Бухарский эмират, находившиеся под протекторатом России, не были забыты в программе орошения Туркестана. Да будет мне позволено вспомнить в связи с этим один не совсем обыденный эпизод моего детства. Чтобы получить эту желанную помощь России, прибывшие по случаю романовских торжеств весной 1913 г. в Петербург эмир бухарский Саид-Мир-Алим и хан хивинский Саид-Асфендиар Богадур решили оказать особый почет моему отцу. Прочих министров они посетили в служебных кабинетах министерств, без свиты, тогда как моего отца они почтили в кругу его семьи. В сопровождении многочисленной свиты, одетой в восточные одежды, они прибыли на нашу квартиру на Сергиевской 36. В то время как эмир бухарский, получивший русское образование, совещался с моим отцом, хивинский хан беседовал в гостиной с моей матерью, через переводчика. В качестве младшего я был, по его желанию, представлен хану, спросившему меня, учусь ли я в « медресе »? Их свита угощалась в это время в столовой.

Термины « колонии » и « колонизация » приобрели в настоящее время отрицательный оттенок, но деятельность ведущих людей должна быть рассматриваема в перспективе их времени... А потому трудно счесть за осуждение в плане истории, характеристику руководителя колонизации Средней Азии, данную по поводу оставления им власти : « А.В. Кривошеин, первый министр русских колоний » 20).

-
- 1) « Новое Время », 17 июля 1911 г.
 - 2) Там же, 11 и 19 марта 1911 г.
 - 3) Там же, 8 окт. 1913 г.
 - 4) Г.В. Глинка, « Азиатская Россия », Петербург, 1914 г., т. 2, стр. 252.
 - 5) « Новое Время », 11 авг. 1913 и 21 апр. 1914 г.
 - 6) Там же, 8 окт. 1913 г.
 - 7) В. Воцинин, « Колонизационное дело при А.В. Кривошеине ». Петроград, 1915 г., стр. 16.
 - 7а) « Новое Время », 1 мая 1913 г.
 - 8) « Новое Время », 10 янв. и 9 марта 1914 г.
 - 9) « Азиатская Россия », т. 2, стр. 253.
 - 10) « Новое Время », 24 дек. 1913 г. и 9 марта 1914 г.
 - 11) Постановление Совета министров от 16 мая 1906 г. об изыска-

ниях по сооружению линии Семипалатинск-Уральск и Ташкент-Сибирская дорога через Семиречье («Новое Время», 16 мая 1906 г.).

12) «Новое Время», 16 марта 1912 г.

13) Хлебные излишки только Семиречья исчислялись накануне войны 1914 г. в 28 млн. пудов, привоз 20-22 млн. пудов в Туркестан позволил бы обратить под хлопок 400.000 дес., притом цены на Алтайский хлеб были ниже туркестанских (Глинка, ук. соч., т. 2, стр. 554 и след.). Посевная площадь хлопка достигла 541 т. дес. в 1915 г. против 291 т. в 1905 г. и 41 т. в 1885 г. В 1913 г. производство туркестанского хлопка покрывало около половины потребностей русской промышленности («Новое Время», 1 марта 1914 г. (10-12 млн. пудов из 22-23 млн.).

14) «Новое Время», 10 июня 1911 г.

15) Там же, 19 марта 1911 г.

16) Там же, 3 июля 1913 г.

17) Там же, 15 февр. 1914 г.

17а) Там же, 3 янв. 1913 г.

18) Там же, 27 апр. 1913 г.

19) Там же, 3 июля и 7 сент. 1913 г.

20) В. Вошинин, ук. соч., заключение. Автор был членом думы. Можно еще отметить, что в 1914 г. ведомство располагало 1.000 инженеров и техников по гидротехнической специальности против 126 в 1909 г. 12 млн. руб. было ассигновано в 1914 г. на создание Высшего гидротехнического института в Петербурге.

« МЫ И ОНИ »

Каковы бы ни были результаты, достигнутые им в области аграрной реформы, земледелия и освоения среднеазиатских или сибирских пространств, фигура Кривошеина была бы представлена неполно, если пройти мимо его основной политической задачи: найти выход из взаимного органического непонимания между правительством и обществом и достигнуть сотрудничества между ними. Для него, начиная с определенного момента его деятельности, это стало центральной проблемой всей русской действительности: мирное сосуществование правительства и общества как условие существования русского государства.

На путь разрешения этой задачи Кривошеин стал далеко не сразу. Его эволюция в этом вопросе характерна для этого прагматика и реалиста, далекого от узкого доктринерства. Эту эволюцию интересно проследить.

В послужном списке Кривошеина наряду с перечислением орденов, кавалером коих он состоял, отмечается также медаль в память царствования императора Александра III; она давалась чиновникам, начавшим свой служебный путь в дни этого правителя. Следовательно, как и большинство бюрократов конца прошлого и начала этого века, он получил свою чиновничью формацию в несколько «ватной» атмосфере правительственных учреждений Санкт-Петербурга того времени, огражденной от общественных течений, волновавших живые силы страны. Да и не был ли Кривошеин обязан первыми успешными шагами на службе пусть умному, как считал его Витте, но реакционному гр. Д.А. Толстому? Неудивительно, что пройденная им служебная школа не располагала к манифесту 17 октября, что состав первых двух дум не внушал ему доверия ни к парламентаризму, ни к «левой общественности», чего он не скрывал, играя, быть может, даже в придворных кругах на репутации консерватора, защитника монархическо-дворянских интересов, отсюда его тогдаш-

няя (1904-1906 гг.) близость к И.Л. Горемыкину, Вл. Ф. Трепову и закулисно-влиятельному при дворе Д.Ф. Трепову. Тогда же он принимал участие в консервативной общественной организации «Русского собрания».

Однако, было бы чрезмерным упрощением считать, что он был тогда реакционером. Еще в ультраохранительные годы Плеве, он не постеснялся открыто критиковать репрессивную по отношению к земству политику всемогущего министра, своего начальника 1); несколько позже, в феврале 1906 г. в своем землеустроительном проекте центральное место было отведено Кривошеиным привлечению представителей земства и крестьян в местные землеустроительные комиссии, хотя бы потому, что с присущим ему реализмом он понял, что его ведомство не обладало достаточным штатом служащих для выполнения проекта. Этот реалистический и либеральный подход к практическим вопросам управления был у него не новым: еще в 1898 г., руководя фактически Переселенческим управлением, для организации продажи сельскохозяйственных машин крестьянам в Сибири, где земств не было, он обратился к сотрудничеству местных общественных сил, — то, что 15 лет спустя было названо «живым воплощением принципа «мы и они» 2).

Несмотря на это, при его назначении на министерский пост в 1908 г. в прессе утверждалось, что он был «правее Столыпина». Только пять лет спустя стало известно, что, когда Столыпину удалось с трудом его убедить принять предложенный ему пост, Кривошеин добился от Николая II одобрения призвания на помощь своему ведомству местных общественных сил. При подозрительном отношении царя к общественности это было смелым шагом, хотя полученное одобрение объясняется именно консервативной репутацией назначаемого, — Николай II ему верил.

Этот принцип Кривошеин применял неукоснительно, ясно сознавая, что врученное ему огромное и рискованное задание сможет быть осилено только в сотрудничестве с самой широкой общественностью на местах, от мелкого земского статистика и фельдшера — «третьего элемента» страшного местного начальству — до земского деятеля, не говоря о заинтересованном в этом деле крестьянстве 3).

Пожалуй лучшей иллюстрацией отношения Кривошеина к земледельческой общественности является сравнение условий, при которых был заключен русско-германский торговый договор в 1904 г. С.Ю. Витте, с тем, как началась и шла

подготовка к возобновлению этого договора при Кривошеине 4).

Тогда, в 1904 г., договор был, по словам И.П. Демидова 5), «заключен келейно», «его обсуждение в печати было запрещено, его разработка земствами и доклады о нем на земских собраниях не допускались губернаторами, и даже министерство земледелия не могло сказать своего слова, так как его министр (Ермолов) не был допущен к участию в подготовке и заключении договора. Земледельческая Россия должна была молчать и ее земледелец на 10 лет стал полным данником германского промышленника. Позднее, начиная с 1911 г., по почину А.В. Кривошеина, вопрос о договоре был вынесен на широкую общественную дорогу изучения и подготовки».

Вступив в должность министра, Кривошеин быстро наладил хорошие отношения с думой, чтобы получить от нее необходимые кредиты, и все возрастающий бюджет ведомства (с 46,4 милл. рублей в 1907 г. до 157 милл. рублей в 1914 г.) обыкновенно принимался без затруднений. Исходя из этого «утилитарного» соображения, он убедился, что управление Российской империей возможно только в согласии с думой и общественностью и для его практического склада ума это стало основным правилом его политики. Разумеется, в этой области на него оказал сильное влияние Столыпин.

Также в целях сближения с общественностью использовал он свои семейные связи с московским купечеством, откуда его дружба с А.И. Гучковым 6).

Незадолго до войны, 7 июля 1913 г. *) ему удалось с большой яркостью высказать свой взгляд на основное зло русской государственной жизни той эпохи. Присутствуя при открытии сельскохозяйственной выставки в Киеве, он как бы запросто, за чашкой чая, произнес небольшую речь, содержащую столь нашумевшую фразу «мы и они». Его выступление гласило приблизительно так: «Шесть лет тому назад, вступая в управление ведомством, я изложил Его Величеству свою точку зрения на руководство им. В таком огромном государстве, как Россия, нельзя всем управлять из одного центра, необходимо призвать на помощь местные общественные органы и силы, в распоряжение которых нужно предоставить материальные средства. Эта точка зрения удостоилась одобрения Его Величества и сделалась руководящим лозунгом всей моей деятельности. Я всегда старался привлечь к работе возможно больше

*) «Новое Время», 14 и 16 июля 1913 г.

общественных местных сил. В земстве мои стремления нашли живой отклик, и я радуюсь, что земства всегда шли со своими нуждами в мое ведомство. Я уверен, что недалек тот час, когда настанет тесное сближение земств и моего ведомства. Этому мне нужно только радоваться, ибо в этом залог жизненности моих воззрений и убеждений. Я считаю, что отечество наше лишь в том случае может достигнуть благоденствия, если не будет больше разделения на пагубное «мы и они», разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные стороны, и когда будут говорить просто «мы», разумея под этим правительство и общество вместе».

В этом выступлении, при его осторожной формулировке ощущается некоторая градация эффектов. Сначала Кривошеин настаивает только на сотрудничестве местных органов общественности с его ведомством, как бы не желая затрагивать вопроса сотрудничества общественности с правительством на высшем уровне; зато в заключении он прямо противопоставляет пагубно разделенным на «мы и они», слитые во единое «мы» правительство и общество уже в общегосударственном масштабе.

Впрочем, эта градация, идущая от уже реально существующего сотрудничества его ведомства с общественными органами на местах к желанному, но отнюдь не осуществленному слиянию правительства и общества, отражает взгляд Кривошеина на степень немедленной осуществимости этого слияния. Гр. П. Н. Игнатьев, земец, выдвинутый Кривошеиным на высшие должности в своем ведомстве, а затем на министерский пост, говорит 7), что Кривошеин «видел в нем человека, ставившего основу своего верования так, что только в тесном единении с общественностью и слиянии с ней государственность может вести Россию по правильному пути». Следовательно, этот взгляд Игнатьева совпадал со взглядами Кривошеина, который на практике управления стремился применять это кредо, поскольку это позволяли окостенелые структуры бюрократического строя, выдвигая на крупные посты представителей земства и других общественных слоев. Таковыми были назначения П. Л. Барка, покинувшего государственную службу ради банковской, товарищем министра торговли в 1911 г., или сделанное тоже под его влиянием назначение полтавского земского деятеля кн. Н. Б. Щербатова главноуправляющим государственным коннозаводством в 1913 г., а затем продвижение обоих на министерские должности, а также назначение в 1915 г. А. Д. Самарина обер-прокурором Св. Си-

нода 8). Но тот же Игнатьев говорил, что «Кривошеин был бюрократом по крови и воспринимал общественность не по нутру, а по умственному убеждению». Было бы ошибочно изображать его либеральными сановником, любившим пометать вслух об установлении в России парламентского режима, где власть исполнительная подчиняется партийным группировкам. Придавая капитальное значение согласию правительства с общественным мнением, — с теми «невесомыми» о которых Бисмарк сказал, что они заправляют миром, он сознавал, что укоренившееся в России разделение на «мы и они» ставит этому согласию известный предел, который было бы нереалистично нарушить; кроме того, в своих действиях он был связан определенными взглядами носителя Верховной власти на тех, кто были для него «они». Он искал тесного сотрудничества с думой, а не подчинения беспорядочным инициативам отдельных думцев в области текущей работы бюрократического аппарата, но усматривал в максимально возможном слиянии этого аппарата с местной общественностью, прежде всего с земством, наилучший путь к обновлению царского режима.

Так или иначе, но отношение к нему думы своей друженностью резко отличалось от отношения последней к другим ведомствам. Критика, если и не отсутствовала, то носила благожелательный характер; отмечалось, что ведомство руководствуется думскими пожеланиями. Любопытно, что Кривошеин почти никогда не выступал в думе, — все было улажено и обсуждено в личных сношениях с отдельными влиятельными депутатами. Оправданием такой тактики было якобы отсутствие ораторского таланта у министра, той яркости слова, которой обладал Столыпин, но, думается, была и другая причина. Часто выступая в думе, он был бы вынужден защищать взгляды или не отвечающие надеждам общественного мнения, или не нравящиеся носителю Верховной власти и, таким образом, рисковал потерять расположение обеих сторон.

Ничто не освещает лучше «политическую доктрину» Кривошеина, как провозглашенный им лозунг сотрудничества сил, разделенных на «мы и они». В сущности, кроме преданности монархическому строю и тем патриотическим принципам, которые он определял как «заветы Великой России», его доктрина была прагматическим реализмом без предвзятой идеологической основы, и в этом была его сила. Его искание слияния бюрократического аппарата с местными общественными силами отнюдь не было своего рода «передовой идеей», а просто, по его разумению, единственным возможным, в

данной обстановке, выходом из заколдованного круга «правительство и общество». Оно не было связано с определенной политической программой и за это его затем упрекала оппозиция слева — трудно одним взаимным «благоволением» решать политические проблемы! Трудно? Разумеется, но за невозможностью найти политическую программу, способную объединить если не всех, то многих, была ли в России другая возможность позволить сотрудничать в деловой, творческой работе в сущности родственным силам, разьединенным «только» психологической стеной «мы и они»?

Когда Кривошеин произнес свою речь на тему «мы и они», то он был настолько убежден, что осторожно выраженные им взгляды отвечают здравому смыслу, что крайне удивился на другой день, узнав в поезде из газет, что они произвели своего рода сенсацию, притом, встретив благоприятный отклик в центре, вызвали неодобрение обоих флангов.

Не понравились его слова первым делом премьеру Ковцову, тотчас по возвращении позвонившему ему за разъяснениями. Он видел в этом эпизоде опасное «заигрывание» с земством.

Не понравилось сказанное и левой печати. «Речь» утверждала, что смысл его непонятен, иронизируя, что нужно обратиться за разъяснениями в Осведомительное бюро по делам печати при министерстве внутренних дел. Она подчеркивала, что, очевидно, само правительство признает свое бессилие сделать что-либо без содействия общественных сил, — признание, которое при минимуме объективности со стороны газеты должно было бы вызвать у нее глубокое удовлетворение.

Сказанное определенно не понравилось правым кругам и «Объединенному дворянству», возглавляемому Струковым, — тому самому «Объединенному дворянству», симпатиями которого пользовался в 1905-1906 гг. Кривошеин. Но если у последнего могло быть беспокойство о том, как будет реагировать царь, то оно скоро рассеялось. «Перестраховка» у Мещерского оказалась эффективной. Бывший у Кривошеина в течение нескольких лет на положении просителя князь имел все основания личного, если не идеологического характера, чтобы «обелить» шедшего в гору министра в глазах своего царственного друга, вернувшего ему несколько месяцев до того свое расположение. В «дневнике» «Гражданина» он не без остроумия оправдывал идеи, выраженные в киевском выступлении, с точки зрения принципов самодержавия.

Война открыла Кривошеину широкие перспективы проведения в жизнь принципов, заключенных в киевской речи. Кривошеин, поскольку огромное задание поставки продовольствия армии было возложено на его ведомство, поручил это дело земствам под своим контролем. Вернее, в этом деле ему удалось осуществить то персональное слияние администрации и земства, которое, по его мнению, являлось практическим решением большей части общественно-государственных проблем в России. В центре снабжение армии возглавлялось начальником Переселенческого управления Г.В. Глинкой, тогда как на местах оно было возложено на целую сеть уполномоченных по закупке хлеба и фуража, как общее правило председателей губернских земских управ.

В плане практическом эта комбинация оказалась вполне удачной, а о ее политическом резонансе в области сотрудничества правительства и общества можно судить по отзыву кадетской газеты «Речь» от 6 февраля 1915 г., написанному по поводу съезда уполномоченных в Петрограде. Читая передовую этой оппозиционной газеты, создается впечатление, что она говорит об организации чисто общественной, как земский и городской союз, а не об органе, как бы то ни было возглавляемом и руководимом министром земледелия, следовательно правительственным, настолько слияние администрации и земства в ней доведено до конца. «Вчера газеты сообщили», пишет «Речь», «об открытии съезда уполномоченных по снабжению армии хлебом. Сейчас это дело является самым важным для всякого русского человека, ибо от правильной его постановки в значительной мере зависят успехи нашего оружия... Благодаря этому еще громче звучит вступительная речь, произнесенная на съезде председателем, главноуправляющим землеустройством и земледелием».

«А.В. Кривошеин начал и кончил свою речь выражением благодарности земствам и местным общественным силам, которые являются сотрудниками по выполнению задачи снабжения армии. Задача эта оказалась весьма трудной... По уверению г. главноуправляющего правительство, обремененное работой, само не в состоянии было бы справиться со столь сложной и ответственной задачей. Вот почему А.В. Кривошеин считает долгом открыть съезд выражением искренней благодарности его участникам». ...«Я не могу не ценить и тех полных доверия отношений, какие установились между нами с самого начала». Комментируя эти слова, «Речь» добавляет, что «эти отношения и дали те блестящие результаты, о которых говорит главноуправляющий. И хотя нельзя спорить,

что такие отношения составляют основное условие правильного развития государственной жизни, тем не менее они констатируются А.В. Кривошеиным как новость, которая тем самым и вызывает такую оценку с его стороны». «Правительство, — читаем мы дальше в этой речи, — могло убедиться в правильности того пути, на который оно ступило в столь важном деле, с доверием обратясь к сотрудничеству местных общественных деятелей. До сих пор, действительно, в этом убедиться было бы весьма трудно, потому что путь был другой. Общественное мнение всегда утверждало, что этот другой путь — неправильный. Теперь это категорически подтверждает и столь авторитетный представитель правительства, подтверждает на примере первостепенной государственной важности».

Вскоре, в условиях новых и тяжелых военных испытаний, одно благожелательно-доверчивое сотрудничество в области снабжения перестало быть достаточным. Только правительство, облеченное доверием страны, могло с успехом продолжать войну. Вопрос ставился уже в плане политическом, — Кривошеин попытался его разрешить привлечением общественных деятелей к управлению страной. Это был дальнейший этап эволюции его политической мысли.

1) Gurko, «Features and Figures of the Past», Stanford, 1939. Стр. 193.

2) «Новое Время», 31 июля 1913 г.

3) Очень характерно, что по показаниям Белецкого («Падение царского режима», т. IV, стр. 340-343), перед тем как отправиться вместе с Столыпиным в поездку по Сибири в сент. 1910 г., Кривошеин потребовал от Белецкого всевозможного избежания каких-либо предварительных репрессивных мер на местах посещения, в особенности по отношению к подведомственным ему лицам, хотя бы и «вольнонаемным», среди которых полиция насчитывала немало подозрительных и даже опасных элементов.

4) «Последние Новости», Париж, № 489, ноябрь 1921 г.

5) Там же.

6) Племянница А.И. Гучкова, Вера Николаевна, дочь его брата, московского городского головы Н.И. Гучкова, вышла замуж за младшего брата моей матери, Геннадия Геннадиевича Карпова.

7) «Падение царского режима», т. 6, стр. 2.

8) Не исключено, что уже в 1913 г. он выдвигал Щербатова в возможные преемники Маклакову, после «стажа» в коннозаводстве, но растущее расположение Государя к последнему позволили достигнуть этого только в разгаре военных неудач.

РОЛЬ КН. В.П. МЕЩЕРСКОГО

В главе, посвященной Распутину, будет изложено, как Кривошеин оградил себя от всяких сношений со « старцем » и вел свою политическую линию, коренным образом отличавшуюся от той линии, которую пытался проводить « старец » благодаря своему влиянию на императрицу. Князь Владимир Петрович Мещерский (1839-1914 г.), большой барин острого, во внешней политике, прозорливого ума 1), но лишенный элементарных этических качеств, джентльменства, а в особенности чувства собственного достоинства при выпрашивании подачек, был человеком совсем другого круга и культурного, если не морального облика, чем сибирский мужик Распутин. Внук Карамзина, корреспондент и друг двух императоров (Александра III и Николая II) и недожившего до трона наследника цесаревича Николая Александровича (1843-1865), талантливый журналист, он в игре Кривошеина был картой, которой в условиях непрочности царского благоволения не стоило пренебрегать, в особенности когда являвшийся этой картой человек находился в положении просителя. Эту игру министра интересно проследить, хотя она, по мнению некоторых, и является теневой стороной его государственного пути.

Письма Мещерского Кривошеину были опубликованы К. Чужим в пятой книге « Русского Прошлого » (Ленинград, 1925 г.) 2), но сущность отношений между князем и министром может быть понята на основании этих писем только при правильном понимании колебаний близости Мещерского к Николаю II.

О Мещерском, — враги называли его « князем Мерзецким » 3), — писалось много, но только труд профессора Игоря Виноградова 4) дал наконец верную картину резких колебаний его влияния при дворе, тогда как обыкновенно считалось, что оно было постоянным, или, напротив, самим Мещерским до крайности раздутым. На самом деле, были сближения и расхождения между ним и его царственными друзьями, как с

великим князем Николаем Александровичем, старшим сыном Александра II, так и с Александром III; Николай II вначале, под влиянием императрицы Марии Федоровны, относился к нему отрицательно, потом, начиная с января 1902 года, установил с ним близкие и дружественные отношения, отражавшиеся в его переписке с князем. Этим Мещерский был обязан Д.С. Сипягину, министру внутренних дел, связанному с ним узами дружбы.

Вскоре император обращается к другу-журналисту на «ты», — вероятно единственный пример такого обращения к лицу, не принадлежавшему к императорской фамилии. Он выражает ему признательность за то, что благодаря его статьям о самодержавии он «уверовал в себя» 5) и «как-то вырос в собственных глазах» 6). Правитель и человек, страдавший комплексом не быть на высоте своего призвания, не мог не нуждаться в общении с тем, кто вернул ему, вернее внушил, веру в себя. Но постепенно, невыносимый характер князя, — «страстный» тон его писем 7), его бестактность и болтливость начинают раздражать, хотя его влияние на государственную политику и на назначения и увольнения продолжалось до тех пор, пока оно не разошлось со взглядами царя на дальневосточную авантюру, которую Мещерский не одобрял. Мещерский был типичным примером людей, «влияние» которых на императора Николая II продолжалось до тех пор, пока оно не расходилось с его взглядами. Постепенно переписка замирает и обрывается в октябре 1904 г. хотя окончательный разрыв между ними и не происходит. Начинается длительный период, в течение которого Мещерский старается вернуть себе царский фавор. Испугавшись революции 1905 года, он высказывается одно время за конституцию и становится одним из тех, которые не поддерживали царя в тяжелую минуту. Вернувшись к своим прежним убеждениям, он стал защищать их с жаром и талантом в «Гражданине», и Николай II стал прислушиваться к его «дневникам», как и к его инсинуациям и выпадам против неугодных ему лиц. В развиваемых в этом журнале взглядах коренился залог нового сближения, после охлаждения: царь черпал в них нужную уверенность в правоте своих взглядов на природу своей власти. Однако каковы бы ни были отдельные милостивые выражения царского расположения (как, например, царский портрет с надписью, дарованный ему в 1910 году) 8), только в 1913 году прежняя дружба была всецело восстановлена. Каков был, в сущности, «удельный вес» князя между 1908 или 1909 годом, когда посредством «Гражданина» его влия-

ние стало постепенно расти, и весной 1913 года? В какой-то степени он был основан на блеффе. «Чем приобрел Мещерский влияние в известных столичных кругах, — пишет Коковцов, — и каким путем сумел он внушить веру в это влияние далеко за пределами его непосредственного окружения... — трудно разрешимая загадка», но он тут же объясняет механизм этого явления: хорошая осведомленность князя позволяла ему в суждениях о находившихся у власти или ищущих ее людей предвидеть дальнейшую их судьбу. Это, в свою очередь, создавало иллюзию, что он имел на их судьбу хотя бы косвенное влияние, откуда стремление, на худой конец, его хотя бы обезвредить *).

Для этого периода отношений между Государем и князем характерно, что во время кризиса в марте 1911 года, императрица Мария Федоровна боялась, что последний будет напоминать на страницах «Гражданина» ее сыну о том, что он уступил давлению Столыпина. Очевидно, личные контакты между царем и Мещерским не играли тогда большой роли. Вероятно, что царь, разделяя политические взгляды Мещерского, сохранил малоприятное воспоминание о напористом характере своего собеседника, о попытках оказать на него давление, и предпочитал держать его в некотором отдалении.

В момент, когда завязались отношения между Мещерским и Кривошеиным (осень 1906 г.), авторитет князя был более, чем спорным, он, вероятно, не имел доступа к Государю, а потому не знал хорошо, какой политической линии придерживаться, чтобы его снова получить. Он стоит тогда целиком на почве манифеста 17 октября и существования Государственной думы, считая, очевидно, что это соответствует взглядам монарха, а потому он яростно нападает на крайне-правые группы, не приемлющие ни манифеста, ни думы; он утверждает, что они умышленно создают в народе смуту, «подобную той, которую создают в деревне революционеры, вместо того чтобы против них учить народ понимать царскую волю, так как она царем выражена в им данном манифесте» 10).

*) «Из моего прошлого» — Париж, 1933 г. т. 2, стр. 312-314. Коковцов добавляет, что Мещерский, не ограничиваясь этим, начинал писать письма Государю, не смущаясь тем, что многие письма остаются долго или совсем без ответа. Добивался он время от времени и личных аудиенций, — это было выгодно для того, чтобы говорить о том, что Государь ему сказал, «безотносительно к тому, отвечало ли это истине или нет». В действительности, писем в течение 9 лет даже не было, но характер истинного положения сиятельного иллюзиониста в политическом свете здесь передан верно (стр. 314).

Незадолго до того князь имел неосторожность отозваться в пренебрежительной форме о будущем министре, не предвидя его дальнейшего продвижения. Не успел Кривошеин быть назначенным заведующим Дворянским и Крестьянским банками (6 октября 1906 г.), как Мещерский написал ему удивительное по низкопоклонству покаянное письмо, ясно обрисовывающее характер их дальнейших взаимоотношений. Можно только поражаться, как несомненный ум князя не подсказал ему, что, обращаясь в такой унижительной форме к выдвинувшемуся разночинцу, он ставит себя в положение просителя и клиента. Стоит привести это письмо хотя бы частично (12 октября 1906 г.): « Это строки вас удивят, но дело в том, что я отличаюсь от многих людей в том, что я искренен в своих мыслях и в своих чувствах, а следовательно в своих действиях. Вчера вечером, под впечатлением беседы с одним, давно мной уважаемым за честность, правдивость и искренность человеком, я узнал от него про вас такие факты и проявления вашей личности, которые глубоко меня тронули, заставили меня задать своей совести вопрос : не напрасно ли я вас так строго обвинил в мертвенности и бездушии чиновника ? А так как я не заемщик Дворянского банка и не собираюсь продавать имение в Крестьянский банк, то могу (...) дать смело волю потребности честного и искреннего человека принести вам повинную во всем том, что я высказал против вас под влиянием первоначальных, недостаточно проверенных впечатлений, в уповании, что вы ее примете так же искренне и сердечно, как я ее приношу (...). Итак, простите и примите от меня уверенность в правде каждого этого слова ». В приписке : « Государь мне хорошо говорил о вас ». Принимая во внимание ,что Мещерский переменил свое отношение к Кривошеину не после якобы сказанных ему царских слов, а только после разговора с неизвестным лицом накануне письма, вероятно, что ссылка на Государя-сомнительной достоверности.

К. Чужой повторяет легенду о том, что назначение Кривошеина министром земледелия в мае 1908 года состоялось с « помощью Мещерского » 11). Ведь в левой печати (« Речь ») утверждалось, что Кривошеин был « навязан » Столыпину « свыше ». Все это было только отражением того, что Кривошеин, действительно, « навязывался » Витте Д.Ф. Треповым в январе-феврале 1906 года. В действительности назначение Кривошеина в 1908 году было целиком делом рук Столыпина, оценившего его как управляющего Крестьянским банком, причем Кривошеин настолько колебался взять на себя риско-

ванное для своей карьеры задание выполнения земельной реформы, что на первое предложение Столыпина ответил отказом. Авторитет Столыпина был тогда в зените, и он никогда не согласился бы поручить дело столь огромной важности « навязанному » ему даже « свыше » лицу. Да и достаточно прочесть письмо Мещерского Кривошеину о назначении, чтобы убедиться, что князь был в этом событии только благожелательным зрителем и льстецом *post factum*. Известно, насколько он любил хвастаться своим влиянием, приписывая себе служебные успехи людей и назойливо напоминая об этом, — ничего подобного не встречается в написанном 10-23 июня 1908 года в Баден-Бадене, через три недели после назначения, письме : « Совсем искренне пишу вам (...) чтобы высказать вам лично, то что сказал в своем дневнике в « Гражданине » : то отрадное чувство, которое испытал, узнав о вашем назначении на место Васильчикова. Это отрадное чувство происходит от надежды, даже веры, что наконец это ведомство, столько лет делавшее все, кроме того, для чего оно призвано — помощь земледелию¹²⁾ — попадет из мертвых рук в живые (...) Радуюсь вашему назначению и желаю, чтобы Бог благословил ваш новый путь и ваш новый тяжелый труд ».

Отношения между ними продолжались и далее в той же плоскости. Мещерский посылал иногда (очень редко) министру каких-то своих протеже с мелкими просьбами; сопровождавшие их короткие письма отзывались все той же грубой лестью и тем же подхалимством тона (« Согласно любезному вашему разрешению передал эти строки подателю оных в уповании, что вы хотя бы из капельки доброго расположения ко мне не откажете в вашей доброй могучей помощи », 18 февраля 1909 г.; « ...будьте выразителем милосердия », 22 апреля 1909 г.). Иногда он в крайне примитивной, даже наивной форме играет на струне великосветского снобизма : попросив министра принять свою сестру, графиню Клейнмихель и ее дочь, княгиню Орбелиани, он передает ему затем слова сестры : « ...Он меня очаровал, он неотразим » (19 мая 1911 г.).

Кривошеин считал, что оказанное им « милосердие » — дешевая страховка от нападков и инсинуаций « Гражданина ». То же самое думал и Столыпин, хотя он и не поддерживал с Мещерским сношений и предпочел передать « Новому Времени », а не « Гражданину », выгодные казенные объявления¹³⁾. Но когда в 1909 году Мещерский, по случаю юбилея своей журналистической деятельности, обратился к нему с просьбой о единовременной субсидии в 200.000 рублей, то

Столыпин решил ему ее дать. «Нужно снять его злобу с нашей дороги», говорил Столыпин Коковцову, «дабы он не мешал нам своими происками делать наше дело. Поверьте, что мы с вами даем России больше, чем эти 200.000 рублей» 14). Коковцов разубедил Столыпина, резонно рассуждая, что Мещерскому после получения этой суммы Столыпин больше не будет нужен, и было решено исхлопотать у Государя выдачи князю негласной пенсии в 6.000 рублей в год из десяти-миллионного фонда, находившегося в распоряжении Государя. Но и этот расчет был ошибочным, так как упразднение пенсии не зависело уже от Столыпина, и Мещерский, зная, что царь начал тяготиться слишком популярным премьером, повел против него кампанию в «Гражданине».

Вскоре после этого Мещерский обратился за финансовой помощью к Кривошеину. Дело началось с того, что 10 января 1910 года он напомнил Кривошеину о подписке на свой журнал, намекая на то, что это «прощальная подписка», то есть что за неимением средств «Гражданин» закроется. Кривошеин достал ему порядочную сумму денег и, может быть, субсидию. Откуда? Очевидно не через министерство финансов. Одно только несомненно: указанные К. Чужим цифры 15) — 75.000 рублей единовременно и 30.000 рублей ежемесячно — абсолютно фантастичны и не заслуживают доверия 16). Действительные могли быть только несравнимо меньшими. Все, что достоверно известно, заключено в восьмом письме Мещерского Кривошеину (от 25 марта 1910 г.): «Спешу вас от всего сердца поблагодарить за ваше доброе извещение и чек. Спасибо за все! Как отзывчивы вы и щедры, как добрый хозяин».

Весной 1913 года Государь возвращает Мещерскому свое прежнее расположение, их переписка возобновляется, они встречаются. Расчет Кривошеина оказался правильным: полное единомыслие в том, что касается природы царской власти должно было рано или поздно возобновить давнишнюю дружбу между царем и публицистом. Статьи Мещерского о трехсотлетию династии произвели должное впечатление. 3 марта 1913 года Государь благодарит князя в форме рескрипта (и только потому на «вы») и назначает ему свидание, а 13 апреля подтверждает ему, что «старая дружба вернулась окончательно».

Мещерский оказал содействие Кривошеину в отставке Коковцова и в назначении Горемыкина и Барка.

Тот факт, что князь сыграл некоторую роль в этом событии, отразился на тоне его писем Кривошеину, когда тот после

ухода Коковцова уехал отдыхать в Италию в феврале-марте 1914 года. В них льстец достиг более высокого уровня в «иерархии лести». Это больше не проситель, но обладающий собственным удельным весом сотрудник, играющий в дружбу с начальством, а кроме того, являющийся его секретным осведомителем о настроении в «сферах». Он подчеркивает оказанную министру услугу («мои труды не пропали даром. Скверный замысел Коковцова¹⁷⁾ рушится, и свершившийся факт закрывает уста злоумышленникам»), как и подчеркивает возобновленную близость к монарху. Обижен тем, что Кривошеин, по-видимому, предупредил Государя об излишней болтливости князя в делах государственных, но, кончая, призывает на него Божие благословение, необходимое «для выздоровления одного из лучших царю и России слуг и советников» (3 февраля 1914 г.). Он всячески убеждает Кривошеина принять теперь назначение премьером и интригует против Горемыкина, намекая на то, что тот в состоянии старческого маразма (он якобы в течение часа во время какого-то доклада впадал в полудремоту и нюхал крепкую соль, чтобы не уснуть): «у нас глас народа — глас Божий, вас настойчиво проводит в преемники Горемыкина. Час этот близок» (17 февраля). «Невзирая на ваши доводы, ничто меня не разубедит в том, что если бы вы были председателем Совета министров, то имели бы пост в десять раз менее утомительный...» «Держайте, прошу вас, момент удобен!» «Я видел вчера Хозяина в Царском Селе и нашел его в бодром, светлом настроении, передавал ему содержание ваших писем, а на вопрос о вашем здоровье ответил вашими словами» (4 марта). Заботливо предупреждает об опасности заболеть малярией в Риме.

Вскоре после этого Мещерский заболел, был в последний раз принят Николаем II в июне, незадолго до своей смерти. Его последнее, краткое письмо Кривошеину было написано 16 мая.

Милостивая к нему судьба дала этому убежденному стороннику европейского мира умереть 10-23 июля 1914 года, в ночь накануне предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии¹⁸⁾.

На этом закончилась и парадоксальная, и озадачивающая игра министра, ради проведения своей политики сотрудничества с общественностью и экономического прогресса использовавшего крайнего реакционера спорной репутации¹⁹⁾.

Объяснения этого нужно искать в парадоксальном применении монархического принципа носителем Верховной

власти, более склонным внимать безответственным, посторонним лицам, чем ответственным перед ним советникам.

1) Во время Балканской войны 1912-1913 гг. он имел мужество противиться прославянским настроениям общественности, требуя, в частности, чтобы Святейший Синод воспретил служение молебнов о победе балканских народов над Турцией, считая, что интересы этих народов могут вовлечь Россию в войну с Германией и тем самым привести к революции.

2) Автор, писавший под этим псевдонимом, типичный пример «полусведомленности», у которого интересные, более или менее достоверные подробности смешиваются с фантазией или просто с незнанием фактов. В частности, он не осведомлен о судьбе архивов князя, о дате его смерти и только частично о колебаниях к нему царского фавора. Архивы были заблаговременно положены в сейф в Deutsche Bank в Берлине и изъяты впоследствии доверенным лицом Мещерского, Бурдуковым.

3) Намек на библейскую классификацию половой ненормальности князя, вызвавшую скандал в июле 1887 года. Этот инцидент никогда не мешал влиянию Мещерского ни на Александра III, ни на Николая II, кроме как в первые годы царствования последнего. Остается загадкой дружба этих двух правителей, отличавшихся чистотой своих нравов, с князем. Николай II даже думал одно время назначить его министром народного просвещения.

4) Igor Vinogradoff, «Some Russian Imperial Letters to prince V.P. Mestchersky» (Oxford Slavonic Papers, vol. X, 1962, Oxford at the Clarendon Press, p. 105-158). Можно предположить, что Государь просто не верил тому, что утверждалось о Мещерском, как он не пожелал верить в то, что передавалось о поведении Распутина.

5) Письмо Мещерскому от 28 февраля 1902 года. И. Виноградов, стр. 129.

6) Письмо от 22 марта 1902 года, стр. 130.

7) Письмо Николая II от 26 ноября 1902 г.

8) Spiridovitch — «Les dernières années de la cour de Tsarskoé Sélo», Paris 1928-29, vol. II, p. 473.

9) Коковцов, ук. соч., т. I, стр. 460.

10) «Гражданин», 5 октября 1906 г.

11) «Русское прошлое», кн. 5, стр. 78.

12) Это показывает, что Мещерский не интересовался землеустроительной работой ведомства, для выполнения которой Столыпин именно и призвал Кривошеина.

13) «Русское Прошлое» кн. 5 стр. 78-79; однако К. Чужой ничего не знает о выхлопотанной Столыпиным пенсии Мещерскому.

14) Коковцов, ук. соч., т. 2, стр. 315, считает, что «пятидесятилетие» было самим Мещерским «сочинено», но в 1909 г. было семидесятилетие князя. «Гражданин» был основан в 1872 г. Отметим, что одним из первых сотрудников «Гражданина», в 1872-1873 гг. и его редактором был Достоевский и «Дневник писателя» появился в этом журнале.

15) «Русское Прошлое», кн. 5, стр. 82.

16) Того же мнения был и И. Виноградов (примечание 151, стр. 150): «In January 1910, A.V. Krivoshein is said to have get the Prince 75.000 roubles down and payement of 30.000 roubles (sic) per month for the current year».

17) С уходом Коковцова выразили желание оставить свои должности его три товарища министра Е.Ф. Вебер, И.И. Новицкий и Н.Н. Покровский, что поставило бы в затруднительное положение его преемника. Коковцов добился их назначения в Государственный совет.

Государь удачно вышел из положения, назначив их неприсутственными членами Государственного совета и, вплоть до открытия там вакансий, повелел им продолжать исполнять свои обязанности в министерстве финансов. Коковцов утверждает, что мысль об этой комбинации была его собственной (ук. соч., т. 2, ст. 289).

18) В феврале 1914 г. князь опубликовал в *Neue Freie Presse* статью, утверждавшую, что Россия никогда не будет воевать из-за Балкан. Такое категорическое утверждение лица, слывшего конфиденнтом царя, могло только побудить Австрию твердо рассчитывать на русский нейтралитет в случае конфликта с Сербией.

19) В крайне правых общественных кругах Мещерский был весьма непопулярен. Марков 2-ой обозвал его «проходимцем» в думе, в апреле 1914 г. (Новое Время — 30 апреля 1914 г.).

КОНФЛИКТ С КОКОВЦОВЫМ

(Два характера, два взгляда на экономическую политику)

В пятилети, предшествовавшем первой мировой войне, после того как Россия оправилась от последствий японской войны и революции, для русского правительства открывались две различные экономические политики: при широком участии государственного бюджета и кредита, смело развивать производительные силы страны, поощряя, в то же время, общественную самодеятельность, или же, напротив, поставить себе целью, соблюдая максимальную бережливость даже в производительных расходах, придерживаться бухгалтерского равновесия бюджета и накапливать золотой запас.

Первую политику, политику развития производительных сил страны, защищал Кривошеин, следуя в этом Столыпину. Определенным последователем второй политики был министр финансов и председатель Совета министров Коковцов.

Конфликту между этими двумя направлениями и двумя личностями посвящен настоящий очерк.

**
*

Кривошеин и Коковцов отличались как взглядами на самые существенные вопросы экономической политики, так и характерами. Не стоит останавливаться на многих чертах характера Коковцова, не привлекавших людского расположения и не создававших ему популярности и затемнявших черты, заслуживавшие уважения, — хотя бы его патриотизм и финансовую щепетильность, но между живой, экспансивной, именно умевшей приобретать расположение натурой Кривошеина и совсем противоположным, « постным » характером Коковцова близость была невозможна.

Особенно велико было расхождение между ними в их подходе к экономическим и финансовым проблемам. Для

Кривошеина Россия, страна развивающаяся, вернее слабо-развитая, нуждалась в крупных производительных капиталовложениях в свое отсталое хозяйство, и в особенности в сельское хозяйство. Последнее нуждалось в кредитах, не только для покупки через Крестьянский банк земель крестьянам, но и для приобретения ими земледельческого инвентаря, а именно этому Коковцов противился. Работа ведомства земледелия тормозилась, тогда как нужно было как можно скорее ослабить растущее противоречие между быстро развивающейся промышленностью и примитивным земледелием, противоречие, которое по меткому, хотя и одностороннему выражению Ленина, глубже всего объясняет русскую революцию 1).

Что касается накопления золотого запаса как цели в себе, то, несмотря на то, что русский золотой запас был самым крупным в Европе — больше французского, немецкого или английского, — эта громадная инертная золотая масса, слишком большая для мирного времени, не сыграла сколько-нибудь значительной роли как противовес денежной инфляции во время войны. В условиях мирного времени, при острой потребности в денежном обращении в результате подъема народного хозяйства, устарелый устав Государственного банка ограничивал эмиссионное право 300 миллионами рублей непокрытых золотом билетов, но и это недостаточное право не было использовано: Россия была одной из редких стран, где сумма кредитных билетов в обращении была ниже суммы золотого запаса (1623 млн. рублей при 1783 млн. рублей золотом к 1 марта 1914 г.).

Производительные чрезвычайные расходы бюджета, такие как постройки казенных железных дорог, покрывались за счет бюджетных поступлений, а не займами.

Хроническому конфликту между Коковцовым и Кривошеиным предшествовал конфликт между Коковцовым и Столыпиным, всецело поддерживавшим Кривошеина.

В главе, посвященной «Столыпинской реформе», я указываю на резкое столкновение Столыпина с Коковцовым по поводу финансирования реформы Крестьянским банком в ноябре 1906 г. Конфликт обострился тем, что назначенный 6 октября 1906 г. товарищем министра и заведующим этим банком Кривошеин проводил политику Столыпина, а именно предоставление широкого кредита землеустройству. Коковцову пришлось уступить 2).

Вообще, хронический конфликт между Коковцовым и Кривошеиным должен быть понят в свете конфликта между

Коковцовым и Столыпиным, исполнителем политики, а затем продолжателем которого был Кривошеин.

Весной 1910 г. к этому конфликту прибавился другой: неудавшаяся попытка Кривошеина организовать правительственный сельскохозяйственный кредит, ярко освещающая противоположность взглядов Коковцова и Кривошеина на спешность поднятия этими мерами уровня крестьянского земледелия. Поддержанный Столыпиным Кривошеин созвал 1 мая под своим председательством междуправительственное совещание для обсуждения проекта Сельскохозяйственного банка для кредитования приобретения земледельческого инвентаря и улучшения земледельческой техники³). Крестьянский банк мог открывать кредиты исключительно землеустроительного характера. Кредиты же Государственного банка органам мелкого кредита на покупку земледельческих машин были недостаточны. От имени Столыпина точка зрения министра земледелия была горячо поддержана товарищем министра внутренних дел А.И. Лыкошиным. По его мнению, такой кредит не только не был преждевременным, но, с появлением личной крестьянской собственности, скорее запоздавшим. Министерство финансов считало, напротив, что надо ждать. Надо ждать, пока разовьется мелкий кредит, надо ждать, пока он не окрепнет, надо ждать пока русский крестьянин не созреет до того, чтобы производительно использовать полученные из банка средства, так как пока он еще далеко не созрел до этого. Наконец, надо ждать, пока государственный кредит не оправится от потрясений, перенесенных в годы лихолетья. А главное, министерство финансов было категорически против государственной гарантии облигаций банка: деятельность проектируемого банка по финансированию сельского хозяйства, этого неблагонадежного с точки зрения министра финансов промысла, могла привести к крупным убыткам, которые пали бы на Государственное казначейство. Между тем, проектируемый банк страдал скорее ограниченностью предназначенных для него средств: 15 миллионов рублей капитала и право выпуска в десятикратном размере капитала облигаций — 150 миллионов рублей для начала; в дальнейшем, капитал должен был увеличиваться отчислениями от прибыли.

Кривошеин с жаром возразил на это, что приведенные аргументы несколько не поколебали его уверенности в том, что орган широкого кредита был бы единственным средством поднятия производительности крестьянского труда, что в основе проекта лежит глубокая вера в коллективный разум русского народа. « Пусть часть средств, истраченных прави-

тельством, пропадет, пусть будут на первых порах неудачи и убытки. Не убытки надо считать, а ту пользу, которую принесет сельскому хозяйству хорошо организованный кредит!»

Вследствие оппозиции финансового ведомства банк не был учрежден 4).

Интересно и живо составлено донесение французского поверенного в делах Дульсэ своему правительству, написанное 13 марта 1914 г., но охватывающее предыдущий период 5): «Тогда как г. Коковцов ставил на первое место заботы о казначействе и считал, что сбереженные им суммы больше чем что-либо в его политике заслуживают прославления, г. Кривошеин утверждал, что бережливость может быть разорительнее самых безрассудных трат, когда она достигается за счет экономического развития страны. Именно на этой почве у них произошло первое столкновение, ставшее известным общественным кругам. Г. Кривошеин представил Совету министров проект Сельскохозяйственного банка, назначением которого была не покупка крестьянами земли и не предоставление им ипотечных ссуд — для этого существует Крестьянский банк — но облегчение приобретения ими земледельческого инвентаря и вообще предоставление им необходимых средств для улучшения сельскохозяйственной техники. Этот проект был первой попыткой организации народного кредита (...) Г. Коковцов стал возражать против своевременности такого начинания, утверждая, что, по его мнению, нужно его отложить на те, еще отдаленные времена, когда окрепшее финансовое положение России позволит столь рискованное предприятие. Совет министров стал на его сторону, и г. Кривошеин попросил императора принять его отставку, но она не была принята».

Этот инцидент мог только обострить конфликт по поводу Крестьянского банка, в особенности после поездки Столыпина и Кривошеина осенью 1910 г. в Сибирь, где банк рассматривался как «чужое ведомство», неспособное отрешиться от узко финансовой стороны своей кредитной политики. Столыпин решился тогда передать банк ведомству землеустройства. По словам Коковцова 6), Столыпин добился от императора Николая II, во время пребывания Коковцова во Франции в октябре 1910 г., обещания передать банк этому ведомству, о чем он уведомил затем министра финансов, и на возражения последнего предложил арбитраж царя. Коковцов отверг этот выход из положения и предложил, в свою очередь, представить ведомству землеустройства проведение законопроекта,

с тем что после утверждения его обеими палатами он подаст в отставку. Эта комбинация понравилась Николаю II, так как она позволяла ему отложить надолго неприятное решение 7).

По словам Коковцова, дело оставалось без движения до весны 1911 г. и Кривошеин сам этого вопроса якобы не поднимал. В действительности, Кривошеин совершенно открыто заявил о желательности передачи банка своему ведомству еще в марте 1910 г., принимая делегацию саратовского земства, жаловавшегося ему на работу банка 8); то же самое сказал он в представленной им в 1910 г. записке о преобразовании этого ведомства в министерство.

После конфликта с Государственным советом в марте 1911 г. по поводу введения земских учреждений в Западном крае, авторитет Столыпина был в глазах Николая II подорван и Кривошеин, хорошо разбираясь в политической ситуации, пришел к выводу, что рассчитывать на подчинение ему Крестьянского банка нельзя и что финансовое ведомство не согласится, как и в 1910 г., отпустить средства для Сельскохозяйственного банка. Исходя из этого, он стал искать наименее невыгодного компромисса: 6 июня Совет министров под председательством Столыпина одобрил проект преобразования Крестьянского банка в Государственный поземельный банк, подчиненный финансовому ведомству. Этот банк будет выдавать долгосрочные ссуды на сельскохозяйственные улучшения как крестьянам, так и прочим сословиям, и кратковременные ссуды учреждениям мелкого кредита (из сумм, коими располагали сберегательные кассы); в учреждения, выдающие ссуды, и в банк будут введены представители ведомства землеустройства с решающим голосом по всем вопросам, кроме чисто финансовых 9). Хотя это ограничение и ослабляло значение компромисса, но он всё-таки не пришелся по вкусу министру финансов: с назначением его премьером, проект был сдан в архив до марта 1913 г., когда он снова был обсужден Советом министров, но дальнейшего движения не получил 10). Вопрос о расширении, в сущности о создании сельскохозяйственного кредита мог быть вновь поставлен уже только после увольнения Коковцова.

Конфликт между двумя ведомствами — и между двумя личностями — живо освещался «Новым Временем» 12 июня 1911 г. («Разрешившийся ведомственный конфликт»), не без прямого влияния Кривошеина. «Сельскохозяйственный кредит составляет, строго говоря, *pium desiderium* нашей «по преимуществу земледельческой страны». Кое-что делается, но, кроме ссуд под залог хлеба, все остальные операции, име-

ющие характер сельскохозяйственного кредита, выражаются в столь ничтожных размерах, что составляют каплю в море для тех нужд сельского хозяйства, которые могли бы удовлетвориться за счет правильного и организованного кредита (...). Во всяком случае, мечтать о серьезном прогрессе при таких условиях наивно (...). В земледельческую среду вошел новый фактор — реформа землеустройства. Что толку переходить на хутора и отруба, когда земледелец всё равно должен подходить к земле с голыми руками. На хуторах и отрубках еще ощутительнее нужда в средствах на обзаведение, на оборудование инвентарем... опыт земельной реформы показал, однако, что отсутствие оборотных средств ставит иногда неодолимые помехи землеустроительному делу. Вполне понятно, что глава ведомства земледелия, на обязанности и ответственности которого лежит попечение как о сельском хозяйстве вообще, так и об успешном ходе земельной реформы, не мог оставаться равнодушным к такому безнадежному положению вещей (...). Отсюда мысль об организации Сельскохозяйственного банка и координации этого банка с Крестьянским, ставшим с 15 ноября 1906 г. гораздо более землеустроительным органом, чем банком ипотечного кредита. На что министерство финансов заявило протест против вторжения в область кредита «постороннего ведомства» (...). Министр финансов мог предложить, смело сказать главноуправляющему землеустройством и земледелием: «Вы просите о 15 миллионах для Сельскохозяйственного банка и мечтаете о 50 миллионах облигаций. Извольте!», я найду капитал и облигации в размере 100 миллионов и соберу с сельского хозяйства, с подъема народного благосостояния дань гораздо большую нашей «банкирской провизии», с роста доходов по всем статьям бюджета (...). И так — по рукам! К сожалению случилось нечто иное: вместо удовлетворения одной из самых насущных потребностей народного хозяйства — затяжной конфликт, конфликт теперь разрешенный довольно благополучным компромиссом, удачным если найдет воплощение, а не будет похоронен в каких-нибудь архивах».

В начале лета 1911 г. Столыпин решил добиться замены Коковцова, хотя его собственный авторитет был тогда поколеблен. Он стал выдвигать на его место указанного ему министром торговли Тимашевым и Кривошеиным большого друга последнего, П.Л. Барка, одного из руководителей Волжско-Камского банка, а ранее помощника управляющего Государственным банком, когда Тимашев был управляющим¹²⁾. Для подготовки этой перемены представился удобный случай:

после продолжительной болезни, смертельный исход которой можно было предвидеть, 23 июля скончался товарищ министра торговли Миллер. Как Тимашев, так и Кривошеин, предупредили Барка, что после кратковременного стажа в министерстве торговли ему будет поручен портфель финансов. Кривошеин уговаривал Барка покинуть хорошо оплачиваемую (150 000 рублей в год) должность в частном банке для плохо оплачиваемой должности товарища министра (13 000 рублей в год), так как по бюрократическим воззрениям должность директора частного банка не считалась открывающей путь к министерскому посту; необходим был предварительный чиновный стаж. Назначение состоялось 12 августа 1911 г., во время одного из кратких пребываний Столыпина летом этого года в Петербурге. Смерть Столыпина в Киеве помешала завершению этого плана 13).

Точные обстоятельства назначения Коковцова на место Столыпина мало известны; Коковцов всегда замещал Столыпина, когда тот был в отсутствии, но это замещение по старшинству отнюдь не открывало дороги к премьерству; уже в марте месяце поговаривали о Кривошеине, да и сам Коковцов признает, что мог быть назначен кто-нибудь другой, а не он — даже генерал Сухомлинов; после некоторых колебаний, в последний момент, за четверть часа до своего отъезда из Киева, в атмосфере спешки, когда адъютанты торопили его с отъездом и откладывать решение было больше невозможно, Николай II обратился к Коковцову. Не очень яркая личность министра финансов представляла для Государя успокоительный контраст с сильной фигурой убитого премьера и позволяла свести, наконец, эту должность к председательствованию в заседаниях Совета министров, вместо руководства политической империи.

Коковцов сам понимал, что «прочной, всеобъемлющей власти сейчас в России никто, кроме Государя, не имеет и иметь не будет» 14).

Если верить донесению французского поверенного в делах Дульсэ, то предварительно этот пост был предложен Кривошеину, который отказался. Несмотря на авторитетность этого источника, эти сведения по меньшей мере неточны. Обстоятельства, связанные с последними часами и кончиной Столыпина, их не подтверждают. Кривошеин находился во время киевских торжеств в Крыму, в Никитском саду, со своей семьей. По семейным воспоминаниям, он говорил тогда, что, не желая премьерства, он надеется, что ему эту должность тогда не предложат, так как при настоящих обстоятельствах ему

неудобно будет от нее отказаться : могли бы подумать, что он отказывается из страха стать жертвой террориста. Из этого можно заключить, что царь ему эту должность не предлагал. По-видимому, именно чтобы избежать этого предложения, он (разъехавшись по дороге с прибывшим в Крым Государем) поехал в Киев только на похороны Столыпина 9 сентября, во время которых, по ее желанию, он вел под руку вдову убитого премьера 15).

Вначале положение Коковцова было достаточно прочным, так как Николаю II « дышалось легче » с ним, чем со Столыпиным, в чем он откровенно признался новому премьеру в Ливадии вскоре после назначения : последний не ставил себя на первое место, как это якобы делал Столыпин. Коковцову даже удалось помешать назначению на пост министра внутренних дел А.Н. Хвостова 16).

В первые месяцы своего премьерства Коковцов был в недурных отношениях с думой. Его бюджетная речь 2 марта 1912 г. была встречена шумными и продолжительными аплодисментами октябристов, националистов и правых, и пресса отметила, что он произнес ее с большим подъемом. Этот успех отчасти объясняется его резкой полемикой с Шингаревым, — отношения между октябристами и кадетами были весьма натянутыми. Что касается его узкой, лишенной воображения, экономически бесплодной финансовой политики, то большинство депутатов находилось тогда под обаянием фетишизма абсолютного равновесия бюджета, даже чрезвычайного, и нарастания свободной наличности : использование производительных бюджетных капиталовложений, покрытых займами, казалось им опасным. Критика слева — А.И. Шингарева, В.А. Маклакова — относилась к росту военных расходов, к общей отсталости народного хозяйства, к положению в университетах и т. д., и была направлена больше против главы правительства, чем против министра финансов 17/18).

Начиная с 1913 г. положение Коковцова стало шатким; его авторитет поколебался, его характер, его политика создали ему солидную и почти всеобщую непопулярность, охватившую думские круги, как левые, так и правые, прессу, экономический мир, придворные сферы, наконец императрицу Александру Феодоровну, из-за его отрицательного отношения к Распутину. Но было бы преувеличением считать, как это делает Коковцов, что в нерасположении Распутина кроется начальная причина его отставки : он сохранил власть еще два года после инцидента со старцем, в течение которых Государь « продолжал выказывать ему неизменно доверчивое отношение », а в

деловой сфере Коковцов « не видел никакого нерасположения со стороны монарха » 19).

Бюджетная речь 10 мая 1913 г. была уже встречена весьма сдержанно; « шестидневный бой по государственному бюджету выяснил несколько важных эволюций, сложившихся у нас в течение последних двух лет. Обнаружилась всеобщая непопулярность Коковцова », несколько пренебрежительно писало « Новое Время » (16 мая 1913 г.), невзирая на получаемые газетой от финансового ведомства крайне выгодные объявления. Обычно покладистый председатель бюджетной комиссии октябрист М.М. Алексеенко, гордившийся еще в предыдущем году ростом свободной наличности, достигнутым « при участии Государственной думы », считал теперь, что ее нужно употребить на такие обширные дела, которые затрагивали бы широкие массы населения. Формула перехода, внесенная националистом Демченко, упрекала министра финансов в том, что он слишком мало внимания уделяет развитию сельскохозяйственной промышленности и что развитие путей сообщения происходит « с угрожающей культурному развитию России медленностью »; эта формула только потому не была поддержана октябристами, что они предпочитали высказывать свою критику по каждой статье росписи отдельно. В целом, ответные речи депутатов, от кадета Шингарева до Маркова 2-го включительно, дали редкую картину почти полного единодушия, если не в деталях критики, то в общем тоне неодобрения бездеятельной экономической политики Коковцова 20).

К тому же положение премьера постепенно расшатывалось и внутри кабинета, где он натолкнулся одновременно на оппозицию справа и слева. К первой принадлежали Л.А. Кассо, И.Г. Щегловитов, В.К. Саблер, отчасти С.В. Рухлов и генерал В.А. Сухомлинов; эта оппозиция еще усилилась с назначением министром внутренних дел Н.А. Маклакова, пользовавшегося совершенно особым расположением Николая II, который полностью разделял взгляды своего министра. Оппозицию « слева » представлял Кривошеин 21), защищавший и проводивший свою политику установления хороших отношений с земством и думой, вызвавшую недовольство Коковцова 22).

Французский дипломат Дульсэ так описывает позицию Кривошеина в конфликте внутри кабинета между « черносотенной группой » и Коковцовым : « Не разделяя их взглядов, настоящий националист, тогда как другие были явными реакционерами, г. Кривошеин ничего не предпринимал для того, чтобы обескуражить их коалицию, изолируя себя в выжида-

тельной позиции, тем более для него выгодной, что он представлял другим работать на него » 23).

Препятствия, чинимые министром финансов постройке железных дорог и каналов, вызывали постоянные конфликты между ним и энергичным, но узким в области политики и не особенно компетентным в области финансирования министром путей сообщения С.В. Рухловым 24). Но за Рухловым стоял Кривошеин, так как разработка проектов железнодорожного строительства в Сибири и Туркестане была в компетенции и Переселенческого управления, этого « ведомства Азиатской России ». Еще летом 1910 г. ведомство одобрило проект будущего Турксиба 25), а 27 апреля 1911 г. Совет министров одобрил, по докладу Кривошеина, принцип постройки Южно-Сибирской магистрали 26). Со своей стороны, ведомство путей сообщения разработало проекты сооружения ряда линий в Европейской России.

Первый серьезный конфликт разразился по поводу Черноморской железной дороги, которая должна была соединить Новороссийск с Батумом вдоль побережья. Конфликт этот был показателен, так как он освещает позицию Коковцова в вопросе расширения железнодорожной сети. С одной стороны, он из бережливости противился постройке дорог на средства казны и в то же время тормозил заключение частными предпринимателями необходимых займов за границей.

В вопросе Черноморской дороги Рухлов, Кривошеин, Тимашев, Щегловитов и Харитонов были сторонниками ее постройки на казенные средства (28 февраля 1912 г.). Коковцов, противясь ассигнованию казенных сумм, привлек на свою сторону Сухомлинова и Григоровича, возражавших на том основании, что в случае войны дорога могла быть разрушена турецким флотом; к ним присоединились Кассо и Саблер (9 марта 1912 г.) В конечном счете, арбитражем царя (16 марта) решено было поручить постройку частному обществу — выход по меньшей степени нелогичный, если основываться на стратегических соображениях 27).

Описывая свое незавидное положение в кабинете, Коковцов говорит, что в железнодорожном вопросе Кривошеин, Щегловитов и в особенности Рухлов имели свою теорию бумажного денежного обращения, « убежденно считая меня вредным охранителем денежного обращения и осторожного выпуска кредитных билетов », что касается Тимашева, министра торговли, и Харитонova, государственного контролера, то они якобы « прекрасно понимали », но не захотели выступить на защиту его точки зрения 28). Предположение, что Криво-

шеин мог допускать финансирование строительства путем инфляции, не выдерживает критики. Он был не в меньшей мере, чем Коковцов, сторонником участия частного капитала, в том числе и иностранного, в этом деле, но считал, что и казна должна сделать определенное усилие, в особенности там, где линии обещают быть доходными. Тем не менее, чтобы преодолеть инерцию ведомства финансов, он стал защищать политику концессий частным предпринимателям, но и тут Коковцов тормозил выпуск займов за границей, утверждая, не без основания, что выпуск займов отдельными, часто мелкими обществами мог отрицательно отразиться на государственном кредите. Но если эта система была действительно неудовлетворительной, то более полутора лет было потеряно, пока под давлением Кривошеина, Рухлова и думы Коковцов не предложил наконец свою собственную, весьма рациональную схему единого унификационного железнодорожного займа 29). Казна давала займу свою гарантию и распределяла потом фонды среди концессионеров. Характерно, что эта несомненно удачная система была немедленно одобрена Кривошеиным, как вполне отвечавшая его взглядам: Коковцов ознакомил его с этой схемой в частной беседе.

Унификационный заем был заключен в Париже 15 января 1914 г., за две недели до отставки Коковцова, на сумму в 1250 миллионов рублей, реализуемую в пятилетний срок, притом на 1914 г. приходилось 665 миллионов франков, т. е. более 250 миллионов рублей 30). Заключение займа было облегчено тем, что оно позволяло русскому правительству уделить более крупные суммы на постройку казной стратегических линий, на чем настаивала Франция.

Строительство гидротехнических сооружений, предназначенных для орошения засушливых районов, входило в компетенцию ведомства земледелия, разработавшего начиная с 1910 г. оросительную программу туркестанских и закавказских степей 31). Финансирование этой программы постоянно встречало сопротивление со стороны ведомства финансов, но достаточно прочесть записку Кривошеина лета 1913 г. о плане освоения Закавказья, предвидевшем, помимо крупных оросительных работ, постройку дорого стоящей железной дороги сквозь Кавказский хребет, чтобы стало ясно, что министр земледелия мог тогда проводить свою политику вопреки министру финансов.

Хотя финансовая политика Коковцова не отвечала правильно понятым интересам страны и недостаточно стимулировала запоздалое развитие народного хозяйства, справедли-

вость требует признать, что и при его чрезмерной бережливости было вложено немало капиталов и труда и что ходячая фраза «Коковцов не дает денег» нередко бывала преувеличением. Несправедливы обвинения его в урезывании бюджета обороны, так как ассигнованные на нее суммы часто оставались неиспользованными военным ведомством. А между тем, это обвинение встречается в письме императрицы Александры Феодоровны Государю от 10 декабря 1916 г. («почему Сухо-млинов должен пострадать, а не Коковцов, который не хотел давать денег»).

Одним из поводов трений между Коковцовым и Кривошеиным был вопрос возобновления русско-германского торгового договора 1904 г., исключительно невыгодного для русского народного хозяйства. Кривошеин считал, что одна бюрократия не в состоянии добиться улучшения договора, если она не будет опираться на твердо выраженное мнение заинтересованных общественных и экономических кругов, тем более что в таких именно условиях мобилизации своего общественного мнения подготавливалось к переговорам германское правительство. Для Коковцова, такое привлечение общественности к делам управления было предосудительным и опасным — его горизонт оставался чисто бюрократическим 32).

Разногласия внутри кабинета, падение авторитета премьера при дворе и в думе привели к политическому бессилию правительства, иначе говоря, к установлению политики полной неподвижности.

Характерен конфликт, вызванный осенью 1913 г. докладом Н.А. Маклакова о назначении Б.В. Штюрмера, помимо Совета министров, московским городским головой, из-за неутверждения выборного кандидата. В этом вопросе Коковцов, подробно описывающий этот конфликт 33) и колебания Николая II, стал поборником единой политики объединенного правительства, в том смысле, как это было установлено в первоначальном проекте положения о Совете министров осенью 1905 г. Только тогда это объединение правительственной политики защищалось Витте и запиской Кривошеина от 6 августа 1905 г., тогда как Коковцов старался всячески ослабить, на созванном *ad hoc* Особом совещании графа Сольского, права председателя кабинета, что, на горе ему и России, удалось.

Политика неподвижности в области финансов выражалась также в том, что давно намеченные налоговые реформы оставались без движения, в частности подоходный налог, первая

версия проекта которого была разработана еще в бытность Коковцова министром финансов в начале 1905 г.

В этом процессе растущей изоляции Коковцова интересен эпизод критического отношения к его политике графа Витте, который произвел большое впечатление своими выступлениями в Государственном совете по поводу закона о трезвости. Коковцов упомянул о резких выпадах Витте против деятельности винной монополии в январе 1914 г., ничего не говоря о его нападках в январе-феврале 1913 г. в комиссии Государственного совета, менее резких по тону, но по содержанию от них мало чем отличавшихся («нельзя оставлять страну в нынешнем положении, при всё более и более развивающемся пьянстве. С 1903 г. (т. е. с его отставки) никаких новых мер по борьбе с пьянством не предпринималось, а меры, принятые раньше правительством, не развивались сообразно с прогрессирующим пьянством» 34). Витте утверждал, что целью установленной им монополии была регламентация пьянства, а не его поощрение. Разумеется, он преследовал в этом вопросе личные цели: зная отрицательное отношение царя к злоупотреблениям винной монополии, он надеялся вернуть себе его доверие таким путем; преувеличивая влияние Распутина, он рассчитывал и на его поддержку 35). Его расчеты не оправдались, но Государь дал ему повод надеяться на это: 14 апреля 1913 г., на Пасху, вскоре после критического выступления Витте в комиссии Государственного совета, ему был пожалован орден Св. Владимира 1-ой степени, «по Государственной канцелярии», где Витте никогда не служил (но Государственная канцелярия была канцелярией Государственного совета). Так как это высокое отличие (самое высокое после Св. Андрея Первозванного) совпало с пятидесятилетием департамента неокладных сборов, в ведении которого состояла винная монополия, то было неясно, было ли оно пожаловано учредителю монополии или критику ее уродливой эволюции; если второе объяснение правильно, то этому царскому жесту было присуще скрытое порицание находящегося у власти главы правительства.

Одновременно с падением авторитета Коковцова влияние Кривошеина на Государя и на общество продолжало расти. Относительно общества достаточно вспомнить впечатление, оставленное речью Кривошеина 7 июля 1913 г. в Киеве, на тему «мы и они». Вопрос замены Коковцова и глубокой перемены финансовой политики стал на очереди 36). Осенью 1913 г. Кривошеин, вернувшись из Крыма, где он побывал с докладом у Государя в Ливадии, сказал П.Л. Барку, что он

имел там продолжительную беседу о необходимости реформы русской финансовой системы 37). Государь предложил ему не только портфель финансов, как это пишет Барк, но и пост председателя Совета министров. Кривошеин отказался от портфеля финансов, ответив, что он желал бы продолжать работу в своем ведомстве, пояснив, что еще Столыпин имел в виду П.Л. Барка для замены им Коковцова и что по его, Кривошеина, мнению, Барк является лучшим кандидатом на эту должность. Что касается до председательства кабинета, то Кривошеин, несмотря на то, что оно было бы завершением его блистательной карьеры, отказался от этого поста по причинам, коренившимся в его оценке царского характера. Он посоветовал назначить И.Л. Горемыкина, вполне приемлемого для Николая II и с которым он сам был в очень хороших отношениях; назначая Горемыкина, царь предоставил Кривошеину быть «фактическим премьером», как это он не раз определял впоследствии 38). Кривошеин мотивировал свой отказ болезнью сердца, которую обыкновенно считали грудной жабой, но бывшей, в действительности, острой, но не особенно опасной формой расширения сердечной сумки (перикардитом), вероятным последствием пережитых волнений в связи с неминуемыми переменами, которые должны были осуществиться по его инициативе. Эта болезнь заставила отложить разрешение кризиса почти на три месяца 39).

Принявшая в конце декабря более острый характер болезнь Кривошеина произвела сенсацию, так как от ее исхода зависело не только направление политики, но и карьера многих. Оба наших домашних телефона на Сергиевской 36 не прекращали работать, и пишущему эти строки то и дело приходилось отвечать на вопросы о состоянии здоровья отца. Как-то раз телефонная станция оповестила, что «с вами будут говорить из Царского Села», и вскоре состоявшая при особе императрицы фрейлина осведомилась по поручению государыни о его здоровье. Интерес императрицы Александры Феодоровны к состоянию здоровья «ее друга Кривошеина» проявлялся таким путем ежедневно.

Нельзя обойти молчанием роль князя В.П. Мещерского в отставке Коковцова, не преувеличивая ее удельного веса, как это со свойственным ему хвастовством делал Мещерский, незадолго до того, весной 1913 г., снова получивший царское расположение и дружбу после девятилетнего частичного отдаления. Преувеличивал эту роль и Коковцов, ставя Мещерского на первое место виновников своей отставки 40). Вна-

чале благоприятствовавший Коковцову, он рассорился с ним оттого, что со свойственной ему щепетильностью в области финансов Коковцов отказался утвердить председателем биржевого комитета И. П. Мануса, сомнительного дельца и биржевого советника Мещерского. Кривошеин уже давно предпочел нейтрализовать последнего («Снять его злобу со своей дороги», как выражался Столыпин в 1909 г., собираясь давать субсидию Мещерскому) выполнением его мелких просьб, когда кредит Мещерского у Государя был невысок. Кривошеин понимал, что теории, развиваемые им в «Гражданине», абсолютно отвечавшие воззрениям императора Николая II на природу его власти, вернут князю некогда поколебленное царское благоволение, что и случилось после романовских торжеств. Мещерский оказался козырем в игре Кривошеина. Использование Мещерского для проведения политики, основанной, в конечном счете, на сотрудничестве с думой и общественностью, было одним из парадоксов политического положения в 1913-1914 г. Он вытекал из отношения императора Николая II к его отказу, «против велений своей совести», от неограниченности своей власти, при утверждении основных законов, в апреле 1906 г. Кривошеин пытался удержать Государя на линии думской монархии и данных манифестов, убеждая его, что другого пути нет. Зная привязанность царя к принципу самодержавия, Кривошеин считал, что использование лично обязанного ему Мещерского позволит обезвредить его влияние. Это была рискованная и, в конечном счете, проигрышная игра.

Николай II расстался с Коковцовым прежде всего по собственному убеждению. Если кто и оказал на него влияние, так это Кривошеин, потому что поставленная последним цель: перемена финансовой политики и сокращение роли питейных доходов отвечала сложившемуся тогда внутреннему убеждению Государя. Больше того, назойливые напоминания Мещерского о желательности увольнения Коковцова только вызывали раздражение, как явствует из царского письма князю от 8 сентября 1913 г. из Ливадии: «На твою просьбу относительно решения участи К. повторяю, что я всегда занят этой мыслью и надеюсь быть в состоянии привести ее к решению, но давать своего рода обязательство в том, что я непременно исполню ее, я не могу» 41).

Нападки Витте на «питейную политику» Коковцова достигли кульминации на заседании Государственного совета 10 января 1914 г. «Большой парламентский день. Можно сказать — исторический день. Целое десятилетие деятельности

В.Н. Коковцова на поприще министерства финансов заслужило сегодня осуждение со стороны графа С.Ю. Витте » 42). Трибуны верхней палаты были переполнены представителями высшего света.

В своей исключительно блестящей и едкой речи Витте доказывал, что питейная реформа дала отрицательные результаты, так как вместо сокращения пьянства на первый план выступило выкачивание посредством монополии денег в казну. С 1904 г. доходы монополии возросли на 500 миллионов рублей в год, тогда как весь бюджет министерства народного просвещения равняется 160 миллионам рублей — менее трети этого роста. Нельзя ожидать уменьшения пьянства увеличением культурности, раз общая сумма государственных и земских расходов на просвещение достигает 300 миллионов рублей в год, т. е. менее трети той суммы (936 миллионов рублей), которую русский народ пропивает в пользу казны!

Установив эту действительно « умопомрачающую » пропорцию и указав, что против этого не было предпринято « ровнехонько ничего », Витте предлагал для борьбы с « Мефистофелем бюджетных доходов » зафиксировать питейные доходы в 700 миллионов рублей, используя весь излишек на борьбу с пьянством мерами культурного характера, а если ослабление « Мефистофеля » вызовет уменьшение доходов, покрывать его нормальными средствами, налогами и займами 43). Для этого нужно прежде всего вырвать из недр Таврического дворца находящиеся там уже восемь лет законопроекты о новых налогах, и первым делом о подоходном налоге.

Витте упрекали довольно основательно в том, что его критика могла быть отнесена и к его управлению российскими финансами, но это не мешало ей подрывать авторитет Коковцова в глазах общественного мнения. Однако Коковцов и в эту минуту, когда правильность его финансовой системы оспаривалась повсеместно, оставался верен своему формализму. Он задержал одобрение Советом министров внесенного Кривошеиным пятилетнего плана земельных улучшений (главным образом оросительных и осушительных работ), предусматривавшего расходование за этот срок (1915-1919 гг.) 150-миллионного романовского фонда, уже одобренного в принципе думой: по мнению финансового ведомства, фиксация такой суммы на столь продолжительный срок противоречила бюджетным правилам и вопрос оставался неразрешенным до отставки Коковцова 44).

Наконец, 26 января 1914 г., П.Л. Барк был вызван в Царское Село 45), где, будучи принят в течение 50 минут

царем, он изложил ему свои взгляды на желательные перемены финансовой системы. «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки». Он предложил ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки. В беседе были также затронуты темы постройки железных дорог, портов и т. д. «Я решил предложить вам портфель финансов с тем, чтобы вы изменили нашу финансовую систему», — сказал ему на прощание Государь, прося его об этом никому не говорить. 28 января Кривошеин, тщательно подготовивший весь сценарий перемены правительства, уехал на два месяца отдыхать в Италию, в санаторию доктора Остера, известного немецкого кардиолога, в Оспедалетти, на Ривьере 46). Перед отъездом он пришел проститься с Коковцовым и в слегка шутливой форме намекнул ему, что, быть может, вернувшись, если болезнь его пощадит, в чем он не был уверен, он найдет его носителем высокого титула. 29 января *) Коковцов узнал из письма Государя о своем увольнении, а также о своем возведении в графское достоинство, происшедшем в довольно драматических условиях. Как на это указывает сам Коковцов, этот титул был исхлопотан Кривошеиным в надежде смягчить уволенному премьеру горечь увольнения. Однако за несколько часов до своего отъезда в Италию Кривошеин был извещен одним дружественным лицом из царского окружения, что царь в последнюю минуту передумал и решил не давать Коковцову титула, о котором тот давно мечтал. Хотя обращение к Государю по телефону было фактом исключительным даже для министра — Сазонов обратился к нему таким путем впервые в день австрийского ультиматума Сербии 47), — но Кривошеин, пользуясь своей тогдашней близостью к монарху, позвонил ему; «Ваше Величество, так и прислугу не увольняют», — сказал он с большой твердостью, и графский титул был дан уволенному премьеру, прозванному из-за этого «графом по телефону».

30 января статс-секретарь И.Л. Горемыкин был назначен председателем Совета министров, а П.Л. Барк — управляющим министерством финансов. Обнародованный на имя Барка рескрипт, написанный Кривошеиным на его квартире, на Сергиевской 36, в присутствии Горемыкина, излагал основные директивы новой финансовой и экономической политики. Они отвечали взглядам Кривошеина, высказанным им Николаю II в

*) В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., стр. 109), Коковцов указывает 28 января.

Крымму осенью 1913 г. Рескрипт, в торжественной форме, намечал глубокие перемены в финансовой и экономической политике страны («Я пришел к твердому убеждению, что на мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведование государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразования»). Предусматривалась постепенная замена питьевых доходов подоходным налогом и увеличением промыслового налога и доходами от интенсивного освоения природных богатств («нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных, и потому необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых от неисчислимых естественных богатств страны и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединяя заботы об увеличении производительных сил государства с заботой об удовлетворении народных нужд», что, в частности, подразумевало политику усиленных капиталовложений в народное хозяйство). Кроме того, указывалось, что народный (т. е. крестьянский) труд подчас был лишен «в тяжелую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита» 48).

Рескрипт произвел большое впечатление. «Возвещалась новая эра», — пишет Барк. Вернее, «новый курс». Рескрипт выражал волю Верховной власти сменить политику экономической неподвижности, политикой экономического развития и прогресса. «Новому курсу» была придана широкая гласность, и он был комментирован печатью. «Охрана бюджетного равновесия», — заявил Барк при вступлении в должность 6 февраля, — «не должна препятствовать допущению хотя бы и крупных, но производительных затрат, так как эти затраты сторицей вернутся в государственную казну» 49). В том же духе высказался председатель бюджетной комиссии думы октябрист М.М. Алексеенко: «Из сопоставления обоих рескриптов можно усмотреть, что политика осторожности, бережения и накопления без производительности их назначения признается недостаточной; наряду с этим находим осуждение системы, которая наполняет государственное казначейство ценою разорения, духовного и хозяйственного, всего народа. С другой стороны ставится крупная положительная задача — составить финансовую систему на началах развития производительных сил» 50).

Вскоре после этого министр финансов дополнил свои первые выступления, в частности в области кредита. Дело в

том, что назначение Барка связывалось в некоторых банковских кругах со столыпинскими проектами «национализации» кредита, т. е. его «руссификации». Это вызвало известное беспокойство в некоторых органах прессы, как например «Петербургский Курьер», о котором утверждали, что он был «связан с еврейскими кругами». Ответом на это было официальное сообщение министра финансов под названием «Финансовое преобразование»: министр финансов будет придерживаться развития кредита и менее национализации, чем демократизации его; первым делом это относится к кредиту хуторскому и отрубному, затем мелкому промышленному, но также и крупному 51).

В то же время, в исполнение рескрипта, железнодорожное строительство, казенное и частное, развитие шоссейных и водных путей, улучшение портов и целый ряд других предприятий будут проводиться как новым министром, так и другими министрами, деятельность которых тесно связана с финансовыми преобразованиями. Это разъяснение следовало за разъяснениями Барка в бюджетной комиссии думы о том, что вопреки развитой в этой области кампании часть золотого запаса будет продолжать храниться за границей, в том числе и в Германии *). Этим подчеркивалась примирительная к этой стране политика. В области кредита будет расширено дело мелкого кредита и наиболее рационально использованы средства Государственного банка для поддержки кредитом производительных сил страны 52).

Согласно с проводимой Кривошеиным политикой сотрудничества с думой, председатель бюджетной комиссии М.М. Алексеенко был назначен членом Комитета финансов («Высшего совещательного учреждения по делам государственного кредита», председателем которого был Витте), вместе с членом Государственного совета, бывшим министром земледелия А.П. Никольским; одновременно с ними в Комитет вошли Кривошеин и Рухлов 53).

В начале марта Совет министров одобрил задержанный Коковцовым за несколько дней до его отставки, по чисто формальным причинам, пятилетний план земельных улучшений на общую сумму в 150 миллионов рублей. Эта «пятилетка» предусматривала реализацию осушения 625 тысяч десятин,

*) Но в своей бюджетной речи Барк заверил, что наличность, хранимая за границей, будет оставаться «в разумных пределах» и не доходить до «чрезвычайных» размеров, неоправдываемых платежами по займам, т. е. как это было до сих пор.

закрепления песков и оврагов на площади в 650 тысяч десятин, орошения и оводнения, только казной, 420 тысяч десятин, а также составление проектов орошения с участием частного капитала 4 миллионов десятин в Средней Азии («Новый Туркестан») 54).

В плане политики, уход Коковцова был встречен без сожаления. «Об уходе Коковцова никто не сожалеет, напротив, перемена приветствуется как новый этап, как шаг, сменяющий топтание на месте», — писала кадетская «Речь». Для органа оппозиционной части московского купечества «Утро России» Коковцов всегда обходил интересы Москвы, а «Голос Москвы» А.И. Гучкова утверждал, что «тщетно взывали к нему в Государственной думе: «Дайте нам хорошую политику, и мы дадим вам хорошие финансы»; г. Коковцов с приятной улыбкой брал «хорошие финансы», копил «свободную наличность», но не давал никакой политики, ни хорошей, ни плохой». «Новое Время», отзываясь скорее нейтрально-корректно об ушедшем премьере, подчеркивало его полную изоляцию в правительстве, главой которого он состоял.

Роспись государственных доходов и расходов на 1914-1915 гг., внесенная Барком в апреле 1914 г. в думу, была еще целиком составлена Коковцовым и не отражала «Нового курса». Зато объяснительная записка к ней и, в особенности, бюджетная речь нового министра финансов 22 апреля в думе дают частичное представление о мероприятиях, связанных с «Новым курсом», намеченным рескриптом, перечисляя те из них, спешность которых не терпела отсрочки. В то же время, ощущалось желание успокоить тех, кого могло потревожить появление дефицита в государственном бюджете 55).

По словам Барка, новая политика исходила из уверенности в том, что сокращение потребления водки произойдет лишь медленно и постепенно, и только при добровольном участии всего населения — не было и речи о введении трезвости росчерком пера 56). «Меня не страшит призрак пустой казны, которая будто бы лишится верного дохода в случае укрепления в народе трезвости. (...) Меры нужно принимать, но в сознании, что польза скажется не годами, а десятилетиями (...). И вот почему я опасаюсь не уменьшения питейных доходов в ближайшее время (...), а опасаюсь обратного, что несмотря на новые законы и всю нашу энергию, питейные доходы в ближайшие годы будут стихийно возрастать или, в лучшем случае, не падать». Если же доходы сократятся, то у народа появятся сбережения, которые пойдут на производительные затраты, на улучшение землепользования, на

улучшение земельной культуры или в сберегательные кассы; в таком случае «они увеличат тот общий резервуар народных средств, который способствует размещению производительных займов, а вместе с тем служит источником для увеличения средств кооперативных учреждений мелкого кредита, финансирующих народный труд (...). Теперь же нам не столько нужно думать о новых налогах, сколько об использовании неисчислимых естественных богатств нашей родины, которые только ожидают приложения труда и капитала».

Если же сравнительно скоро сократились бы питейные доходы «и очень скоро была бы достигнута та цель, к которой мы стремимся», то в Государственной думе находятся законопроекты о подоходном налоге, о повышении наследственных пошлин, гербовом сборе и так далее, которые по осторожному подсчету дадут 75 миллионов рублей; наряду с этим можно вывести из бюджета ассигнования на постройку железных дорог и реализовать капиталы, необходимые для этого, путем займов 57).

Если в области торговли и промышленности Государственный банк и частные кредитные учреждения шли широко навстречу новым возникшим потребностям, то «наши сельскохозяйственные интересы далеко не обслуживались в достаточной мере». В первую очередь нужно поставить вопрос о создании особого банковского учреждения, которое придет на помощь сельскохозяйственной России (...). Вопрос о постройке элеваторов тянется несколько десятков лет и встречал на своем пути самые разнообразные препятствия (...). Государственному банку разрешено строить 84 зернохранилища вместимостью в 58,8 миллионов пудов, но банк не силах осуществить всю нужную сеть один и вопрос теперь решен в среде правительства: в марте Совет министров постановил образовать особый комитет в видах планомерной постройки целой сети зернохранилищ, которые будут строиться Государственным банком и казной. Принимая во внимание необходимость сохранить накопленную наличность казначейства для нужд обороны, удовлетворение «культурных потребностей», по мнению министра финансов, может быть достигнуто только одним способом: подъемом производительных сил страны путем правильно поставленного и доступного кредита и широким развитием путей сообщения.

Признано своевременным пересмотреть устав Государственного банка, расширить эмиссионное право, привлечь в состав совета банка общественные элементы и даровать банку автономию в его работе.

Заканчивается разработка плана постройки новых железных дорог, на который потребуется более 2,8 миллиарда рублей в течение ближайших лет, т. е. более чем вдвое суммы заключенного в Париже займа.

Будет расширена поддержка мелкого кредита. К 1 апреля 1914 г. общая сумма вкладов и процентных бумаг в сберегательных кассах превышала 2 миллиарда рублей, не считая собственных средств и средств местных кредитных учреждений, достигавших 679 миллионов руб., что вместе составляло около 3 миллиардов рублей.

Чтобы осветить проводимую им политику, министр финансов заявил, что сейчас в России 8500 сберегательных касс и 25300 винных лавок, а его цель достигнуть обратной пропорции: 25300 сберегательных касс и 8500 винных лавок.

Необходимо отметить масштабы железнодорожного строительства, предусмотренного в бюджетной речи, и быструю подготовку реализации предположений в этой области. Пятилетний план был разработан уже к 1 мая 1914 г., притом, оказывается, это был вообще первый систематический план такого рода («Новое Время», 1 мая 1914 г.). Эта «пятилетка» (1915-1919 гг.) предусматривала постройку 31 488 верст железных дорог и усиление существующих на общую сумму 2963 миллиона рублей, притом 9463 версты казной и 22 025 верст на частные средства. Это означало увеличение существующей сети на почти 50 %. Линия Владикавказ-Тифлис через Кавказский хребет должна была быть закончена только в 1922 г. Среди многочисленных линий можно отметить Южно-Сибирскую магистраль, Турксиб, Магнитогорскую линию, линию Верхнеудинск-Кяхта и, в Европейской России, Петербург-Рыбинск, Петербург-Орел, Саратов-Александровск и Саратов-Мариуполь.

«Новый курс», взятый правительством в финансовой области по почину Кривошеина, произвел большое впечатление, и критики слева настаивали, главным образом, на несоответствии положенного в основу этого курса сотрудничества с общественностью и реакционной, «антиобщественной» политикой правительства в других областях, в сущности политикой Н.А. Маклакова, Л.А. Кассо и И.Г. Щегловитова *). С другой стороны, «Новое Время» (25 апреля 1914 г.) считало, что

*) Что касается до Витте, то со свойственным ему пристрастием, он заявил корреспонденту «Vossische Zeitung» в апреле 1914 г., что не будь увольнения Коковцова, в России произошел бы финансовый крах.

« краеугольным камнем всей новой системы ясно и категорично признается развитие производительных сил страны, более интенсивная эксплуатация естественных богатств (...) эти мысли были чужды нашему старому финансовому и экономическому курсу (...). Все помнят, что осуществление этой мысли помимо финансового ведомства вызвало со стороны последнего энергичное сопротивление, а реформа Государственного банка и создание Сельскохозяйственного банка такой отпор (...) что главноуправляющий землеустройством и земледелием должен был уступить (...) и эти проекты покоились в архиве до конца старого курса ». А в заключение: « отношение нового курса к общественному элементу поразило неожиданностью... ».

Нет сомнения, что обозначение термином « Новый курс » осторожно сформулированной экономической и финансовой программы правительства не было преувеличением. Намечались первые мероприятия глубокого сдвига в сторону оживления и развития хозяйства России и открывались перспективы, поднятием уровня земледелия, восстановить равновесие между основными отраслями народного хозяйства. В поисках этого динамического равновесия « Новый курс » выгодно отличался от многих планов экономического прогресса, реализованных впоследствии многими развивающимися странами Старого и Нового Света, где промышленность искусственно насаждалась за счет земледелия, со всеми вытекающими из этого социальными последствиями.

Всё это указывает на то, что 1914 год мог бы быть началом нового скачка в росте народного хозяйства. « Новый курс » совпадал с началом осуществления целого ряда мероприятий и завершением целого ряда процессов, плоды которых созрели бы в ближайшие годы и автоматически сменили бы уже быстрый ритм экономического роста еще более бурным.

Для этого, в условиях общего промышленного подъема, имелись налицо все необходимые предпосылки. В течение начинавшейся тогда « пятилетки » были бы построены и Южно-Сибирская магистраль, и « Турксиб », и ряд линий в Европейской России отнюдь не стратегического значения; развитие азиатской сети сопровождалось первыми реальными мероприятиями для создания там крупных промышленных центров; площадь орошенных хлопководческих районов обеспечила бы полную независимость текстильной промышленности от иностранного импорта и улучшила бы положительное сальдо торгового баланса, сильно сократившееся из-за роста импорта — результат роста материального благосостояния

русского народа. Заработали бы Днепрострой и Волховстрой, первый пусть и реализованный в более скромных размерах, чем было его осуществление при советской власти 58).

Но главное, поворот в земельной реформе, в силу которого, в особенности начиная с 1911 г., часто формальное укрепление наделов в «аршинной» чересполосице уступало рациональному разверстанию надельной земли, стал бы давать результаты, отвечающие масштабам задания. Ведь около 6 миллионов крестьян-домохозяев (от 35 до 40 миллионов душ) потребовали к 1914 г., согласно с законом 29 мая 1911 г., этого разверстания, будь то в единоличную собственность, будь то при сохранении общинного строя, там где он был еще живуч. О том, что означало для русского земледелия завершение землеустроительных работ не только для этих шести миллионов хозяев, но и для всех тех, которые были бы неизбежно вовлечены в этот процесс, можно судить по тому, что было сказано о немецком земледелии: аналогичные землеустроительные работы подняли его за 50 лет более, чем всё то, что было сделано за предшествовавшие 1000 лет. Только темп осуществления этих работ в России был несравненно более быстрым.

Остается ответить на вопрос: почему Кривошеин, пользовавшийся в 1914 г. полным расположением Николая II и даже императрицы, и популярностью в Думе и в земстве, отказался от предложенного ему поста главы кабинета, несмотря на то, что его финансовая программа была целиком одобрена? На это он ответил своему сотруднику И.И. Тхоржевскому 59): «Называться премьером и не быть им на самом деле, для этого нужно либо старческое безразличие ко всему, либо особая жажда власти, а настоящей власти никому после Столыпина не давали и не дадут. Я предпочитаю быть полезным на моем собственном месте». Но если Кривошеин ответил так, по словам Тхоржевского, отрывисто и неохотно, то за него очень удачно, хотя и недоброжелательно и одно-сторонне, ответил граф Коковцов: «Брать на себя полную ответственность за общее направление дел Кривошеин не хотел. Он хорошо понимал и, пожалуй, даже лучше чем кто-либо оценивал, что в России первому министру опереться не на кого. Его жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роль действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора, чреватая всякими неожиданностями».

Охарактеризовав Кривошеина как человека далеко незаурядного, умного, крайне самолюбивого, вкрадчивого в своей

форме, проявившего много деловой энергии и отлично умевшего выбирать для своего окружения способных людей, Коковцов, говоря об его искании всеобщей популярности, заключает: «Ему нужно было стоять на обоих берегах, быть правым в одном месте, умеренно левым с другими, говорить везде и всегда то, что было приятно слушать (...). Такому человеку невыгодно было принимать на себя открыто ответственную роль (...) и гораздо приятнее было подготовить такую комбинацию, при которой он оставался юридически в тени, а сам за кулисами сосредоточивал бы в себе полноту фактической власти, отлично понимая, что весь успех будет приписан ему, а всякую неудачу можно будет отстранить от себя» 60).

Нужно всё же добавить к этому, что на полноту фактической власти, даже закулисной, Кривошеин рассчитывать не мог, хотя бы из-за совсем особого положения в кабинете Н.А. Маклакова, царского единомышленника и друга, борьбу с реакционной политикой которого ему пришлось вести до июня 1915 г., когда, используя военные неудачи, ему удалось добиться отставки министра внутренних дел. По-видимому, когда осенью 1913 г. ему предлагали власть, Кривошеин осторожно позондировал у царя почву о возможности получить через голову этого министра особые полномочия, но не получил удовлетворявшего его ответа 61).

Но, кроме этих главных причин отказа, у Кривошеина была и другая. Она имела, как он сам признавал впоследствии, «дон-кихотский характер». Он был одним из главных виновников отставки Коковцова и для его самолюбия было неприятно, чтобы говорили, что он его спихнул, чтобы занять его место. Он предполагал, что «вынутый из нафталина» Горемыкин не будет старчески цепляться за власть, если бы события поставили его, Кривошеина, в необходимость добиваться и официальной полноты власти. Это предположение не оправдалось и последствия сделанной ошибки сказались летом 1915 г., когда проводимая Кривошеиным политика общественного доверия столкнулась с политикой игнорирования общественности, олицетворенной Горемыкиным, отсюда и письмо министров 21 августа 1915 г.

«Кривошеин не чувствовал себя вождем, — писал о нем И.И. Тхоржевский 62), — ему не хватало ораторского дарования, огня, внешней властности, всего того, что было в таком избытке у Столыпина, уступавшего зато Кривошеину в уме, широте, гибкости... Он не чувствовал ни в себе самом и ни в

ком другом после Столыпина достаточно силы, чтобы преодолеть опасную отчужденность трона...».

В сфере деятельности своего ведомства, а также и в области общей экономической политики, он проявил, как показывает избранный им «Новый курс», то настоящее дерзновение, которого требовали обстоятельства. Зато в вопросе премьерства, его чрезмерная осторожность показала, что у него отсутствовал дар дерзновения политического, качества, являющегося основным условием успеха всякого крупного государственного деятеля.

В своем отказе от премьерства, он следовал своей обычной, испытанной тактике: избегать занимать первое место, чтобы не быть объектом людской зависти, сохраняя преимущества власти. В данном случае, эта, до того благоприятная для его карьеры карта оказалась битой и притом не для него одного.

1) В.И. Ленин, «Полное собрание сочинений», т. 16, стр. 415.

2) С.М. Дубровский, «Столыпинская земельная реформа», Москва, 1965 г., стр. 126, на основании документов Ц.Г.И.А.Л. В.Н. Коковцов, «Из моего прошлого», Париж, 1933 г., т. 1, стр. 226; у него здесь нехватка памяти совершенно необыденного размера: автор забыл, что Кривошеин был его товарищем министра между 6 октября 1906 г. и 21 мая 1908 г. и управляющим поземельными банками. Забывая, что во главе ведомства землеустройства стоял тогда князь Васильчиков, Коковцов считал, что Кривошеин возглавлял это ведомство уже с июля 1906 г.

3) «Новое Время», 11 мая 1910 г. Проект предвидел контроль участковыми землемерами правильности использования ссуд крестьянами.

4) Коковцов, хотя и сорвал проект, но постарался смягчить остроту конфликта, принявшего личный характер. Несколько дней спустя, на праздновании 25-летия Дворянского банка, он предложил первый тост, после обычного «за Государя императора», за А.В. Кривошеина, в течение двух лет бывшего управляющим этого банка и продолжающего интересоваться его судьбой, на что, естественно, Кривошеин провозгласил ответный тост за В.Н. Коковцова.

5) «Documents diplomatiques français», 3e série, vol. 9, № 453.

6) Ук. соч., т. 1, стр. 429.

7) Коковцов, ук. соч., т. 1, стр. 432-439; о том, с каким раздражением Столыпин переносил некоторые черты характера министра финансов, свидетельствуют воспоминания А.П. Наумова («Из уцелевших воспоминаний» 1868-1917 гг., Нью-Йорк, 1955 г., т. 2, стр. 207).

8) «Новое Время», 12 апреля 1910 г.

9) «Новое Время», 8 июня 1911 г. Изложение этого эпизода Коковцовым в его воспоминаниях (т. 1, стр. 467-473) содержит наряду с действительными фактами то, что трудно не определить как плод его фантазии, переплетающейся с проявлениями потери памяти. По Коковцову, Столыпин, уезжая на отдых в начале июня 1911 г. и передав ему временное председательствование, ни словом не обмолвился об их расхождении относительно Крестьянского банка (стр. 465); в первые же дни после отъезда Столыпина, т. е. в июне, Кривошеин известил Коковцова, что он отказывается от подчинения банка своему

ведомству и желает войти с ним в соглашение о большем сближении банка со своим ведомством, главным образом относительно выбора земли, приобретаемой банком, и выбора крестьян, покупающих землю (стр. 469). Затем, якобы в самом начале июля, два дня после возвращения Столыпина, последний вызвал Коковцова к себе, где уже был Кривошеин и, отдав должное прямоте Коковцова и сказав Кривошеину, что тот его «предал», обещал довести соглашение до благополучного конца, добавив: «Буду еще более рад, если вы найдете возможным довести его до такого конца под вашим председательством в Совете министров, еще до моего окончательного возвращения в Петербург» (в сентябре или октябре) (стр. 471-473).

В действительности, эта фраза о проведении проекта в его отсутствии не могла быть произнесена Столыпиным по той простой причине, что он сам, месяцем раньше, одобрил и подтвердил достигнутое соглашение (шедшее несравнимо дальше в интересах ведомства землеустройства, чем это утверждал Коковцов) на Совете министров 6 июня под своим председательством, накануне своего отъезда в отпуск.

Коковцов просто забыл о проведенном через Совет министров соглашении и, перепутав числа, неосторожно приписал Столыпину слова, которые тот фактически не мог произнести, что ставит под сомнение достоверность и прочих приписываемых им Столыпину слов.

Возможно, что Кривошеин, ради достижения сравнительно выгодного для его ведомства компромисса, поставил Столыпина перед совершившимся фактом в момент возвращения премьера из его ковенского имения в апреле 1911 г., зная его отсутствие гибкости, но даже если это и вызвало преходящее раздражение премьера, то это не отразилось ни на одобрении проекта Столыпиным лично, ни на близком сотрудничестве обоих, предпринявших тотчас сообща шаги для замены Коковцова кандидатом Кривошеина — П.Л. Барком.

10) «Новое Время», 13 марта 1913 г.

11) Кривошеин требовал права выпуска облигаций на 150 миллионов, а не на 50 миллионов рублей.

12) По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, стр. 295), «все говорили, что Тимашев взял его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указал покойному Столыпину Кривошеин, готовя в нем более сговорчивого, чем я, министра финансов». Коковцов ошибочно относил это назначение к 1910 г.

13) В назначении Барка имелся элемент недоразумения. Столыпин мечтал, довольно химерично, о «национализации кредита», т. е. о сокращении влияния иностранного капитала на русские банки, а Барк был руководителем Волжско-Камского банка, самого русского из всех крупных банков (об этом в показаниях Белецкого, в «Падении царского режима», т. 4, стр. 245). Однако, получив в 1914 г. портфель финансов, он проводил, вполне разумно, совсем другую политику, настолько, что вызвал неудовольствие правой фракции в Думе и ее лидера, А.Н. Хвостова, в бытность последнего министром внутренних дел. Из его показания перед следственной комиссией явствует, что Хвостов, будучи сам сторонником этой «национализации», считал Барка защитником иностранного капитала («Падение...», т. 6, стр. 76).

О назначении Барка товарищем министра торговли: П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», № 157, Париж, 1965 г., стр. 59.

14) Ук. соч., т. 1, стр. 484; что в этой «атмосфере спешки» было что-то обидное для становящегося первым должностным лицом империи Коковцова, отметил А.И. Гучков в своих воспоминаниях («Последние Новости», Париж, 2 сент. 1936 г.): «так лавочку не передают своему приказчику, как Государь передал Коковцову Россию».

15) Ук. дипломатический документ № 453.

«Все указывало, после киевского убийства, на г. Кривошеина, как на наследника г. Столыпина. Император предложил ему это наследие,

но он от него отказался, ссылаясь на посредственность своего ораторского дара. В действительности, как он сказал одному из наших сотрудников, будучи свидетелем противодействия, встречаемого программой Столыпина, в сущности почти отвергнутой, не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы преуспеть там, где его учитель потерпел неудачу, он предпочел предоставить своей судьбе экономистов и финансистов, сторонников компромисса и бездействия, и продолжать, со своей стороны, дело аграрного преобразования, которое его неудача во главе правительства могла бы поставить под вопрос».

Правильнее было бы понимать слова Кривошеина как объяснение того, почему он не искал наследия Столыпина.

16) Коковцов не упомянул об этом отношении царя к Столыпину и решительно опроверг ссылку на себя в воспоминаниях А.И. Гучкова в «Последних Новостях» (Париж, август 1936 г.), упустив из виду, что он рассказал об этом не только Гучкову, но и Морису Палеологу («La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», Париж, т. 1, стр. 315-316), С.И. Шидловскому (Воспоминания, Берлин, 1923 г., часть 1, стр. 148), а также и лицам проживавшим еще в 1973 г. в Париже.

17/ 18) «Новое Время», 1, 2 и 3 марта 1912 г.

19) Коковцов плохо принял в феврале 1912 г. Распутина и резко отзывался о нем Николаю II; об этом в его воспоминаниях (т. 2, стр. 35-40) и его втором показании перед Чрезвычайной Следств. Комиссией в 1917 г., утерянном и найденном значительно позже («Вопросы Истории», апрель 1964 г., № 4, стр. 113-114).

20) «Новое Время», 11, 14, 15 и 16 мая 1913 г.

21) Это различие обеих внутрикабинетских оппозиций Коковцову, из которых оппозиция справа стала, в свою очередь, оппозицией Кривошеину во время его «фактического премьерства» в 1914-1915 гг., совершенно не отмечено советской историографией, сливающей обе оппозиции воедино, под названием «черносотенной» («История СССР», 1-ая серия, т. 6, глава 5-ая, стр. 400, написанная А.Я. Аврехом, Москва, 1968 г.). Между тем, в своем показании перед Следственной Комиссией в 1917 г., Коковцов причисляет Кривошеина вместе с Тимашевым и др. к группе близкой себе, в отличие от «черносотенных» министров.

22) По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, стр. 130), Кривошеин поддерживал одновременно связи с придворными кругами и постоянно заигрывал с земствами и членами думы.

23) Ук. дипломатический документ, № 453.

24) Кн. Вс. Н. Шаховской, «Sic transit gloria mundi». Париж, 1952 г., стр. 167.

25) «Новое Время», 5 июля 1910 г.

26) Г.В. Глинка, «Азиатская Россия», С.П.Б., 1914 г., т. 2, стр. 552-554.

27) «Новое Время», 10 и 17 марта 1912 г., О выгоды Черноморской дороги для казны свидетельствует факт, что четыре частных общества добивались получить на нее концессию.

28) Ук. соч., т. 2, стр. 172-177 и 182-183.

29) А.П. Наумов (ук. соч., т. 2, стр. 400), министр земледелия в 1915-1916 гг., рассказывает, как 13 мая 1916 г. он, в ответ на упрек Коковцова в том, что он не использовал огромные залежи хлеба, лежавшие без употребления в Сибири, резко оборвал Коковцова: «Кто же в этом виноват, как не вы сами, граф! Если бы вы, в свое время, решительно поддерживали финансирование хотя бы того железнодорожного пути, который проектировался для присоединения к общей сети обширной и плодотворной Акмолинской области (...) те 300 миллионов пудов, которые в данное время гниют в упоминутой области, сделались бы достоянием потребителей Европейской России...»

Этим путем была Южно-Сибирская магистраль, протяжением в 1618 верст (Орск-Акмолинск-Семипалатинск), одобренная Советом министров 27 апреля 1911 г. по докладу Кривошеина, финансирование

которой оттягивалось затем Коковцовым; концессия на постройку линии уже на частные средства была дана только 16 июня 1914 г.

30) «Новое Время», 17 янв. 1914 г.

31) Проекты орошения центральной части Муганской степи в Закавказье и Голодной степи в Туркестане были одобрены Советом министров в марте 1911 г. («Новое Время», 19 марта 1911 г.; также, та же газета 24 дек. 1913 г. и 10 января 1914 г. об использовании «романовского фонда»).

32) Коковцов, ук. соч., стр. 127-128 (т. 2); 14 мая 1913 г. был образован при ведомстве земледелия Сельскохозяйственный комитет по пересмотру договора.

33) Ук. соч. т. 2, стр. 246-250 и «Показание» в «Вопросах Истории», апр. 1964 г. стр. 94. Записка Кривошеина о необходимости объединения политики кабинета впервые публикуется в главе «Объединенное правительство» этого труда.

34) «Новое Время», 20 янв. 1913 г.

35) Витте был в сношениях с Распутиным, поклонницей которого была графиня. Уверенному в правоте своей политики Коковцову, элементарное чувство такта не подсказало, что неуместно придавать винной монополии род ореола, когда репутация ее ставилась под вопрос. Юбилей был отпразднован с большим торжеством, вплоть до архиерейского молебна, причем служивший архиерей поставил в заслугу монополии распространение трезвости среди населения, что вызвало кисло-сладкую статью М.О. Меншикова 18 апреля в «Новом Времени» под названием «Питейное торжество». В другом месте газета напоминала, что ведомство не разрешало распространение фильмов против пьянства, одобренных Свят. Синодом.

36) Говоря о положении Коковцова, дипломат Дульсэ сообщал своему правительству: «...все эти удары касались человека, которого больше не защищали ни сторонники при дворе, ни престиж в народе или в палатах, ни блистательные заслуги в прошлом, ни симпатии Государя. В сущности, поражает больше всего то, что в столь безнадежном положении, г. Коковцов пребывал до последней минуты в иллюзии относительно нависшей над ним угрозы судьбы».

37) П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», Париж, январь 1965 г., № 157, стр. 61.

38) В частности, назначенному им 16 февр. 1915 г. министром торговли и промышленности Вс. Н. Шаховскому (ук. соч., стр. 50).

39) Кризис и болезнь Кривошеина верно изображены в донесении Дульсэ (ук. документ № 453), только кандидатура Горемыкина была выставлена Кривошеиным не в момент его отъезда в Италию, а еще в Ливии: «...между тем, император вызвал г. Кривошеина и определенно предложил ему власть. Последний отклонил это предложение, ссылаясь на состояние здоровья, требовавшего, по крайней мере, двух месяцев отдыха и солнца. Мне передают из достоверного источника, что император предложил тогда г. Кривошеину сохранить пост председателя Совета министров отправляясь в отпуск. Министр земледелия утверждает, что он не захотел принять столь лестного предложения, указав, перед своим отъездом в Италию, на г. Горемыкина, «своего лучшего друга». И действительно, об их отношениях можно сказать, что их сердечность равняется их длительности и хотя темпераменты и воззрения обоих глубоко различны, их объединяет одна и та же забота, одна и та же страсть: страсть к земле русской... и если г. Горемыкин занят, главным образом, составлением земельных уставов, тогда как г. Кривошеин создавал земельных собственников, то это объясняется тем, что целая пропасть отделяет не лишенный культурности индифферентизм одного от полной упорства активности второго».

40) Ук. соч., т. 2, стр. 312-315; Коковцов называет Мещерского хвастуном, не имевшим реального влияния на царя, чтобы приписать

затем ему решающую роль в своей отставке. В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., стр. 110-113), он опускает почему-то Кривошеина среди виновников своей отставки, ставя его на второе место в своих воспоминаниях. В «Показании» он перечисляет их в таком порядке: Мещерский, Витте, Александра Федоровна, Сухомлинов.

41) I. Vinogradoff, ук. соч., стр. 111, ответ Николая II определяется там как «характерно резкий ответ» (стр. 127).

Влияние Мещерского на Николая II проанализировал Тарле («Граф С.Ю. Витте», сочинения, т. 5, стр. 536); приводя мнение Витте, считавшего это влияние значительным, он пишет: «Витте и тут совсем не понял, что Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому приписывается «влияние» на императора Николая II, «влиая» на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай...». Расхождение между ними по поводу дальневосточной политики вполне подтверждает этот анализ.

По другому определению, Николай II «не подчиняется влияниям, а подбирает удобные ему влияния».

42) «Новое Время», 11 января 1914 г.

43) По системе Коковцова, чрезвычайные продуктивные расходы, как железнодорожное строительство, покрывались бюджетными поступлениями, а не займами.

44) «Новое Время», 10 и 11 января 1914 г.

45) Барк, Воспоминания, «Возрождение», Париж, 1965 г., № 157, стр. 61-64.

46) Доктор Остер был осведомлен, очевидно германским посольством, о роли Кривошеина в правительстве и при прощании с ним, по немецкому обычаю, поцеловал ему руку. С болезнью Кривошеина связан любопытный эпизод: неожиданно явился к нему в Петербург приехавший из Москвы профессор Плетнев и, выслушав его, уехал, отказавшись принять гонорар. Как потом выяснилось, этот визит был сделан по просьбе московского купечества, уплатившего гонорар и расходы, — пример популярности Кривошеина в этой среде.

47) П.Л. Барк, «Июльские дни» 1914 г., «Возрождение», Париж, 1959 г., стр. 17.

48) «Новое Время», 31 янв. 1914 г.

49) «Новое Время», 7 февраля 1914 г.

50) «Новое Время», 1 февраля 1914 г.

51) «Новое Время», 21 февраля 1914 г. «Национализация кредита понимается (...), конечно, не с узкой, сектантской точки зрения. Было бы странно и нелепо требовать от каждого желающего кредитоваться, паспорта с справкой о православии (...); /это/ привело бы к полному застою финансовой и экономической деятельности страны, вплоть до прекращения притока иностранных капиталов (...) Национализация кредита понимается в смысле его доступности».

52) «Новое Время», 9 февр. 1914 г.

53) «Новое Время», 13 февр. 1914 г.

54) «Новое Время», 9 марта 1914 г.

55) «Новое Время», 23 апреля 1914 г.

56) «Фиксация» доходов винной монополии, предложенная Витте, была отклонена подавляющим большинством Государственного Совета, однако Витте заявил, что он удовлетворен рескриптом на имя Барка.

57) На 255 миллионов рублей чрезвычайных расходов бюджета, 130 миллионов приходилось на постройку железных дорог и портов.

58) Кредиты на Днепрострой (37,2 млн. рублей), ассигнованные правительством и проголосованные 3 июня 1914 г. думой, были представлены на одобрение Государственного совета в июне 1914 г. Они должны были быть рассмотрены им осенью того же года. Проект сооружения на казенные средства, разработанный Управлением водных путей, был значительно более скромных масштабов, чем проект группы аме-

риканских капиталистов, представителем которой был Б.А. Бахметьев, будущий посол Временного Правительства в Соединенных Штатах. Управление, в отличие от Бахметьева и, впоследствии, советского правительства, считало, что затопление огромной площади, пригодной для земледелия, невыполнимо.

Проект Волховстроя был готов в 1914 г. Он был составлен инженером Графтио, строителем гидростанции при советском строе. (Вс. Н. Шаховской, ук. соч., стр. 30-33 и 35) («Новое Время», 3 июня 1914 г.).

Мысль о подоходном налоге не была новой — новым было твердое намерение его ввести. Достаточно сказать, что разработка первого проекта была начата весной 1905 г., при Коковцове, министре финансов, товарищем министра Н.Н. Кутлером («Новое Время», 5 апреля 1905 г.), а затем при Витте, в 1906 г., министром финансов И.П. Шиповым. Коковцов внес проект в думу, где он пролежал семь лет в комиссии, при пассивном отношении ведомства финансов. Четвертая дума унаследовала проект от третьей, но только с назначением Барка он сдвинулся с места; 23 мая 1914 г. ее финансовая подкомиссия одобрила залежавшийся проект («Новое Время», 24 мая 1914 г.), введя в него некоторые изменения: облагаемый минимум доходов был понижен с 1000 рублей до 800 рублей, установлено было семейное а не личное обложение, ставки шли от $\frac{1}{2}$ до 5 % при 100000 рублей дохода.

Одобренный думой во время войны, проект встретил сопротивление в Государственном совете справа, которое с трудом удалось преодолеть в апреле 1916 г. Коковцов поддержал проект. Ставки были повышены (от 1 % до 12 %).

(Барк. Воспоминания, «Возрождение», февр. 1965, № 158; доклад Барка о росписи на 1917 г., «Красный Архив», 1926 г., т. 17, стр. 60-61).

59) Газета «Возрождение», 30 ноября 1932 г., «Былое и люди».

60) Ук. соч., т. 2, стр. 320 и 322.

61) Дульсэ пишет: «Не ставя условий, министр земледелия поставил вопрос о полномочиях, которые будут ему даны в области назначения губернаторов. Желая сохранить портфель земледелия, зная, что в России только руководство ведомством внутренних дел обеспечивает реальную власть, не будучи в состоянии совместить оба задания, он дал понять, что он желал бы иметь решающее влияние на выбор кандидатов на важнейшие административные посты. Император не дал никакого ответа и оставил Коковцова управлять страной».

62) «Возрождение», 30 ноября 1932 г. «Былое и люди».

« ИЮЛЬ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО »

Коковцов, говоря в своих воспоминаниях о твердой позиции, занятой Кривошеиным в вопросе возобновления русско-германского торгового договора, упоминает о резком тоне циркуляра министра земледелия конца 1913 г., призывавшего русские экономические круги объединиться, для того чтобы добиться более благоприятных условий, чем условия « кабального » договора 1904 г. По словам Коковцова, циркуляр усилил германо-русское напряжение. Случай с циркуляром был, в сущности, отдельным эпизодом, не слитым с большой внешней политикой: Кривошеин считал, что желанный результат может быть достигнут только при тесном сотрудничестве правительства и общества, как это именно и происходило в Германии..

В аспекте большой внешней политики точка зрения Кривошеина была гораздо более сложной. Советская историография считает его германофилом, и это определение имеет свое основание, во всяком случае для периода 1908-1912 гг. Таковым считала его и германская дипломатия, даже после 1914 г. Интересные сведения по этому вопросу можно найти в книге И.В. Бестужева « Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906-1910 гг. » (Москва, 1961 г.). Автор ссылается на неопубликованные письма министра-резидента в Марокко П.С. Боткина, определенного германофила, своему другу кн. В.Н. Орлову, начальнику военно-походной канцелярии царя. Орлов передавал эти письма Николаю II. По словам советского историка (стр. 224), Боткин просил обеспечить свою кандидатуру на конференцию по Берлинскому трактату не только со стороны « камарильи », но и у прогерманских членов кабинета, в частности у А.В. Кривошеина, который был в очень дружественных отношениях с кн. Орловым 1).

Позиция Кривошеина отражена в донесении германского посла графа Пурталеса князю Бюлову, от 22 апреля 1909 г. 2). К сторонникам сближения с Германией Пурталес относит

прежде всего министра финансов Коковцова и главу ведомства земледелия Кривошеина. С последним Пурталес «имел в эти дни длинную беседу, в которой тот очень тепло высказался за политику сближения с Германией (...) г. Кривошеин заверил меня, что в своих взглядах на вопросы внешней политики он мыслит абсолютно так же, как и Столыпин (...), что представители дружественного к Германии направления приобретают все большее влияние и что, по всем вероятностям, это, в недалеком времени, выразится и внешне». В заключение, Пурталес считает, что раз намечается склонность, пусть слабая, к перемене курса, он постарается ее укрепить, в особенности пребывая в осторожном контакте с лицами, на которых можно рассчитывать в этом отношении. На полях доклада рукой Вильгельма II было поставлено в этом месте: «Ja». «Г. Кривошеин, о котором я думаю, среди прочих, сказал мне: «Я сторонник сближения с Германией не из-за моих немецких симпатий, но прежде всего потому, что я убежден, что в интересах России опираться на сильную державу». По мнению Пурталеса, именно на этой основе должны быть построены германо-русские отношения: мы можем быть полезны России как друзья, но можем повредить ей, будучи ее врагами.

Нельзя не подчеркнуть, что выказанное тогда Кривошеиным «германофильство» следовало за боснийским кризисом и что про капитуляцию России в этом вопросе можно было сказать вместе с британским послом Никольсоном, что она была беспримерным в истории великой державы унижением. Кривошеин считал, что раз другого пути не было, то нужно было иметь мужество «извлечь пользу из необходимости» и не искать реванша. Эта политика, казалось, закрепились в потсдамском соглашении 23 октября 1910 г.: Николай II и Вильгельм II взаимно обязались там не поддерживать агрессивной политики против Германии или России. Однако когда, вопреки этому, агрессивная политика Австрии стала все более и более поддерживаться Германией, то Кривошеин не мог не сделать из этого соответствующего вывода, помня, что сохранение мира не проходит путем «мира какой угодно ценой». В то же время он видел в возможной, а с 1913 г. — вероятной войне катастрофу, могущую повлечь за собой крушение царского режима. С этого момента установились дружественные отношения Кривошеина с французским посольством, где его престиж стоял очень высоко.

В порядке личных воспоминаний добавлю, что отношения между моими родителями и четой Пурталес были очень тесными, даже сердечными и оставались такими до конца 1913

г.; « тогда », — рассказывала мне потом моя мать, — « немецкая политика приняла другую ориентацию и наша дружба охладела ». Но и тогда, и позже, несмотря на войну, Германия продолжала считать моего отца своим другом. В 1918 г., когда отец оказался в Киеве, ф. Гинце, глава Вильгельмштрассе, поручил германскому представителю при гетмане барону Мумму завязать с ним личные сношения (11 августа 1918 г.), характеризуя его как монархиста, германофила, надежного человека, хорошо ему известного, и просил дать ответ по телеграфу 3). Когда отец скончался в октябре 1921 г. в Берлине, то германское правительство было представлено на его похоронах директором департамента Вильгельмштрассе ф. Мальтцаном, заявившим моей матери: « Я знаю, что ваш муж был большим другом Германии ». Принимая во внимание « эмигрантскую » обстановку похорон, нельзя придавать этим словам какой-либо скрытый расчет.

В своих воспоминаниях бывший германский канцлер кн. Бюлов писал о том, как в начале 1914 г. он встретился в Риме « со своими старыми друзьями Коковцовым и Кривошеиным ». Кривошеин (как и Коковцов) подтвердил ему существование всевозможных трений между Берлином и С. Петербургом. На вопрос Бюлова, верит ли он в существование опасности и для сохранения мира, Кривошеин ответил: « Не дай Бог! У нас, как и повсюду, имеются скверные элементы, но мы никогда не поддадимся безумию напасть на Австрию, ни, в особенности, на Германию. Война между этими тремя империями была бы, по моему убеждению, концом трех великих династий » 4).

Но существует еще более яркое свидетельство о том, как в сознании Кривошеина грядущая война связывалась с грядущей революцией.

Княгиня Палей, супруга вел. кн. Павла Александровича, поместила в номере от 15 ноября 1923 г. журнала « *Revue de Paris* » отрывок из своих воспоминаний под названием « *La Russie à la veille de la guerre* » 5). Кн. Палей (тогда, графиня Гогенфельзен) описывает ужин, данный М.А. Стаховичем, либеральным членом Государственного совета по выборам, в конце мая 1914 г. в честь Павла Александровича, в одном из известных ресторанов на Островах. Были также приглашены граф и графиня Витте, И.Г. Щегловитов и Кривошеин. После ужина Стахович повез своих гостей на ночную прогулку по Финскому заливу, на специально нанятом пароходе. Разговорившись с графиней Гогенфельзен на палубе, Кривошеин в большом волнении сказал ей, что вряд ли ей суждено про-

жить в спокойствии в Петербурге, куда она недавно приехала из Парижа. Война надвигается, все указывает на то, что Германия избрала этот путь и, если она разразится, то возможен революционный взрыв с трагическими последствиями для Государя, с того момента, как верные войска будут, вследствие понесенных потерь, пополнены распропагандированными запасными.

Эти пророческие слова, произнесенные на фоне петербургской белой ночи и звуков песен цыганского хора, произвели сильное, хотя и мимолетное впечатление на супругу вел. князя...

24 июля н. ст. утром правительство узнало об австрийском ультиматуме Сербии, и с того момента, по признанию германского канцлера ф. Бетманна-Гольвега, «камень покатился, и мы больше не могли его остановить» 6).

Невозможно отрицать, что материально, фактически, да и морально, камень покатился действиями центральных держав, а потому важно установить, какие планы связывались ими с этим «скатом» и каковы были их побуждения, иначе говоря, в чем была их вина?

Долгое время вопрос этот решался в зависимости от национальных и политических симпатий историков; тем не менее, нельзя утверждать, что все немецкие историки между двумя войнами отрицали совершенно германскую вину.

Так, труды экспертов следственной комиссии германского рейхстага, нашедшие выражение в книге Германна Лютц («Die europäische Politik in der Julikrise», Berlin, 1930), признавали и германскую вину, в дни, последовавшие за сараевским убийством. Однако новым и интересным фактом было появление там в 60-х гг. доктрины историка Ф. Фишера и его школы 7). Фишер утверждал существование в германских правительственных кругах накануне 1914 г. определенного плана мирового владычества и, следовательно, политики сознательно направленной к европейскому и даже мировому конфликту. После опубликования Фишером германских планов политико-экономической гегемонии в Европе, разработанных в первые, победоносные недели войны, стало ясным, что, во всяком случае потенциально, воля установить эту гегемонию существовала в самых ответственных германских кругах и накануне войны. О серьезности таких проектов свидетельствует факт, что некоторые из них были составлены по указаниям такого видного либерального деятеля, как убитый впоследствии правыми террористами Вальтер Ратенау.

Тем не менее, несмотря на обилие прямых и косвенных

свидетельств, в значительной степени подтверждающих теорию Фишера, историческая наука последних пяти лет склонна придать несколько иной оттенок суждениям о немецкой вине; целенаправленность немецких планов и вождедений освещается теперь несколько иначе, чем у Фишера, но в области конкретных фактов и актов, непосредственно вызвавших войну, немецкая вина остается без смягчающих обстоятельств 8).

Согласно с этой теорией, немецкие вождедения были менее преступными, чем стремление к мировому владычеству, но отнюдь не более разумными. Преследуя более ограниченные цели (укрепление союза с Австрией и достижение крупного успеха в области престижа путем ликвидации русских интересов на Балканах), Германия, поставив на оказавшуюся дважды битой карту сохранение европейского мира, пошла тем самым на неоправданно большой, планетарного размера риск, несоизмеримый с намеченной целью, и просчиталась. Она ошиблась в своем расчете на то, что Австрия молниеносными действиями разобьет Сербию и поставит Европу перед совершившимся фактом и что эта политика приведет, в худшем случае, лишь к местной, географически ограниченной войне. И в то же время, риск всеобщей войны не только не исключался, но был взят спокойно и хладнокровно *). В этом и заключалась германская вина 9). Из этого вытекает, что несоответствие между, пусть предосудительными, но все же ограниченными целями Германии и колоссальностью плохо рассчитанного риска, стирало в плане фактов и реальностей различие между политикой Германии летом 1914 г. и политикой Третьего Рейха в 1938-1939 гг.: различие оставалось только в плане теории и идеологии, а не в области фактов, и, в особенности, примененных методов. Каковы бы ни были в 1914 г. внутренние побуждения ее руководителей, Германия, как и в 1938-1939 гг. брала на себя «рассчитанный риск» — ценой даже, если нужно, европейского конфликта достигнуть поставленных ею себе, в теории, ограниченных целей. Откуда — неизбежная реакция ее потенциальных противников на ее политику как на политику агрессора, остановить которую можно отнюдь не слабостью, а только твердостью, поскольку остановить такую политику вообще возможно 10).

*) Характерно признание Бетманна-Гольвега его другу Ритцлеру 8 июля 1914 г.: «...если война вспыхнет на востоке, то мы можем рассчитывать на победу; если не будет войны (и Антанта уступит), то мы сможем все же рассчитывать расколоть Антанту нашим маневром» (по дневнику Ритцлера, изданному К.Д. Эрдманном, Гёттинген, 1972 г.).

Как только текст австрийского ультиматума стал известен в Петербурге, 24 июля н. ст. днем был созван Совет министров на Елагином острове, на министерской даче Горемыкина.

Подробности обсуждений этого заседания кабинета стали хорошо известны по отчету о нем в мемуарах П.Л. Барка, в журнале «Возрождение», в 1959 г. 11).

Барк пишет, что на Совете были заслушаны объяснения Сазонова и министров военного и морского, но наиболее ярким было выступление министра земледелия Кривошеина, которое повлияло на единодушное решение кабинета («речь Кривошеина произвела глубокое впечатление, (...) он задел нас за живое»). Основную мысль этого выступления можно передать так*): Россия оправилась после кризиса 1904-1906 гг. и ее внутреннее положение окрепло, порядок восторжествовал, но России нанесли тяжелый удар и ей были нужны годы, чтобы залечить раны. Наибольшая часть реконструкции была достигнута. К сожалению, программа нашего вооружения не закончена и можно сомневаться в том, способны ли будут наши армии и флот равняться с Германией и Австро-Венгрией в смысле новейших технических достижений. Наши промышленные и культурные достижения были настолько различны с вышеперечисленными странами, что для нас невозможно в настоящее время достигнуть даже одинакового уровня с ними. Тем не менее, наша слишком большая осторожность, к сожалению, не достигла успеха по отношению к центральным державам и общественное мнение не поймет, почему в такой критический момент императорское правительство боится действовать решительно. Теперь мы должны решить, какой политики мы должны придерживаться в момент серьезного кризиса, перед которым мы находимся. Никто в России не хочет войны. Поэтому наша политика должна быть направлена к тому, чтобы уменьшить ее возможность.

Так же как и Сазонов, Кривошеин полагает, что если мы останемся пассивными, то мы не достигнем цели. Война может вспыхнуть даже несмотря на наши миролюбивые усилия; кабинет должен решить, какая политика лучше для сохранения мира. Все свидетельствует, что наиболее разумной политикой при настоящем положении вещей, было бы именно возвращение к более твердому и энергичному поведению по отношению к совершенно неразумным и неумеренным требованиям центральных держав.

*) Версия Барка отнюдь не является записью выступления Кривошеина, но передает, несколько отрывочно, его основные мысли.

Министры военный и морской, признавая, что программа вооружения была незаконченной, не возражали против большой твердости в переговорах с центральными державами. Остальные министры тоже примкнули к мнению Сазонова и Кривошеина о твердой позиции России, которая, по мнению Горемыкина, являлась единственной надеждой на мирное улажение конфликта. Одной из основных мыслей доклада Сазонова, предшествовавшего заявлению Кривошеина, было, что даже если Россия предоставила бы сербов их судьбе, это не устранило бы опасность того, что Германия в недалеком будущем бросит России новый вызов, где будут затронуты еще большие русские интересы и тогда Россия, несмотря на свое миролюбие, будет вовлечена в войну, но уже после испытанного унижения. Можно отметить, что Сазонов с большой ясностью указал на роль Германии в деле австрийского ультиматума, представленного Сербии не только с согласия Германии, но даже под ее прямым давлением на Австрию, чего не знал тогда Николай II, считавший, что Германия здесь не причем.

Позиция, занятая Кривошеиным, ярче всего освещается сказанным им Барку наедине после окончания заседания Совета. В ответ на сомнения Барка относительно военной готовности России, Кривошеин заявил, что он разделяет опасения Барка и также смотрит очень мрачно на исход вооруженного столкновения. Все его желание сводится к тому, чтобы избежать этого столкновения, но он полагает, что уступчивость приведет к обратному результату: все равно нас заставят, после испытанных унижений воевать и тогда уже мы будем застигнуты врасплох. Единственная надежда остановить Германию — это спокойная решимость и готовность начать военные действия, хотя шансов на мирный исход конфликта мало...

Нельзя не вспомнить сказанное почти 25 лет спустя Черчиллем по адресу французского и английского правительств, предавших чехов Гитлеру ради сохранения мира: «Они хотели избежать войны ценой унижения, им достанется война на унижением».

Различие конечных целей центральных держав в 1914 г. и Гитлера в 30-х годах не стирает аналогии между агрессивностью их действий, с той разницей, что в 1914 г. огромность взятого риска усугублялась несостоятельностью предположения о возможной локализации войны, при безучастном отношении России, как будто отношения между государствами устанавливаются и развиваются в изолированном безвоздуш-

ном пространстве. Притом забывалось, что связь России с Балканами относилась к той категории невесомых, которые, по определению великого реалиста Бисмарка больше чем материальные реальности управляют миром. Достаточно вспомнить, что такой сторонник сближения с Германией как П.Н. Дурново, предвидевший с фотографической точностью в поданной им в феврале 1914 г. царю записке катастрофические для России последствия войны, считал возможным такое сближение только если Германия оградит Россию «от чрезмерных происков Австро-Венгрии на Балканах».

Необходимо коснуться «мифа» всеобщей русской мобилизации, якобы сыгравшей роковую роль в вспыхнувшей войне, тогда как она была лишь одним из звеньев цепной реакции, вызванной австрийским ультиматумом Сербии. Сазонов примкнул 29 июля н. ст. к мнению Генерального штаба о необходимости всеобщей, а не только частичной мобилизации под влиянием двух фактов: бомбардировки Белграда австрийцами и ультимативного заявления Пурталеса, что продолжение мобилизационных мер вынудит Германию к мобилизации и что тогда европейской войны почти невозможно будет избежать. Посол дал понять при этом, что за германской мобилизацией последует нападение. Необходимо уточнить, что «мобилизационные меры», о которых шла речь, это была назначенная на следующий день частичная мобилизация, направленная против Австрии. А между тем, за два дня до этого ф. Ягов заверял дипломатам Антанты, что Германия в ответ на русскую мобилизацию против одной Австрии не объявит мобилизации. Принимая во внимание, что «предультиматум» Пурталеса требовал отказа от каких-либо мер воздействия на Австрию в будущем, т. е. полной капитуляции России, Сазонов счел необходимым предохраниться всеобщей мобилизацией от нападения, которым откровенно угрожал Пурталес.

Вечером того же дня, под впечатлением телеграммы Вильгельма II, более примирительной по тону, но отнюдь не по существу, — угроза против всякой военной меры, направленной против Австрии сохранялась, — Николай II заменил всеобщую мобилизацию частичной. На другое утро Сазонов и Кривошеин, обсуждая положение, сожалели об отмене всеобщей мобилизации (30 июля). Сазонов добился царской аудиенции и хотел изложить свою точку зрения вместе с Кривошеиным, однако Николай II, не выносивший коллективного давления на него своих министров, захотел принять одного Сазонова; последнему, не без усилия, удалось получить согласие на всеобщую мобилизацию.

Преувеличенное значение, часто придаваемое роли всеобщей мобилизации, объясняется именно этим эпизодом-заменой ее Николаем II 29 июля частичной и снова возвращением к всеобщей на другой день. Утверждалось, что если бы царь оставил в силе частичную мобилизацию, то ход событий мог бы быть иным. Между тем, развитие событий, непосредственно предшествовавших объявлению войны Германией, отличается той исключительно редкой в истории особенностью, что остается возможным проанализировать, на основании конкретных фактов, а не предположений, не только события, происшедшие после и в связи с всеобщей мобилизацией, но и те, которые все равно произошли бы, если частичная мобилизация оставалась бы в силе. Эта особенность объясняется тем, что воинственные, закрывающие путь к компромиссу решения Австрии были приняты до того, как известие о переходе России от частичной мобилизации к всеобщей дошло до Вены. Эти решения имели столь крайний характер, что всеобщая мобилизация России не усугубила бы их. К тому же в том, что относилось к будущему Сербии, они были выполнением решений, принятых центральными державами еще до вручения ультиматума Сербии 23 июля. Особенно важно отметить следующие факты: австрийская всеобщая мобилизация получила официальную санкцию 31 июля, в 11 ч. 30 утра, в неведении русской всеобщей, указ о мобилизации был получен военным министерством в 12 ч. 23 м. в том же неведении. Кроме того, сам принцип всеобщей мобилизации был одобрен 30 июля днем, на совещании у Франца-Иосифа, с участием Берхтольда, генерала Конрада ф. Гетцендорфа и военного министра. Пагубным для сохранения мира не был сам факт всеобщей мобилизации Австрии в ответ на частичную русскую — в виду соотношения сил эта всеобщая мобилизация могла бы иметь характер меры предосторожности. Роковыми для сохранения мира были опиравшиеся на австрийскую всеобщую мобилизацию требования и планы, сводящиеся к расправе с Сербией, а также предвиденное использование этой мобилизации Мольтке, для того чтобы, по его словам, «сделать столкновение Австрии с Россией неизбежным». Следствием австрийской всеобщей мобилизации должна была быть мобилизация Германии, в свою очередь вызвавшая бы всеобщую мобилизацию России. Мольтке хотел использовать для своих воинственных планов русскую частичную мобилизацию, не зная, что в России, было уже принято решение о всеобщей мобилизации. По признанию Германна Лютц, официального историка-эксперта следственной комиссии германского рейхстага, «давление Мольтке, да-

же без указа 30 июля днем о всеобщей русской мобилизации, привело бы к европейской войне»; он считал этот вывод «неопровержимым» 12).

Австрийская всеобщая мобилизация была решена под давлением Мольтке, после того как Вильгельм II и Бетманн-Голльвег склонились, на короткий срок, к более примирительной линии, советуя Австрии принять германское посредничество и согласиться на английский план «остановки в Белграде», в силу которого Австрия, овладев Белградом, сохранила бы его в виде залога во время переговоров, приостановив военные действия. Однако уже вечером 30 июля германский канцлер, под давлением Мольтке, предписал германскому послу в Вене воздержаться от всякого воздействия на Австрию в примирительном смысле. Воинственные намерения венского кабинета ярче всего освещаются протоколом заседания венского кабинета, собравшегося в конце утра 31 июля 13), все еще в неведении всеобщей русской мобилизации: не принимая сущности английского предложения, внешней формой ответа показать примирительные настроения Австрии *). На характер этой формальной готовности к примирению указывают поставленные венским кабинетом условия: военные операции против Сербии не будут приостановлены, английское предложение не будет обсуждаться, пока русская мобилизация не будет отменена, австрийские условия должны быть приняты Сербией целиком и не будут обсуждаться. Русская мобилизация, о которой идет речь, все еще была, в глазах австро-венгерских министров частичной. По словам Берхтольда, если предпринятая против Сербии акция привела бы только к успеху австрийского престижа, то она была бы напрасной. Оккупация Белграда с согласия России была бы бесполезной, так как Россия стала бы спасительницей Сербии, в частности сербской армии, которая осталась бы нетронутой: через 2 или 3 года можно было бы ожидать нападения Сербии в гораздо более неблагоприятных условиях для Австрии. Эта точка зрения была единогласно одобрена соединенным кабинетом.

Необходимо добавить, что с момента объявления войны Сербии принятие Сербией всех условий австрийского ульти-

*) Этому заседанию кабинета предшествовало совещание некоторых министров и начальника штаба в 7 ч. 45 м. утра, которое приняло решение о всеобщей мобилизации, под давлением Мольтке (не в 7 ч. 45 м. вечера, как ошибочно указано, например, у А. Тарсаизде в «Четыре мифа», Н. Йорк, 1969, стр. 44).

матума было уже для Австрии недостаточным. В случае капитуляции Сербии — и России — решено было предъявить Сербии еще более суровые условия 14).

Реакция Австрии на русскую частичную мобилизацию, как и задуманная ею акция против Сербии, показывают, что при частичной мобилизации Россия оказалась бы перед альтернативой: оставаться свидетелем расправы с Сербией или, перейти от частичной к всеобщей — что было технически трудно выполнимо, для того чтобы давлением на Австрию спасти Сербию. Сербия твердо решила защищаться и защищалась бы долго, до «горького конца». Тогда оправдалось бы предсказание Кривошеина: «Наша уступчивость приведет к обратному результату, все равно нас заставят, после всех испытанных унижений, воевать и тогда мы будем застигнуты врасплох».

Отчаянное сопротивление Сербии не заставило бы Австрию быть более умеренной в своих требованиях. После балканской войны Австрия была охвачена настоящим психозом страха перед сербской армией, психозом искусственно поддерживаемым правительством, и победоносная война против Сербии стала для Австрии уже не вопросом престижа, а вопросом самого существования монархии. По мнению Австрии, эта угроза могла быть устранена только уничтожением сербской армии и фактическим, если не формальным, сведением Сербии к положению вассального княжества.

Объявление Германией войны России было решено Вильгельмом II самолично, причем решено несмотря на миролюбивые заверения Николая II. Германское правительство предпочло бы действовать обходным путем и предоставить России объявить войну Германии или капитулировать *). Если нервы Вильгельма II не выдержали и он предпочел агрессию компромиссу, то это потому, что он и Генеральный штаб загнали свою страну в западню принятием плана Шлиффена, основанного на предварительном разгроме Франции, плане, выполненном только при незавершении мобилизационных планов России. В действительности же, русская мобилизация была опасна для Германии только если Германия определенно приняла решение достигнуть поставленных ею и Австрией целей не

*) Впрочем, как это установил И. Гейсс (см. примеч. 16, «Julikrise...», документ № 835), 30 вечером, еще в неведении русской мобилизации, канцлер обязался, под давлением военных, принять решение о германской мобилизации не позже 31-го в 12 часов дня, проходя через предварительную стадию «положения военной опасности».

только дипломатическим путем, но и ценой европейского мира. Русская всеобщая мобилизация не упраздняла альтернативу мира 15).

Зато поскольку Германия решила поддержать Австрию оружием в случае русского вмешательства в защиту Сербии, то в силу австро-германского союза никакого различия для Германии между частичной русской мобилизацией, направленной против Австрии, и всеобщей, направленной и против нее, не существовало.

Спрашивается, не должны ли были руководители русской политики в роковые дни июля четырнадцатого купить мир любой ценой, даже ценой унижения, раз они сознавали, что Россия не может тягаться с центральными державами ни в области военной готовности, ни в области промышленных достижений, и смотрели «очень мрачно на исход вооруженного столкновения»? Такое рассуждение, спустя более чем полвека после событий, можно определить как запоздалый, абстрактный псевдореализм, оторванный от жизни. Балканская политика России, конечно, не стоила риска национальной катастрофы, ни даже «косточки русского гренадера», но жребий был брошен, уже тогда, когда Александр II, не следуя предостережениям некоторых своих советников, вовлек Россию в бескрайние балканские осложнения. В горячечной атмосфере «июля четырнадцатого» крутая перемена всей русской политики путем небывалой капитуляции была неосуществима. Можно ли себе представить, что Россия, не мобилизуя ни одного солдата — а этого требовали от нее Австрия и Германия — оставалась бы безучастным зрителем того, как Австрия «крошила» в течение нескольких недель сопротивляющуюся Сербию? Да и такого масштаба «премия агрессору» по законам истории только настроила бы его продолжать.

Желание избежать войны ценою максимальных уступок было у России так велико, что Австрия могла бы достигнуть величайшего дипломатического успеха за счет России при одном только условии — не добиваться этого успеха военной расправой с Сербией. Продолжая свое давление без кровопролития и не возбраняя заранее России принимать меры предосторожности на случай, если бы кровопролитие все же началось, Австрия добилась бы даже одобрения английского плана «остановки в Белграде». Но раз Австрия пошла путем кровопролития и уничтожения сербской армии, пассивность России становилась невозможной.

Могла ли, зато, вся внешняя политика России быть пересмотрена в мирной атмосфере первого десятилетия этого века,

при условии, что и центральные державы пошли бы этому навстречу? Возможно, что сближение с Англией было ошибкой. Возможно, — но маловероятно, — что отказ от Бьёркского договора с Германией был одной из упущенных okazji укрепить мир надолго. Можно только отметить, что решительным противником этого договора был Витте, потерявший из-за этого всякий авторитет в глазах Вильгельма II как сторонник русско-германского сближения. Если Бьёркский договор, основанный на оборонительном союзе России, Германии и Франции, был утопичен, то, очевидно и всякий союз «материковых держав», сторонником которого был Витте, был такой же утопией, и это показывает, что путь к европейскому конфликту был предпринят.

Суждений о вине тех или иных держав в европейском конфликте было много. Если выбирать самые последние, основанные на новейших изысканиях и высказанные, когда вызванные второй мировой войной страсти уже успокоились, то нельзя не остановиться на признании известного молодого немецкого ученого, профессора гамбургского университета Имануеля Гейсса, сделанном весной 1968 г. на франко-германском семинаре в Грайнау: в те июльские дни не только политическая, но и техническая ответственность Германии в начале военных действий была существенной и почти абсолютной 16).

Еще до объявления войны Германией, 18/31 июля в Петергофе собрался Совет министров под председательством царя; в конце заседания Николай II объявил о своем решении принять на себя Верховное командование, если война разразится. Это решение вызвало единодушный протест всех членов кабинета, в том числе и Горемыкина. Со своей стороны, Кривошеин, по словам Барка 17), «подробно остановился на мотивах, приведенных И.Л. Горемыкиным, ярко осветил их в своей убедительной и страстной речи и, не стесняясь, с полной искренностью прибавил другие соображения, из коих наиболее существенными являлись ссылки на русско-турецкую войну 1877-1878 гг.». По его словам, присутствие Государя служило поводом к тому, что ответственность за некоторые неудачи приписывалась штабу и таким образом освобождались непосредственно распоряжавшиеся, которые получали возможность покрываться именем Государя...

«Государь», — пишет Барк, — «по-видимому, был пора-

жен и недоволен таким единодушным суждением Совета министров», но его решение было поколеблено и в конце концов он от него отказался.

1) Кривошеин продолжал быть в дружественной переписке с Боткиным, ставшим посланником в Лиссабоне. Во время войны, судя по их неопубликованной переписке, находящейся в руках наследников Боткина, имеются основания предполагать, что Кривошеин проводил его на пост товарища министра иностранных дел. Между тем, по словам М.А. Таубе, бывшего товарища министра народного просвещения («Der grossen Katastrophe entgegen», Berlin 1929, стр. 301), Боткин был уже в начале 1914 г. кандидатом германофильски настроенных кругов на место Сазонова. Боткин был назначен товарищем министра, но уже Штурмером, на что последовал столь сильный протест Бьюкенена, что назначение было взято обратно и указ не был опубликован в Правительственном Вестнике (G.W. Buchanan, «My mission to Russia», London, 1923 г., т. 2, стр. 24).

2) «Die grosse Politik der europäischen Kabinette», т. 26, 2, стр. 779-781.

3) «Вопросы Истории», 1971 г., № 9, стр. 122, по «Крах германских оккупантов на Украине в 1918 г.», Москва, 1936 г.

4) Bernhard Fürst von Bülow, «Denkwürdigkeiten». Berlin, 1931, т. 3, стр. 128 и 131. «A Dieu ne plaise! Il y a de mauvais éléments chez nous, comme un peu partout. Mais nous ne ferons certainement pas la folie d'attaquer ni l'Autriche, ni surtout l'Allemagne. Une guerre entre les trois empires serait, j'en suis convaincu, la fin de trois grandes dynasties».

5) Эта часть ее воспоминаний не вошла в вышедшие в 1924 г. воспоминания под названием «Souvenirs de Russie», относящиеся к более позднему периоду.

6) Слова, сказанные канцлером своему confidentу Ритцлеру 30 июля 1914 г. (Konrad H. Jarausch, «The illusions of limited war. Bethmann-Hollweg calculated risk». Central European History 2, № 1, март 1969, стр. 69).

7) Fr. Fischer, «Griff nach der Weltmacht», 1961, Дюссельдорф.

8) Так у одного из видных «послефишеровских» историков, И. Ремака (Joachim Remak, «The origins of the World War I», N. York, 1967 и «The Third Balkan War» в «The Journal of Modern History», vol. 43, № 3, Chicago, sept. 1971).

9) Там же, стр. 361.

10) Целый ряд фактов указывает на то, что, играя карту «в худшем случае местной войны», Германия со спокойной совестью брала на себя риск европейской войны. Здесь будут приведены свидетельства, ставшие хорошо известными за последнее десятилетие. Интересен дневник начальника военно-морской канцелярии императора Вильгельма, адмирала ф. Мюллера, в его неискраженной ради ослабления немецкой вины версии. (Об этом: J.C.G. Röhl «Admiral v. Müller and the approach of war», «The Historical Journal», Cambridge, 1969, № 4, стр. 651-673). На основании дневника можно утверждать, что если в конце 1911 г. Бетманн-Гольцверг еще противился войне, то со времени Балканской войны он склонился к гарантии германской помощи Австрии, если бы война вспыхнула из-за Сербии (8 ноября и 2 декабря 1912 г.). В феврале 1913 г., канцлер предупреждает Австрию, что время еще не настало, так как он надеется вскоре нейтрализовать Англию; 18 дек. 1913 г. кайзер сказал ф. Мюллеру, что Бетманн-Гольцверг уже свылся с мыслью о войне, считая, что Англия не вмешается. Но еще за год до того, 8 дек. 1912 г., на совещании в Потсдаме, кайзер точно предвидел все то, что произошло в 1914 г.: Австрия нападет на Сербию,

Россия вступится за Сербию, Германия окажется в войне с Россией, Францией и Англией. Мольтке предлагал начать войну немедленно, тогда как адмирал ф. Тирпиц просил отсрочки на 18 месяцев, т. е. к лету 1914 г., чтобы закончить Кильский канал, укрепления Гельголанда и пр. Вопрос оставался открытым, но решено было поручить Тирпицу и Б.-Голльвегу подготовить общественное мнение к войне с Россией. По мнению Röhl (ук. соч.), изучившего дневник, Германия уже больше не обсуждала вопроса, нужно ли начинать войну в европейском масштабе, но когда и как ее начать в лучших условиях. Отметим запись дневника ф. Мюллера от 31 июля 1914 г. еще до получения известия о русской всеобщей мобилизации, что «война наконец, решена».

Гамбургский профессор И. Гейсс (Immanuel Geiss) открыл запись (опубликованную затем Е. Zechlin, «Der Monat», февраль 1966 г.) разговора между Мольтке и ф. Яговым в мае 1914 г.: Мольтке требовал спровоцировать превентивную войну с Россией в мае или июне 1914 г.

11) «Июльские дни 1914 г.», журнал «Возрождение», Париж, № 91, июль 1959 г., стр. 19-23. До этого имелась только краткая запись Особого журнала Совета министров того же числа («Международные отношения в эпоху империализма», серия 3-ья, том 5, Москва, 1934 г., № 19, стр. 39).

12) Hermann Lutz, «Die europäische Politik in der Julikrise», Berlin, 1930 стр. 232-233.

13) «Pièces diplomatiques relatives aux antécédents de la guerre de 1914, publiées par la République d'Autriche», Paris 1922, 3ème partie, № 79.

14) «Documents allemands relatifs à l'origine de la guerre», Paris, 1925, p. 432. Точное время утверждения приказа мобилизации или отправки телеграмм по P. Renouvin, «Origines immédiates de la guerre», Paris, 1927, p. 175, 176, 194.

15) J. Remak, ук. соч., стр. 358. «Британская Энциклопедия», стр. 324, т. 10, 1968 г. так определяет этот вопрос: «Впоследствии утверждалось, что для всех держав мобилизация означала войну. Это — нелепый аргумент. Для всех других держав мобилизация означала только мобилизацию; она не делала войну неизбежной, хотя она ее и облегчала. Только для Германии мобилизация означала войну и это не в силу неисповедимых решений провидения а вследствие преднамеренного решения, принятого задолго до того, использовать быстроту германской мобилизации с целью решить таким путем вопрос ведения войны на два фронта».

16) Эта степень германской вины освещается в двух трудах этого историка: «Julikrise und Kriegsausbruch», Hanover, 1963/4 и «Juli 1914», Мюнхен, 1965 г. Также газета «Le Monde», Париж, 24 апреля 1968 г. и Revue historique, т. 232, Париж, 1964 г. Различные точки зрения на степень германской вины объективно рассмотрены в труде Jacques Droz, «Les causes de la Première Guerre mondiale», Paris, 1973.

17) Журнал «Возрождение», Париж, июль 1959, стр. 35-37. Иногда миролюбие Николая II противопоставляется политике его министров. Его миролюбие вне сомнения, но в балканской политике он был более тверд, чем его министры (по словам британского посла А. Никольсона, он был «гораздо более славянофилом, чем его министры»). Позиция его друга, кн. Мещерского, в этом вопросе известна: невмешательство России в дела балканского осиног гнезда и сближение с Германией, но балканская политика была запретной зоной для попыток влияния Мещерского на царя. Когда, тем не менее, при их последнем свидании после сараевского убийства, Мещерский все же поднял этот вопрос, развивая свои взгляды, то получил неопределенный ответ (ген. Спиридович, со слов Бурдукова, доверенного князя, в «Les dernières années de la cour de Tsarskoïé Sélo», Париж, 1928-1929 г., т. 2, стр. 473-477).

ФАКТИЧЕСКОЕ ПРЕМЬЕРСТВО

1. НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

*(Политическая конъюнктура
между 30 января и 1 августа 1914 г.)*

«Программа А.В. Кривошеина». Так озаглавил свою статью 31-го января 1914 г. умеренно-оппозиционный, влиятельный московский орган «Русское Слово». И чтобы не было сомнения в том, кто будет фактическим главой кабинета, газета писала: «Неизвестно, будут ли иметь значение взгляды И.Л. Горемыкина, но несомненно, что мировоззрение А.В. Кривошеина сыграет большую роль в жизни России». Характеризуя это мировоззрение, газета утверждала, что «А.В. Кривошеин — убежденный правый, консерватор редкого в России типа, считающий, что для охраны устоев России и для создания в ней правового строя необходимо твердой рукой проводить умеренные, но неотложные, либеральные реформы. Делать это, по его мнению, может только убежденный правый, ничем не связанный, не обязанный ежесекундно кланяться направо, чтобы доказать свою преданность правым взглядам. Проводя либеральные реформы, такой правый не должен также добиваться одобрения слева».

Этот в общем верный, но до крайности упрощенный анализ политического мировоззрения «фактического премьера» оставлял в тени все то двусмысленное и противоречивое, что было положено в основу нового правительственного курса. Эту противоречивость удачно отметил Шингарев во время прений по поводу бюджетной политики правительства в конце апреля 1914 г.: «Финансовая политика Коковцова, хотя я ей не сочувствовал, была в полном согласии с общей политикой правительства. Теперь же общая политика правительства стала более реакционной, а финансовая стремится опереться на общественную самодеятельность».

И, действительно, это противоречие между новым экономическим курсом и реакционной политикой некоторых министров было чем-то парадоксальным, как, впрочем, парадоксальной была до мельчайшей подробности подготовленная, но лишенная здоровой и прочной основы вся министерская комбинация 30 января 1914 г. Парадоксальным было то, что для смены политики экономического склероза политикой экономического развития в сотрудничестве с общественностью приходилось, принимая во внимание психологические особенности монарха, вынимать из нафталина Горемыкина, предварительно нейтрализовав кн. Мещерского! При таком двусмысленном начале, несмотря на умение и энергию «фактического премьера», всякий острый кризис должен был привести правительственную комбинацию к распаду или к параличу. Двусмысленным было в особенности то, что если Государь дал «фактическому премьеру» свободу действий в области экономической, как в начале своего царствования он дал ее Витте, то в области политической он оставался душой и сердцем с убежденным противником сотрудничества с общественностью, Н.А. Маклаковым. Неудивительно, что общественное мнение с трудом разбиралось в происшедших переменах и было склонно усматривать в них успех реакции, чего в действительности не было 1).

Еще больше запутывало положение то, что не только для общества, но и для правящих кругов уехавший поправляться Кривошеин имел много шансов в случае полного выздоровления занять место Горемыкина 2), а потому оставалось неясным, был ли Горемыкин назначен на короткий срок или надолго. Эта парадоксальная зависимость политической ситуации от судьбы отсутствующего лица удачно освещена французским дипломатом Дульсэ в своем донесении от 13 марта (нов. стиля) 1914 г. 3) Гастону Думергу, министру иностранных дел.

Говоря о том, что Кривошеину принадлежало первое место в разрешившемся кризисе, он характеризует его таким образом :

«...Это тот человек, который сыграл решающую роль в событиях, им самим давно подготовленных, и принял бы на себя власть, не будь остановившей его на короткий срок болезни; покинув в данный момент русскую сцену, он бросает на нее издалека свою тень; его скорого возвращения ждет общественное мнение, видя в нем своего будущего вождя. В этом и заключается одна из самых любопытных черт настоящего положения : руководящее место в нем принадлежит отсут-

ствующему, выздоравливающему; честолюбивые расчеты людей сплетаются вокруг санатории. Если г. К. поправится, то его выздоровление повлечет за собой политический триумф националистов, напротив, ухудшение его здоровья приведет к победе чисто консервативных, даже реакционных элементов. Отсутствие главного действующего лица объясняет всю неопределенность положения ».

Уезжая 28 января в двухмесячный отпуск в Италию, Кривошеин поручил Горемыкину смягчить обостренные Кокцовым отношения между правительством и думой: едва прошла неделя после его назначения, как Горемыкин дважды побывал с визитом у М.В. Родзянко 4), — достаточно вспомнить, что в 1906 г. он счел ниже своего достоинства « оставить картон » у Муромцева первым, в то время как тот тоже считал себя иерархически выше премьера, и обмен визитами не состоялся 5). Подчеркивалось, что во время второго визита Горемыкина был поднят вопрос о восстановлении нарушенных отношений с думой и что в скором времени представители националистов, центра и октябристов будут приглашены к главе правительства 6); 8 февраля Родзянко посетил Горемыкина. Опровергая 7) затем слухи о политическом содержании беседы, он заявил, что он вполне убежден в искреннем доброжелательстве премьера к думе и в том, что никаких крайних решений Горемыкиным допущено не будет; больше того, он не сомневался в желании объединенного правительства вести более соответствующую действительному положению внутреннюю политику и приняться за разработку законопроектов в силу дарованных манифестом 17 октября реформ.

Политика добрых отношений с думой, как и принцип единства политики действительно объединенного правительства, — все это были кривошеинские (и конечно столыпинские) принципы. Милюков в своей бюджетной речи 26 апреля признал, что первый шаг нового премьера был конституционным 8). Горемыкин старался осуществлять эти принципы корректно, но не обладая личным авторитетом, чтобы импонировать как реакционным силам внутри кабинета, так и правому большинству Государственного совета, он мог бы достигнуть цели только при полной поддержке со стороны Верховной власти.

Вначале он, казалось, эту поддержку получил. Предпринятые им шаги в сторону сотрудничества с думой последовали после того, как он был принят, 2 февраля царем 9). А, кроме того, неделю спустя принцип « объединенного правительства » получил в торжественной форме царскую санк-

цию : 9 февраля члены правительства неожиданно получили извещение о созыве, на другой день, под высочайшим председательством Совета министров. Собранному днем 10 февраля в Зимнем Дворце Совету Николай II в весьма определенной форме указал на необходимость единства кабинета и более согласованных действий правительства, нужных для поддержания престижа власти 10).

На частном совещании министров у Горемыкина 11 февраля была сделана попытка определить тот политический курс, при котором не было бы разрозненных выступлений отдельных представителей правительства.

Что этот преходящий и не имевший мало-мальски длительных последствий царский жест отвечал советам, данным при отъезде « фактическим премьером », не подлежит сомнению. Французский дипломат Дульсэ говорит в своем донесении 11), что он видит в этом событии одно из проявлений влияния Кривошеина того же порядка, как назначение Горемыкина и Барка и призвание председателя думской финансовой комиссии Алексеенко в Комитет финансов » : « ...на большом Совете министров 2 марта 12) в Зимнем Дворце под председательством императора наставление, произнесенное Николаем II по поводу соперничества между министрами, вполне отвечает воззрениям г. Кривошеина о необходимом сотрудничестве всех членов кабинета ради выполнения общего дела ».

Внешне « новый курс » и « политика объединенного правительства » получили царскую санкцию, в которой они тем более нуждались, что, в то время как Горемыкин предпринимал необходимые шаги для восстановления отношений с думой, произошел инцидент, рисковавший подорвать всякое доверие к этой политике.

Московская умеренно-оппозиционная газета « Русское Слово » опубликовала 6 февраля интервью с кн. Мещерским, не называя его, но достаточно прозрачно характеризуя; из интервью явствовало, что если не удастся восстановить работоспособность думы « мирными средствами », то тогда это будет достигнуто изменением ее законодательных прав.

Дальше будет изложена история этой « давнишней мысли » 13) Николая II, которую тот не раз пытался осуществить, в последний раз 18 июня 1914 г. Во всяком случае, 6 февраля вопрос не был поставлен по инициативе Государя и получил огласку в результате бестактной выходки князя, хвастливо и болтливо желавшего показать свою близость к престолу.

Осведомительное бюро по делам печати при министерстве

внутренних дел смогло опровергнуть слухи московских газет о «предположении правительства изменить существующий порядок движения законодательных дел» 14), а в правительственном официозе «Россия» появилась статья, изъяснявшая «вздорность слухов, порожденных одним лишь досужим измышлением».

Однако эти опровержения убедили далеко не всех 15).

Горемыкин продолжал проводить политику сотрудничества с думой в плане «куртуазных жестов», необходимых для того, чтобы сгладить плохо соответствовавшие этой политике действия Н.А. Маклакова и других реакционных министров. Если Родзянко был с визитом у супруги премьера на ее *jour fixe* 16), то сам премьер принял накануне председателя правой группы А.Н. Хвостова и председателя группы центра П.Н. Крупенского. Дульсэ объяснял эти «куртуазные» контакты необходимостью заручиться согласием думы на проведение военной программы; и, действительно, на закрытом совместном совещании правительства и членов думы, 1 марта эта программа получила одобрение присутствовавших приглашенных депутатов 17).

Верховная власть, удовлетворенная этим результатом, пожелала как бы закрепить это поверхностное, как показало ближайшее будущее, улучшение взаимоотношений 6 марта, рескриптом на имя Горемыкина. Стиль этого рескрипта был крайне неудачным, а некоторые выражения напоминали антипарламентарные высказывания Николая II в начале царствования, в духе «бессмысленных мечтаний» (в данном случае предостерегалось от беспочвенных стремлений, совсем чуждых тем народным заветам, которыми росла и крепла Россия); зато указывалось на необходимость объединения правительства под руководством председателя и высказывалась надежда на то, что между правительством и законодательными учреждениями, «круг ведомства коих строго очерчен в законе, установится необходимое согласие». Для многих 18) этими словами опровергались слухи о покушении на законодательные права думы и был положен конец «зловещей неопределенности». В действительности для этого оптимизма не было основания.

После бесплодного обмена любезностями отношения между кабинетом и думой стали портиться с возрастающей быстротой. Реакционные министры продолжали вести свою политику, пользуясь полным доверием монарха и понимая, что тот, при поверхностном благоволении к думе, в глубине души будет им только больше доверять, если они, как тогда говорилось, «прочно окопаются в своей непопулярности перед

ней». Надежда тех, кто верили, что с возвращением Кривошеина произойдет перемена, была плохо обоснована. По словам Дульсэ 19), по мнению «его сторонников», «их вождь вернется триумфатором в Петербург, для того чтобы присутствовать на освящении, так как он благочестив, домашней часовни, отстроенной им в его министерстве согласно с наилучшими принципами «русского искусства допетровской эпохи». Они утверждают, что г. Горемыкин не заставит себя просить, чтобы уступить ему свое место. Нет сомнения в том, что последний, не без некоторой аффектации подчеркивает, что он только временный заместитель (...). Он сказал всего несколько дней тому назад одному из наших соотечественников: «Эту комнату я хотел предоставить моей сиделке. Я был вынужден поместить в ней моего секретаря — надеюсь ненадолго».

Но для дальновидного и хорошо осведомленного дипломата положение было далеко не так просто: «Как бы ни оценивать искренность таких слов, многого еще не достаёт для того, чтобы двери, ведущие к власти, открылись для г. Кривошеина настужь. Падение г. Коковцова было следствием объединенного давления чистых консерваторов и националистов. Оба течения, вполне согласованные тогда, противопоставляются и сталкиваются ныне 20). Каждое из них располагает влиятельными ходатаями при дворе. Государственный совет продолжает беспощадно рубить все законопроекты с либеральным оттенком, даже внесенные правительством 21), а на прошлой неделе министр юстиции произнес в думе речь, надменный и резкий тон которой напомнил лучшие времена пренебрежения парламентом 22). Таким образом оба течения сталкиваются с переменным успехом».

Для Дульсэ выздоровление или невыздоровление Кривошеина тяготеет над всей политической ситуацией и не позволяет предвидеть будущего.

В действительности, когда Кривошеин, поправившись, вернулся 3 апреля 1914 г. в Петербург, то он еще меньше, чем осенью 1913 г., или в январе 1914 г., искал премьерства, не желая, называясь премьером, не быть таковым на деле. Ему было важнее, чтобы Государь оказывал полное доверие взятому им новому экономическому курсу. Еще до возвращения Кривошеина, разработанный его ведомством пятилетний план мелиоративных и гидротехнических работ был одобрен Советом министров. Бюджетная речь Барка целиком основывалась на началах, выраженных рескриптом 30 января. Кривошеин знал, что он пользовался доверием царя и думы. «Берегите

вашего Александра Васильевича, он мне очень нужен! Не занимайте его делами! Вы там все сами без него побольше решайте, а он пускай поправляется. Он мне нужен!» сказал царь И.И. Тхоржевскому вскоре после возвращения Кривошеина из Италии; «в его полушутливой интонации было что-то настойчивое, серьезное» 23). А по словам видного депутата Годнева, главным руководящим началом ведомства Кривошеина являлось сотрудничество с земскими учреждениями и общественными органами, а также с местной инициативой, и содействие развитию самостоятельности населения 24).

Если кадетские лидеры критиковали его, — весьма умеренно, то на местах многие представители партии умели сочетать эту критику с похвалой. Депутат Герасимов писал в ярославском «Голосе» (7 июня), что «даже противники деятельности Кривошеина не отказывают ведомству в признании за ним известных государственных заслуг. Пусть ошибочна будет принципиальная основа политики Кривошеина, но наряду с этим ведомство Кривошеина нельзя упрекнуть, что оно ничего не делает... Ведомство выгодно отличается от других бюрократических ведомств готовностью идти в контакт с местными общественными силами, оно проявляет известную идейную самостоятельность, привлекает к своей работе талантливых исполнителей».

Зато положение Горемыкина было незавидным, а бюджетные прения по поводу сметы министерства внутренних дел привели к полному разрыву между Н.А. Маклаковым и думой. «Объединенное правительство» было столь разъединено, что его глава не был в состоянии выступить с декларацией о правительственной программе, ограничившись в начале бюджетных прений, обращением к думе, построенном исключительно на заверении лучших чувств и пожеланий взаимного понимания. Тем не менее и эти слова составляли такой контраст с вызывающим тоном выступлений Н.А. Маклакова, что они несколько разрядили атмосферу, но ненадолго 25).

Когда Н.А. Маклаков, десять дней спустя, заявил в думе, что «он и дума в противоположных полюсах в смысле политических взаимоотношений» 26), то эти слова только выражали «с его полюса» то, что исключительная по резкости формула перехода к очередным делам относительно его сметы, внесенная центром и октябристами, утверждала «с думского полюса»

Два политических инцидента показали, что думская монархия шла уже не к застою, а к параличу, преодолеть

который она оказалась неспособной, ни оставаясь в пределах закона, ни нарушая его. 12 мая Государственный совет отклонил 87 голосами против 71 закон о городском положении в Царстве Польском с введением польского языка в делопроизводство, а 20 мая им был отклонен закон о волостном земстве. « С отклонением проекта волостной реформы, все законодательство третьей думы ликвидировано », — могло писать об этом « Новое Время » (от 21 мая).

Признанный указом 12 декабря 1904 г. « неотложным », проведенный через думу, благодаря сотрудничеству Столыпина с Гучковым, проект волостной реформы был, по словам Гурко 27), нехотя внесен в верхнюю палату Маклаковым, под давлением Кривошеина и думы. Он был блестяще защищен там Гурко, возражавшим на узко-эгоистичные, недальновидные доводы правых о том, что, будучи в земстве в большинстве, крестьянство обложит дворян высокими сборами (« Много причин привело дворянство к оскудению, но среди них обложения не было; мы живем в податном раю, ибо нигде в мире земля так мало не обложена, как у нас... нынче крестьянство уплачивает 37 % земских обложений, а вы опасаетесь перенесения на ваши плечи даже 20 %. Поэтому я утверждаю, что наша честь обязывает нас нести не меньше расходов, чем крестьянство, и если вы хотите руководить крестьянством, то прежде всего уравнийте свои тяготы с ихними (...) настанет время, и оно отнюдь не далеко, когда вы будете горько сетовать о том, что опоздали, но вас уже не пустят в волость, в силу того, что вашего влияния там не будет, вас опередят другие люди ». Зато проект не был защищен правительством, блиставшим своим отсутствием, чтобы скрыть свое разъединение 28) : отклоненный всего 77 голосами против 72, он имел все шансы быть принятым, если бы министры голосовали за него.

Отклонение « польского » городского проекта произошло в иной обстановке и едва не вызвало ликвидацию уже не только думского законодательства, но и законодательных прав думы, одну из основ « думской монархии »; у Николая II уже намечалась тогда та эволюция взглядов на польский вопрос, которая, ускоренная затем войной, привела его к благоприятному отношению к широкой автономии и отклонение проекта вызвало его полное неодобрение; в этом деле, если он и следовал чьим-либо советам, то уже не Маклакова, а Кривошеина, позиции которых во время войны в польском вопросе стали противоположными. Проект был защищен Горемыкиным, побывавшим до того в Ливадии 29) и весьма твердо высказав-

шимся за допущение польского языка. Гескриптом 5 июня 1914 г. повелевалось внести вторично проект в думу, что и было сделано 9 июня. Создалось положение, во многом напоминавшее последствия отклонения проекта о земствах в Западном крае в марте 1911 г., только теперь давление моральное на правое большинство Государственного совета пожелала оказать сама Верховная власть, уже по собственной инициативе, притом, в отличие от столыпинского ультиматума, на безупречной правовой основе. Но неожиданно царь сошел с этого благоразумного пути и, импульсивно перенося свое неудовольствие в буквальном смысле с больной головы на здоровую, захотел порвать с существовавшим тогда представительным строем и основными законами 23 апреля 1906 г. По-видимому, он не отдавал себе отчета во всем значении предпринятого им шага. Николай II попытался изменить права думы и Государственного совета, превратив их из учреждений законодательных в учреждения законосовещательные. Эта попытка была уже третьей, и предшествовавшие ей попытки в 1909 и 1913 гг. были произведены в условиях абсолютного игнорирования правительства в целом, в частности его возглавителей, Столыпина и Коковцова.

В этом «внутреннем неприятии» Николаем II установленной им «думской монархии» и игнорировании назначенного им самим главы правительства и коренилась неизбежность хода событий, приведших к февралю, а потому, хотя эти неудачные попытки и не имели прямого отношения к деятельности Кривошеина, о них нельзя не упомянуть.

Мысль о том, что вопреки велениям своей совести и не имея на то права он «изменил пределы власти», полученной им от своих предков 30), мучила Николая II с того момента, как он 13 апреля 1906 г. отказался от определения своей власти, как неограниченной.

Впервые он поднял этот вопрос в 1909 или 1910 г. 31) под влиянием «дневников» Мещерского в «Гражданине»; Столыпин в это дело огромной важности посвящен не был. Щегловитов, опрошенный как юрист, ответил уклончиво, скорее неодобрительно; зато Акимов, председатель Государственного совета, человек правых убеждений, «пришел в полный ужас» и ответил с такой резкой твердостью, что попытка превратить думу в законосовещательный орган была оставлена 32).

Осенью 1913 г., когда между царем и Мещерским «старая дружба вернулась окончательно» 33), Государь, игнорируя на

этот раз Коковцова, неожиданно написал 18 октября из Ливадии Н.А. Маклакову, что он считает необходимым немедленно обсудить в Совете министров свою давнишнюю мысль о том, что всякий отвергнутый думой законопроект может быть утвержден им 34) (как это происходило в дореформенном Государственном совете).

Маклаков, хотя и сочувствовал этой « давнишней мысли », но даже не решился представить ее на обсуждение, вполне резонно указав Николаю II несколько позже, что вопрос такой важности не может быть обсужден, когда старшие члены Совета министров, — Коковцов, Кривошеин и Саблер, — находятся в отпуску. Эта подробность, — веление обсудить изменение, вернее нарушение основных законов случайным составом Совета министров, — показывает насколько ничтожен был удельный вес имперского кабинета в сознании монарха.

С отклонением Государственным советом проекта городского положения в Царстве Польском, проекта признанного « с высоты престола » необходимым и по поводу которого полякам давались обещания 35), создалась новая ситуация. Николай II счел, что осуществление его « давнишней мысли » о возвращении к положению 1905 г., по которому царская санкция « быть по сему » могла придать законодательную силу мнению большинства или меньшинства, будет облегчено тем, что оно позволит проведение либеральной меры. Так же рассуждал и Столыпин в деле земства в Западном крае, применяя 87-ую статью. Неожиданно Совет министров был созван 18 июня в Петергофе. Никто не знал, для чего. Когда собранным министрам царь изложил свой проект, то все, кроме Маклакова, высказались против : нельзя раздражать общественное мнение. Но с особой определенностью и резкостью высказался против Щегловитов : « Монарх окажется в необычном положении, он пойдет против тех, которые худо или хорошо представляют народ. Я бы считал себя изменником своего Государя, если бы сказал : Ваше Величество, осуществите эту меру » 36).

Все присоединились к точке зрения Горемыкина, что это не представляется желательным, что надо уметь ладить с думой, что она может работать.

На этот раз доводы кабинета прочно разубедили Николая II в его намерениях; сказав : « Господа, как было так и будет ! » он больше к этому вопросу не возвращался 37).

За три дня до этого произошло сараевское убийство. С

войной *) роль Кривошеина стала более активной, — он не мог, прячась за престарелым Горемыкиным, ограничиваться одним экономическим сектором, его влияние распространилось и на общую политику, в том числе и на иностранную. Он понимал, что война может быть выиграна только при сотрудничестве правительства с общественностью, и в борьбе за достижение этой цели состоит все значение его «фактического премьерства».

2. ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Этот период соответствовал наибольшей близости Кривошеина как к царю, так и к Александре Федоровне и, тем самым, зениту его государственной карьеры. По словам его ближайшего сотрудника И. И. Тхоржевского, оба они тогда «души не чаяли в Александре Васильевиче». Императрица, в письме к Государю от 20 сентября 1915 г., когда она уже переменяла свое отношение к Кривошеину, пишет: «...Мой друг Кривошеин, что с ним случилось? Я в нем горько разочаровалась!» В этой переписке 38) словом «друг» не обозначается никто из других министров, сановников или придворных, а только люди различного происхождения (человека четыре), отношение к которым Александры Федоровны было основано не на их служебном положении, а на личной симпатии **). Кроме того, это слово обозначало Распутина, и притом с большой буквы («our Friend»). Хорошо осведомленный Гурко так характеризует близость Кривошеина к Александре Федоровне в своих воспоминаниях: «Ему, вне сомнения, удалось покорить ее ум и воображение» 39).

Особое положение Кривошеина в кабинете подчеркивается несколькими членами правительства. Для П. Л. Барка конечно, он был самым влиятельным членом Совета министров 40), в действительности руководившим Советом министров и его председателем 41). Одинаково выражается и министр торговли, Шаховской 42): «Наиболее влиятельный член правительства». Так же расценивала его и иностранная дипломатия: чтобы осветить отношение русского правительства к

*) Начало войны 1914 г. изложено в главе: «Июль четырнадцатого» этого труда.

**) Как, например, неизвестный молодой раненый госпиталя императрицы, скончавшийся, к ее большому огорчению (письмо императрицы Николаю II 2 марта 1915 г.), или лейб-медик Федоров, с которым было связано здоровье наследника (письмо 6 марта 1915 г.).

вопросу о проливах, британский посол Бьюкенен ссылается в сентябре 1914 г. на сказанное ему по этому поводу Кривошеиным, называя последнего «самый влиятельный член правительства, министр земледелия» 43).

Наконец сам Николай II еще ярче и точнее определил роль Кривошеина: принимая 16 февраля 1915 г. Шаховского по случаю назначения его управляющим министерством торговли, он посоветовал ему посетить министра земледелия, отметив, что за преклонностью лет Горемыкина, он смотрит на Кривошеина, как на фактического председателя Совета министров 44). Однако для Государя председатель Совета министров, официальный или фактический, не был исполнителем единой политической программы, руководителем объединенного правительства, и он ревниво оберегал автономию каждого начальника ведомства, ответственного только перед ним, не говоря уже о ведомствах обороны и иностранных дел, изъятых из компетенции главы правительства.

В сущности, «фактическое премьерство» Кривошеина сводилось к большому личному влиянию и «удельному весу» в делах, далеко выходящих за пределы ведомства, основанных на доверии монарха, но и, в свою очередь, ограниченных доверием монарха министрам, пользовавшимся его особой личной симпатией *).

Роль и место Кривошеина в Совете министров подробно описывает А.Н. Яхонтов, помощник управляющего делами этого учреждения. «Наиболее влиятельным из членов Совета министров был, несомненно, А.В. Кривошеин... Наблюдая за А.В. Кривошеиным до и после объявления войны, в нем нельзя было не заметить крупного душевного переворота: его захватили величие и небывалый масштаб разрастающихся событий, и в нем чувствовалось (...) непрестанное внутреннее горение и особый пафос, отнюдь не напускной, а глубоко искренний. С этим повышенным настроением, неволью отражавшимся на других, он отдавался работе в Совете министров, ища те решения и выдвигая те лозунги, которые поднимали бы дух и возбуждали бы волю к победе. До лета 1915 г. между Кривошеиным и Горемыкиным царило неизменное согласие. Находясь в дружеском общении, они обычно сговаривались по крупным вопросам... Получалось иногда впечатление, что

*) Кривошеин был «статс-секретарем Е.В.». Это чисто почетное звание давало ему право — в теории — давать устные приказания, как исходящие от Государя императора и имеющие такую же обязательную силу.

председатель как бы преднамеренно выдвигал А.В. Кривошеина на первый план и предоставлял ему инициативу, вмешиваясь в обсуждения лишь в случае необходимости. Но надвинувшиеся военные катастрофы и выступления объединенной общественности отразились на их взаимоотношениях. Мало-помалу А.В. Кривошеин стал отделяться от И.Л. Горемыкина... » (Яхонтов, определенный сторонник Горемыкина, объясняет это тем, что Поливанов « окрутил » Кривошеина) 45).

Если на первых порах роль Кривошеина в правительстве облегчалась его сотрудничеством с Горемыкиным 46), то очень скоро он натолкнулся на оппозицию той же группы реакционных министров : Щегловитова, Саблера и Маклакова, с которой в свое время тщетно боролся Коковцов, в особенности Маклакова; последний пользовался совершенно особым расположением царя, которому он отвечал чувством, близким к психопатии. Маклаков был одним из « случайных знакомств » Николая II, сыгравших роковую роль в направлении политики царя, познакомившегося с ним в Полтаве в 1909 г., где тот был губернатором, во время полтавских торжеств. Поверхностной натуре царя он сразу понравился, так как его общество развлекало, отвлекая от неприятных забот дня. Если верно, что у Николая II за всю жизнь было всего три друга, то Н.А. Маклаков был одним из трех, вместе с ген. Орловым и кн. Мещерским. Но у него были и гораздо более глубокие основания для прочной дружбы со своим министром внутренних дел : он верил, что назначение Маклакова на эту должность было внушено ему свыше, у раки св. Феодосия Черниговского во время молитвы ! В довершение всего их соединяла абсолютная общность взглядов на природу власти самодержавного монарха, при систематическом игнорировании пожеланий общественности, ставшем своего рода методом управления.

Ничто так не освещает характер взаимоотношений царя и его министра, а в тоже время и отношения последнего к другим министрам, как то, что сохранилось от их переписки, в особенности, написанное Маклаковым в середине марта 1915 г. письмо, скрытая трагичность которого в том, что избыливающие в нем выражения более чем раболепного тона выражают искренне истерическое обожание монарха на психопатической почве.

Поводом к этому письму было постановление Совета министров поручить продовольственный вопрос министру торговли и промышленности 47). Продовольствие гражданского населения входило всегда в компетенцию министра внутрен-

них дел (в частности прокормление голодных районов в годы неурожая), тогда как с начала войны огромное задание снабжения армии было поручено ведомству земледелия, в лице Г.В. Глинки. Маклаков попытался в марте 1915 г. сосредоточить все продовольственное дело в своих руках; централизация снабжения становилась неизбежной, но Кривошеин не мог допустить, чтобы организованное им целиком на тесном и успешном сотрудничестве с общественностью (главным образом с земством) снабжение армии попало в руки принципиального противника всякого сотрудничества с общественностью. Это привело бы к политическому кризису в стране и к срыву снабжения армии.

Однако Кривошеин не противился тому, чтобы дело снабжения армии и населения сосредоточилось в министерстве торговли; в частности, это избавило бы его от неприятной обязанности урезать данные законом 17 февраля 1915 г., полномочия губернских уполномоченных, — председателей земских управ, — запрещать вывоз хлеба из их губерний, полномочия, которыми последние стали злоупотреблять 48). Подавляющее большинство министров присоединилось к мнению Кривошеина, и Николай II утвердил Шаховского председателем образованного Советом министров Продовольственного комитета.

Вот отрывки письма Маклакова царю об этом деле 49) : « В дни великих страданий Христа, неся свои покаяния к престолу Бога, дерзаю открыть свою душу, Государь, веря в ваше христианское всепрощение. Решение ваше передать продовольственный вопрос (...) в руки министра торговли есть тяжкий приговор надо мной. Ваше Величество, у раки св. Феодосия Черниговского Господь, как вы сами изволили сказать мне однажды, послал вам мысль призвать меня на пост министра внутренних дел. Под покровом святителя и вашей ко мне милости работал я уже более двух лет (...), и сейчас перед лицом Бога смело говорю, что ничем не погрешил перед вами и перед своей родиной. Тяжко приходилось мне на моем страдном служебном пути, где окружало меня столько недоброжелательства, но неизменно я был окрылен доверием вашим. Теперь Богу было угодно лишить меня единственной всемогущей силы, без которой нельзя работать, как повелевает совесть (...). Ваше Величество ! Я один в Петрограде. Преданнейшие слуги ваши, кн. Мещерский и ген. Богданович, ушли в лучший мир и не помогут мне (...), но считаю себя обязанным сказать вам, что русских честных, простых людей смущает то направление, которое принимает ваше прави-

тельство. Оно скоро приведет нашу родину к тяжелым испытаниям (...). Государь, сейчас власть и влияние в руках людей, частью до изумления равнодушных к судьбам России, частью политически изменчивых, приспособляющихся к обстоятельствам, одурманенных жаждой дешевой славы и личным честолюбием... 50). Давно (...) левая печать, часть Госдумы, (...) Родзянко, знаменитый А.И. Гучков и некоторые члены Совета министров обещали, что я скоро буду уволен. Сегодня они многого достигли, ибо вся Россия видит теперь, что ваше доверие теперь ко мне подорвано»... Дальше он говорит, что злоба врагов к нему тем сильнее, чем убежденнее он борется против (...) стремления, забыв царя, в одном общественном мнении видеть начало и конец всего.

На это, 21 марта 1915 г. Николай II ответил: « Друг мой, Николай Алексеевич, оставайтесь на занимаемом вами месте, на котором вы мне любы и нужны. Христос Воскресе ! Ваш добροжелатель Николай ».

В Совете министров Маклаков чувствовал себя одиноким, даже среди правой группы министров, относившейся к нему без симпатии. Об этом красочно свидетельствует тот же А.Н. Яхонтов 51): « Не чувствуя поддержки, Маклаков в свою очередь нервничал, вступая в бесконечные пререкания, и в пылу увлечения возражал в угрожающем тоне... П.А. Харитонов своими смешками и репликами выводил его из терпения. В такой становившейся все более и более враждебной атмосфере Маклаков напоминал затравленного волка, которому осталось только огрызаться во все стороны. В подобные минуты даже И.Г. Щегловитов (...) взирал на него неодобрительно... Маклаков доказывал свою точку зрения в пространных речах, причем А.В. Кривошеин и С.Д. Сазонов часто принимали вид демонстративно неслушающих ». Вышесказанное подтверждается показанием самого Маклакова перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства: не было ни одного заседания Совета министров, где бы он не встречался с враждой. В постоянном конфликте между Маклаковым и большинством министров Николай II продолжал оказывать ему свое расположение. Рескриптом от 23 января 1915 г. Маклаков был назначен членом Государственного совета, а в то время Кривошеин и Маклаков, по словам Игнатьева, не подавали друг другу руки и обращались друг к другу в третьем лице: « министр земледелия » и « министр внутренних дел » 52).

Конфликт между Кривошеиным и Маклаковым обострился уже с первых дней войны. Маклаков, да и Горемыкин, просмотрели патриотическое настроение, охватившее тогда

даже левую общественность, которое могло быть легко использовано правительством. За внутренний мир и поддержку режима высказались кадеты (22 июля 1914 г.) и прогрессисты. Но Маклаков настолько не доверял думе, что по его плану она должна была быть распущена после однодневной сессии 26 июля 1914 г. до ноября 1915 г. Думцы, с Милюковым во главе, обратились к Горемыкину, который уклонился от встречи; тогда они отправились к Кривошеину, который ясно представлял себе, по словам Милюкова, действительное положение 53). «Кривошеин доложил Совету министров, и мы узнали, что решено отложить сессию не позже февраля 1915 г.», что отчасти и отвечало желанию думцев. Милюков и Шингарев не желали «демонстрации между властью и думой». В декабре 1914 г., чтобы подготовить трехдневную сессию в январе, Кривошеин беседовал с одним из умеренных лидеров кадетов, И.П. Демидовым 54). По желанию Милюкова кадеты тогда же решили воздержаться от критики правительства, но настаивали на том, чтобы оно провело бюджет через думу, что и было сделано, и в середине января перед бюджетной комиссией предстало все правительство. Зато на закрытом, частном совещании думы 25 января 1915 г., посвященном обороне, Маклаков держал себя так вызывающе и пренебрежительно, что вызвал всеобщее неудовольствие. По словам Милюкова 55), «Кривошеин был этим очень шокирован», а Барк 56) говорит, что Кривошеин был особенно огорчен неудачным выступлением Горемыкина, который тоже не был на высоте 57). Неодобрение Кривошеина было тем более понятно, что почти в то же время, 5 февраля 1915 г., в беседе с французским послом Палеологом, он сказал, что согласие между правительством и общественными организациями было непременным условием победного исхода войны 58).

Об одном столкновении между Маклаковым и Кривошеиным по польскому вопросу рассказывает Барк 59): Кривошеин защищал в Совете министров, «с присущим ему темпераментом», широкую автономию Польши. Когда он закончил, Маклаков начал свои возражения словами: «Министр земледелия с таким жаром и с такой настойчивостью защищал полную автономию будущей Польши, что совершенно ясно определяется его понимание целей настоящей войны. Он полагает, что Российская империя приносит величайшие жертвы и проходит величайшие испытания с единственной целью освободить поляков от германского и австрийского владычества и, объединив их с польским населением России, создать независимое польское государство». «Это клевета со стороны

министра внутренних дел, и я пошлю ему своих секундантов » — вскричал Кривошеин. Горемыкин спешно закрыл заседание, и министры смущенно разошлись по домам. Барк, пользуясь своей дружбой, старался успокоить раздраженного Кривошеина, но тот стал упрекать его за то, что он не проявляет достаточного интереса к польской проблеме и большей частью молчит.

Кривошеин смог удачно заместить 8 января 1915 г. ставший вакантным за смертью (26 ноября 1914 г.) Кассо пост министра народного просвещения своим близким сотрудником, графом П.Н. Игнатьевым, которому вскоре удалось наконец найти общий язык между студентами, профессорами и ведомством. Это был земский деятель, которого Кривошеин привлек в 1909 г. в свое ведомство.

Работая до того на пользу просвещения в земской сфере, Игнатьев не был тогда чужд некоторому толстовству. Его назначение на министерский пост облегчалось тем, что Николай II знал его еще давно, по службе в Преображенском полку. В 1893 г. унтер-офицер Игнатьев входил со своей ротой после утомительных маневров в Гатчину с песнями, сам будучи запевалой, и был замечен тогда будущим императором: на этот раз, « случайное знакомство » с царем оказалось благотворным 60).

Зато замещение уволенного 16 февр. 1915 г. министра торговли и промышленности С.И. Тимашева князем Вс. Н. Шаховским произошло вне влияния Кривошеина, по личной инициативе Николая II. Для Барка 61) назначение Игнатьева было лучшим подтверждением того, что выбор новых министров происходит по совету Кривошеина; он надеялся, что, последовательно и настойчиво, Кривошеину удастся постепенно образовать состав правительства из вполне однородных элементов. Ожидалось, что после ухода С.И. Тимашева министром торговли будет какой-нибудь видный представитель московского купечества, чему Кривошеин придавал большое значение, как первому шагу к участию торгово-промышленного класса в управлении страной и к обновлению монархического строя. Его кандидатом был член Государственного совета по выборам, председатель московского биржевого комитета Гр. Ал. Крестовников, женатый на Юлии Тимофеевне Морозовой 62).

Однако попытка открыть правительственные двери этому классу не удалась. Верховная власть упустила свой шанс, и министром был назначен Шаховской. Он был выдвинут по « случайному знакомству » с Государем (а отчасти и по протек-

ции вел. кн. Александра Михайловича), которому он понравился потому, что осенью 1911 и весной 1913 гг. он сопровождал его в поездках по Десне и Волге, состоя в должности начальника управления водных путей: пароходы ведомства, перевозившие Государя, были изящно и комфортабельно отделаны, пристани были нарядно украшены. За это князь был назначен в должность гофмейстера, а в мае 1913 г., после поездки по Волге на катере «Межень», ему был пожалован царский портрет с собственноручной подписью, необычная служебная награда! 63). Однако неверно, что он был назначен под влиянием Распутина, — с ним он познакомился уже будучи четыре месяца министром, в июне 1915 г., после запоздалого представления императрице, причем инициатива исходила от Распутина, через кн. М.М. Андроникова. Шаховской принял «старца», следуя мудро-циничному совету Горемыкина: «Мало вы прохвостов принимаете в своем кабинете?... Что у вас будет, если примете одним прохвостом больше?» 64).

Впоследствии он виделся с ним нередко и прослыл распутицем, поскольку это означало, что он пользовался поддержкой старца в Царском Селе. Его политическая линия была колеблющейся: с одной стороны, он поддерживал Кривошеина в вопросе Верховного командования и даже в необходимой замене кабинета Горемыкина новыми людьми (Совет мин. 28 августа 1915 г.), а с другой, испытывая антипатию к думе и А.И. Гучкову, он саботировал проект премьерства Поливанова и был, в марте 1916 г., одним из главных виновников увольнения последнего. Как министр торговли, он оказался абсолютно неспособным наладить хорошие отношения с московским купечеством и гордился в своих мемуарах тем, что «министерского пелеринажа» в Москву он не сделал: «Я просто не хотел кланяться толстосумам и заискивать» 65).

3. СНАРЯДНЫЙ ГОЛОД

События на фронте вскоре неумолимо поставили вопрос о составе правительства уже не в плане случайных симпатий, а перед угрозой военной катастрофы.

Толчком для неотвратимых перемен оказался снарядный голод, в свете которого ярко выявилась вся ненормальность структуры правительственного аппарата. Этот аппарат был лишен в лице Совета министров всякой компетенции в области национальной обороны и ведения войны, которое было предоставлено на безответственное усмотрение военной власти.

Для правительства они были запретной зоной, что вполне отвечало и духу и букве статьи 16-ой учреждения Совета министров. Преимущественное положение военных чинов перед гражданскими не позволяло создать единый руководящий орган, подобный английскому war cabinet, объединяющий военную, дипломатическую и гражданскую политику страны. Утверждение Горемыкина, что роль правительства — управлять тылом, а вопросы ведения войны, — «*ce n'est pas mon affaire*», кажется ненормальным только если не учитывать этого положения вещей. Тем не менее, длительное доверие Совета министров оптимистическим заверениям Сухомлинова понимается с трудом и с трудом оправдывается. Сухомлинов смог успешно скрыть серьезность положения как от правительства, так и от простых обывателей. Ставка постоянно требовала от военного министра все больше и больше снаряжения, но тоже не хотела посвящать «штатских министров» в военные тайны. Роль Совета министров, по свидетельству помощника управляющего делами этого учреждения А.Н. Яхонтова 66), сводилась к предоставлению различным органам военного ведомства иностранной валюты или золота для заказов за границей, так как Главное Артиллерийское Управление, веря в короткую войну, считало излишним добиваться создания в России промышленности, работающей на оборону. Когда Сухомлинов собрал 9 сентября 1914 г. «решительно всех заводчиков, которые могли бы нам в этом помочь», т. е. в производстве артиллерийских патронов, и когда в ответ на это обращение «Российское общество по изготовлению снарядов» предложило свои услуги, то 25 октября Главное Артиллерийское Управление ответило этому предприятию, что заказ не может быть дан так как «надобности в шрапнелях не встречается». Это управление, под руководством вел. князя Сергея Михайловича фактически независимое от военного министра, предпочитало заказывать снаряды за границей, а не развивать отечественное производство. Точка зрения Кривошеина была иной: развивать русское производство, отнюдь не пренебрегая заграничными заказами. Когда в том же октябре 1914 г. в Совете министров был поставлен вопрос о приобретении в Америке подвижного состава для железной дороги, строившейся на севере, то Кривошеин, не возражая на немедленный отпуск средств, заявил, что война, очевидно, принимает затяжной характер и что благоразумие подсказывает настоятельную необходимость развить у нас те отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, недостаточность и отсутствие которых обнаружили на проектах

военного ведомства. Особенно важно озаботиться получением из-заграницы станков и технического оборудования, а также недостающих видов сырья, чтобы расширять и перестраивать существующие заводы и строить новые. Понадобилось еще некоторое время, пока Г.А.У. не изверилось во всеспасительности быстро выполняемых заграничных заказов и в кратковременности войны и стало требовать использования производительности тыла. «Соображения А.В. Кривошеина горячо поддержанные министрами финансов и торговли, встретили общее сочувствие. Составленный таким образом журнал получил Высочайшее одобрение и явился этапом в дальнейшей политике, по крайней мере гражданских заготовительных центров » 67).

В деле заграничных поставок значительную роль сыграло влияние Кривошеина еще в первые недели войны в разрешении щекотливого вопроса получения кредитов в Англии на военное снаряжение. Сухомлинов, после саботированной Главным Артиллерийским Управлением попытки использовать русскую промышленность, признал, пусть относительную, пользу и заграничных заказов, и русское правительство сделало соответствующее представление в Лондоне. Британское правительство изъявило согласие на открытие кредита в 20 миллионов фунтов стерлингов, при условии, что Россия вышлет в Лондон в виде гарантии 8 миллионов фунтов золотом. Условия были эгоистичными, принимая во внимание приносимые Россией жертвы человеческими жизнями. Англия, не обладая крупным золотым запасом, все же могла бы поступиться частью своего огромного портфеля колониальных и иностранных бумаг, — что она и сделала впоследствии. Барк и Кривошеин строго осуждали такую политику, так как от устойчивости русских финансов зависело успешное ведение войны. Тем не менее, когда в Совете министров спор между сторонниками уступки золота — прежде всего Сазоновым — и противниками этого зашел в тупик, то Кривошеин выступил с основанным на реализме предложением. По существу он присоединился к точке зрения Барка, «но перевел вопрос на почву исключительно военных потребностей и сказал, что Совету министров предстоит выбрать не лучшее, а из двух зол меньшее. Вполне сознавая все тяжелые последствия, которые будет иметь для нашего денежного обращения уменьшение золотого запаса, мы должны решить вопрос, сохранять ли нам в неприкосновенности золото в кладовых Государственного банка и остаться без крайне нужного нам военного снаряжения, добыть которое мы можем только за границей,

— или же пожертвовать частью золота, но снабдить армию боевыми припасами. Едва ли правительство имеет право в военное время придавать большее значение сохранению золотого запаса (...), чем своевременной и надлежащей боевой подготовке. Конечно (...) тягостно расставаться с золотом, но еще тягостнее, сохранив золото, остаться без снаряжения (...) золотой запас имеет также значение военного фонда, и теперь именно настал момент (...) использовать сделанные сбережения для военных целей». (Барк, «Воспоминания», журнал «Возрождение», Париж, № 162, стр. 101). Золото было вскоре отправлено в Англию, и русское правительство проводило эту реалистическую политику и в дальнейшем, добившись, однако, на конференции союзных министров финансов в Париже, в январе 1915 г. более выгодных условий. Поддержка Английского банка в трудную минуту за счет французского и русского золотого запаса осуществлялась не передачей золота в собственность банка, а в временную ссуду, и полученный Россией кредит в 1 миллиард рублей не был обусловлен посылкой золота.

О том, как была открыта опасность положения в области военного снабжения, рассказывает Барк 68). В феврале 1915 г., когда он был в Ставке вместе с Щегловитовым, ген. Янушкевич в конфиденциальной беседе посвятил обоих в трагичность положения: катастрофический недостаток снарядов и перспектива отдачи значительной части территории, с тем чтобы укрепиться на такой линии в глубине, перейти которую представлялось бы врагу большим риском. «Мы были ошеломлены». Решено было довести это до сведения Совета министров, на что Горемыкин возразил, что Совет не может вторгаться в область военных распоряжений, таковые не входят в его компетенцию. Тем не менее, члены Совета высказали желание получить от военного министра точные сведения о выполнении требований Ставки. Сухомлинов смущенно изложил готовность пригласить на следующее заседание начальника артиллерийского управления, ген. Маниковского. Доклад последнего оставил очень расплывчатое впечатление: не касаясь общей картины, он стремился доказать, что в каждой отдельной области все требования были удовлетворены; почему же общее положение было угрожающим, оставалось неясным. Это не помешало Сухомлинову заявить, что доклад свидетельствует о том насколько ведомством были приняты необходимые меры к тому, чтобы удовлетворить все требования Ставки, и что заказы были даны в очень большом количестве, но заводы не выполнили контракты.

Понадобилось еще два месяца, чтобы начало военных неудач и протесты общественности принудили Николая II отнять у Сухомлинова руководство военным снаряжением и, благодаря постепенной смене реакционных министров, привлечь экономические и общественные силы страны к работе на оборону.

4. СМЕНА МИНИСТРОВ

«Для более дальновидных членов Совета министров, среди которых все более активную роль играл Кривошеин, становилось ясным, что Сухомлинова пришло время убрать», — так пишет советский историк В.С. Дякин в своем труде «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны» 69). Во второй половине мая 1915 г., когда под влиянием военных неудач усилилось давление общественного мнения 70) очевидной стала и необходимость быстрой смены реакционных министров: Маклакова, Щегловитова и Саблера. Сазонов 71), переговорив на эту тему с Барком, попросил его заручиться содействием Кривошеина, и несколько дней спустя Кривошеин, Харитонов, Игнатьев, Рухлов, Григорович и Барк собрались у Сазонова 72), чтобы обсудить положение.

По словам Барка, решено было обратиться к Государю с заявлением о необходимости уступить общественному мнению: созвать думу и сменить непопулярных министров, заменив их элементами не узкобюрократического характера. Кривошеин тут же предложил своих кандидатов: кн. Н.Б. Щербатова для внутренних дел, ген. А.А. Поливанова для военного ведомства, сенатора Милютина для юстиции 73) и А.Д. Самарина на место Саблера. «Ввиду авторитета Кривошеина все согласились на кн. Щербатова 74) за неимением более подходящего кандидата». По словам Сазонова 75), относительно Горемыкина все пришли к заключению, что просьба о его удалении одновременно с названными министрами могла бы повредить успеху плана; к тому же считалось, что без Щегловитова и других роль Горемыкина в правительстве будет ничтожной. Согласно с привычной для него тактикой не выставляя себя инициатором политических маневров, Кривошеин поручил Барку переговорить с Горемыкиным о том, чтобы тот довел до сведения Государя пожелания группы министров, притом давалось понять, что в случае отказа эти министры подадут в отставку.

Горемыкин, который не выносил Маклакова и понимал,

что без замены четырех министров он будет находиться в невозможном положении перед думой, исполнил поручение.

Реакция Николая II была весьма своеобразной. Он был возмущен тем, что министры могли потребовать смещения четырех верных слуг монарха, к тому же своих коллег; он счел это нелояльным, добавив, что «в полках так не делают, такой инцидент там невозможен». Но, прочитав каждому из министров наедине нотацию, он склонился к тому, чтобы удовлетворить их просьбу и «простил их», как это показало ближайшее будущее.

Эта принадлежащая Барку версия кризиса 76) отчасти дополняется, несмотря на отдельные противоречия, версией Арк. Н. Яхонтова 77), записанной всего через несколько дней после событий на основании рассказа И.Н. Лодыженского, управляющего делами Совета министров, со слов Государственного контролера П.А. Харитонova : 28 мая к Горемыкину явились вечером Кривошеин, Барк, Харитонов, Рухлов и Сазонов и возбудили ходатайство об освобождении их от должности, если не будут удалены из Совета министров, в первую очередь Маклаков, ввиду полного несоответствия его деятельности современным условиям, а затем Сухомлинов, Щегловитов и Саблер; наиболее ратовал за это Барк. 30 мая Горемыкин доложил Государю о заявлении министров; хотя Николай II и был им возмущен и нашел несвоевременным производить перемены, однако допустил возможность расстаться с Маклаковым. 3 июня царь лично сообщил Маклакову о своем решении, прося оповестить об этом Горемыкина 78).

В замене Сухомлинова Поливановым важную роль сыграла поездка Кривошеина в Ставку накануне прибытия туда Николая II (10 июня). По словам Шаховского, Кривошеин энергично взялся за это, отправившись в Ставку к вел. кн. Николаю Николаевичу и договорившись с ним о совместных стараниях доказать Государю необходимость этой замены 79). Дело в том, что вел. князь относился к Поливанову довольно отрицательно, как это явствует из воспоминаний последнего 80). Зимой 1914 г. он воспротивился назначению его варшавским генерал-губернатором. Однако Кривошеин переубедил вел. князя, и тот указал на Поливанова на следующий день царю, как на единственного приемлемого кандидата. Сухомлинов, получив 11 июня царское письмо с извещением об отставке во время заседания Совета министров 81), сказал, что он уже более не министр, и вышел из Совета. Письмо было милостивое, видно было, что царь согласился на увольнение после внутренней борьбы («Беспристрастная история будет

более снисходительна, чем осуждение современников »). « По-
надобилось все дипломатическое искусство Кривошеина, что-
бы добиться этой отставки », — пишет по этому поводу Г.
Катков (« Russia » 1917, The February Revolution, Оксфорд,
1967, стр. 132). Поливанов и Щербатов были вызваны в Став-
ку. Поливанов 82) рассказывает, что, приехав в Ставку 12
июня, он отправился в поезд Николая Николаевича, который
сказал ему представиться Государю по окончании приема
Кривошеина; получив назначение на место Сухомлинова, он
вернулся в вагон вел. князя; вскоре вошел Кривошеин, пос-
мотрел вопросительно, и Николай Николаевич сообщил ему о
совершившемся. Затем Поливанов отправился в вагон Криво-
шеина, который, горячо его поздравив, стал излагать ему вну-
треннее положение. Он сослался на беспокойство общества,
вызванное отступлением на всех фронтах армий, лишенных
необходимых боевых средств, которое побудило правительство
пойти навстречу общественному пожеланию об удалении из
кабинета министров, участие которых служило причиной
раздражения. « Я понял, — отмечает Поливанов, что А.В.
Кривошеин играет главную роль в установлении такой при-
мирительной по отношению к обществу политики ».

На другой день было вызвано в Ставку и большинство
других министров со своим председателем. Вызов был сделан
так, что обошли Щегловитова, находившегося в Архангельске,
и Саблера, а чтобы не создавать обидной дискриминации, не
был вызван и Игнатьев, ведомство которого к вопросам воен-
ным отношения не имело.

Кривошеин, очевидно подготовив почву в Ставке, решил
покончить с вопросом замены Щегловитова и Саблера 83). На
совещании, созванном 13 июня в министерском вагоне тотчас
по прибытии министров, он поднял вопрос об их замене; его
кандидатом на пост министра юстиции был имевший репута-
цию либерала сенатор Милютин. На место Саблера он выдви-
гал А.Д. Самарина, основываясь на большом уважении и
авторитете, которым пользовался последний в Москве. Кан-
дидатом Горемыкина на место Щегловитова был его близкий
друг А.А. Хвостов. Остальные министры своих мнений не
высказывали. Горемыкин, побыв очень короткое время у Го-
сударя, вернулся, сказав, что тот назначает А.А. Хвостова и
А.Д. Самарина 84).

14 июня, на открытом воздухе состоялось увековеченное
фотографиями заседание Совета министров под Высочайшим
председательством, после чего был дан рескрипт на имя Горе-
мыкина, составленный Кривошеиным. Заключительный пара-

граф гласил: «Образовав по вопросам снабжения особое совещание с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности, я признаю необходимым приблизить и время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли русской. Предрешив поэтому возобновление занятий Государственного совета и Государственной думы не позднее августа сего года, я поручаю Совету министров разработать по моим указаниям законопроекты, вызванные потребностями военного времени» 85).

На другой день Кривошеин и Поливанов еще долго беседовали о вопросах военных и гражданских: между ними намечалось сотрудничество.

Впоследствии, подводя итог пройденного тогда пути в области политики, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Н.К. Муравьев выразился так: «Во главе группы лиц, желавших опираться на общественное мнение, стоял Кривошеин; и эта смена министров была собственно его победой над Горемыкиным» 86). Такого же мнения был бывший вице-председатель думы, кн. В.М. Волконский: «Кривошеин был совершенно определенным отголоском общества» 87).

Страна не была полностью удовлетворена частичной переменой в правительстве, но отклик на нее был все же положительным. «Что вам нужно? — обращался 13 июня Милюков к более требовательным прогрессистам: правительство идет навстречу, — убрали Маклакова, Сухомлинова, дали обещание на скорый созыв думы (...) чего еще больше?» 88). А за несколько дней до того (6-8 июня), на всероссийской конференции кадетов Милюков противопоставил умеренное требование «министерства общественного доверия» обычному требованию «ответственного министерства» и резко возражал левому крылу, желавшему созвать думу явочным порядком 89): «Скверная и бледная копия выборгского воззвания (...) не поддерживать сейчас правительства, это значило бы шутить с огнем, достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар, и храни Бог увидеть этот пожар (...). Какова бы ни была власть, худа или хороша, — но сейчас твердая власть необходима более чем когда-либо» (...). У меня есть основание утверждать, что правительство пойдет за голосом общественного мнения и что обновление кабинета и легальный созыв думы и без особого нажима станут фактом». По мнению охранного отделения 90), «Милюков занял в партии правую позицию, как острят теперь кадеты — «ультраправительственную». В «Биржевых ведо-

мостях », 15 июня, П.Б. Струве расценивал смену министров как признак того, что правительство готово лояльно и дружно работать с думой, а « Утро России » оппозиционера-миллионера П.П. Рябушинского писало 2 июля, что « со сменой министров создано совсем новое лицо исполнительной власти » 91). Правда, в самой кадетской партии примиренческие тенденции многими порицались, но большинство партии их разделяло. В.А. Маклаков утверждал 14 июля в центральном комитете, что требовать отставки Горемыкина означало бы « встать на революционный путь », и с ним соглашался Милюков, предлагавший заявить в думе, что « мы хотим по-прежнему помогать правительству. Мы только и хотим вам помочь. Мы для этого выражаем вам волю народа ». В.С. Дякин прав (стр. 86), указывая, что поползновения кадетов использовать для нажима на власть более левые организации показали, что с ними у Милюкова нет общего языка, а потому они принуждены были сблизиться с более правыми.

Думская сессия была открыта 19 июля; правительственная декларация, написанная Кривошеиным, торжественно подтверждала обещание автономии Польши; ее заключением было: « Война грозит быть долгой и требует все новых напряжений, усилий и жертв. Решив без всякого колебания идти на них, правительство испытывает нравственную потребность окончательно избрать этот путь не иначе, как в полном единении с вами, г.г. члены Гос. думы! » Прочитанная Горемыкиным, глухим голосом, она не произвела большого впечатления, не остановила ни критику администрации (отвечавшую за безответственные поступки Ставки), ни принятия формулы перехода с пожеланием создания правительства, пользующегося доверием страны. И все же, на другой день после открытия сессии кадетская « Речь » писала, что « требовать ответственного министерства на смену настоящему кабинету, только начавшему свое обновление, значило бы возобновить по собственному почину ту борьбу, которой фракция вовсе не желает в данную минуту ».

По предложению Кривошеина кн. Владимир Михайлович Волконский, бывший вице-председатель думы, беспартийный, вышедший из фракции националистов, внук декабриста, был назначен товарищем министра внутренних дел. Незадолго до того Шингарев предлагал включить его в задуманный (но не осуществленный) « Союз национальной обороны », наряду с кадетами и прогрессистами 92).

Вполне примирительную позицию к требованиям думы занял Кривошеин в вопросе следственной комиссии о Сухо-

млинове. « Мы обязаны ответить на думскую формулу, в ней отражены те настроения, которые волнуют широкие общественные круги. Мы покажем (...), что мы готовы считаться с законными и разумными требованиями думы, чтобы и думу побудить считаться с нашими законными требованиями. Недовольство бывшим военным министром не есть революция » 93).

Под все возрастающим напором событий на фронте второй этап правительственной политики сотрудничества с общественностью неизбежно должен был быть направлен в сторону мобилизации производства на оборону страны. Ради этого Кривошеин (поддержанный Поливановым) добился, по словам Шаховского 94), утверждения правительством выработанного А.И. Гучковым положения о Военно-промышленных комитетах. Гучков был только что (25 июля) избран председателем Центрального Военно-промышленного комитета.

Шаховской, крайне враждебно настроенный против Военно-промышленных комитетов, отчасти потому, что они вторгались в область его ведомства, а в особенности из-за их политической окраски, говорит, что утверждение комитетов « блестяще удалось, благодаря близости Гучкова к Кривошеину, самому влиятельному в то время члену правительства (...). Подготовленный Кривошеиным, Горемыкин назначил проект к рассмотрению в ближайшее же заседание Совета министров, 4 августа 1915 г., и пригласил на заседание самого Гучкова. Все было здесь ненормально : направление вопроса непосредственно председателю, назначение дела к слушанию без предварительного обсуждения министрами и, наконец, приглашение в заседание Гучкова, постороннего правительству лица. Срочность была проявлена исключительная : проект был разослан в день слушания. Ясно, что Кривошеин оказал сильное влияние на Горемыкина, который не проявлял никакой симпатии к Гучкову и всей его деятельности » (ук. соч., стр. 101). Давление на Горемыкина было также оказано Поливановым, как это видно из дневника Яхонтова 95). « Впервые со времени гр. Витте, в официальной части заседания присутствовало лицо свободной профессии, с правительственной службой не связанное ».

В первый и, можно добавить, в последний раз со времени гр. Витте ! Не знаменательно ли это напоминание ? 96).

5. АВГУСТ ПЯТНАДЦАТОГО *).

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК И ПОЛИВАНОВСКОЕ ПРЕМЬЕРСТВО

Хотя бурно сменяющиеся события лета 1915 г. и тесно переплетаются, совпадая во времени, но для большей ясности удобнее разделить их на две группы: попытка образования правительства, опирающегося на организованную общественность, и кризис, вызванный сменой командования. В первой половине августа, под влиянием положения на фронте, «улучшенный» кабинет Горемыкина перестал удовлетворять общественное мнение. По словам Барка 97), более умеренные выдвигали наиболее популярного министра Кривошеина на его место, однако, большинство находило, что это назначение было бы недостаточной уступкой. В то же время, когда Николай II, даже не посоветовавшись со своими советниками, решил принять на себя Верховное командование, выяснилось, что правительство висит в воздухе, не имея ни поддержки сверху, ни опоры снизу, и что оно, к тому же, в разладе со своим председателем, раскололось изнутри. Ясно было одно, что оно должно было уступить свое место другому, пользующемуся доверием как монарха, так и страны. Усилия Кривошеина, направленные на осуществление этой смены, после, казалось бы, успешного начала закончились неудачей. Для того чтобы пришедший на смену Горемыкину премьер смог опереться на общественное мнение, необходимо было таковое прочно организовать и согласовать. Выражением организованной общественности должен был стать возникший тогда прогрессивный блок. По имеющимся данным, весьма правдоподобно, что инициатива этого широкого объединения исходила от Кривошеина. На это намекает Шаховской (ук. соч., стр. 113) и определенно говорят Милюков и Гурко. «Надо сказать, — утверждает Милюков 98), что, может быть, первая мысль исходила из министерских кругов. Кривошеин был все время на чеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опереться на большинство в палате. Так что, может быть, сама попытка первоначальных переговоров была вызвана этим. Посредничество взял на себя Крупенский, который всегда являлся маклером в таких случаях. В первом же заседании, когда заговорили о

*) Не август четырнадцатого, а август пятнадцатого был решающим для судеб России.

желательном премьере, имя Кривошеина упомянулось теми, кто маклерствовал за него, но скоро для этих маклеров выяснилось, что прогрессивный блок не то орудие, которое они хотят создать 99). Со своей стороны, Вл. И. Гурко, один из представителей блока в Государственном совете, считал, что Кривошеин был той волей, которая действовала закулисно для образования блока. По его словам, Кривошеин считал, что если он сможет объединить октябристов с теми элементами оппозиции, которые с самого начала войны готовы были поддерживать правительство, то, став премьером, он будет продолжать пользоваться поддержкой блока и что, тем самым, сотрудничество заменит борьбу между правительством и думой 100).

Иначе говоря, по плану Кривошеина нужно было в условиях острого военного кризиса попытаться повторить и расширить то, что удалось Столыпину в третьей думе, когда он смог управлять, опираясь на сочувствовавшее ему большинство, не будучи ответственным перед ним. Председатель блока, октябрист С.И. Шидловский, был с Кривошеиным в очень дружественных отношениях; в свое время он был докладчиком в думе по столыпинскому земельному закону, которому он весьма сочувствовал. Да и нельзя упускать из виду, что сущность блока вполне соответствовала определению Щербатова на Совете министров 26 августа: «Это — временное объединение партийного распорядка людей, вызванное опасением социальной революции, если настоящая неопределенность будет продолжаться».

Именно неопределенность, а не вопросы программы, парализовала правительство и волновала общество... «Государь наш — это олицетворение полнейшей неопределенности. Совершенно не знаешь и не угадаешь, что будет завтра», — говорил незадолго до войны убежденный монархист Акимов, председатель Государственного совета 101).

Образование прогрессивного блока открывало Кривошеину некоторые перспективы возможной поддержки думы задуманному им новому правительству, но нужно было еще разрешить двойную проблему возглавления этого правительства и отношения к нему Верховной власти. В тот же день (12 августа) когда образовался блок, Поливанов заехал к Кривошеину в его министерский кабинет 102). Там были Щербатов и Харитонов. Кривошеин, обращаясь к собравшимся, установив полную непригодность такого главы правительства как Горемыкин, сказал, что во время войны, когда вся страна стала тылом армии, сосредоточение полной власти в руках военного

министра вполне логично, а потому премьером должен быть Поливанов. «Мы все вам будем помогать и будем у вас собираться для этого хоть каждый день». На другой день (13/8) Поливанов обедал у Кривошеина в министерской даче, на Аптекарском острове. Перед обедом (присутствовали те же лица и Барк) Поливанов заявил, что в такую минуту жизни государства его отказ от исключительно ответственной должности не может иметь места, но немного спустя, улучив минуту, он все же сказал Кривошеину наедине, что тот должен заменить Горемыкина, на что Кривошеин ответил, что уже дважды ему предлагали премьерство, первый раз после увольнения Коковцова, но он отказался по состоянию здоровья, а также и потому, что не все общественные круги были бы довольны его назначением 102) и 104).

Несколько дней спустя, 17 августа, Поливанов 103) встретился в приемной перед царским кабинетом в Александровском дворце с Кривошеиным, который сообщил ему, что он только что обсуждал с Государем непригодность Горемыкина, назвав Поливанова кандидатом на его место; мысль сосредоточить власть в руках военного министра Государю понравилась, так же как и мысль назначить последнего не председателем, а председательствующим Совета министров, чтобы подчеркнуть, что это временная мера военного времени, а не военная диктатура; притом в формуле назначения, предложенной Кривошеиным, Николай II поставил не «управляющий военным министерством», каковым был тогда Поливанов, а «военный министр» («Нет, военный министр, я его скоро утвержу», — прибавив, что он относился к нему холодно, а теперь доверие к нему окрепло); взяв бумагу, он начал что-то писать. Далее Кривошеин упомянул о введении в правительство лиц из «не бюрократии» и назвал А.И. Гучкова. «Я знаю, что вы не любите Гучкова, но, призвав его, вы произвели бы прекрасное впечатление в стране и приобрели бы преданного слугу».

В тот же день слух о назначении Поливанова распространился по городу. «Речь» писала, что наиболее подходящим главой кабинета, помимо А.В. Кривошеина, является А.А. Поливанов. Председатель Государственного совета А.Н. Куломзин сказал последнему, что это уже вопрос решенный, а Н.П. Крупенский, всегдашний «маклер» между правительством и думой, пришел к нему с программой прогрессивного блока, добавив, что «все зависит от вас» 103).

Ни в один из последующих дней, принимая Поливанова, Николай II не заговорил с ним о назначении.

20 августа в Царском собрался Совет министров под Высо-

чайшим председательством. На нем, после безрезультатного приведения доводов против принятия царем Верховного командования, Кривошеин и Сазонов упомянули о расхождении большинства кабинета с Горемыкиным в вопросе о направлении внутренней политики, а Кривошеин подчеркнул желательность совмещения должности военного министра с премьерством на время войны. Но если Николай II еще колебался в выборе направления внутренней политики и стремился не порывать с общественностью, то поливановская комбинация была им уже тогда осуждена; когда на другой день (21 августа), Шаховской 105) выказал ему свое удивление по поводу предложения Кривошеина о Поливанове, утверждая, что последний является человеком неверным и, к тому же, другом «крайне опасного Гучкова», то царь его внимательно выслушал, все время одобрительно кивал головой и подтвердил, что «это невозможно и этого не будет».

Так закончился эпизод кривошеинского проекта «кабинета общественного доверия» во главе с Поливановым, с участием Гучкова и представителей общественности, самый труднообъяснимый и, вероятно, один из решающих в ходе событий этого исторического лета.

Эпизод этот вызвал несколько истолкований, большей частью поверхностных, касающихся скрытых побуждений кривошеинского хода, а не главного, а именно его осуществимости и его последствий. Думается, что весь дальнейший ход событий, поскольку они зависели от воли самодержавного монарха, был обусловлен двумя факторами: неудачей проекта о Поливанове и Гучкове и, в еще большей степени, коллективным письмом министров. Удайся назначение Поливанова премьером и введение Гучкова и других в правительство, коренная политическая проблема русской государственности, — сотрудничество власти с общественностью, — была бы разрешена. Но случилось обратное: после удачного начала, одно неудачное напоминание о Гучкове пробудило в душе царя его непоколебимую неприязнь к последнему, сравнимую только с неприязнью к Витте, — через нее и недоверие к предложенному ему поливановскому кабинету и, рикошетом, к Кривошеину. Вероятно, проект участия Гучкова в правительстве представился царю как своего рода «заговор» против его неограниченной власти. Второй, но главный фактор — коллективное письмо министров, затронул мистическое воззрение царя на его непогрешимость в делах правления, а на себя — как на орудие Божьего промысла, и окончательно направил царскую политику на путь игнорирования общества.

«Поливановский» эпизод необходимо проанализировать, поскольку это возможно, ввиду его большого, но недооцененного значения. Ясно, что выставление кандидатуры Поливанова именно Кривошеиным, имевшим репутацию тонко разбирающегося в симпатиях и антипатиях монарха, поражает и озадачивает. Некоторые комментаторы¹⁰⁶⁾ готовы видеть в этом особо ловкий маневр Кривошеина: Поливанов, будучи неприемлем царю, премьерство будет предложено ему. Это маловероятно: по причинам личной заинтересованности в сохранении своего положения, Кривошеин не искал официального премьерства из убеждения, что в силу ревнивой подозрительности Николая II официальному премьеру обычно дается больше ответственности, чем власти. Да ему и не было нужды выставлять свою кандидатуру, если бы он искал премьерства, — Игнатъев, Барк и Сазонов взяли бы за это. По словам Игнатъева¹⁰⁷⁾ сам Кривошеин стать во главе не хотел и думал, что тут должно быть «широко общественное лицо», в этом смысле он и выдвигал Поливанова, как популярного в общественности генерала. Этот аргумент, — сосредоточение власти в руках популярного военного, — был доступен и Николаю II. Игнатъев пользовался личным доверием Кривошеина, который не стал бы применять к нему тактику «дезинформации».

Ошибся ли Кривошеин в чувствах Николая II к Поливанову? Остановившись на реакции Государя на эту кандидатуру так, как ее описал Кривошеин, приходится признать, что эта кандидатура была приемлемой. Царская реакция была положительной. Очень показательны такие мелкие признаки проявления царского интереса, как «председательствующий» вместо «председателя» или как замена «управляющего военным министерством» — «военным министром»: мелочи, которые Николай II, как многие поверхностные люди, не упускал из виду, иногда в ущерб важному. Еще до того, из его письма императрице после назначения Поливанова в июне 1915 г. явствует, что он решил верить Поливанову, а затем это доверие укрепилось, и Кривошеин не мог этого не заметить, что и побудило его выставить кандидатуру военного министра на пост премьера; когда же он почувствовал, что Государь своим благожелательством рассеял его опасения относительно целесообразности такого хода, то по принципу «ковать железо, пока горячо», он предложил кандидатуру Гучкова в правительство, так как кабинет Поливанова без участия общественных деятелей не разрешил бы политического кризиса¹⁰⁸⁾.

Кто знает, не поддался ли Кривошеин неотразимому лич-

ному царскому шарму, сопровождавшему доброжелательные слова, и недооценил глубинные свойства царского характера, никогда не забывавшего свои неприязни?

Николай II, видимо, ничем не проявил своих чувств при имени Гучкова, — он обладал даром не высказывать их о людях, ему заведомо антипатичных. Думается, однако, что одно напоминание этого одиозного имени стало причиной не только крушения плана Кривошеина, но и началом царского недоверия к нему самому, а потому, вместе с коллективным письмом министров, поворотным пунктом эволюции политики тех дней. Кривошеин поддался иллюзии, что Николай II переборет свою личную антипатию ради общей пользы, забывая, что в несколько женственной натуре монарха симпатии и антипатии определяли направление логического развития мысли. Еще в 1912 г., Николай II спросил Сухомлинова, передал ли он Гучкову, что он, Государь, называет его подлецом? 109). А впоследствии Кривошеину не могло не быть известно, что царь считает Гучкова своим личным врагом.

Император Николай II похоронил назначение Поливанова и Гучкова самолично, вне всяких влияний, будь то Распутина, будь то императрицы, которую он даже не держал в курсе дела, как это явствует из их последующей переписки. Так, в своем втором письме к нему от 24 августа Александра Феодоровна, боясь, что Горемыкину придется уйти из-за нежелания министров работать с ним, вопрошает самое себя, — не мог бы Поливанов его заменить именно в качестве военного министра; притом видно, что это предположение для нее было новым («И кого бы взять в этот момент, кто был бы достаточно твердым? Военного министра на короткое время, для того чтобы их наказать? Мне вовсе не нравится эта мысль, он ничего не понимает в внутренних делах, это будет иметь вид диктатуры»). Затем, в конце письма она мельком возвращается к своему обычному недоверию к Поливанову, напоминая, что Гучков стоит за ним. Однако одно то, что она могла допустить мысль о премьерстве Поливанова 24 августа, т. е. через неделю после того, как Кривошеин предложил его Государю, показывает, что никакого давления с ее стороны против этой кандидатуры не было, и что Николай II ни ей, ни кому-либо другому не говорил о «поливановском» проекте.

С удивительным спокойствием или со свойственным ему индифферентизмом отозвался тогда о Поливанове Горемыкин. Вероятно, он тоже не был посвящен во все подробности самим Государем, знал об этом деле только по выступлению Кривошеина, 20 августа, в Совете министров и по городским слухам

и не придавал ему большого значения. Из письма императрицы от 23 августа видно, что Горемыкин, говоря о кознях министров против него, сказал ей, что Поливанов будет хорошо работать, очевидно в качестве военного министра, чем он, может быть, невольно подал ей мимолетную мысль о назначении последнего премьером *).

6. « THE KRIWOSHEIN CAUCUS »

(« Кругок Кривошеина »)

Разлад между министрами и Горемыкиным привел к тому, что остальные министры, кроме Хвостова (А.А.), стали собираться без председателя, чаще всего у Кривошеина, на его министерской даче на Аптекарском острове. Это было то, что Г. Катков в своей книге « RUSSIA The February Revolution, Oxford 1967 » называет « The Kriwoshein caucus » (стр. 135). По свидетельству покойной сестры моего отца, Ольги Васильевны Кривошеиной, впоследствии Морозовой († 1953 г. в Париже), игравшей роль « хозяйки дома » летом 1915 г. (моя мать была тогда со мной в деревне), министры собирались там часто днем. Расположенная на берегу Малой Невы, в Ботаническом саду, дача была весьма привлекательным местопребыванием летом.

Бывали и представители общественности до кадетов включительно. Среди них старался играть роль вице-председатель думы А.Д. Протопопов, занимавший хозяйку дома во время « чаепития » похвалами « целителю » Бадмаеву. В те дни он еще не был одиозным « распутинцем », а, напротив, приемле-

*) Легкость с которой Гучков сдал после февраля все правительственные позиции революции не говорит в пользу его кандидатуры в министры, но нельзя забывать другую сторону его деятельности, когда ему было дано сыграть историческую и притом положительную роль парламентского союзника, вернее сотрудника Столыпина. Без поддержки Гучкова, Столыпину не удалось бы сотрудничать с первым работоспособным русским парламентом, и на его призыв к сотрудничеству на основе порядка и реформ, ответ был дан именно Гучковым.

« Мало кем так дорожил Столыпин, как дорожил он А.И. Гучковым », писал ближайший сотрудник Кривошеина, И.И. Тхоржевский и его мнение несомненно отражало мнение последнего. (« Возрождение », Париж, 17 июня 1936 г., « Люди делавшие историю »).

Нужно перенестись в атмосферу 1906 и 1907 г. с волной террористических выступлений, абсолютно враждебным отношением умеренно-левой общественности к правительству после разгона второй думы, соблазном возвращения к мертвенному консерватизму, чтобы понять значение фигуры Гучкова, приавшего жестокую необходимость подавления террора и совместимость ее с программой глубоких реформ.

мым для широкой общественности первым думским вице-председателем. Кривошеин в нем ошибся, что с ним случалось редко, так как обычно в людях он разбирался. Летом 1915 г. он даже рекомендовал его Шаховскому в товарищи министра торговли 110).

7. « UNE JOURNEE DES DUPES »

(« День обманувшихся »)

22 августа 1915 г., под личным председательством Николая II, пожелавшего, чтобы министры присутствовали при орденах и отличиях, было открыто в Зимнем дворце заседание четырех Особых совещаний по вопросам, касающимся обороны и снабжения, положение о которых было одобрено 17 августа законодательными учреждениями, в Государственном совете единогласно против одного голоса, — принципиального противника сотрудничества с общественностью, Н.А. Маклакова. Торжественно оформлялось привлечение законодательных учреждений и торгово-промышленного класса к делам управления, учитывая широкие полномочия, данные этим совещаниям.

Произнесенная царем речь была составлена Поливановым и Кривошеиным 111) (« С полным доверием предоставляя вам исключительные полномочия, я все время буду с глубоким вниманием следить за вашей работой (...) и в некоторых случаях сам приму в ней личное участие »).

Заседание закрылось речами председателей Государственного совета и думы, и все участники перешли в другой зал. В то время как Государь обходил присутствующих, разговаривая с ними (в частности с Шингаревым) 112), в зал неожиданно вошла императрица с наследником и стала тоже обходить участников совещания.

В какой-то мере это 22 августа 1915 г. было историческим днем. Последним днем тесного согласия между монархом и общественностью, в конкретной сфере правления и обороны. Общественность была удовлетворена тем, что через Особые совещания она известным образом привлекалась к ведению войны; не менее был удовлетворен и царь. И сделанный им непринужденный жест, торжественный и фамильярный, показывал искренность этого удовлетворения. Помимо причин высокого порядка, коренящихся в выполнении царственного служения, объяснение этого благодушия нужно искать в особенностях характера царя так, как их кратко определил несколько дней спустя Кривошеин, не зная, что уже тогда

от царского благодушия не оставалось и следа. Разговаривая 24 августа со своим начальником канцелярии, И.И. Тхоржевским, о только что происшедшей смене командования, он сказал: «Государь страшно доволен всем. И рескриптом 113), и названием «Царская Ставка», а главным образом своей собственной твердостью». «Победив в этом министров, настояв на своем», — развивает это определение Тхоржевский, — «Государь склонен отнестись благодушно и к тем, кто тщетно сопротивлялись его командованию. Таков уж был царский характер. Вот если бы наоборот, Государь был бы вынужден уступить министрам и отказаться от своего намерения — о, тогда бы он никогда им этого не простил. Восторжествовав же над мнением своих советников, царь как бы утрачивал внутреннее побуждение их уволить...»

Верно определив настроение Государя в день открытия совещаний, Кривошеин, однако, глубоко ошибался, считая, что и после этого дня Государь продолжал быть «доволен всем». Он просто не знал еще о роли, сыгранной за эти несколько дней в перемене царского настроения коллективным письмом министров, поворотным пунктом политической эволюции всего военного периода, конечным пунктом которой был февраль 114).

В то время как Государь и Александра Федоровна обходили участников совещаний, министры с тревогой спрашивали себя, прочел ли он посланное ими накануне письмо. Как выяснилось потом, он его еще не получал, а потому 115) идиллическое единение царя с народом на открытии совещаний оказалось трагическим недоразумением: «Une journée des dupes!» «День обманувшихся!»! как день, так прозванный в истории Франции, окончательно направивший французскую монархию на путь абсолютизма.

8. «АВГУСТ ПЯТНАДЦАТОГО»

Коллективное письмо

Необходимо еще раз вернуться назад, чтобы проследить эволюцию вопроса о смене командования, критическим моментом которой будет коллективное письмо министров, вместе с неудавшейся инициативой Кривошеина в вопросе выдвижения Поливанова в премьеры, определившее все направление монаршей политики.

Осуществленная в условиях взаимного доверия и соблюдения здравого смысла, смена командования могла бы быть

проведена к всеобщему удовлетворению. Выполненное при сознательном игнорировании общественного мнения, которому противопоставлялись мистические веления монаршей совести, царское решение показало, что все расчеты на установление сотрудничества с умеренной общественностью для ведения войны не имели под собой твердой почвы; это, в сущности, не было уже так неожиданно; зато, думается, история знает мало примеров принятия главой государства капитального решения втайне от своего же правительства и, тем самым, проявления такого пренебрежения к мнению своих ближайших советников, ответственных носителей исполнительной власти. Неудивительно, что подобное отношение обострило, в свою очередь, у царских советников как недоверие к способностям монарха править разумно и удачно, так и страх перед последствиями принятых им непредвиденных решений. Вся атмосфера заседаний Совета министров постепенно насыщалась этим своеобразным и, конечно, губительным для страны психозом.

Между тем, сравнительно благоприятное разрешение вопроса о командовании намечалось. После драматического волнения первых дней в Совете министров стало ощущаться успокоение. Дело в том, что по полученным тогда сведениям Государь, приняв командование, решил оставаться в Петрограде, где и должна была находиться Ставка. В Могилеве всем стали бы руководить Алексеев и Рузский. Это устранило бы серьезную опасность полного географического отрыва монарха от Петрограда, отрыва, сыгравшего роковую роль в дни февраля. Учитывая это, Кривошеин на заседаниях Совета между 10 и 19 августа упорно и последовательно стремился найти лучший выход из создавшегося положения, даже наверстать то, что было упущено раньше, пока отказ Николая II пойти на компромисс не возобновил прежнее напряжение (116). На заседании 10 августа, в поисках для всех приемлемого компромисса, он приходит к заключению, что вышеуказанная комбинация более успокоительна и что вопрос разрешается более успешно, чем можно было ожидать, а именно, что она обеспечивает устранение Янушкевича и близость Ставки к правительству. По мысли Кривошеина необходимо было обдумать ту форму, в которой перемена командования была бы обставлена мягче и понятнее. «Его Величество объявит монаршую волю в форме всемилостивого рескрипта на имя вел. князя, в котором можно было бы изложить те мысли, которыми Государь император руководствуется» («Призывает долг царского служения..., не в победное время, а в годину тяжких невзгод

царь идет делить опасности с войском... царь сознает великую ответственность за безопасность родины и т. д.).

Это предложение получило всеобщее одобрение членов кабинета, даже Горемыкина, и Сазонов взялся переговорить о нем с Николаем II на другой день, на докладе. Только Самарин, вернувшийся из Москвы, возражал против всякого компромисса в вопросе командования, сравнивая царское решение уже не с искрой, а со свечкой, брошенной в пороховой погреб.

На заседании 11 августа 117) Сазонов доложил о реакции Николая II на мысль Кривошеина; если царь очень сухо реагировал на изложение опасности принятого решения, то он очень сочувственно отнесся к мысли о рескрипте («Чудесная мысль, скорее за работу (...) только поскорее»). Та же «разрядка» атмосферы чувствовалась на заседании 12 августа, и Кривошеин реалистично усматривал «в выходе из неопределенности» неотложную задачу дня: «Зло в значительной степени сделано. Решение Государя ни для кого не секрет», «нужно или найти приемлемый выход, или же покончить вопрос о смене командования. Я не менее других боюсь этой перемены, но боюсь и пагубных последствий неопределенности положения». Пользуясь случаем, он пытается добиться участия правительства в выработке общего плана ведения войны и согласования с этим планом продовольственной политики. Точнее, он настаивает на созыве военного совета с участием правительства для необходимого в этот критический момент пересмотра плана войны и выработки программы действий в тылу и на фронте, вытекающей из этого пересмотра. Это положило бы конец полному отсутствию координации между действиями правительства и Ставки. Постановлено было поручить военному министру доложить об этом Государю, — напрасно! Эта элементарная в своей неоспоримости мера была отклонена 2 сентября; военно-морская область и иностранная политика не должны были входить в компетенцию правительства, хотя фактически оно отвечало за то и за другое.

На заседании 16 августа 118) Поливанов сообщает о получении им от Николая Николаевича письма, в котором тот настаивает на быстром переводе на Кавказ. Поливанов предложил, чтобы ген. Алексеев заменил теперь же вел. князя в Ставке, пока не разрешится вопрос, будет ли Государь в Ставке или «чаша сия нас минует». «Великолепная комбинация», — реагировал на это Кривошеин: «С вел. князем, по-видимому, уже кончено, и к его уходу начинают привыкать. Назначить Алексеева будет переходной мерой, пока Государь будет занят в тылу подготовкой новой армии, с

которой Его Величество выступит на поле битвы, когда наступит удобное время и соответствующая обстановка».

Вспоминая затем войну 1812 г., когда генералы уговорили Александра I покинуть армии и передать Барклаю ответственность за испытываемые неудачи, Кривошеин заключает: «Пусть Алексеев сыграет роль Барклая, в нашей обязанности оберечь русского царя от недопустимого для него положения». Решено было просить Государя о предоставлении Алексееву задачи «козлица отпущения за грехи Янушкевича». Наконец 18 августа Совет одобрил рескрипт на имя вел. князя, составленный Кривошеиным 119).

Здесь кончилась «оптимистическая» фаза эволюции кризиса смены командования, основанная на надежде, что Николай II пойдет на компромиссное решение вопроса, в особенности согласится оставаться в Петрограде; кроме того, эта фаза совпала с обещающим быть успешным «ходом» Кривошеина с целью замены Горемыкина Поливановым и вхождения общественных деятелей с Гучковым в кабинет. 17 августа Кривошеин считал, что эта цель близка, а потому предавался некоторому оптимизму.

Самарин был единственным членом кабинета, не разделявшим надежды на то, что общественное мнение примирится с уходом вел. князя; ближайшие дни показали, что он был прав. За эти дни, кроме того, разногласие между Горемыкиным и прочими членами кабинета (за исключением его друга А.А. Хвостова) перешло в полный разрыв. Прошло то время, когда Кривошеин и Горемыкин дополняли друг друга: их пути разошлись; и Кривошеину, да и не ему одному, пришлось дорого заплатить за то, что в январе 1914 г. он отказался от премьерства, предпочитая «спрятаться» за престарелым Иваном Логгиновичем.

Наступила новая фаза кризиса власти; 19 августа, Кривошеин подробно проанализировал смысл этого кризиса, призвал подойти к нему по-новому и понять, что страна ждет не столько новой программы, как новых людей.

Это был новый подход к разрешению кризиса, требовавший совершенно нового подхода к самому принципу управления страной, ставя в основу его завоевание властью морального доверия. Он был вызван единогласно принятой накануне резолюцией московской городской думы, которая выражала доверие вел. князю, просила об образовании правительства, пользующегося доверием страны, и о приеме Государем городского головы Челнокова. Резолюции предшествовали собрания промышленников и земских деятелей, в частности у П.П.

Рябушинского, заявившего не без фанфаронства, что «необходимо для всех общественных элементов вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти» 120).

13 августа «Утро России», орган П.П. Рябушинского, опубликовал даже состав будущего кабинета из общественных деятелей (Председатель Родзянко, мин. внутренних дел Гучков, иностранных дел Милюков и т. д.), в котором Кривошеин, Поливанов и Игнатьев сохраняли свои посты. Большого значения, чем быть «пробными шарами», эти списки не имели. Зато совсем другим удельным весом обладала резолюция московской думы именно благодаря своей умеренности, позволившей ей быть принятой единогласно. Так же авторитетно звучала произнесенная на том же заседании думы речь бывшего московского городского головы Ник. Ив. Гучкова, гораздо более консервативных тенденций и гораздо более выдержанного, чем его брат А.И. 121). Напомнив, что голос Москвы есть голос народной воли, Н.И. Гучков подчеркнул, что для доведения войны до победного конца нужно единение народного представительства с правительством, но с таким правительством, которое пользовалось бы доверием страны. Наконец, необходимо, чтобы во главе этого правительства было бы поставлено лицо, которое пользовалось бы доверием со стороны широких народных масс и народного представительства (...). Об этом должно быть доведено до сведения монарха 122).

Одновременно с этим выяснилось, что тенденции, которые намечались на заседаниях только что образовавшегося прогрессивного блока, при умеренности программы шли довольно далеко в вопросе возглавления правительства, в составе которого блок требовал себе львиную долю 123).

Все это склоняло Кривошеина не предлагать полумер в вопросе правительства, но решительно сойти с проторенной дороги. В то время как при обсуждении Советом министров отношения правительства к резолюции московской думы и к приему городского головы Челнокова царем Горемыкин предлагал просто «не отвечать болтунам», а Поливанов, Сазонов и Самарин защищали думу, с длинным обращением к Совету выступил Кривошеин. Он поставил инцидент с возможным приемом Челнокова на принципиальную почву.

По его словам 124), прием городского головы совершенно неизбежен. «Но не могу скрыть от Совета министров», — продолжал он развивать свою мысль, — «что, по-моему, в данном случае вопрос представляется гораздо более широким

и принципиальным. В каком положении окажемся мы, когда уже не одна печать и военно-промышленный комитет, но вся организованная русская общественность будет во всеуслышание требовать власти, облеченной доверием страны? Не касаюсь личных переживаний, но с точки зрения интересов государственного управления и организации обороны положение это совершенно невозможно. Нужно заранее найти выход и остановиться на твердом решении, плане действий. Надо или реагировать с силой и с верой в свое могущество, в возможность достижения успеха, или же вступить на путь завоевания для власти морального доверия. По моему глубокому убеждению мы ни к тому, ни к другому не способны. Вывод отсюда ясен. Надо откровенно это сказать Государю, который не сознает окружающей обстановки. Мы должны открыть монарху глаза на чрезвычайную остроту настоящей минуты. Это наш священный долг в историческое время, нами переживаемое. Мы должны сказать Его Величеству, что сложившиеся внутренние условия допускают только два решения: или сильная военная диктатура, если найдется подходящее лицо, или примирение с общественностью. Наш кабинет общественным ожиданиям не отвечает и должен уступить место другому, которому страна могла бы поверить. Медлить, держаться середины и выжидания событий нельзя. Поводом к росту нервности (...) является ставшее повсеместно известным решение принять командование (...). Не время отталкивать от себя огромное большинство. Надо просить Его Величество собрать нас и умолять его отказаться от смещения вел. князя, коренным образом изменив, в то же время, характер внутренней политики. Я долго колебался, прежде чем прийти к такому выводу, но сейчас каждый день равен году (...). Нельзя не считаться с тем, что постановление о доверии к вел. князю было принято московской городской думой единогласно. Даже Шмаков и его приверженцы голосовали за резолюции 125). При таких условиях было бы трудно квалифицировать ее как революционную. Не революция, а бесконечный страх за будущее. Нужно объяснить Государю, что задуманный им шаг, помимо всего прочего, является великим риском для династии. Вполне возможен компромисс: царь принимает на себя верховное командование и назначает вел. князя своим помощником. Надо сделать это сразу. Если понадобится, мы должны не только просить, но требовать. Пусть нам царь голову рубит, сошлет в места отдаленные, с лишением званий, чинов и орденов (к сожалению, он этого не сделает), но в случае отказа на наши представления, мы должны во имя интересов

родины заявить ему, что мы не в состоянии больше служить ему по совести».

О впечатлении, произведенном выступлением Кривошеина, кроме как на изолированного Горемыкина, свидетельствуют вызванные им заявления министров. Враг Гучкова и левой общественности Шаховской реагировал («Формула А.В. Кривошеина исчерпывает вопрос (...), наш долг быть твердыми перед царем в сознании нашей правоты; (...) пока общественные пожелания (...) еще остаются умеренными и облачаются в почтительные формы. Предлагаемый компромисс разрешает вопрос вполне безболезненно во всех отношениях») так же, как выразитель московской общественности Самарин («Приветствую предложенную комбинацию»), и еще благоприятнее, чем Поливанов («Как меньшее из двух зол, комбинация А.В. Кривошеина приемлема»).

В тот же день (19 августа) министры собрались еще раз на министерской даче Кривошеина для подготовки созываемого на другой день заседания кабинета под Высочайшим председательством, долженствовавшего обсудить предложенную Кривошеиным формулу смены командования и определить направление политического курса: политика «твердой власти» или политика, идущая навстречу общественным пожеланиям. Выдвигая эту альтернативу, Кривошеин добавил: «Золотая середина всех озлобляет».

На вечернем заседании 20 августа в Царском, о котором уже говорилось в связи с «поливановским премьерством», Николай II остался непреклонен в вопросе командования («Господа, я выслушал ваши возражения, но я остаюсь при своем решении!») 126). Горемыкин утверждал, что ходатайства, подобные московскому, продиктованы желанием создать оппозицию уходу вел. князя и тем самым обеспечить ему особенное положение; больше того, он сознательно довел до возбуждения царские нервы, развивая предположение о триумфальном возвращении вел. князя к Верховному командованию. Зато в вопросе о направлении внутренней политики окончательного выбора Николаем II еще сделано не было, он считал нужным отложить решение, предложив Совету министров представить ему доклад о правительственной программе. «Победив» министров в вопросе командования, настояв на своем, Государь считал вопрос решенным, притом решенным своей твердостью и, как выразился Кривошеин в приведенном выше разговоре с Тхоржевским, остался доволен. Этим объясняется его желание не порывать с общественностью, его решение открыть в торжественной обстановке 22 августа Особое сове-

щение по обороне, так же как и появление императрицы и наследника на этом торжестве.

Как уже указывалось, разряженная атмосфера этого торжества основывалась на недоразумении и сам этот день был «une journée des dupes». Царь просто тогда не получил еще коллективного письма министров, углубившего разрыв между ним и большинством кабинета, а также с обществом. Это письмо было дон-кихотским жестом задетых за живое патриотов, забывших, однако, что все в нем, сама инициатива коллективного протеста, ультимативность тона, не могло, при царском комплексе страха собственного слабования, не вызвать реакцию, противоположную той, на которую рассчитывали царские советники. А главное, сам факт протеста против царского решения ставил под сомнение воззрение Николая II на мистическую природу своей власти, на непогрешимость голоса своей совести в капитальных решениях правления.

Инициатором коллективного письма, этой исторической ошибки, был Самарин. Это показывает, что представители даже правой общественности, а не только левой, еще не созрели для управления страной. Но и министры-бюрократы единодушно последовали за ним. Сам осторожный Кривошеин на частном собрании членов кабинета (без Горемыкина и Хвостова, а также и заболевшего и уехавшего Рухлова) 21 августа вечером у Сазонова отказался от предложенного им текста, как от «бюрократического», в пользу самаринского, а между тем его текст, не имея ультимативного характера последнего, имел больше шансов не вызвать резко отрицательной реакции у Николая II. Много времени спустя, в 1919 г., Кривошеин признавался, что коллективное письмо, как таковое, а не его содержание, было крупной тактической ошибкой («Как я мог так поступить, зная характер Государя?!» — вырвалось у него однажды). Нужно все-таки признать, что поступая так, он и все министры показали перед судом истории, что для них долг говорить правду царю был выше карьеры.

Отказ Николая II принять во внимание предупреждение своих советников бросает свет на основные непосредственные причины революции в той форме, в какой она произошла в феврале 1917 г., т. е. вследствие полной и добровольной изоляции монарха посредством игнорирования им чаяний страны. Отказ положил начало этому процессу; «между 23 августа и 17 сентября 1915 г. произошла какая-то эволюция в уме монарха, которая совершенно изменила его воззрения на судьбу России», — так высказался Поливанов в своем показании перед Чрезвычайной следственной комиссией 127). О внутрен-

нем смысле этой эволюции мистического характера будет сказано несколько слов в конце этой главы 128).

Десять дней отделяют получение коллективного письма Николаем II от отказа образовать новое правительство и переменить направление внутренней политики (2 сентября), во время которых открываются новые перспективы и намечаются новые возможности соглашения с думой; надо всем тяготеет ожидание принятого царем решения, выхода из неопределенности и конца никого не удовлетворяющей «золотой середины».

Это тягостное ожидание нередко вызывало у представителей общественности лихорадочное возбуждение и словесные крайности, подчас легкомысленного характера, за которыми, однако, проявляется готовность пойти на соглашение всякий раз, когда перспективы сотрудничества с властью и участия в ней становятся реальными.

24 августа Кривошеин снова настаивает на необходимости военного совета с участием правительства и установления плана дальнейшего ведения войны (Ставка настаивала на эвакуации Петрограда и Киева). «И в такую минуту, движимый религиозным чувством, Государь берет на себя Верховное командование! Какой ужас, какое ослепление!»

Если руководимое Кривошеиным активное большинство кабинета ждало царского решения, то в то же время оно ждало ответа и от общественности, представленной прогрессивным блоком, в котором оно желало бы найти физически существующего собеседника, а может быть и сотрудника. Прежде всего, 25 августа, это большинство, согласно с выраженным им 20 августа желанием подало «меморию» царю 129) о том, что нужно дать ответ на пожелания образовавшегося в думской среде большинства и точно определить дальнейшее направление правительственной политики. Программа блока была рассмотрена Советом министров 26 августа в отсутствие Кривошеина, внезапно уехавшего в Москву, отчасти для того, чтобы установить связь с московской общественностью, а отчасти по причинам, свойственным его обычной тактике «пребывания за кулисами», и по нежеланию связать себя вопросами программы в случае назначения его главой правительства 130).

Относительно встречи представителей правительства с представителями блока, состоявшейся 27 августа, Шаховской утверждает 131), что Совет, получив программу прогрессивного блока (...), «решил, по предложению А.В. Кривошеина, поручить четверем министрам войти в переговоры с представите-

лями блока для более ясного ознакомления с деталями программы. Таким министрами были намечены П.А. Харитонов, А.А. Хвостов, кн. Н.Б. Щербатов и я; несмотря на все настояния, А.В. Кривошеин от участия в этом совещании уклонился, а между тем он знал этот вопрос лучше всех других; ясно, что думцы, по крайней мере, держали его в курсе хода вопроса, если его участие не сказалось более серьезно ».

Нужно отметить, что когда на Совете министров 26 августа, в отсутствие Кривошеина, обсуждалась программа блока, Горемыкин пытался всячески саботировать эту встречу, но когда большинство решительно ее потребовало, то он неожиданно назначил для переговоров вышеназванных лиц, при их молчаливом согласии. Очевидно, этот вопрос обсуждался закулисно с Кривошеиным, и состав делегации по своему компромиссному характеру (двое « более правых » и двое « более левых ») показывает, что соглашение о них было уже достигнуто до 26-го, хотя и на заседании 26-го Горемыкин и выказал свою малую охоту его применить.

На заседании кабинета 28 августа 132) Харитонов доложил о результатах совещания. Тон был довольно оптимистический (« Соглашение может быть достигнуто, непримиримых различий не заметно »... « Встреча не без пользы... У представителей блока нет чувства безнадежности по отношению к правительству »). Выяснилось, что по многим пунктам точки зрения правительства и блока расходились мало. Разумеется, что на основной вопрос о лице, могущем возглавить правительство, Харитонов ответил, что это является прерогативой монарха, на что представители блока предложили, чтобы монарх назначил председателя, приемлемого для страны.

Здесь интересно отметить позицию, занятую Кривошеиным, как в вопросе программы, так и в деле необходимого перерыва сессии думы, работа которой стала абсолютно неудовлетворительной и бесплодной; кроме того, пока сессия продолжалась, правительство было лишено возможности проводить необходимые для обороны меры по 87-ой статье. На предыдущем заседании Совета Кривошеин высказался за перерыв, так как думские речи и вмешательства депутатов и административные проблемы вносили повсюду дезорганизацию. Но роспуск должен был быть сделан « по хорошему ».

На заседании 28 августа 133) Кривошеин определенно не принимал участия в прениях о возможности или невозможности соглашения по тем или иным пунктам программы блока или целесообразности перерыва думской сессии до или после утверждения положения Особого Совещания о беженцах. Ког-

да же обсуждение этих вопросов начало теряться в деталях, он наконец выступил, чтобы перенести его на совсем другую плоскость, соответственно быстрой эволюции кризиса власти и тем сведениям, которые он получил во время своего пребывания в Москве. Иллюзия искать лучшего способа распустить думу — « все равно правительству ни на грош не поверят » 134). Требования думы и всей страны сводятся к вопросу не программы, а людей, которым вверяется власть. Центр суждения должен бы заключаться не в искании того или иного дня для роспуска думы, а в постановке принципиального вопроса об отношении Его Величества к правительству настоящего состава и к требованиям страны об исполнительной власти, облеченной общественным доверием. Пускай монарх решит, как ему угодно направлять внутреннюю политику, по пути ли игнорирования таких пожеланий или же по пути примирения, призвав во втором случае пользующееся общественными симпатиями лицо и возложив на него образование правительства. « Лично я высказываюсь за второй путь действия : призыв Государем императором лица и поручения ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны ». Что касается до перерыва думской сессии, то он должен быть осуществлен именно новым правительством.

Горемыкин пытался оставить поставленный таким образом вопрос без обсуждения, что вызвало резкую отповедь всего кабинета. По словам Сазонова, « точка зрения А.В. Кривошеина не может быть оставлена без обсуждения... лично я всецело к ней примыкаю. В ней кристаллизуется то, вокруг чего мы ходим уже много дней ». « Я тоже присоединяюсь к Александру Васильевичу », — заявил Игнатьев; « что мы ни обещай, нам не поверят. Все ждут перемены и определенности в политике ». Для Харитонова « постановка вопроса А.В. Кривошеиным вполне отвечает современной политической обстановке ».

В дополнение к сказанному Кривошеин заявил, что он готов согласиться на одновременный роспуск думы и смену кабинета. « Мы, старые слуги царя, берем на себя неприятную обязанность роспуска думы и вместе с тем твердо заявляем Его Величеству, что внутреннее положение страны требует перемены кабинета и политического курса ». К этому мнению присоединились Шаховской (« компромисс с общественным мнением необходим »), Щербатов (« наш долг просить Его Величество кончить с неопределенностью и призвать новых людей ») и Поливанов (« схема правильная — думу распустить распоряжением существующего кабинета и просить Его Вели-

чество после этого призвать новый кабинет, отвечающий ожиданиям страны »).

Горемыкин нехотя обещался доложить Государю о пожеланиях кабинета...

Что для представителей блока вопрос о людях, возглавляющих власть, был центральным, это — вне сомнения, а потому жившее в них желание достигнуть соглашения с властью и принять участие в ней толкало их на большую сговорчивость в вопросах программы, раз была надежда, что и вопрос о людях разрешится в их пользу. Такие настроения господствовали на собрании 29 августа у Челнокова (135). Возражая на пессимистические крайности Коновалова, Челноков говорил, что «переговоры с правительством вести еще можно и что требования прогрессивного блока не должны ставиться ультимативно, что уступки со стороны блока возможны и соглашение с правительством может быть достигнуто». Особенно примиренчески были настроены петроградские участники совещания. По их словам, переговоры Ефремова и Милюкова с правительством продолжаются, причем настроение у них не столь пессимистическое, как было раньше, так как они считают, что кабинет пойдет на уступки и соглашения возможно будет достигнуть, причем Милюков считает, что и прогрессивному блоку придется кое-чем поступиться; по его мнению, правительство думу ни в каком случае не распустит.

Однако 2 сентября жребий был брошен... Горемыкин вернулся из Ставки с царским велением: правительство должно оставаться у власти в прежнем составе, в созыве военного совета с участием правительства для разработки военной политики отказано, дума распускается...

На драматическом заседании кабинета Кривошеин снова подвел итог: «Высочайшее повеление не может ставиться на обсуждение, но я думаю, что мы не только в праве, но что это наша прямая обязанность предусматривать последствия, имеющиеся совершиться» и, обращая затем к Горемыкину: «Все наши сегодняшние суждения с полной определенностью показывают, что за последнее время между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась. Вы докладывали об этом различии Государю императору, но Его Величеству угодно было согласиться не с нашей точкой зрения, а с вашей. Теперь вы вступаете на путь действий, вытекающий из данных вам Высочайших указаний, притом сотрудниками вашими остаются те же лица, которые возражали против целесообразности намечавшейся вами по-

литики. Простите мне один вопрос: как вы решаетесь действовать, когда представители исполнительной власти убеждены в необходимости иных средств, когда и внешние и внутренние события становятся с каждым днем все более грозными?»

«Высочайшее повеление последовало и оно для меня закон!» — возразил Горемыкин...

...«У А.В. Кривошеина вид безнадежно грустный и встревоженный», — отмечает в своем дневнике Яхонтов 136).

В течение трех с небольшим недель, между отправкой коллективного письма и репримандом министров в Ставке 16 сентября, Горемыкин постоянно изливал свою душу императрице в Царском, жалуясь на министров, а она возмущенно передавала эти жалобы своему супругу, настаивая на смене неугодных министров, «которые не хотят работать со стариком». Если самые резкие нападки были направлены на Самарина и Щербатова, то от прежней дружбы с Кривошеиным не осталось ничего. Кривошеин — «тайный враг» и «все время был фальшивым по отношению к старику» (письмо от 11 сентября 1915 г.); «министры никуда не годятся, и Кривошеин продолжает вести подземную работу — все так некрасиво и неблагородно — им нужна твоя железная воля, которую ты покажешь, неправда ли?... Дай им очень суровый реприманд за их поведение, за то, что они не послушались твоих приказаний, данных в заседании» (письмо от 12 сентября 1915 г.); «я думаю, что ты вынужден будешь сменить Щербатова и Самарина, может быть длинноносого Сазонова, также и Кривошеина. Они не могут измениться» (16 сентября); «Кривошеин также хорошо знаком с Гучковым, так как он женат на московской даме (тоже из купеческой семьи, а там они все за Гучкова)»; «я не могу поверить, что Сазонов так плох, как Щербатов или Самарин, или даже мой друг Кривошеин — что с ним случилось? я в нем горько разочаровалась (...or even my friend Kriwoshein — what has happened to him? I am bitterly disappointed in him». 20/9).

В то же время большая часть общественности заняла очень умеренную позицию по отношению к власти. Протесты против перерыва сессии были сформулированы осторожно, чувствовался страх слишком резкой оппозицией вызвать забастовки (прошедшие 2-5 сентября в Петрограде и 3-9 сентября в Москве забастовки действовали, по донесениям охранного отделения, «охлаждающе»). Бывали и крайности, но в большинстве своем у общественности было достаточно патриотизма, а также и расчета на то, что двери власти откроются для

нее вскоре, чтобы не идти на большой риск. Такие абсолютно лишенные реализма, безответственные слова, как предложение П.П. Рябушинского приостановить деятельность общественных организаций в обслуживании армии 137) (4 сентября), успеха не имели, как не имела успеха и резкая резолюция гр. Д.Ад. Олсуфьева на собрании московского земства 138), а на экстренном съезде Союза земств и городов 7-9 сентября, большинством четырех пятых «революционные» резолюции были отвергнуты, в том числе и требование ответственного министерства, а было принято пожелание образования правительства общественного доверия и возобновления думской сессии 139). Особенную умеренность проявили кадеты. На заседаниях 5 и 6 сентября московского отделения центр. комитета партии, по донесениям охранного отделения 140), умеренное направление преобладало, «в кулуарных разговорах выяснилось, что во время переговоров прогрессивного блока с правительством можно было пойти на большие уступки, чего, к сожалению, блок не сделал, так как переговоры вели Милюков и Ефремов, которые не проявили достаточной гибкости в этом дипломатическом деле... В кандидатуру кн. Львова на пост председателя Совета министров никто серьезно не верит, и кадеты не склонны на ней особенно настаивать». Дальше перечислены очень умеренные пожелания: «На этих шагах правительство и кадеты примирились бы на первое время, и эти акты создали бы возможность совместной работы их с правительством, при условии обязательного ухода Горемыкина, единственным преемником которого из бюрократической среды считается Кривошеин (...), никакой другой кандидат на этот пост из бюрократов неприемлем». К этому же выводу пришли принадлежащие к различным партиям деятели на «банкетном собрании» земских и городских групп: готовность пойти на уступки из благоразумной боязни улицы, при двух только, всеми признанных как необходимые, условиях — «удалении Горемыкина с заменой его Кривошеиным и удовлетворении, хотя бы смягченных, требований прогрессивного блока» 141).

Подобные «кулуарные разговоры» особенно интересны потому, что они лучше публичных, произнесенных для «галерки» речей, отражают истинные настроения большинства умеренной общественности, в особенности кадетской партии; даже в капитальном вопросе о людях, призванных к власти, после первоначальных больших требований кадеты готовы были удовольствоваться меньшим, чем то, что собиралось им уступить группировавшееся вокруг Кривошеина активное

большинство Совета министров: в то время как последний прочил в премьеры какого-нибудь представителя общественности, сама общественность — во всяком случае очень влиятельная часть ее — готова была принять его премьерство. Она понимала, со здравым смыслом, не всегда ей свойственным, что «нельзя выставлять требования, на удовлетворение которых власть не пойдет» 142).

Оставался вопрос программы. По свойственной ему осторожности, связывать себя определенной программой Кривошеин не любил, и это было поставлено ему в вину в момент его отставки. Для него важнее были люди, а не подробно разработанная программа, люди, составившие бы с его участием «правительство общественного доверия». Программой такого правительства была бы неизбежно несколько смягченная программа прогрессивного блока, отнюдь не вызвавшая критического отношения даже со стороны членов кабинета Горемыкина, если не его главы.

Трудно не заметить, что общественность стала предъявлять гораздо более разумные требования, когда соглашение с властью становилось труднее достижимым, чем когда, в августе, власть шла ей навстречу. Если бы царское решение роспуска думы было бы не проявлением упрямства, а твердости, выказанной для ведения переговоров «с позиции силы» (по формуле Кривошеина: сначала роспуск думы, затем правительство общественного доверия), то соглашение могло бы быть достигнуто, притом — на личности Кривошеина. Вероятно, что несмотря на роспуск думы, царь не принял еще окончательного решения относительно направления политики и состава правительства, и благоприятный оборот оставался возможным.

Сами письма императрицы, в напористости их тона, в повторениях и напоминаниях одного и того же, выражают скрытую неуверенность убедить Государя оставить «старика» и уволить неугодных министров; а 9 сентября она с беспокойством дважды отмечает, что, по словам своего супруга, Щербатов на этот раз больше понравился ему. Она боится (10 сентября), что уволен будет «старик», а не министры; а до того (6 сентября) она пишет, что если «старик» для него помеха, так пусть он лучше отпустит его («Он сам говорит все это, но если ты его удержишь, то он исполнит все твои приказания»).

Наконец решение было принято и, как в большинстве случаев, принято императором самолично, согласно с «велениями своей совести», даже если это решение и совпадало, в основном,

с просьбами императрицы. Нельзя забывать, что А.Н. Хвостов предназначался на пост министра внутренних дел еще в 1911 г. и был давнишним кандидатом Государя. Во всяком случае, решение не было принято исключительно под влиянием Распутина¹⁴³), и не силой распутинской гребенки, посланной Государыней для причесывания царских волос, скорее уж по совету Горемыкина, прибывшего в Ставку до созыва там всего кабинета. В беспрестанно повторяющихся настаиваниях Александры Феодоровны совсем нет той спокойной властности, сознающей свою убедительную силу, которая импонировала бы слабому, колеблющемуся человеку.

В данном случае, как и в многих других случаях, к влиянию Распутина можно в значительной степени приложить уже сказанное о влиянии Мещерского, что Распутин «влиял» на царя лишь до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал царь.

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО МИНИСТРОВ

«Всемилоостивейший Государь,

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданныческий долг, любовь к Вам и родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий. Вчера на заседании Совета министров под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был устранен от участия в Верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями. На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни губительно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и родине».

Вашего Императорского Величества верноподанные Петр Харитонов, Александр Кривошеин, Сергей Сазонов, Петр Барк, кн. Н. Щербатов, Александр Самарин, гр. Павел Игнатьев, кн. Всеволод Шаховской.

9. ЦАРСКИЙ РЕПРИМАНД

Историческое заседание кабинета 16 сентября в Ставке под Высочайшим председательством показало крушение кривошеинских надежд. Министров никто не встретил. Им пришлось завтракать в грязном буфете могилевского вокзала 144), решено было даже, в подтверждение Высочайшего реприманда, не приглашать их к обеду, если бы не возмущение графа Фредерикса. Этот грансенёр до мозга костей выказал тогда больше светской выдержки чем император всероссийский, о котором Витте когда-то сказал, что это был самый воспитанный человек, которого он встречал на своем веку.

Открывая заседание, царь произнес речь, в которой он высказал министрам, подписавшим письмо, «крайнее свое неодобрение». Речь его была как будто спокойна, но по выражению лица было видно, насколько ему трудно было сдерживать себя 145). В доказательство того, насколько по существу вопроса министры ошибались, утверждалось, «что истинная Россия думает иначе. Я получаю со всех концов многочисленные телеграммы с выражением восторга по поводу принятия мною командования». Само несогласие с его решением объяснялось «страшно нервной атмосферой Петрограда». «Я здесь, в тишине и спокойной обстановке, смотрю совсем иначе на вещи, чем они мне казались там...»

Этим признанием он невольно представил самый сильный и неотразимый аргумент тем, кто высказывал свои крайние опасения относительно принятия им командования с пребыванием в Ставке: отныне император всероссийский, изолированный не только от петроградского общественного мнения, но и от своего правительства и от истинной России, не той, что посылала ему верноподданнические телеграммы «восторга», будет в обманчивой тишине и ложном спокойствии могилевского губернаторского дома ждать своего страдного часа.

Длительное и мучительное молчание наступило после царской речи, пока Горемыкин не предложил Государю предоставить остальным министрам изложить причины их нежелания сотрудничать с ним. Щербатов, не ожидавший этого, высказал несколько общих мест, как если бы он желал дать другим время подготовить их заявления. После него Кривошеин попросил разрешения говорить и высказал то, что у него было на душе. Он подчеркнул полную невозможность пренебрегать общественным мнением в столь критическое время. «Пока общественность не будет принимать участия в ведении войны, пока не будет сотрудничества между правительством и на-

родом, мы не сможем одолеть врага. Председатель не только придерживается противоположной точки зрения, но он даже готов постоянно противиться пожеланиям общественности, систематически ее этим раздражая. В таких условиях, естественно, что он для нас неприемлем». Не менее твердо высказался Самарин, хотя он и не стал развивать свою точку зрения. «Мои предки завещали мне долг служить царю не за страх, а за совесть, и я не могу сочетать сотрудничество Горемыкина с велениями совести».

Щербатов, вполне овладев собой, выступил вновь, в примирительном тоне, чтобы ослабить напряжение. По его мнению, разногласия между людьми, основанные на различии политических убеждений, могут быть сглажены, зато нельзя сгладить разногласия между различными поколениями. Он сам, почтительный сын, глубоко уважает своего отца, но он не смог бы сотрудничать с ним в работе. То же самое происходит в отношениях между министрами и председателем...

Горемыкину было выражено полное царское доверие 146).

На этом кончилось кривошеинское фактическое премьерство 147).

10. «СЕРДЦЕ ЦАРЕВО В РУЦЕХ БОЖИИХ»

Невольно хочется понять глубокие причины, может быть и не без внутренней борьбы, но все же с легким сердцем взятого политического курса, основанного на сознательном и последовательном игнорировании общественного мнения, вызвавшем, в свою очередь, полную изоляцию престола в стране. Общественным пожеланиям были сделаны реальные уступки: смена непопулярных министров, особые совещания по обороне, намечалось соглашение с прогрессивным блоком, открывался путь к правительству, облеченному доверием царя и страны... и вдруг разрыв...

Были, конечно, снова вышедшие наружу старые мотивы — недоверие, довольно заслуженное, к способностям общественности нести бремя правления; было, но в очень малой степени, — меньшей, чем это принято считать, — влияние императрицы, но решающую роль сыграла причина своеобразно мистического характера 148). Это подтверждает письмо Николая II Александре Федоровне от 3 августа 1915 г.: «Хорошо помню, что, когда стоял против большого образа Спасителя, (...) какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня прийти к определенному решению и немедленно написать о моем

решении Ник., и это независимо от того, что мне сказал наш Друг » (т. е. независимо от Распутина). Эта ссылка на внутренний голос выражает убеждение Николая II, что раз « сердце царю в руцех Божиих », то всякий раз, когда совесть царя (именно совесть, а не рассудок) подсказывает ему определенное решение, то это решение будет правильным. Перед этим убеждением всякое внешнее влияние, в том числе и Александры Федоровны, отходило на второй план. В своем письме Столыпину в 1906 г. 149), в котором он высказывает свое нежелание утвердить законопроект, расширяющий права евреев, он пишет: « Внутренний голос повторяет мне неустанно, что я не должен брать на себя это решение. До сих пор моя совесть меня никогда не обманывала, а потому и в этом случае я намерен повиноваться ее велению. Я знаю, вы тоже верите, что « сердце царю в руцех Божиих ». Да будет так! Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему ответ ».

Он обладал уверенностью, основанной на теократическом понимании самодержавия (в такой форме несвойственном его предшественникам и, в соединении с цезарепапизмом, несогласном с учением церкви), что помазание на царство давало ему дар непогрешимости в делах правления 150).

Коллективное письмо министров было написано тотчас после того, как царское доверие к одному из подписавших его, к Кривошеину, было подорвано попыткой последнего навязать царю « крайне опасного Гучкова »; как всякое коллективное противоречие его намерениям, оно было воспринято Государем как насилие над его волей. Кроме того, в письме он усмотрел коренное непонимание непререкаемости авторитета самодержавного монарха (выраженное в недопустимой форме « забастовки министров »), авторитета, основанного в его сознании на уверенности, что он — орудие Божьего Промысла, и это окончательно определило направление его политики. Император Николай II счел, что его сотрудники предпочли одобрение общественного мнения тому, что в его сознании было выполнением указаний свыше, и отказался от политики соглашения с общественностью; в конечном счете, эта политика привела бы к неизбежному столкновению с велениями его совести и к фактическому ограничению его прав, источника его государственной непогрешимости. С тех пор он решил править, как встарь, самолично, сведя роль министров к выполнению своих решений, фактически без согласованной прави-

тельствственной политики, даже если он временами признавал ее необходимость 151).

1) Впрочем, П.Н. Милоков, тогда ли или несколько позже, сделал довольно правильный анализ политической ситуации, несмотря на тенденциозность выражений: «Уход Коковцова и демагогическая программа Барка были вызваны желанием удовлетворить, с одной стороны, деревню, и, с другой, придворные кружки и общественные настроения (в конце первой сессии у думы сложились обостренные отношения с Коковцовым)». («Падение царского режима», т. 6, стр. 304).

2) «У нас глас народа — глас Божий, вас настойчиво проводит в преемники Горемыкина. Час этот близок» (письмо Мещерского Кривошеину от 17 февр. 1914 г., «Русское Прошлое», 1925 г. Ленинград, кн. 5).

3) «Documents diplomatiques français», 3e série, vol. 9, № 453.

4) «Новое Время», 8 февр. 1914 г.

5) Гурко, «Features and Figures of the Past», Stanford, USA, 1939, стр. 469.

6) «Новое Время», 11 февр. 1914 г.

7) «Новое Время», 9 февр. 1914 г.

8) «Новое Время», 27 апр. 1914 г.

9) «Новое Время», 2 февр. 1914 г.

10) «Новое Время», 12, 13 февр. 1914 г.

11) «Documents diplomatiques»... 13 mars 1914.

12) В действительности 10-23 февр. 1914 г.

13) Его письмо Н.А. Маклакову от 18 окт. 1913 г. («Падение царск. режима», т. 5, стр. 195-196).

14) «Новое Время», 8 февр. 1914 г.

15) В частности «Русское Слово», ссылавшееся на авторитет Мещерского «нимфы Эгерии наших печальных дней» (это прозвище восходит к А.А. Половцеву в его «Дневнике», 24 апр. 1902 г.). Немного спустя, «Россия» должна была прекратить свое существование, так как Маклаков, не простивший ей слишком определенно конституционное направление, упразднил выплачиваемую ей субсидию.

16) «Новое Время», 20 февр.

17) «Новое Время», 2 марта.

18) «Новое Время», 7 марта 1914 г.

19) Ук. дипломатический документ от 13 марта 1914 г.

20) Кривошеин примыкал в Госуд. совете к группе «правого центра» «нейдгардтцев» столыпинской тенденции, отнюдь не тождественной с думскими националистами.

21) 19 февр. Государственный совет отклонил законопроект о найме служащих, защищавшийся министр. торговли.

22) 19 и 22 февр., по поводу реформы Сената.

23) И.И. Тхоржевский — «Имп. Николай II как правитель». Париж, 1937, стр. 9.

24) «Новое Время», 31 мая 1914 г.

25) «Новое Время», 23 апр. 1914 г.

26) «Новое Время», 4 мая 1914 г.

27) Гурко, ук. соч., стр. 532-533.

28) Кривошеину вполне основательно было поставлено кадетами в упрек это отсутствие. В 1920 г. Кривошеин ввел в Крыму волостное земство с запозданием на 6 лет.

29) «Новое Время», 13 мая 1914 г.

30) Заседание 9 и 13 апр. 1906 г. совещания по составлению новых основных законов («Былое», 1917 г. № 4 [26]).

31) «Падение царского режима», т. 2, стр. 135, показания Щегловитова, который не помнил точного года.

32) «Худ или хорош этот порядок, но на нем примирился весь мир, а потому мириться нужно и вам, и нечего рассуждать о том, что нужно его ломать» (показания Щегловитова, там же).

33) Письмо Николая II Мещерскому от 13 апр. 1913 г. «Oxford Slavonic Papers», vol. X, 1962, опубликовано И. Виноградовым.

34) «Падение царского режима», т. 5, стр. 195-198, показания Н.А. Маклакова.

35) Показания И.Г. Щегловитова, «Падение...», т. 2, стр. 135.

36) Показания Н.А. Маклакова: «Он сказал: «Я бы считал себя перед Вашим Величеством преступником» («Падение...», т. 3, стр. 133 и след.).

37) «Новое Время» поместило 20 июня сообщение, что «сегодня» (не 18) в Петергофе состоялось совещание о мерах к скорейшему утверждению росписи и об обеспечении более скорого рассмотрения бюджета в законодательных учреждениях. 19-го Родзянко был в Петергофе с докладом.

38) «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II», Берлин, 1922 г., письмо от 6 марта 1915 г.

39) Гурко, ук. соч., стр. 518.

40) П.Л. Барк. «Воспоминания», журнал «Возрождение», Париж, № 91, июль 1959 г. стр. 22.

41) Там же, № 169, янв. 1966 г., стр. 73.

42) Кн. Вс. Н. Шаховской, «Sic transit gloria mundi», Париж, 1952 г., стр. 101.

43) Телеграмма Бьюкенена Грею от 25 сент. 1914 г. у Renzi, «Gr. Britain, Russia and the straits», The Journal of Modern History, Chicago, 1/3/1970.

Этот эпизод освещает всю ненормальность структуры государственной власти в России тех дней: для решения вековой проблемы проливов, в сущности всего «Восточного вопроса», испрашивалось на первом месте мнение министра земледелия, нормально заинтересованного этим вопросом только в области экспорта продуктов зерновых культур и птицеводства.

44) Шаховской, ук. соч., стр. 50.

45) Газета «Возрождение», «Первый год войны», Париж, 26 сент. 1936 г. Автор, несмотря на это расхождение, дает такую оценку личности Кривошеина: по мнению Яхонтова, он был обязан своим выдвиганием не «солидной протекции», которой у него не было, но «своему тонкому уму, выдающейся трудоспособности, искусству привлекать сотрудников и поразительной чуткости к угадыванию сменявшихся настроений и авторитетов. У него было какое-то шестое чувство, сверхъестественный «нюх», подсказывающий ему благовременность шагов и действий...» Не будучи оратором в общепринятом смысле, он избегал публичных выступлений, «но в Совете мин. (...) речи его отличались красочностью, оригинальностью мысли, смелыми сравнениями и горячностью выражений. К обсуждавшимся вопросам подходил с широкого государственной точки зрения и был чужд стремления защищать, во что бы то ни стало, ведомственные интересы. В прениях и спорах его не поглощала предвзятость и если приводимые доводы его разубеждали, он охотно соглашался с противником (...), ценным качеством было его умение найти примирительный выход, яркую формулу или примиряющую редакцию»...

46) Для Игнатьева было ясно, «что все усилия Кривошеина сводились к тому, чтобы руководить Горемыкиным и вести его к принятию определенной политики» (Падение..., т. 6, стр. 6).

47) Шаховской, ук. соч., стр. 68-70; формально, Совет министров предоставил Государю самому избрать лицо, назначаемое возглавлять Продовольственный комитет, но Горемыкин с согласия Кривошеина указал ему на Шаховского.

48) Эти запреты были отменены Шаховским в апреле, несмотря на протесты многих уполномоченных (ук. соч., стр. 72).

49) «Падение...», т. 5, стр. 201-202.

50) Вероятно по адресу Кривошеина.

51) А.Н. Яхонтов, ук. статья, газета «Возрождение», Париж, 14 ноября 1936 г.

52) «Падение...», показания П.Н. Игнатьева, т. 6, стр. 9.

53) «Падение...», показания Милюкова, т. 6, стр. 308.

54) В.С. Дякин, «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны», Ленинград, 1967 г., стр. 65.

55) «Падение...», т. 6, стр. 311.

56) «Воспоминания», журнал «Возрождение», Париж, 1965 г., № 167, стр. 83.

57) Показания А.И. Шингарева, «Падение...», т. 7, стр. 27 («Ответ Горемыкина был ничтожным по существу»).

58) М. Paléologue, «La Russie des tsars pendant la guerre», Paris, t. I, p. 290.

59) Барк, ук. соч., журнал «Возрождение», Париж, 1966 г., № 178, стр. 103.

60) «Падение...», т. 6, стр. 2-9 (показание Игнатьева).

61) Барк, ук. соч., журнал «Возрождение», Париж, 1965 г., № 167, стр. 83-87.

62) Гурко, ук. соч., стр. 556.

63) Шаховской, ук. соч., стр. 43.

64) Там же, стр. 116.

65) Там же, стр. 76-77.

66) Арк. Яхонтов, «Первый год войны», газета «Возрождение», Париж, 25 мая 1936 г.

67) Там же. О непринятых заказах шрапнелей, «Переписка В.А. Сухомлинова и Н.Н. Янушкевича», Кр. Архив, т. 1, стр. 246, т. 3, стр. 60, письма Сухомлинова Янушкевичу от 9 сентября 1914 г. и 9 мая 1915 г. Заказ был дан, но только 12 янв. 1915 г., когда Г.А.У. разочаровалось в заграничных заказах и перестало верить в кратковременность войны. Ряд заказов на шрапнель был роздан при содействии министерства торговли 2 дек. 1914 г. (там же, т. 2, стр. 141) вследствие постановления Совета министров о развитии производства.

Но если политика Г.А.У. была в корне неправильной, то Сухомлинов не менее легкомысленно отрицал пользу заграничных заказов и в ответ на предложение Франции о помощи снаряжением ответил в сент. 1914 г., что Россия ни в чем не нуждается. Его письмо Палеологу было использовано Сазоновым в мае 1915 г., чтобы убедить Государя в легкомыслии военного министра (С.Д. Сазонов, «Воспоминания», Париж, 1927 г., стр. 354). В своем труде: «Четыре мифа», Н. Йорк, 1969 г., стр. 180 и след. А. Тарсаидзе довольно неубедительно пытается оправдать как Сухомлинова, так и Главное Артиллерийское Управление.

Ответственность военного ведомства и тем самым всего царского строя за неподготовленность армии, а затем за неудачную политику намерения упущенного времени вряд ли может быть оспариваема. Та же вина, и не только моральная, лежит и на общественности. Ведь именно те группы, которые затем наиболее резко обвиняли правительство, делали все, что было в их власти, чтобы помешать вооружению России накануне войны: в апреле 1914 г. партия народной свободы голосовала против военного бюджета, обвиняя устами Шингарева правительство в милитаризации бюджета за счет «культурных» расходов, а на закрытом совещании думы 10 июня 1914 г. та же партия высказалась против большой военной программы на 1915-1918 гг. в размере 900 миллионов рублей; А.И. Шингарев, считая, что эта цифра только начало и что расходы будут исчисляться миллиардами, так оправдывал оппозицию кадетов: «Это безумно, это нерационально, таких кредитов

нельзя испрашивать сейчас, они запоздали, они несвоевременны; Германия кончает свою программу, а мы только начинаем; очевидно она должна будет начать войну раньше, чем мы будем готовы». Несостоятельность этой аргументации подчеркивается тем, что неизбежность войны, по причинам никакого отношения к вооружению не имеющим, признавалась Шингаревым с полной определенностью, даже по поводу возобновления торгового договора, вопроса, в котором он проявлял большую несговорчивость («Падение...», т. 7, показание А.И. Шингарева, стр. 29-31). Кадеты не были заражены воинствующим панславизмом и сочувствовали левому блоку во Франции, в теории, но не на практике искавшему сокращения военных расходов, и отказ от политики вооружения мог быть вполне оправдан, но только полной переменой внешней политики путем сближения с центральными державами. Такая политика защищалась некоторыми реакционными кругами, но была чужда партии народной свободы — еще недавно, 2 марта 1911 г., Милюков выражал сожаление в думе, что союзные соглашения с Францией после потсдамского соглашения «перестали быть наступательными и остались только в оборонительной функции»; 11 мая 1914 г. он утверждал, что на Балканах русская политика шла на поводу у Австрии, что «мы прятались за спиной Австрии (...) это были постыдные дни...».

68) Барк, ук. соч., журнал «Возрождение», Париж, 1965 г., № 167, стр. 91-93.

69) В.С. Дякин, ук. соч., стр. 79.

70) В частности, после собравшегося 26 мая в Петрограде торгово-промышленного съезда, на котором П.П. Рябушинский произнес «громовую» речь о мобилизации промышленности и созыве думы (Шаховской, ук. соч., стр. 95-98).

71) С.Д. Сазонов, «Воспоминания», Париж, 1927 г., стр. 350-352.

72) Барк (журнал «Возрождение», Париж, 1966 г., № 169, стр. 76-81) называет также и Шаховского, но из воспоминаний последнего (ук. соч., стр. 92-93) явствует, что тот на этом совещании не был — отсюда и некоторые противоречия между его версией и версией Барка.

73) Утверждение Барка (там же, стр. 79), что представление кандидата на портфель юстиции было оставлено Горемыкину — не точно; на совещании в вагоне, в Ставке, 13 июня, кандидатом Кривошеина оставался Милютин (Шаховской, стр. 93).

74) Выбор оказался не особенно удачным, вследствие недостатка подготовки и авторитета у князя. Щербатов стоял у главе коннозаводства и был выдвинут на эту должность Кривошеиным в апреле 1913 г. по критерию замещения высших должностей центральной администрации местными людьми; он был до того земским деятелем, полтавским предводителем дворянства, членом Гос. совета по выборам.

За свое кратковременное пребывание во главе ведомства внутр. дел, он все же сменил десяток губернаторов, наиболее реакционных, заменив их земскими деятелями (Кр. Архив, т. 50, переговоры Харитонova с прогрессивным блоком и Гурко, ук. соч., стр. 555).

По словам А.Н. Яхонтова у Щербатова не было доверия к ближайшим сотрудникам, назначенным еще Маклаковым. К полиции, по дворянской традиции, он относился с нескрываемой брезгливостью и предержаным подозрением (газета «Возрождение», Париж, 21 ноября 1936 г.).

75) Сазонов, ук. соч., стр. 352.

76) Журнал «Возрождение», Париж, 1966 г., № 169, стр. 80-85.

77) Газета «Возрождение», Париж, 19 сент. 1936 г.

78) «Падение...», т. 5, стр. 207, показание Маклакова.

79) Ук. соч., стр. 92.

80) А.А. Поливанов, «Из дневников и воспоминаний по должности военного министра», Москва 1924 г., т. 1, стр. 134.

81) Шаховской, ук. соч., стр. 93.

82) Поливанов, ук. соч., стр. 127 и след.

83) Шаховской, стр. 93.

84) «Падение...», показание Поливанова, т. 7, стр. 67.

По словам А.Н. Яхонтова (газета «Возрождение», Париж, 12 дек. 1936 г.), Самарин больше всего заботился о том, чтобы во что бы то ни стало оградить себя от смешения с бюрократией, и рассматривал себя как представителя «сердца России». В этом московском провинциализме растворялся его политический облик. По убеждениям и семейным традициям он был правым, но с тем неуловимым налетом, который был присущ фрондирующим гражданам Первопрестольной. В нем постоянно сквозила опаска скомпрометировать себя перед общественным мнением и допустить хоть малейшее подозрение в причастности к «старцу». Эта несколько односторонняя характеристика, данная с петербургского бюрократического «полюса», нуждается в дополнении. Нужно отметить славянофильство Самарина и соответствующую этому направленность церковность с резко выраженным отрицательным отношением к церковной бюрократии и обер-прокурорству, отсюда и его враждебность к бюрократии как таковой. На церковном соборе в 1917 г., Самарин был одно время кандидатом в патриархи.

85) Речь идет о первом варианте Особого совещания по снабжению армии, учрежденном 14 мая 1915 г. по настоянию Родзянки и Янушкевича еще при Сухомлинове, с участием представителей думы, указанных Родзянко, и представителей финансового и промышленного мира (Вышнеградского, Путилова, Крестовникова и др.). Это совещание было коренным образом преобразовано 17 авг. 1915 г. с расширенным участием членов обеих палат.

86) Вернее — победой над реакционной группой Совета министров, так как Горемыкин не воспротивился тогда смене этой группы («Падение...» т. 6, стр. 314).

87) «Падение...», т. 6, стр. 129.

Решенная Николаем II 13 июня отставка Щегловитова и Саблера была оформлена 5 июля для первого и 6 июля для второго.

88) Дякин, ук. соч., стр. 83.

89) Донесения московского охранного отделения от 17 июня 1915 г., приведены в сборнике Граве «Буржуазия накануне февральской революции», Центрархив, Москва, 1927 г., стр. 61-63.

90) Там же, стр. 61-63.

91) Дякин, ук. соч., стр. 89.

92) Барк, журнал «Возрождение», Париж, № 170, 1966 г.; Дякин, ук. соч., стр. 85.

93) «Архив русской революции», А.Н. Яхонтов, «Тяжелые дни», Берлин, 1926 г., т. 18, стр. 17, заседание кабинета 24 июля.

94) Шаховской, ук. соч., стр. 101.

95) «Архив...», т. 18, стр. 36. Яхонтов приписывает Поливанову решающую роль в легализации Военно-Промышленных Комитетов.

96) Положительные результаты работы комитетов оспаривались как справа, так и слева. По словам М.И. Терещенко, их деятельность дала ничтожные результаты. Их польза была в «мобилизации энергий» на оборону. Но и здесь многое было иллюзорным: например, образование рабочих секций. Партия большевиков, согласно со своей программой, от участия отказалась, но вошедшие в рабочие секции «оборонцы», в условиях настроений рабочего класса, искреннего и делового сотрудничества с предпринимателями и правительством привести не могли.

97) Журнал «Возрождение», Париж, 1966 г. № 173, стр. 97-98.

98) «Падение...», т. 6, стр. 316.

99) А.Н. Хвостов, будущий министр внутренних дел, член Думы.

100) Гурко, ук. соч., стр. 571-572.

101) А.П. Наумов, «Из уцелевших воспоминаний», т. 2, стр. 216, Н. Йорк, 1955 г.

102, 103) Поливанов, ук. соч., Москва, 1924 г., стр. 223-225.

104) По свидетельству Гурко, Николай II видел летом 1915 г. в Кривошеине естественного преемника Горемыкина и готов был его назначить, но Кривошеин в последнюю минуту побоялся ответственности и предложил Поливанова (ук. соч., стр. 556). Слова Кривошеина о втором предложении премьерства относятся к этому периоду.

105) Шаховской, ук. соч., стр. 127.

106) Советский редактор «Дневника» Поливанова Зайончковский передает, что так объяснялся жест Кривошеина в Петрограде в 1915 г., — к этому отчасти присоединяется Г. Катков. Гурко (ук. соч., стр. 556), оставляя в стороне побуждения, говорит, что выдвижение кандидатуры Поливанова вселило Николаю II недоверие к Кривошеину. Вернее, кандидатура Гучкова, а не Поливанова.

107) «Падение...», т. 6, стр. 10.

108) В своем показании перед Чрезвычайной комиссией Поливанов прямо говорит, что в августе 1915 г. он пользовался доверием Государя.

109) Поливанов, «Из дневников»..., под 18 февр. 1912 г.

110) Шаховской, ук. соч., стр. 80.

111) «Падение...», 1927 г., т. 7, стр. 66-67.

112) Шингарев передал Государю, с его предварительного разрешения, записку военно-морской комиссии думы о снабжении и об оставлении армией крепостей («Падение», т. 7, стр. 32).

113) На имя вел. князя, написанным Тхоржевским по указаниям Кривошеина.

114) И.И. Тхоржевский, «Перед обвалом», газета «Возрождение», 22 февр. 1935 г. Париж.

115) Это объясняется отъездом царя в Царское Село и затем в Могилев, сразу после открытия Особого совещания.

116) Сознание необходимости найти приемлемый компромисс ощущается у него после начального тревожного возбуждения в заключении его разговора с И.И. Тхоржевским, 10 авг. (И.И. Тхоржевский: «Перед обвалом», «Возрождение», 16 февр. 1935 г.): «Государь решил встать во главе армии? Жутко! При его невезении, в разгар неудач!» — «Что же, избавимся от Янушкевича. Вы же так его поносили при нашем возвращении из Ставки». — «Это совершенно второстепенно... Государь! Не идет ли он навстречу своей гибели?... — Нет, нет, отложить, подумать, смягчить, ослабить удар. Сделать перемену понятной, подготовить к ней Россию и за границу».

117) «Архив русской революции», т. 18, стр. 61-66. С этим заседанием связан эпизод неожиданного появления Родзянки, вызвавшего в переднюю Кривошеина, очевидно как самого влиятельного и самого близкого обществу министра, чтобы выразить ему, в довольно неуравновешенном состоянии духа, свое возмущение по поводу смены командования. Жест Родзянки, в своей бестактности обходя Горемыкина, ставил в неприятное положение Кривошеина перед главой правительства. Кривошеину пришлось указать ему обратиться к Горемыкину, который принял его холодно и довел его до полного нервного возбуждения.

118) «Архив...», т. 18, стр. 69-70. С этой надеждой на благополучное разрешение кризиса на основе компромисса Кривошеина связано письмо ген. Поливанова Государю от 16 авг. о необходимости безотлагательного приближения ген. Алексеева к Верховному Главнокомандующему, как начальника штаба в Ставке («Падение...», т. 7, стр. 72-73).

119) Рескрипт был написан И.И. Тхоржевским. Поздно ночью Кривошеин разыскал его в Английском клубе и повез к себе писать. «Государь хочет, чтобы в рескрипте было бы как можно больше лестного для вел. князя и еще больше лестного и приятного для войск Кавказского округа» (И.И. Тхоржевский, «Имп. Николай II как правитель», Париж, 1937, стр. 9).

120) Донесение начальника московского охранного отделения от 14 августа в сборнике Граве.

121) Дочь Ник. Ив., Вера Николаевна, была замужем за младшим братом моей матери, Геннадием Геннадиевичем Карповым.

122) Граве, ук. сборник, стр. 23-24.

123) «Записки Милюкова» — «Красный Архив, 1932 г., т. 50, стр. 117-160, несколько позже, в последних числах августа и даже после перерыва думской сессии, требования стали более умеренными, как будет указано дальше. Впрочем, на заседании 29 августа Годнев, вообще очень сочувственно относившийся к Кривошеину, высказался против его кандидатуры в премьеры («это то же, что и было»).

124) «Архив...» стр. 84-86.

125) Крайне правый, антисемит, участвовавший как адвокат-истец в процессе Бейлиса.

126) Шаховской, ук. соч., стр. 126.

127) «Падение...» 1927 г., т. 7, стр. 83.

128) Если затронуть мелкие подробности, то, по словам Барка («Возрождение», № 173), Кривошеин взялся передать письмо Государю через флигель-адъютанта; Шаховской (стр. 129) приписывает это Сазонову и это же утверждает последний. Поливанов («Падение...», т. 7, стр. 68) ошибается, утверждая, что оно было прочтено Государем в поезде из Петрограда в Царское Село 22 августа в присутствии императрицы, которая не упоминает о нем в своем письме от 22 авг., а только 23. По словам Шаховского письмо было написано рукою Барка.

129) Ц.Г.И.А. в Ленинграде, фонд 1276.

130) Этот отъезд был поставлен ему в упрек общественными кругами в момент отставки («в день, когда Совет министров обсуждал доклад Харитонову о беседе с представителями парламентского блока, оказалось, что Кривошеин экстренно выехал в Москву », писала кадетская «Речь» 27 окт. 1915 г.). В Москве мой отец остановился у дяди моей матери, Сергея Тимофеевича Морозова († 1944 г. в Париже), известного мецената кустарного дела и создателя Кустарного музея, председателя правления фирмы «Савва Морозов, сын и К^о», который жил в «Морозовском особняке» (на Кудрино-Садовой).

Кстати сказать, легенда о якобы «радикальном» влиянии Морозовых на моего отца неверна уже потому, что владелец особняка Сергей Тимофеевич Морозов был человеком консервативных убеждений, абсолютно противоположных взглядам своего брата, «революционера», друга Горького, Саввы, трагически погибшего в 1905 г.

131) Ук. соч., стр. 113.

132) «Архив...», т. 18, стр. 119.

133) Там же.

134) «Архив...», т. 18, стр. 123 и след.

135) Донесение моск. охранного отделения от 29/8/15, опубликованное у Граве, ук. сборник, стр. 29.

136) «Архив русской революции», т. 18, стр. 136.

137) У Граве, ук. сборник, стр. 40.

138) Там же, стр. 29 и 42.

139) В.С. Дякин, ук. соч., стр. 123.

140) У Граве, ук. сборник, стр. 43.

141) Там же, стр. 44.

142) Там же, стр. 53, 9 сент. 1915 г.

143) Об этом — в подготовляемом к печати (у Fayard, в Париже) труде М.Н. Эндена о Распутине и его роли в истории последнего царствования.

144) «Падение...», т. 7, стр. 70, показание Поливанова.

145) Шаховской, ук. соч., стр. 130-131.

146) «Вчерашнее заседание ясно показало, что некоторые министры не желают работать со старым Горемыкиным, несмотря на мое строгое слово, обращенное к ним; поэтому, по моем возвращении, должны про-

изойти перемены» (письмо Николая II Александре Федоровне от 18 сент.).

147) Шаховской (ук. соч., стр. 130-131) воспроизводит речь Николая II, но неверно утверждает, что заседание Совета свелось к ней; Гурко, ук. соч., стр. 579-581, подробно передает ход Совета, как он изложен здесь, не указывая источника. Сокращенно передается Г. Катковым (ук. соч., стр. 152). Игнатъев («Падение...», т. 6, стр. 13) говорит о выступлениях Сазонова и Харитонова.

148) На мистический характер принятого решения указывают Горемыкин («Архив...», т. 18, стр. 54) и Поливанов («Падение...», т. 6, стр. 68).

149) «Красный Архив», т. 5, стр. 105.

150) Об этом: М.Н. Энден, «Граф С.Ю. Витте», журнал «Возрождение», Париж, сент. 1970 г., стр. 76, «Николай II понимал свою роль монарха как божественную миссию, делавшую из него (...) выразителя и исполнителя воли Божией».

На это указывает и Г. Катков (ук. соч., стр. 354), но быть может, с несколько иным оттенком: по его мнению, Государь веровал, что принятые им в согласии с своей совестью решения восторжествуют в силу некой дарованной ему «магической силы». Вероятнее, что Николай II не претендовал на обеспеченный успех такого рода решений, а только на их согласованность с Промыслом Божиим, пути которого (в данном случае, последствия решения) оставались неисповедимыми.

Эта уверенность проявлялась у него не раз в прошлом. Весной 1903 г. он известил Плеве о своем решении уволить Витте осенью того же года, а затем уволил его раньше, в августе, объяснив Плеве, что принял это решение внезапно, во время молебна, так как Господь положил ему на душу не откладывать решения, отвечающего его убеждению (Гурко, ук. соч., стр. 225).

Мысль о назначении Н.А. Маклакова была, по его же словам, внушена ему во время молитвы у раки св. Феодосия Черниговского.

151) Назначение Штюмерера понималось в этом смысле (письмо А.Ф. от 29 янв. 1916 г.), но на практике никакой объединяющей власти не давалось ни ему, ни Трепову, ни Голицыну. (Барк, «Возрождение», Париж, 1966 г., № 175, стр. 72: «Совет министров как объединенное правительство перестал существовать, министры превратились в простых начальников ведомств, коих Государь вызывал к себе в отдельности для выслушивания их докладов»).

ОТСТАВКА

Тотчас после заседания в Ставке Кривошеин понял, что его роль «фактического премьера» кончилась и что его политика, основанная на принципе, что нельзя воевать с внешним врагом в ссоре с общественностью, не смогла быть осуществлена. Она была отвергнута свыше и заменена «политикой пренебрежения», проводимой Горемыкиным, который, зная характер царя, использовал против Кривошеина его же политические взгляды, чтобы «умно подготовить удар» тому, чьего назначения на свой пост он боялся 1). Сам Кривошеин с горечью сознавал, что вина за неудачу проводимой им примирительной политики лежит на всех. «Наша либеральная пьеса, — говорил он И.И. Тхоржевскому 2), — из рук вон плохо игралась и нами, министрами, и еще хуже, думой. Всея русской жизнью! Бестолково, нестройно, зря, несуразно! Но ведь там, в окружении императрицы, непримиримая замкнутость, там жуткая пустота смерти». Не рассчитывая больше на доверие Государя, он сделал соответствующий вывод: нужно уйти самому. В ближайший же сентябрьский доклад он подал в отставку 3). Перед тем он посвятил в свое решение свою сестру, Ольгу Васильевну (впоследствии Морозову, умерла в Париже, в 1953 г.), с которой он всегда советовался в решительные минуты жизни, цenia ее рассудительность и преданность. На ее довод, что не следует бросать успешно начатое дело, он возразил: «Мое дальнейшее пребывание в правительстве бесполезно, а кроме того, я хорошо знаю Государя: он злопамятен и не простит мне моего отношения к смене командования». По словам Тхоржевского, перед отъездом в Царское он волновался, «впервые на моей памяти, не зная, что именно Государь ему скажет. Вернувшись, он коротко бросил: «Я доволен». Ясно было, что уходит, но не сразу можно было добиться от него правды» 4). Николай II принял отставку с облегчением и «почти ей обрадовался». Это избавляло его от неприятной обязанности увольнять своего долголетнего

сотрудника против воли последнего, но видимо, он не ожидал этого шага и обеспокоился реакцией общественного мнения, а потому взял с Кривошеина честное слово, что тот останется еще один месяц, храня отставку в тайне. Нужно было, чтобы уход Кривошеина не совпал с увольнением Щербатова и Самарина, намеченным на 26 сентября. « Сейчас ваш уход будет демонстрацией против меня ». Такая отсрочка могла несколько обесценить уход в глазах общественного мнения и со стороны Кривошеина согласие на нее было « верно-подданической жертвой ». Тайна была сохранена, и еще накануне обнародования отставки 26 октября 1915 г. по городу ходили слухи, что « Кривошеин остается ». О его предстоящем уходе знали лишь немногие, заинтересованные в его замене подходящим им кандидатом.

Горемыкин выдвигал Хрипунова, бывшего управляющего поземельными банками, Кривошеин же — Г.В. Глинку, руководившего снабжением армии продовольствием; несмотря на любезный царский прием, эта кандидатура не была одобрена. Глинка слишком волновался (« не во время вошел, не во время вышел » 5), а главное Хвостов убедил царя назначить Наумова.

В благодарность за прошлые заслуги и за нежелание превращать отставку в политическую демонстрацию Николай II пожаловал Кривошеину орден Св. Александра Невского и обнародовал полный похвал рескрипт на его имя; отставка объяснялась расстроенным здоровьем уходящего министра. Чтобы ослабить политическое значение отставки, она была приурочена к отставке министра путей сообщения С.В. Рухлова, человека правых убеждений, действительно уходившего по болезни. И тем не менее, уход Кривошеина произвел сильнейшее впечатление как на союзную дипломатию, так и на общественное мнение, в особенности на думу. Для П.Н. Милюкова уход Кривошеина — логическое продолжение того пути, на который ступило правительство, отвергнув идею соглашения с прогрессивным блоком, которую отстаивал ушедший. По словам В.А. Маклакова, трагедия русских министров состоит в том, что, как только представитель власти начнет пользоваться некоторым доверием в обществе, сейчас же его положение становится неустойчивым. « Причина ухода для меня ясна : ведь ему доверяла дума ». По мнению Е.П. Ковалевского, уход А.В. Кривошеина — очень большая потеря для законодательных учреждений и для общества. Заслуга бывшего министра не в том только, что он первый провозгласил формулу о необходимости дружной совместной работы и для « нас » и для « них », но и проводил эту формулу в жизнь.

Другой депутат, А.М. Александров, считал, что Кривошеин никогда не был либералом, но уход его доказывает усиление реакции. «Как человек умный, бывший министр понимал, что победа России возможна только при единении власти с народными представителями. Есть основание предполагать, что именно эти его взгляды и послужили причиной его отставки». Для Ф.И. Родичева уход Кривошеина — новый шаг по пути, возведенному 3 сентября, в день роспуска думы б).

Правая пресса выражала свое удовлетворение, вернее свою бурную радость. «Отлегло», — так озаглавила свою передовицу «Земщина» (27 октября). — Благодарение Богу, Кривошеин сменен (...), в последнее время он внушал серьезную опасность поддержкой блока. Теперь эта опасность обезврежена. Та сила, на которую опирались все перебежчики, устранена и сломлена. Что могло бы грозить России, если бы осуществились происки врагов царя, проводивших Кривошеина в премьеры (...) Кривошеину мы обязаны всякими сомнительными назначениями (...). Необычно вредное влияние Кривошеина сказалось на последних выборах в Государственный совет. Сеть уполномоченных по закупке хлеба и фуража оказывала явное благоволение только тем земствам, которые выделялись своей прогрессивностью. Поэтому все, жаждавшие поставок, спешили перекрашиваться в цвет блока...» Объясняя этим давлением полевание выборщиков, газета надеялась, что это полевание исчезнет, когда исчезнут уполномоченные Кривошеина и когда правительство согласится сосредоточить операции по заготовке продовольствия в руках министра внутренних дел. В этих высказываниях отражаются претензии министра внутренних дел А.Н. Хвостова, одного из лидеров правых, инспирировавшего эти враждебные Кривошеину комментарии. Отношение правой печати к отставке министра земледелия вызвало такой отзыв умеренного провинциального органа «Приднепровский Край» (3 ноября): по его мнению, правая печать встретила отставку Кривошеина диким улюлюканьем, подобного которому пожалуй не было со времени отставки Витте. И действительно, та же «Земщина» писала: «Как своевременно пал Кривошеин, трудно даже себе представить до какой степени он был опасен, как мозг и душа необычайно дерзкой политической интриги, направленной против царя и всего русского народа». Правая газета намекала даже на участие бывшего министра в «чудовищном заговоре», о котором ей приходилось молчать «в условиях военного времени и строгой цензуры».

Умеренная печать, органы, близкие к октябристам, нацио-

налистам и беспартийным, более или менее примыкающим к прогрессивному блоку, писали по поводу ухода Кривошеина с симпатией к нему лично и его деятельности и выражали тревогу за будущее. Не ограничиваясь анализом значения его отставки в данной ситуации, газеты старались осветить значение его личности и его деятельности для всего исторического периода, в течение которого та и другая проявлялись. Некоторые, более левые, видели в его отставке подтверждение предрешенности конечной неудачи его попыток добиться, в условиях изжившего себя бюрократического строя, сотрудничества между «нами» и «ими».

В полном «черного юмора» диалоге «двух превосходительств» «Биржевые Ведомости» («Биржевка») (28 октября) подчеркивали иллюзорность таких попыток. «Н-да... Александр Васильевич... его афоризм "Мы и они" конечно войдет в историю, но это была с его стороны грамматическая ошибка, которая превратилась в ошибку политическую». В грамматике «Мы и они» никогда не сливаются и не могут слиться. «Мы» это первое лицо, «они» это третье лицо. «Мы» это всегда первое лицо и останется им в истории, в политике, а «они» останутся третьим лицом. Для одного из двух сандвичей, участников диалога, «Александр Васильевич» был вполне «наш». Он был «мы» не только по убеждению, но и по политическому происхождению. «Но он был... не странно ли, что о нем уже приходится говорить в прошедшем времени?.. он был умным человеком. Он видел "наше" банкротство, и там, где "они", он искал поддержки "нашего" кредита. Когда Александр Васильевич мечтал об объединении с "ними", то он не о них заботился, его не "они" занимали, а "мы". "Они" нам (т. е. бюрократам) конечно нужны, что "мы" без "них", но "они" полагают, что "мы" им не нужны, а можем только мешать. (...) Александр Васильевич был последним из "нас", который еще питал эту иллюзию возможности слияния двух фронтов, слияния "мы и они". Александр Димитриевич Самарин был последним из "них", который со своей стороны питал еще иллюзии (...) и знаете (...), я думаю, что это лучше, что они оба ушли, или что их обоих "ушли". Иллюзии в такие серьезные моменты вредны. Этот мост между "Мы и они", в сущности давно знакомое маниловское сооружение»...

Для «Петроградского Курьера» (28 окт.) проведение столыпинской реформы создало Кривошеину репутацию довольно нелестную в общественном смысле и крайне правые причисляли его к своим. «Последующая деятельность А.В. Кри-

вошеина, однако, далеко не оправдала надежды правых. А.В. Кривошеин остался консерватором, но определенно отгородился от реакции (...) будучи умеренным, но определенным конституционалистом. Он приближался более других наших бюрократов к типу европейского министра и не считал себя оторванным от общества. Если говорить о его политическом кредо, то оно лучше всего выражается в знаменитой киевской речи (...) В сущности это и было то, к чему стремилась и стремится вся страна и чего не хотят понять наши министры. А.В. Кривошеин не договорил только до конца. Конец этот значительно позже высказала дума, выразив пожелание создания правительства, пользующегося доверием страны. Но в своей деятельности в качестве министра земледелия А.В. Кривошеин действительно осуществлял стирание разницы между «мы и они» (...). Он вступил в полный контакт с земством и в своем ведомстве развил совершенно исключительную для наших масштабов деятельность (...). Важнейшая заслуга А.В. Кривошеина в этом отношении та, что ведомство стало организующим и руководящим органом, слившим свою деятельность с земством. Ведомство не только не тормозило, но всячески содействовало развитию земской инициативы и самодеятельности и здесь его роль была высоко культурной. (...) Деятельность ведомства была, в сущности, только первым робким шагом к слиянию власти и общества, переходной ступенью от оторванности бюрократии к будущей координации правительства и общества ».

Очень благоприятную характеристику ушедшего министра дало « Утро России » (28 октября), орган левого крыла московского купечества, очень далекого по настроению от более консервативных кругов, близких к Кривошеину. Пером П. П. Рябушинского газета имела обыкновение подвергать царское правительство беспощадной критике. « Консерватор в лучшем смысле этого слова, Кривошеин счел невозможным для себя пребывать долее в составе нынешнего правительства. Человек несомненного такта отказался от активной государственной деятельности. (...) В переживаемые нами дни Кривошеин сосредоточил на себе определенные, наболевшие чаяния умеренно прогрессивных слоев русского общества. В нем усматривали определенные признаки того конституционного министра-монархиста, которым не удосужилась побаловать нас наша хмурая, себе на уме, действительность. Кривошеин стоял за компромисс по отношению к общественным пожеланиям. Именно за компромисс, не за капитуляцию власти перед обществом. Отставка Кривошеина является красноречивым

доказательством того, что ни к каким компромиссам нынешнее, стоящее у власти правительство не склоняется ».

Другой московский орган, умеренно-оппозиционное « Русское Слово » (28 октября) напоминал, что « еще не так давно А.В. Кривошеина считали человеком определенно правых убеждений (...). С течением времени отношения между правыми и Кривошеиным систематически ухудшались. Вместе с тем перемещались симпатии к зеленому ведомству и его руководителю справа налево ». По словам газеты, после речи на тему « Мы и они » всякая связь между Кривошеиным и правым крылом думы была порвана. Программное заявление бывшего министра нашло горячий отклик не только в думе но и в стране. Кривошеин стал считаться с тех пор естественным посредником между обществом и правительством. Влияние бывшего министра достигло своего зенита в начале войны, когда Кривошеин принял на себя посредничество между умеренными кругами думы и правительством. Немало усилий приложил Кривошеин, стараясь убедить правительство пойти навстречу обществу и доказывая представителям думы нежелательность резкого конфликта с властью.

Отношение кадетской прессы к отставке Кривошеина отражало двойственное отношение партии народной свободы к личности ушедшего министра : частичное признание положительного характера его политической роли и в то же время некоторое злорадство по поводу его конечной неудачи. В отношении кадетов к министру, с абсолютной ясностью сознававшему необходимость не игнорировать общество, всегда сказывалась известная злопамятность : — партия не прощала ему успеха его земельной политики, позволившей правительству обойти земельную программу кадетов, Каковы бы ни были либеральные тенденции Кривошеина, его считали виновником неудачи партии в аграрном вопросе и, в лучшем случае, готовы были примириться с его кандидатурой в премьеры, как с единственно возможной в условиях существующего строя, что и случилось в начале сентября 1915 г. И все-таки, по определению « Речи », он был « героем не их романа » и его неудача только наглядно подтверждала убеждение партии о полной неспособности перерождения бюрократического строя.

Для « Речи » (27 октября) причина конечной неудачи Кривошеина кроется в его нерешительности. « В Кривошеине стали видеть кандидата в премьеры. Горемыкин прислушивался к мнению Кривошеина и совещался с ним. Вскоре за ним установилась репутация фактического премьера (...).

Популярность Кривошеина все возрастала и даже в общественных кругах его кандидатура в премьеры стала считаться приемлемой, но слабой стороной Кривошеина оказалась его нерешительность. В самые серьезные моменты он останавливался, не рискуя на решительную ставку (...), считая, что этот пост ему прочно обеспечен (...). Время шло, настроение, под влиянием решительных обстоятельств, менялось, а Кривошеин не замечал, что постепенно терял популярность; Горемыкин все реже стал с ним совещаться. Незадолго до роспуска думы Кривошеин заметил падение своего влияния и обстоятельства сложились так, что он вынужден был заявить себя определенно против премьера, ведя кампанию под флагом стремления к недопущению роспуска (...). Кампанию против роспуска думы он вел энергично и успел добиться облечения этой кампании в довольно серьезную по бюрократическим понятиям форму. Во всей деятельности Кривошеина это была едва ли не самая серьезная ставка, но он сделал ее, когда уже давно ослабело его влияние. Ставка была бита, и он сразу продвинулся к отставке, о которой уже сам подал недавно прошение »...

По мнению влиятельного московского кадетского органа « Русские ведомости » (28 октября), « если бы отставка А.В. Кривошеина произошла несколько месяцев тому назад, то она могла бы считаться крупным событием нашей политической жизни (...). С его именем связывалась известная политическая комбинация, занимавшая как бы промежуточное место между сохранением строго бюрократического курса и осуществлением общественных пожеланий относительно министерства, опирающегося на доверие страны.

Теперь, после того как борьба различных течений внутри кабинета кончилась столь определенной победой И.Л. Горемыкина, после отставки кн. Н.Б. Щербатова, А.Д. Самарина и назначения А.Н. Хвостова, выход из состава правительства А.В. Кривошеина представляется скорее естественным завершением уже произведенной реорганизации министерства, нежели указанием на какой-либо новый поворот ».

История министерской карьеры Кривошеина, по словам газеты, не лишена интереса и, в известной степени, и поучительности. « В то время как он вступил впервые в состав правительства Столыпина, на него смотрели, главным образом, как на « излюбленного человека » дворянско-землевладельческих кругов, влиянию которых приписывалось преимущественно его возвышение. Он имел репутацию человека вполне « правого » образа мыслей ». Однако министр сумел в

одном отношении провести в выгодном для себя смысле разграничительную черту между собой и другими предметами преклонения правых публицистов. Он не только не вносил в ведомственную деятельность никакого боевого задора по отношению к общественности, а, напротив, старался направить ее в духе сотрудничества с земством. Это доставило ему ту репутацию «благожелательного» по отношению к обществу министра, с которой стоит в связи политическая роль, сыгранная им во время войны. Кривошеин «оказался политически более дальновидным чем большинство его товарищей по кабинету. Он понял еще до войны, что предпринятый Столыпиным и продолжаемый по инерции внутренне-политический курс нуждается, по крайней мере, в некоторых смягчениях, иначе ему грозит явное и резкое столкновение с элементарными и очевидными для всех интересами государства. Это сознание необходимости какого-то поворота нашло себе отражение в нашумевшем в свое время заявлении о том, что нужно уничтожить противоположение между понятиями "Мы и они", между правительством и обществом.

Разразившаяся война с ослепительной яркостью выявила пагубность того противоположения, против которого еще до войны собирался бороться А.В. Кривошеин». Он был самым деятельным членом той группы министров, которая стояла за сближение с обществом. Газета напоминает здесь об увольнении реакционных министров в июне 1915 г. «В течение первого года войны неоднократно возникали слухи о назначении А.В. Кривошеина председателем Совета министров, и было время, когда призыв его к высшему руководству правительственной политики был учтен, по крайней мере в некоторых общественных кругах, как определенный шаг правительства навстречу обществу, но тогда его назначение не состоялось, а позднее общество окончательно утратило веру в возможность достигнуть действительного изменения курса путем передвижений в среде высшей бюрократии.

Подводя итог политическому поприщу А.В. Кривошеина, нельзя не отметить резкого несоответствия между тем значением, которое ему приписывалось, и реальными результатами его участия в составе высшего правительства. Судьба А.В. Кривошеина в этом отношении весьма характерна и типична. Это неизбежная и роковая судьба того бюрократического «либерализма», который не имеет определенной программы и, в сущности, не идет дальше неопределенной и расплывчатой «благожелательности» к общественным силам. А.В. Кривошеин понимал, что противоположение между «Мы и

они » нужно если не уничтожить, то смягчить, но он, по-видимому, не уяснил себе, что выполнение этой задачи невозможно без продуманной и определенной программы, согласованной с общественным мнением. А.В. Кривошеин такой программы не имел.

Неудача А.В. Кривошеина показала также, что для осуществления единения между правительством и общественными силами недостаточно одной доброжелательности по отношению к общественным организациям, что для этого нужна та реальная связь с ними, которая дается лишь активной работой на бессословном общественном поприще ».

В другом комментарии отставки Кривошеина та же газета пишет : « к.д. и прогрессисты никогда не одобряли земельной политики А.В. Кривошеина. Они всегда энергично боролись против нее, но они смотрят на его отставку как на победу того направления, которое представляет в Совете министров И.Л. Горемыкин. Особенно удручены этой отставкой октябристы, которым была вполне по душе земельная политика А.В. Кривошеина и которые горячо желали его видеть на посту премьера »...

Интересное и относительно верное описание политической эволюции Кривошеина давала либеральная « Киевская Мысль » (28 октября), приписывая его анонимному члену думы, принадлежащему к правому крылу прогрессивного блока. В нем излагается восхождение Кривошеина благодаря его крайне правым симпатиям и связям и его постепенная эволюция влево, его уклон от непримиримой реакции, приведший его к ожесточенной борьбе с Маклаковым и Щегловитовым. « В результате этой борьбы оба министра ушли и этот момент надо считать моментом наивысшего подъема влияния и могущества Кривошеина. Можно сказать, что в этот момент Кривошеин был фактическим руководителем политики правительства (...). У Кривошеина стали устраиваться политические совещания, на которых, кроме министров-единомышленников, бывали и депутаты, включая некоторых кадетов ». Оптимистическим надеждам Кривошеина о примирении народного представительства с бюрократией не суждено было осуществиться. Автор интервью — или сама газета — дает такую оценку политической фигуры Кривошеина : « После Столыпина, если не считать Витте, который стоял особняком, А.В. Кривошеин является самой крупной фигурой бюрократического мира. Это человек большого ума и большой энергии и инициативы. При таких качествах, у А.В. Кривошеина не было лишь большого духа, необходимого

для крупного государственного деятеля. У него не хватало достаточно силы воли для того, чтобы войти в разрыв с тем, что было противным его личным убеждениям, и этим объясняется вся драма его, как государственного деятеля».

Можно отметить что такого рода характеристика политической фигуры Кривошеина не является одинокой.

Добавлю, что отец получил огромное количество писем с выражением сочувствия, в частности от занимавших очень скромные должности сотрудников ведомства в отдаленных провинциях.

Кривошеин не захотел оставаться в такое время без дела в Петрограде и неизбежно стать центром политических интриг. Он не считал возможным оставить государственную службу и работать в частной промышленности, хотя в этой области у него было бы только затруднение в выборе. Он предпочел применить свой опыт в организации помощи раненым и принял сначала должность особоуполномоченного Красного Креста при 7-й армии (в Галиции), а затем уже главноуполномоченного всего Западного фронта 7). Развивающиеся события он наблюдал с растущим пессимизмом. На все сообщения петроградских новостей Тхоржевский обычно получал лаконичский ответ: *Credo quia absurdum* 8). У него слагалась уверенность в предстоящем крахе не только царской власти, но и всего существующего уклада. Как-то раз, когда один из его сыновей, при производстве в офицеры гвардии, в числе прочего обмундирования заказал себе и офицерскую серую шинель «мирного времени», он не без раздражения реагировал: «Неужели ты не понимаешь, что никто и никогда в России не будет больше носить этих форм «мирного времени»?».

Свое убеждение в неминуемой близости революции он не скрывал от некоторых своих ближайших сотрудников по Красному Кресту еще в конце 1915 или начале 1916 г. 9).

В марте 1916 г. Штюмер передавал императрице слух о том, что великий князь Николай Николаевич хотел взять Кривошеина в качестве помощника. Слух был необоснован, но вызвал раздражение и беспокойство Александры Федоровны, выраженное в письме своему супругу от 10 марта: «...он должен представлять интересы Н., когда это нужно, в думе и Государственном совете и было бы невозможно дать такое назначение К(ривошеину). Это было бы губительно для Кавказа, он умнее, чем кто бы то ни было, и теперь не стесняется в средствах. Он друг Н.Н. и толстого Орлова и Янушкевича, — это было бы ужасно. Так как тебе придется утвердить это

назначение, я тебя предостерегаю. Безумие со стороны Н. брать человека, которого ты уволил и который тогда так навредил во всем».

В одно из своих служебных пребываний в Киеве он был приглашен к завтраку императрицей Марией Федоровной, запросто 10). Вдовствующая императрица любила и уважала Кривошеина. Она отличалась исключительной простотой в своем гостеприимстве и, как добрая хозяйка, сама подкладывала блюда своему гостю. Но непринужденный разговор проходил в мрачных тонах. «Невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общественного мнения», — говорила Мария Федоровна, а в конце завтрака, выражая свою тревогу, что Александра Федоровна своим личным действием подготавливает себе трагическую судьбу, она несколько раз повторяла:

«Elle est folle cette femme, elle est folle!»

Почти накануне революции Кривошеин возвращался к попыткам искать соглашения между прогрессивным блоком и представителями «бюрократии», помимо правительства. Так 19 января 1917 г., московское охранное отделение доносило 11), что Кривошеин, Бобринский и Танеев — последнее не может не удивить, принимая во внимание, что Танеев был отцом Вырубовой — вели переговоры с блоком, в частности с В.А. Маклаковым и гр. Д.А. Олсуфьевым. 22 января 1917 г. «Утро России» опубликовало две страницы, не представленные цензуре, посвященные «министерству национальной обороны». В статье «Перед новой властью» М. Загорский, ставил точки над «и» и формулировал условия сделки: «Пока мы удовлетворились бы кабинетом из общественных деятелей с участием даже Сазонова и Кривошеина» 12), между тем «Утро России» представляло крайне оппозиционную группу московского купечества и его издатель, П.П. Рябушинский, должен был покинуть в ноябре 1916 г. председательство московского биржевого комитета вследствие крайности своей оппозиции.

Несмотря на всю тревогу о будущем, за несколько недель до революции Кривошеин еще не думал, что она вспыхнет как раз в этот именно момент, как впрочем и сто процентов политических и даже революционных деятелей тех дней. Зато он был обеспокоен за жизнь Александры Федоровны вследствие пропаганды, которая велась против нее в армии 13).

1) «Падение царского режима», т. 4, стр. 200, показания Белецкого.

2) « Перед обвалом », газета « Возрождение », Париж, 22 февраля 1935 г.

3) Николай II вернулся в Царское 21 сентября 1915 г.

4) Тхоржевский, газета « Возрождение », 22 февраля 1935 г., подтверждается рассказом О.В. Морозовой.

5) Тхоржевский, ук. статья.

6) « Русское Слово », 28 октября 1915 г.

7) За личное руководство эвакуацией раненых под обстрелом Кривошеин был награжден Георгиевской медалью. Эта лишенная политического привкуса деятельность была поставлена ему в упрек в Царском : по показанию Белецкого (« Падение... », т. 4, стр. 291), Вырубова, несмотря на то, что ее мать, Танеева, была в дружественных отношениях с сестрой Кривошеина, О.В., считала подозрительным значение этой деятельности, видя в этом переход бывшего министра в лагерь противников императрицы. Впрочем и сама Танеева распространяла подобные слухи, дошедшие до императрицы (письмо Государыни от 10 ноября 1916 г. « мадам Танеева громко сказала, что Игнатьев, Кривошеин и т. д. собираются Протопопову сломать шею и сделают все, чтобы иметь успех »).

8) « Былое и люди », газета « Возрождение », Париж, 30 ноября 1932 г.

9) C. de Grunwald « Nuits blanches de St. Pétersbourg », Париж, 1965 г. (« Однажды, во время продолжительной поездки на автомобиле он говорил мне о будущем России и о революции, казавшейся ему совсем близкой и неизбежной »).

10) Барк (« Воспоминания », « Возрождение », июль 1966 г., № 175), передавая частично этот разговор, ошибался, думая, что он происходил в Петрограде. Я дополнил этот рассказ по семейным воспоминаниям.

11) Дякин, ук. соч., стр. 267.

12) Там же, стр. 250 и 293.

13) Барк, « Воспоминания », « Возрождение », февраль 1967 г., № 182.

ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ

(Кривошеин и А.Н. Наумов)

В своих воспоминаниях Наумов, говоря о продовольственном вопросе, утверждает, что, приняв в свое заведование министерство земледелия, он увидел, «что та ужасающая обстановка, которую он встретил в унаследованных от Кривошеина продовольственных делах, превзошла все мои опасливые предположения » 1).

Такое категорическое и полемическое утверждение несколько удивляет и требует внимательного рассмотрения.

Если разобраться в утверждениях Наумова по существу, то сразу станет ясно, что дело идет о двух противоположных и взаимоисключающих политиках снабжения продовольствием и что Наумов связал свое имя с той, которая основывалась на твердых, заниженных ценах и широком вмешательстве государства в организацию снабжения; для выполнения этой политики он и был проведен на министерский пост министром внутренних дел А.Н. Хвостовым. К Наумову был хорошо расположен знавший его давно Государь, но решающую роль сыграли А.Н. Хвостов и Белецкий, проводившие тщательно подготовленную акцию, к которой привлекли и Вырубову, при пассивном отношении к этому самого Наумова. Инициатива принадлежала не ему, он долго колебался, боялся скомпрометировать себя близостью некоторых своих покровителей к Распутину, но в конце концов перспектива назначения на министерский пост ему понравилась, несмотря на то, что к игравшему большую роль в этом назначении Белецкому он относился глубоко отрицательно, даже презрительно 2).

Кривошеин же был сторонником противоположной политики снабжения: он понимал, что более чем несовершенный русский государственный аппарат, при общей экономической отсталости и низком уровне чувства гражданского долга у населения, не был в состоянии взять на себя все дело снаб-

жения населения, — с этой задачей в периоды кризиса не сумели впоследствии справиться и гораздо более развитые государства. Он считал, что введение пониженных твердых цен приведет в периоде инфляции только к исчезновению таксируемых продуктов. Дальнейшее показало, что он был прав. А потому он воспротивился государственному продовольственному плану, защищаемому назначенным 26 сентября 1915 г. министром внутренних дел А.Н. Хвостовым 3). Это-то и вызвало ту сложную закулисную интригу, закончившуюся назначением Наумова на его место. Когда Наумов вступил в управление министерством, то Кривошеин в разговоре с ним так определил свою продовольственную политику: а) «Важно не то, по какой цене добываются продукты, а лишь бы в них не ощущалось недостатка» и б) «все дело сводится к тому, чтобы вместо всяких измышлений найти дельного министра путей сообщения» 4).

Нужно иметь в виду, что Россия не только не испытывала тогда недостатка в хлебе, но в 1915 г. в одной Европейской России, избыток по сравнению с его потреблением достигал 881,5 милл. пудов, не говоря о крупных запасах в Сибири (около 300 милл. пудов); в 1916 г., перед новым урожаем, хлеба оставалось еще 402 милл. пудов 5).

Все затруднения, приведшие в феврале 1917 г. к революции в Петрограде, были основаны на дезорганизации транспорта и на последствиях инфляции: понижение покупательной способности денег не поощряло доставки сельским населением хлеба в города. Заниженные же твердые цены могли только остановить его приток или же создать черный рынок.

Вот что пишет П.Л. Барк о положении продовольственного дела накануне ухода А.В. Кривошеина 6): «Программа продовольственной кампании, выполнялась местными агентами министерства земледелия, начиная с 1 августа, когда заканчивалась уборка урожая. Программа устанавливалась Особым совещанием при министре (...). Перед кампанией 1915 г., при Кривошеине, была установлена система твердых цен для всех закупок на местах (...) несколько выше рыночных 7). В результате, агенты организованной частной торговли могли исподволь заготовить запасы по рыночным ценам и агенты министерства земледелия свободно выполнили намеченную программу, в большинстве случаев по ценам ниже установленных твердых.

Политика Наумова, установившего заниженные твердые цены 8), и А.Н. Хвостова, а затем преемника Наумова, гр. А.А. Бобринского, дала, однако, совершенно другие резуль-

таты. Под влиянием представителей законодательных учреждений, входивших в состав совещания и приписывавших вздорожание цен проискам спекулянтов, а не инфляции, были введены низкие твердые цены на хлеб, совершенно не соответствующие рыночным, в результате чего товар исчез с рынка и план продовольственной кампании не мог быть приведен в исполнение.

1) Наумов, воспоминания, т. 2, стр. 467.

2) Там же, т. 2, стр. 188-193, Белецкий был вице-губернатором в Самаре. «Падение царского режима», т. 4, стр. 200 и след., показания Белецкого; там же, т. 6, стр. 85, показания Хвостова.

3) «Падение царского режима», том VI, стр. 84, показание Хвостова.

4) А.Н. Наумов, Воспоминания, т. II, стр. 347 и 359.

5) Анфисов, «Русская деревня в годы первой мировой войны» стр. 306 и 309; Москва, 1962 г.

Согласно с сельскохозяйственной переписью 1916 г. размер посевной площади был тогда на 20-25 % выше площади, необходимой для удовлетворения потребности населения; в том же 1916 г. сбор четырех важнейших хлебов равнялся 3.336 милл. пудов при потребности в 2.643 милл. пудов (Записка Родзянко на Высочайшее имя в феврале 1917 г. «Красный Архив», т. 3, стр. 73).

6) П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение» № 181, 1967 г.

7) Нечто подобное — установление твердых цен выше рыночных — было с успехом проведено Х. Шахтом в Германии, во время войны 1939 г.

8) Воспоминания, т. II, стр. 392, речь в Государств. думе 18 февр. 1916 г. Барк, ук. журнал, № 178, стр. 102.

ВЛИЯНИЕ РАСПУТИНА И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Распространенное представление о решающем влиянии Распутина на царскую политику страдает чрезмерным преувеличением. Все более и более становится очевидным, что направление, взятое этой политикой в сторону систематического игнорирования общества, было взято независимо от Распутина и что созданная самим монархом изоляция престола вызвала у общества это представление. Император Николай II ошибался, но ошибался следуя больше « велениям своей совести » т. е., по его убеждению, указаниям свыше, чем настояниям императрицы и Распутина.

Влияние « нашего Друга » было ничтожным в области политики до осени 1915 г., более чувствительным, но вовсе не решающим в происшедших в сентябре 1915 г. переменах в кабинете. Если для назначения А.Н. Хвостова министром внутренних дел императрице пришлось преодолеть известное сопротивление Государя 1), то нельзя забывать, что Хвостов был не раз кандидатом последнего начиная с 1911 г. То же самое применимо и к Штюрмеру, назначение которого главой кабинета 20 января 1916 г. было поддержано митрополитом Питиримом. Что касается до смены командования, то хотя это и отвечало желанию императрицы и Распутина, решение о нем было принято царем независимо от их влияния, следуя его « внутреннему голосу », что и подтверждает царское письмо от 3 августа Государыне. В дальнейшем распутинское влияние хотя и возрастало, но перечисление случаев, когда оно не приводило к желанному результату или просто игнорировалось, показало бы его неустойчивость. Характерно, что увольнение Штюрмера с поста премьера 10 ноября 1916 г. произошло против воли императрицы и Распутина, который только считал Штюрмера неподходящим министром иностранных дел из-за его немецкой фамилии (а потому и назначение Штюрмера во главе этого ведомства не отвечало желанию старца) 2). Назначение А.Ф. Трепова главой правительства

абсолютно противоречило желанию Александры Федоровны, которой, зато, удалось добиться оставления А.Д. Протопопова управляющим ведомством внутренних дел. Однако создается впечатление, что с этого момента *) и до убийства Распутина 16 декабря 1916 г. влияние старца тормозится, так как многие пожелания императрицы игнорируются³); напротив, шок вызванный убийством это влияние посмертно усилил — «залежавшиеся» просьбы удовлетворяются. Но помимо эмоциональной мотивировки (смягчить огорчение Государыни), потребность искать опору только во все более и более узком и непопулярном кругу «преданных» людей коренилась в уверенности, что царь, а не общество или народ, является выразителем Божественного Провидения, а потому только он один прав. Недаром Николай II ответил 30 декабря 1916 г. Бьюкенену, напоминавшему ему о необходимости заслужить доверие народа, «а не так ли обстоит дело, что моему народу следовало бы заслужить мое доверие». В этих словах — ключ к пониманию царской политики по отношению к обществу, в особенности с осени 1915 г. Отдельные уступки делались, но царская политика в этой области руководилась гораздо больше мистической уверенностью быть выражением Промысла Божьего, чем влиянием Государыни или Распутина.

**
*

Но если активное участие Распутина в делах правления было далеко от приписываемого ему значения, то старец представлял грозную силу, когда велась борьба с его близостью к царской семье. Николай II воспринимал нападки на Распутина, как враждебный акт по отношению к императрице, как желание опорочить доброе имя царской семьи. А потому, тактика Кривошеина по отношению к «старцу» была очень проста: не иметь с ним никаких контактов, не допускать его к себе, но воздерживаться от представлений Николаю II о его вреде, так как они приводили к обратным результатам. Император Николай II, как многие слабохарактерные люди, вероятно ощущая где-то в своем подсознании, что в нападках на старца не все было выдумкой, упорно не хотел признаться в этом и начинал отрицательно относиться к тем, кто старался его переубедить.

Как то раз, после убийства Столыпина, Кривошеин сказал

*) 14-15 ноября.

А.И. Гучкову 4) : « Я Столыпину не раз говорил : Вы сильный и талантливый человек, но предостерегаю вас, не боритесь с Распутиным и его приятелями, на этом вы сломитесь. Он моего совета не послушался и вот результат ».

Кривошеин не имел личных общений с Распутиным. Белецкий, в своих показаниях 5) сообщил, что когда он как-то спросил Распутина, знал ли он А.В. Кривошеина, то Григорий ответил, что « виделся с ним », но сейчас же разговор перевел на другую тему. « В мое время », заявил Белецкий, « в сводке филерских донесений, насколько я теперь припоминаю, об этом посещении не упомянуто ». Между тем, Распутин оставался под наблюдением во все часы дня и ночи.

Распутин настолько не имел обыкновения обращаться к моему отцу с рекомендациями, что когда это случилось в первый и последний раз в 1915 г., то это вызвало сенсацию в нашем семейном кругу. Распутин послал отцу двух инженеров с запиской : « Милой дорогой простите за странность и за беспокойство воля светая все страждующи а идуть надеюсь успокоите дадите трудь Григорий Распутин ». « Что это ? » сухо сказал им отец, « это к делу не относится », чем вызвал у них заметное смущение. Не дав им никакого определенного ответа, он положил дело под сукно, а записку оставил на память.

В переписке Александры Федоровны с царем, упоминание о Кривошеине никогда не связывается с именем Распутина, но вся отраженная в ней атмосфера указывает на полное противоположение влияния Кривошеина и влияния, которое императрица стремилась оказать на своего супруга, основываясь на мнении старца. Так, в письмах, написанных после 10 июня 1915 г. (до этого она мало касалась внутренней политики), критикуются главным образом министры, назначенные под влиянием Кривошеина (А.Д. Самарин, кн. Н.Б. Щербатов и ген. Поливанов), и другие министры, согласные с ним, а не с Горемыкиным. « Поливанов, не враг ли нашего Друга — это ведь приносит несчастье » (письмо от 12 июня 1915 г.); Распутин справлялся о возможности назначения Самарина и советовал « не уступать другим ». Самарин « против нас, раз он против Друга » (15 июня); когда Григорий услышал о назначении Самарина « он был в полном отчаянии (...) Щербатов, я уверена, будет с ним заодно » (16 июня). После Совета министров 14 июня в Ставке, когда, по предложению Кривошеина, решено было ускорить созыв думы, Александра Федоровна напоминает (17 июня), что « Друг » просил несколько раз созвать ее позже.

Полное отсутствие отношений между Распутиным и Кривошеиным убедительно показывает, сколь не всеобъемлющим было влияние Распутина. Многолетний глава одного из важных ведомств, « фактический премьер », мог не иметь личных или деловых сношений со старцем, без того чтобы это отразилось на его служебном положении.

1) Письмо Александры Федоровны Государю от 2 марта 1916 г.

2) Ее письмо от 9 ноября 1916 г.

3) Например, не увольнять гр. А.А. Бобринского, министра земледелия, заменить А.А. Макарова, министра юстиции, Н.А. Добровольским, генерала Д.С. Шуваева генералом М.А. Беляевым, прервать думскую сессию до 14 февр. 1917 г., а не до 12 января; к этому можно прибавить постоянные выпады против А.Ф. Трепова. После убийства, эти пожелания исполняются.

4) « Воспоминания » А.И. Гучкова, « Последние Новости », Париж, 6 сент. 1936 г.

5) « Падение царского режима », т. 4, стр. 203.

Роль Распутина ясно освещается в готовящемся к выходу у Fayard в Париже французскому труду М.Н. Эндена на эту тему.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В еврейском вопросе Кривошеин придерживался чисто фактической, не эмоциональной точки зрения и был одинаково далек от предвзятого антисемитизма или филосемитизма. В своем ведомстве, следуя исключительно критериям деловности, он выдвигал и лиц «иудейского вероисповедания», если они оправдывали его доверие. Он понимал, что существовавшие ограничения по отношению к евреям в связи с чертой оседлости приносили больше вреда, чем пользы во внутренней политике и определенный вред во внешней. Он, как и Витте, был сторонником упразднения этой черты в городах — по мнению Витте, это упразднение было бы равносильно разрешению еврейского вопроса в России. Но и в этой области воззрения Кривошеина следовали определенной эволюции прагматического характера, согласно с тем, как проблемы ставились самой жизнью. Кривошеин был сторонником ограничения права анонимных акционерных обществ приобретать земли в сельских местностях, в частности же, образования посредством таких компаний крупного еврейского землевладения. После 1906 г. акционерные общества, владевшие землей в местностях, закрытых для еврейского землевладения, обязывались иметь в качестве заведующих этими землями только лиц неиудейского вероисповедания, тогда как для членов правления и директоров ограничений не было предусмотрено. Вопрос об акционерных компаниях был поднят на заседании Совета министров 9 апреля 1913 г. помощником Кривошеина А.А. Риттихом, который обратил внимание Совета на то, что образование акционерных компаний, владеющих тысячами, а иногда десятками тысяч десятин, «создаст в сельских областях новую экономическую силу, влияние которой на существующее землевладение, так и на сельскохозяйственный труд вообще, весьма гадательно, судя же по опыту некоторых западных стран, — прямо вредно» 1). Кроме того, учреждение некоторых акционерных обществ было на-

правлено, путем обхода запретительных правил, исключительно к возникновению обширных еврейских землевладений. Вопрос был рассмотрен Особым междудементственным совещанием под председательством П.Л. Барка, тогда товарища министра торговли и промышленности. Заключение совещания были обсуждены Советом министров на заседаниях 3 января и, уже после отставки Коковцова, 27 марта 1914 г. Разработанное Советом положение получило царскую санкцию 18 апреля 1914 г.

Решение Совета министров, принятое против голосов крайне правых членов, Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и Л.А. Кассо, и носившее характер компромисса между более или менее стеснительными тенденциями, несомненно отражало взгляды игравшего тогда ведущую роль в кабинете (« фактического премьера ») Кривошеина. Было признано, что спекулятивная скупка земли акционерными компаниями в расчете на последующую распродажу по мере возвышения ее рыночной стоимости способствует стремительному росту земельных цен, что может нанести существенный ущерб интересам земледельческого населения, затруднив проведение земельной реформы. Утверждалось, что крупное акционерное землевладение было скорее вредным для государства, чем полезным. Ввиду этого право акционерных компаний на приобретение земли ограничивалось размером в 200 десятин; на покупку больших площадей требовалось разрешение правительства 2).

В то же время, чтобы избежать неверных толкований, подчеркивалось, что по отношению к промышленности правительственная политика основывалась на противоположной точке зрения. Утверждалось 3), что « дальнейшее расширение отечественной промышленности является одной из насущнейших государственных потребностей » и что цель эта может быть достигнута « лишь путем открытия свободного доступа капитала к нашей промышленности. А так как сколько-нибудь крупные предприятия действуют теперь в виде акционерных компаний, то указанная цель сводится (...) к облегчению притока капитала именно к акционерным предприятиям ». Эта принципиальная точка зрения правительства, вполне отвечавшая отрицательному отношению правительства к « национализации » кредита 4), отразилась и на решении не стеснять участия евреев в акционерных компаниях, владеющих земельной собственностью. Зато ограничивались права евреев по руководству компаниями, приобретавшими землю с целью ее эксплуатации — евреи не допускались в состав администра-

ции. Меньшие ограничения касались компаний, приобретающих землю в негородских местностях исключительно для возведения необходимых сооружений.

Кривошеин был сторонником участия крупного капитала в освоении азиатских владений России — в большей мере чем Столыпин; разумеется, он был сторонником свободного притока капиталов, отечественных и иностранных, в промышленность, зато в земледелии его поддержка шла «крепкому мужику» («кулаку» и зажиточному «середняку»), а также «культурному», индивидуальному помещичьему землевладению, а не анонимному капиталу. Проникновение в деревню часто спекулятивного еврейского капитала затруднило бы успех землеустроительной реформы в области покупки крестьянами помещичьих земель и создавало риск, хотя бы в плане социального антагонизма, появления антисемитизма в сельских местностях Великороссии, где это явление было, в сущности, неизвестно. Однако здесь Кривошеин ошибся, считая, что можно одновременно поощрять свободный доступ капиталов в промышленность, независимо от национальности и вероисповедания, и вводить ограничения развития капитализма, в частности еврейского, в земледелии. Денежный рынок един и неудивительно, что ограничения прав акционерных компаний владеть землей вызвали бурю протеста всех финансовых промышленных кругов. В целях успокоения правительство выступило в прессе с официальными разъяснениями. Так, после совещания Барка с руководителями коммерческих банков 29 апреля в «Новом Времени» от 30 апреля, сообщалось «из вполне осведомленного источника», под названием «Акционерные компании и евреи», что положение Совета министров «не только не устанавливает новых ограничений в отношении права акционерных обществ на владение недвижимостью, но, напротив того, несколько облегчает приобретение этого права, ставя его в известных пределах вне зависимости от заключений отдельных ведомств». Что касается евреев, то ограничения, запрещающие евреям владеть недвижимостью вне городов, уже включаются в уставы начиная с 1892 г. Однако успокоения не наступило, телеграммы 8-го съезда представителей промышленности и торговли (5 мая Горемыкину, в Ливадию, где он был с докладом у Государя) 5) и других организаций, а также записка Совета съездов представителей промышленности и торговли от 21 июня доказывали, что ограничения отразятся и на привлечении иностранных капиталов в промышленность и являются угрозой резких потрясений для последней 6). Председатель совета Русского

для Внешней Торговли Банка, бывший министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, критикуя недопущение евреев к руководству обществ, владеющих земельной собственностью коих они были акционерами, утверждал, что «естественно, что тот кто дает капиталы, хочет иметь возможность контроля над их расходом» 7). Кривошеин понял значение протестов промышленных и финансовых кругов и, хотя он сам считал себя не финансистом, сделал соответственный вывод. В середине июля 1914 г. Горемыкин, близко следовавший тогда советам Кривошеина, представил в согласовании с ведомством торговли и промышленности доклад о приостановлении действий правил 18 апреля Николаю II, который утвердил 16 июля это решение. Указывалось на то, что эти правила отразились весьма стеснительным образом на положении акционерного дела и что последовавшее осложнение международных отношений еще обострило это стесненное состояние 8).

Военные неудачи и политика Ставки поставили еврейский вопрос уже в полном объеме, а не только в плане законодательства об акционерных компаниях. Насильственная эвакуация еврейского населения в нечеловеческих условиях в глубь страны летом 1915 г. послужила поводом для этого. «Евреи, которых вопреки неоднократным указаниям Совета министров поголовно гонят нагайками из прифронтовой полосы (...) вся эта еврейская масса до крайности озлоблена и приходит в районы нового водворения революционно настроенною». Так резюмирует сведения, полученные Советом министров 30 июля 1915 г. помощник управляющего делами этого учреждения А. Н. Яхонтов 9). Помимо внутренних осложнений, эта политика вызвала возмущение в союзнических и нейтральных финансовых кругах и серьезные затруднения в области внешнего кредита России. Кривошеин настаивал на заседании 4 августа 10) на разрешении евреям беженцам селиться в городах вне черты оседлости, причем, переходя от частного к общему и желая извлечь пользу из необходимости, он стал защищать решение вопроса в целом. «Неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу. И чем скорее, тем лучше (...) не тащиться надо в хвосте событий, а предупреждать их, брать руль в руки». Для него (заседание 6 августа) допущение евреев в города «полезно не только с политической, но и с экономической точки зрения. Интерес народного хозяйства и особенно нашего захиревшего центра давно уже требует привлечения туда широкой предприимчивости. Перенос с западных окраин еврейских пред-

приятий даст толчок развитию промышленности и обеспечит подъем местной жизни. Нельзя все наше будущее строить на одном только земледелии. На этом мы далеко не уедем, особенно когда наступит время ликвидации экономических и финансовых последствий войны. Евреи встряхнут сонное царство и растревожат изленившееся на покровительственной системе русское купечество. Они быстро создадут конкуренцию там, где безраздельно господствуют несколько фирм, заставят переходить от старозаветных приемов хозяйства к более совершенным ».

« Будемте спешить. Нельзя вести войну сразу с Германией и с еврейством » 11).

1) Л.Е. Шепелев, « Царизм и акционерное учредительство в 1870-1910-х годах », сборник « Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России », Академия наук СССР, Ленинград, 1972, стр. 304, составлено по документам Ц.Г.И.А., ф. 1276.

2) Там же, стр. 310. Кривошеин вернулся из Италии 3 апреля и не участвовал в заседании 27 марта, но его точка зрения была представлена А.А. Ритихом.

3) Там же, стр. 311.

4) См. примечание 51 к главе « Конфликт с Коковцовым ».

5) « Новое Время », 6 мая 1914 г.

6) Шепелев, стр. 314.

7) « Новое Время », 6 мая. Характерно, что Барк, очевидно предвидя бурю, воздержался от участия в голосовании в вопросе ограничений на заседании 27 марта.

8) Шепелев, стр. 315.

9) А.Н. Яхонтов, « Архив русской революции », Берлин, 1926 г., т. 18, стр. 32.

10) Там же, стр. 45.

11) Там же, стр. 47.

Близкие родственные связи Кривошеина с московским купечеством не помешали ему развивать эту точку зрения.

КРИВОШЕИН И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

Кривошеин прекрасно понимал слабые стороны характера императора Николая II; по образному выражению И. И. Тхоржевского, «всегда находившийся под обаянием неотразимых женственных чар, ума и тонкости Государя, Кривошеин с отчаянием смотрел на жуткий отблеск несчастья и слабости, витавший в царском венце» 1). Он видел в них постоянную угрозу для будущего монархии и России. Колебания Государя, невозможность положиться на него в решающую минуту, его подозрительность, в соединении с упорством в принятых решениях личного характера, все это, в глазах Кривошеина, налагало тень непрочности на все начинания власти. Ни обаяние царского шарма, ни престиж монархии, к которому он был крайне чувствителен, не помешали ему не раз приходиться к мрачным выводам о грозящей рано или поздно катастрофе от рокового влияния, которое имели на судьбы России «случайные люди», то есть случайные царские знакомства 2).

Будучи в контакте с живыми силами страны, увлеченный творческой работой, Кривошеин был оптимистом, но с этим оптимизмом у него где-то уживался глубокий пессимизм, навеянный слабостью царя и отсутствием государственных качеств у общества. Пока у власти был Столыпин, оптимизм брал верх, но вспоминается рассказ о семейном ужине в Крыму, когда губернатор сообщил отцу по телефону о кончине Столыпина. «Ну, теперь все кончено», — сказал отец, не обращая ни к кому в частности, после прошедшего в полном молчании, подавленной, «грозовой» атмосфере ужина. Но и в минуты менее острого сознания возможной катастрофы (абсолютно независимой от его личной судьбы) проявлялось у него часто.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в области землеустройства Кривошеин получил полную, постоянную и абсолютную поддержку монарха и смерть Столыпина ничем на

нее не повлияла. В кратком письме Государю, написанном после своей отставки, Кривошеин говорит о постоянстве полученной им монаршей поддержки, но в этих строках нетрудно найти и скрытый урок : письмо упоминает, как бы мимоходом, что без монаршей поддержки вообще ничего достичь невозможно, намекая на то, что в проводимой им в последнее время общегосударственной, а не только ведомственной политике, такой поддержки он не получал, — откуда его и неудача, и отставка.

Неудивительно, что эта неуверенность в полной поддержке при всех обстоятельствах и нежелание Николая II, после Витте и Столыпина, верить им самим назначенному главе правительства необходимую долю власти, объясняют отказ Кривошеина принять должность премьера, предложенную ему в момент отставки В.Н. Коковцова, в которой он сыграл несомненную роль. А между тем, как раз в это время царское к нему расположение было действительно велико 3).

Царское доверие к Кривошеину основывалось меньше на настоящей близости к нему, чем на уважении к его уму и такту, не коробившему ревнивую чувствительность монарха к собственному авторитету. Царь ценил в нем прежде всего советника, умевшего давать полезные советы, не навязывая их. Доверие началось с общности взглядов, но утвердилось потом на личных качествах его сотрудника, так как взгляды последнего во многом изменились, а доверие еще долго оставалось, пока не наступил критический момент разрыва. Призванный Столыпиным для проведения земельной реформы, Кривошеин был все более и более ценим Государем уже не только как удачный руководитель важной государственной отрасли, но и как советник во всех областях правления. Уступая Витте и Столыпину одаренностью во многом, Кривошеин обладал зато той гибкостью дипломата без подобострастия царедворца, вне которой длительное, даже успешное сотрудничество с правителем категории Николая II было бы невозможным. Несмотря на то, что взгляды Кривошеина уже давно перестали быть узко-консервативными и что он и не представлял себе проблему правления иначе, как на основе сотрудничества с общественностью, доверие, которое продолжал питать к нему царь, позволяло Кривошеину ясно и определенно высказывать свои взгляды не только на текущие дела управления, но и на сами принципы самодержавной власти. Хотя Николай II и не любил касаться этого вопроса, это не помешало Кривошеину откровенно излагать, как он мыслит эволюцию монархического строя.

Вот что рассказывал нам отец незадолго до революции о своих разговорах с царем : « Мне не раз приходилось высказывать Государю мое мнение об общем положении в России в связи с существованием думы. Я ему говорил : « Я согласен с вами, что для блага России, может, лучше всего была бы твердая самодержавная власть, но для этого нужно, чтобы во главе стоял монарх с характером и силой воли вашего прадеда, императора Николая Павловича. А если этого нет (и Государь это сам сознавал), то единственный путь — это конституционная монархия в духе данных уже манифестов и правление в согласии с думой и общественностью. Другого пути нет ! » Государь это понимал, но не мог на это решиться, как и по слабохарактерности, так и привязанности к идее самодержавия, связанной с религиозным пониманием последнего.

Нужно еще отметить, что даже в период наибольшего расположения Государя к Кривошеину (1912-1915 гг.), последний не принадлежал к категории царских сотрудников, положение которых основывалось на том, что они Николаю II, то что называется « нравились », что для несколько поверхностной натуры монарха было важным критерием для назначения на ответственные должности, — в соединении, правда, с общностью взглядов в политике; таковыми были, например, талантливый рассказчик Н.А. Маклаков и ценимый за его жизнерадостное настроение генерал Сухомлинов.

В невозможности для Государя пойти, в тяжелые дни войны, не столько даже на добровольное умаление своей власти, сколько на игнорирование пожеланий и мнений общественности, коренится расхождение с ним его долголетнего министра, кончившееся отставкой Кривошеина, началом постепенной изоляции царской власти в стране.

Кривошеин тяжело переживал этот разрыв с царем, потому что их связывали годы взаимных добрых отношений, а с его стороны еще и привязанности и преданности. Когда в 1916 году он был в Минске главноуполномоченным Красного Креста на Западном фронте, куда должен был приехать Государь, то он нарочно уехал оттуда, так как встреча поставила бы их в трудное, даже фальшивое положение. Больше они не встречались.

Вечером 1-го марта 1917 г., в вагоне литерного поезда « А » во Пскове, император Николай II, принимая графа Д.А. Шереметева, адъютанта ген. Рузского, прежде чем принять самого генерала, сказал графу : « Кажется нужно позвать Кривошеина ? » — одну из тех запоздалых исторических фраз, которыми изобилуют крушения монархий 4). Вспомина-

ются слова французского посла Мориса Палеолога о судьбе Кривошеина : « Он был одним из тех государственных деятелей как Неккер, Мартиньяк или Тьер, которых призывают всегда... но слишком поздно ».

Императрица Александра Федоровна, прощаясь после отречения и ареста в Александровском Дворце с состоявшим при ней графом П.Н. Апраксиным (рекомендованным ей в свое время Кривошеиным), выразилась так : « Не прощаю Кривошеину, это он сделал революцию » 5). Однако последующие события показали ей всегдашнюю преданность последнего царской семье. В феврале 1918 г. приехавший из Петрограда Д.Б. Нейдгардт (шурин Столыпина) зашел к Кривошеину в Москве и сообщил ему о тяжелом финансовом положении царской семьи в Тобольске. Кривошеин отправил в Тобольск своего уполномоченного, чтобы выяснить положение. Это был, согласно с дневником Государя, бывший могилевский вице-губернатор Штейн 6), который связался там с Долгоруковым и Татищевым. Кривошеину удалось собрать 250.000 руб., которые вторично съездивший в Тобольск Штейн передал через Долгорукова Государю. В дневнике императора значится под 12 марта 1918 г. : « Из Москвы вторично приезжал Вл. Ник. Штейн, привезший изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Сейчас видел его проходящим по улице » 7). Штейн, кроме того, установил условное письменное сообщение с заключенными.

Каковы бы ни были трудности в те дни для людей, принадлежавших к верхушке старого режима, к придворным ли кругам, аристократии или высшей бюрократии, для оказания помощи царской семье, но перед историей остается факт, что только один Кривошеин преодолел эти трудности и только он один сумел оказать реальную моральную и материальную помощь заключенным. Я не говорю, разумеется, о тех приближенных, которые, оставаясь с царской семьей до конца, отдали за нее свою жизнь.

В благодарность императрица Александра Федоровна прислала Кривошеину маленькую иконку св. Серафима Саровского с частицей мощей преподобного.

Кроме него, материальную помощь оказало лицо, принадлежавшее к совсем другому кругу, а именно польский банкир Ярошинский, передавший через Вырубову 175.000 рублей 8).

В то же время Кривошеин решительно отказывался принимать участие в легкомысленных, а потому опасных для царской семьи попытках насильственного ее освобождения,

перечисляемых Мельгуновым (стр. 254). Он считал, что в данной обстановке царская семья могла быть спасена только немцами и вел об этом через третьих лиц (Нейдгардт) переговоры с графом Мирбахом 7 или 8 мая 1918 г. Ответ был уклончивым, как это изложил 6 февраля 1921 г. Кривошеин следователю Соколову 9): «Мы не преследовали (при обращении к немецкому послу) никаких политических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности семье. Гр. Мирбах принимал (монархистов) весьма сухо и сказанное им (...) сводилось приблизительно к следующему: «Все происходящее в России есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии. Повторяется обычная история: горе побежденным... В частности, судьба русского царя зависит только от русского народа. Если о чем надо думать, это об ограждении безопасности находящихся в России немецких принцесс».

Установление условной связи между узниками и Кривошеиным привело к обмену телеграммами между ними. В первых числах апреля 1918 г., когда узникам стало ясно, что готовится их вывоз из Тобольска, они отправили в Москву группу, возглавляемой Кривошеиным, телеграмму такого содержания: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное». В ответ была послана телеграмма, гласившая: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеем. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отложить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей» 10). По словам Кривошеина Соколову, «смысл полученной из Тобольска первой телеграммы тогда был для нас совершенно неясен, но несомненно тревожен». Вскоре последовала вторая телеграмма из Тобольска: «Необходимо подчиниться врачам». 13 апреля царская семья была увезена из Тобольска. Посланные из Москвы группой два лица не застали ее уже там.

Любопытно, что в февральском номере 1969 г. московского журнала «Октябрь» появился детективный роман «В полосе отчуждения» (А. Безуглов и Ю. Кларов), описывающий расследование уголовного преступления эпохи нэпа, производимое на основании найденного на жертве этого преступления дневника, охватывающего период с марта 1917 г. по июль 1918 г. В дневнике описываются разные попытки

освобождения царской семьи, вдохновителем которых был якобы Кривошеин. Этот апокрифический дневник — крайне неудачное использование данных, приведенных Мельгуновым, совершенно неосведомленными авторами. Все, что относится к Кривошеину в роли «заговорщика», является чистой фантазией, не соотносящейся с хронологией того времени¹¹⁾ (кроме того, там упоминается о пребывании Кривошеина в Париже в... 1924 г.).

Как только в Москве стало известно об убийстве царской семьи, по почину Кривошеина была отслужена панихида в церкви на Спиридоновке, на которой, кроме немалого количества людей, представлявших верхушку старого режима, присутствовали и общественные деятели, принадлежавшие до революции к совсем другим кругам.

1) И.И. Тхоржевский, газ. «Возрождение» — «Былое и люди», Париж, 30 ноября 1932 г.

2) Коковцов, ук. соч., т. 2, стр. 321.

3) О словах сказанных Государем И.И. Тхоржевскому на приеме в Зимнем дворце см. «Фактическое премьерство».

4) Со слов графа.

5) Неизданный дневник графа Апраксина, читанный моему отцу в 1918 г. в Москве.

6) С. Мельгунов — «Судьба Императора Николая II после отречения», Ed. «La Renaissance», Paris, p. 255-256. — N. Sokoloff — «Enquête judiciaire sur l'assassinat...», Paris, 1924, pp. 136-137.

7) Государь имел обыкновение рубить дрова недалеко от ворот. Как было условлено, Штейн прошелся вдоль ворот и Государь ему приветливо улыбнулся.

8) Мельгунов, стр. 272: во время войны он финансировал лазарет имени Марии и Анастасии Николаевны.

9) Мельгунов, стр. 318-319.

N. Sokoloff «Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale», p. 139.

10) Мельгунов, ук. соч., стр. 277-278.

11) Оба автора знали о Кривошеине, что он был гофмейстером, а затем, в Крыму, помощником ген. Врангеля. Однако они не были осведомлены о том, что он более семи лет был министром земледелия!

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ

В дни февральской революции мой отец находился в Петрограде. Помнится, как под нашими окнами прошла первая волна восставших волынцев; возмущаясь отсутствием отпора со стороны власти, отец обратился к одному пришедшему к нам члену Государственного совета из правых: «Это вы довели до этого вашим упорством, вашими безумными верноподданическими резолюциями». Днем к нам пришел скрываться министр земледелия А. А. Риттих, долголетний сотрудник отца; на другой день пришли солдаты, ища Риттиха, резонно рассуждая, что он скрывается у своего бывшего начальника, но Риттиха уже не было. Отца определенно не трогали, видимо согласно с полученными инструкциями, несмотря на то, что моя мать резко и горячо «разнесла» солдат за бунт в то время как ее сыновья сражались на фронте. В целом, солдаты держались корректно, только один хватил графин с водой в столовой, думая, что в нем водка. «Квартира у вас-что Зимний дворец», — раздраженно выразил он свою досаду.

На другой день к нам пришел скрываться бывший председатель Совета министров А. Ф. Трепов, хотя между ним и отцом никакой близости не было («бог интриги», так прозвал его отец). Он переночевал у нас, а на следующий, третий день, когда в министерствах стали обосновываться представители новой власти, отец, по просьбе Трепова, сопровождал его в министерство путей сообщения (Трепов был незадолго до того главой этого ведомства). Там заправлял делами думский депутат Бубликов, — и Трепов, и отец знали его давно. Бубликов принял их хорошо — Трепов был противником Протопопова — и выдал им своего рода «охранные грамоты», чтобы оградить их от всяческих неприятностей. Такие документы получили и некоторые другие бывшие министры, как, например, Коковцов, неskomпрометированные в глазах общественного мнения. Наумов пишет в своих воспоминаниях, что Кривошеин и

Трепов явились в министерство якобы для того, чтобы предложить свои услуги Временному Правительству. Утверждение по меньшей мере нелепое. Если скрывавшийся Трепов вряд ли мог рассчитывать быть использованным новой властью, то прогноз моего отца будущего этой власти был настолько пессимистичен, что сотрудничество с ней было бы лишено всякого смысла. Известная историческая фраза: «История не знала революции, столь краткой и столь бескровной» вызвала у него комментарий, в свое время охарактеризовавший германское национальное собрание 1848 г. «Hundert fünfzig Professoren! Vaterland, du bist verloren». Или, на другой день: «Пусть Временное Правительство докажет свою работоспособность хотя бы так, что наведет порядок у себя, в самом здании думы». Если крымский эпизод его деятельности показал, что он умел учесть революцию, то духовно он ее не принял; на утверждение, что Россия возродится, он отвечал: «Может быть Россия вновь станет когда нибудь великой и могучей, но той России, которую я любил и которой я служил, больше не будет никогда». Между тем, престиж царского министра в марте 1917 г. стоял высоко даже в некоторых народных кругах: как-то раз отец встретился на улице с небольшой группой солдат с унтер-офицером. «Вот идет министр Кривошеин и не боится», — сказал унтер, — «его прогнали, но он России еще понадобится» и тут же отдал ему честь навывтяжку, чему последовали и солдаты.

Вскоре отец оставил Красный Крест и поселился с семьей в Москве в «Морозовском особняке» (на Кудрино-Садовой), принадлежавшем дяде моей матери, Сергею Тимофеевичу Морозову, брату Саввы, и занял должность одного из директоров мануфактуры «Савва Морозов Сын и К^о». Будучи приглашен Керенским на Московское государственное совещание, отец счел бесполезным участвовать в нем. Виделся с многими общественными деятелями, — помнится, как у нас ужинал Родзянко, быть может несколько поверхностно охарактеризовавший положение фразой: «Ну что ж! Раньше мы замерзали, а теперь кипим!» В кратковременность большевистского режима Кривошеин не верил и в слегка шутливой форме говорил, что историки далекого будущего будут писать: «В начале XX века человечество вступило в период войн и революций, но он длился всего восемьдесят лет».

Настоящая политическая деятельность Кривошеина возобновилась в конце 1917 г., когда он принял деятельное участие

в « Правом центре » *), общественной организации, объединявшей с умеренными монархистами более левые течения, вплоть до кадетов (П.И. Новгородцев, Д. Гримм, М.С. Аджемов и др.). Первые собрания центра в Петрограде происходили на квартире И.И. Тхоржевского, по инициативе Кривошеина. Впоследствии этот центр раскололся, так как большая часть входивших в него кадетов разошлась со своим лидером П.Н. Милюковым, находившимся в оккупированной Украине и занявшим определенно германофильскую позицию. Вопрос об ориентации был тогда (весна и лето 1918 г.) — центральным, но если « Правый центр », группировка фактически руководимая Кривошеиным, и вел переговоры с германским посольством в Москве, то позиция Кривошеина была далеко не так проста, как это казалось германскому послу гр. Мирбаху, в его донесениях правительству 1). Мирбах вначале не был сторонником поддержки антисоветской оппозиции и считал, что « буржуазия неправильно понимает характер нашей миссии, рассматривая нас как своих союзников в борьбе против большевиков и намеренно злоупотребляя этим » 2). Вскоре, однако, он пришел к заключению о пользе контактов с умеренными элементами « на случай, если они заменят нынешний режим » 3); эта позиция была одобрена ф. Кюльманом, главой министерства иностранных дел. По мнению Мирбаха, наиболее серьезная попытка зондировки исходила от блока, объединяющего монархистов, помещиков, земцев, кадетов, торговопромышленников, т. е. от Правого центра, ведущим лицом которого был Кривошеин. « По единодушному мнению, он сумел внушить к себе доверие и надежды буржуазных слоев, за исключением крайне правых. В особенности он пользуется авторитетом в банковских и промышленных кругах. Кривошеин (отщепенец, по мнению правых) близко связан с кадетами и даже поддерживает хорошие отношения с отдельными правыми социалистами. Запросив через октябристов, согласна ли германская миссия установить связь с представителями группы и получив утвердительный ответ, он поручил дальнейшие шаги двум кадетам, Нольде и Леонтьеву... »

Мирбах, не питая доверия к представителям « старинных фамилий », придавал значение Правому центру, руководимому Кривошеиным, петроградскому польскому банкиру Ярошинскому (что было плохо обосновано) и омскому правительству

*) Также « Национальном » центре (Тхоржевский, « Возрождение », 14 янв. 1936 г.).

в Сибири. По словам Мирбаха, в своих переговорах с немецким дипломатом Ритцлером представители Кривошеина утверждали, что «Антанта только хочет вовлечь Россию в войну и что восстановление буржуазного строя должно произойти не против Германии» 4).

Если донесения Мирбаха подчеркивают руководящее положение Кривошеина в «Правом центре», то его понимание внешнеполитической ориентации моего отца требует уточнения. Сам Кривошеин определял свою ориентацию как русскую, и выбор между двумя другими ориентациями был для него не принципиальным, а политико-прагматическим. Постоянным гостем у него был состоявший при французской миссии корреспондент «Figaro» Ренэ Маршан, тогда националист и поклонник Клемансо, по неясным причинам, вряд ли идейного характера, примкнувший затем к большевизму. В семейных спорах о «хорошей» ориентации семья разделилась на этой почве, отец склонялся скорее к симпатии к Антанте; но его основная мысль была, что война грозит укреплением большевизма в России и что только скорый мир, без победителей и побежденных, и поддержка соединенными силами антибольшевистских движений привели бы к его падению.

Отъезд моего отца из Москвы в Киев произошел в атмосфере детективного романа. Фактически советская власть его не беспокоила до конца июля 1918 г., когда чека явилась с обыском в контору морозовской мануфактуры, тогда еще не национализованной. Обыск был организован из рук вон плохо, и отец, воспользовавшись тем, что обыскивающие были заняты поисками мифического «морозовского золота» в сейфах конторы, спокойно надел свой плащ, не торопясь поправил галстук, уверенным жестом отстранил часового у дверей и так же спокойно вышел на улицу. Он говорил нам впоследствии, что он решился на этот рискованный шаг, предпочитая в случае неудачи быть убитым «при попытке к бегству», чем длительно сидеть в заключении и ждать неизбежного расстрела.

Если верно, что человеку, занимающему центр той театральной сцены, каковой является жизнь всякой политической фигуры, приходится рано или поздно пережить «миг правды», в котором вся его личность переоценивается по настоящей, а не по лицевой цене, то таким «мигом правды» был для моего отца именно этот момент, в котором он выказал такое присутствие духа.

Ясно сознавая риск ареста, отец еще задолго до того

организовал маленькую конспиративную сеть и благодаря этому смог скрыться на квартире одного знакомого врача, а затем в Переделкине, у Самариных. Чека, спохватившись, тотчас явилась с ордером на арест в морозовский особняк, но безуспешно. В солдатской шинели, с фальшивыми — но не немецкими — бумагами, он выехал на поезде в Смоленск, где остановился у кн. М.К. Тенишевой, известной меценатки кустарного дела, с которой он был давно в дружбе. Оттуда на другой день, через демаркационную линию он попал в оккупированную Украину. Немецкая контрразведка знала, с кем она имела дело: когда отец явился к немецкому офицеру в хуторе Михайловском, тот, встав и отдав честь, приветствовал его «*Excellenz Kriwoschein!*»

Приехав в Киев, отец явился, неожиданно для нее, к вдове Адриана Викторовича Прахова, с которой было связано столько воспоминаний о молодости и о первых шагах его в чуждом ему Петербурге. Его нервы сдали, в изнеможении он опустился в кресло и разрыдался...

Германский министр иностранных дел ф. Гинце, узнав о его пребывании в Киеве, поручил дипломатическому представителю при гетмане, барону Мумму, войти с ним в личные сношения. Он хотел узнать отношение Кривошеина к гетману Скоропадскому и его мнение о шансах восстановления монархии в России 5). О результатах этого контакта ничего не известно, но отношение Кривошеина к гетману с точки зрения русских интересов было резко отрицательным («он — предатель», — сказал он Э.Л. Праховой после разговора с гетманом).

Неожиданно наступившее поражение Германии сняло с очереди спор об ориентациях. Кривошеин попытался войти в тесный контакт с Антантой и объединить антибольшевистские силы. С этим связан безрезультатный эпизод яесской конференции (ноябрь 1918 г.), председателем которой он был 6). Настоящая политическая деятельность Кривошеина возобновилась уже в 1919 г. в Екатеринодаре, где была Ставка генерала Деникина.

1) «Вопросы Истории», 1971 г., № 9 (впервые опубликованные документы западно-германского министерства иностранных дел в Бонне).

2) Там же, стр. 123, донесение от 29 апреля.

3) Стр. 125, донесение от 13 июня 1918 г.

4) Стр. 126, донесение от 20 июня. Опубликованные документы освещают по-новому позицию Мирбаха по отношению к антисоветским группировкам, вернее подчеркивают ее противоречивость. Становясь благоприятной к этим группировкам, она выражала скорее враждебное

равнодушие к судьбе царской семьи (С. Мельгунов, « Судьба императора Николая II после отречения », Париж, стр. 318-319, показание Кривошеина следователю Соколову в 1921 г.). Во всяком случае, мнение Мельгунова, что немцы считали, что всякое правительство, кроме большевистского, объявит войну Германии, этими документами не подтверждается.

Переговоры с союзниками велись, в частности, Гурко. О выходе кадетской группы из Правого центра в результате резко антантофильской позиции, принятой апрельским съездом кадетов в Москве, у Мельгунова, стр. 323-326.

5) « Вопросы истории », № 9, стр. 122.

6) М.С. Маргулиес « Год интервенции », кн. 1, Берлин, 1923 г.

ДОВОЛЬНОСТЬСКАЯ АРМИЯ

В Екатеринодаре, а затем в Ростове на Дону Кривошеин возглавлял политическую группу, называвшуюся «Государственное объединение», в которую входили люди умеренно консервативных взглядов, до бывших октябристов включительно, а также и пришедшие с совсем других горизонтов, как П.Б. Струве. Вопрос о монархии не ставился абсолютно, как не актуальный. Один из членов объединения, Никанор Васильевич Савич, бывший член думы и октябрист, представлял объединение в правительстве Деникина, хотя отношение группы к последнему было скорее оппозиционным. Кривошеин в момент самых блестящих успехов армии смотрел на положение с большим пессимизмом и вполне допускал возможность отката фронта к югу. Он был крайне обеспокоен полным отсутствием организованного тыла, повсеместной анархией и грабежами, царившими во многих воинских частях. Еще в Екатеринодаре он познакомился с ген. П.Н. Врангелем и близко сошелся с ним. Врангель не сочувствовал стратегии Деникина и считал, что в начале весны 1919 г. нужно было идти на соединение с Колчаком, наступавшим тогда от Урала до Волги. «Умный и проницательный А.В. Кривошеин», — писал Врангель в своих воспоминаниях 1), — «ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом решении причины внутреннего, личного характера...» т. е. нежелание поручить ген. Врангелю главную операцию 2).

В сентябре 1919 г. ген. Врангель встретился в Ростове с многими общественными деятелями, а также с Кривошеиным. «Разговоры со всеми этими лицами, — писал Врангель, — «произвели на меня самое тягостное впечатление 3). Картина развала в тылу стала передо мной во всей полноте (...). На огромной, занятой войсками территории власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшим на его

долю огромным государственным заданием, не доверяя ближайшим помощникам, ген. Деникин выпустил власть из своих рук. Страна управлялась рядом мелких сатрапов, начиная от губернаторов и кончая любым войсковым начальником и контрразведчиком (...). А.В. Кривошеин не сочувствовал политике главного командования, ставил в вину Деникину отсутствие определенной реальной программы ».

В последние недели до эвакуации Северного Кавказа ген. Деникин, до того неблагоприятно относившийся к Кривошеину за его оппозицию, внезапно поручил ему вопросы продовольствия тыла (январь 1920 г.). Кривошеину пришлось разрешать их в атмосфере развала, но, по словам П.Б. Струве 4), он был тогда духовным и волевым цементом остатков деникинского правительства в Новороссийске. После эвакуации этого порта он выехал в Константинополь, где встретился с пребывавшим там ген. Врангелем.

1) Ген. П.Н. Врангель, Воспоминания, часть 1, стр. 119.

2) Ген. Деникин был сторонником общего наступления на Москву на всех фронтах.

3) Врангель, ук. соч., часть 1, стр. 215-217; в это время армия наступала на Орел. Помнится, как я приехал в Ростов из Киева в первых числах октября и сообщил моему отцу о только что виденной в отделении Освага на Садовой афише с известием о взятии Добармией Орла. Отец именно по этому поводу высказал свои сомнения в возможности избежать полного отхода армии к югу.

4) П.Б. Струве, « А.В. Кривошеин », журнал « Русская Мысль », № 10-11, София, 1921 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЮГА РОССИИ

Значение этого краткого, мимолетного периода русской истории, краткого даже в жизни его двух главнейших деятелей, Врангеля и Кривошеина, есть значение символа, примера. История, осудив не без основания историческую Россию на смерть, даровала ей последнюю милость : возможность показать в предсмертные часы то, что эта Россия могла бы сделать разумного как в близком, так и в более далеком прошлом, если бы не заложенные в ней самой начала ослепления сверху и разрушения снизу. История, не изменив своего хода, превратила Крым в опытную лабораторию, в показательную станцию разумной государственной политики, отвечавшей как истинным, так и только что возникшим проблемам... Но только лабораторию, которую превратить в историческую действительность не было дано. И не делом случая, а исторической закономерностью было то, что проводить эту политику досталось государственному деятелю исторической России, советам и предупреждениям которого эта Россия не последовала.

Крымский « исторический миг » прошел под знаком сотрудничества Врангеля и Кривошеина. Неудивительно, что оба так хорошо понимали друг друга, так близко сошлись. Кроме объединявшего их патриотизма, их сближал врожденный прагматизм, позволявший им искать правильное и осуществимое решение, даже если оно не отвечало их вкусам и личным идейным предпочтениям.

История врангелевского периода гражданской войны должна быть освещена по-новому на основании архивных документов, опубликованных за последнее десятилетие, и этот период станет более понятным, если принять во внимание, что основой политики ген. Врангеля был отказ от похода на Москву с сохранением южно-русской государственности при помощи союзников. Притом самый благоприятный вариант этой политики проходил через длительный перерыв военных действий

на основе *statu quo*, формального или фактического перемирия с советской властью без прямых переговоров, но при посредничестве союзников, с правом участия ген. Врангеля в конференциях, посвященных русскому вопросу. Во всяком случае, с перемирием или без него (перемирием между равными, а не между победителями и побежденными), «отсидеться», «отстояться» в Крыму, пока не произойдет внутренний, экономический или политический кризис советского режима, выражением которого будет голод, анархия и восстания, — тогда, только тогда выступить снова. Иначе говоря, по удачному выражению американского исследователя Ричарда Пайпса (Pipes), опубликовавшего в 1963 г. документы, уточняющие некоторые стороны этой политики, образовать государственную единицу типа теперешней Формозы, пользующейся широкой военной и экономической помощью союзников. В сущности это была политика «двух России», как установившаяся теперь политика «двух Корей», до недавнего времени не имевших взаимных контактов, но и избегавших военных действий ¹⁾.

План этот то расширялся, то суживался, применительно к реальному соотношению сил; его суженным вариантом был выигрыш времени для подготовки эвакуации, которая никогда не упускалась из виду. Его расширенный вариант не был химеричным: крах советской власти едва не произошел в связи с голодом 1921 г.; он был предотвращен продовольственной помощью капиталистических стран, введением нэпа (весна-лето 1921 г.) и своевременным концом гражданской и внешней войны. Но этот план был осуществим только при абсолютной помощи со стороны союзников, а таковой не было, даже со стороны Франции. Оставалась хорошо организованная, с честью выполненная эвакуация, что и было сделано.

Когда, в драматической обстановке полного развала армии и тыла, 22 марта-4 апреля 1920 г. ген. Врангель был назначен ген. Деникиным своим преемником, то за два дня до этого британский верховный комиссар в Константинополе адмирал де Робек обратился к ген. Деникину с ультимативной нотой. В ней указывалось на необходимость прекращения безнадежной борьбы и на готовность британского правительства войти в переговоры с советским правительством об амнистии населению Крыма и участникам Добровольческой армии. В случае несогласия прекратить борьбу Англия угрожала ген. Деникину прекратить всякую помощь ^{1а)}. Заседание старших начальников армии, избравших ген. Врангеля, прошло под знаком этого ультиматума, и ген. Врангель заявил, что в настоящих

условиях рассчитывать на удачу невозможно. Но он добавил : « Англичане решили выйти из игры. Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки. Никаких переговоров с нашей стороны я, конечно не допускаю. Мне представляется (...) необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложим на них одиум переговоров, всячески затягивая таковые, а тем временем закрепиться, привести армию и тыл в порядок, обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации » 2). На это ген. Врангель и получил мандат от начальников армии (« путем сношения с союзниками добиться неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков » 3). 22 марта ген. Врангель телеграммой британскому верховному комиссару просил предоставить не менее двух месяцев со дня завершения переговоров « для ликвидации военных и гражданских учреждений в связи с передачей Крыма советскому правительству » 4).

25 марта ген. Врангель послал в Константинополь своего помощника ген. Шатилова 5) для переговоров с англичанами, поручив ему разыскать Кривошеина для ведения затем переговоров в Париже. Не найдя его в Константинополе — Кривошеин уехал за несколько дней до того в Белград, где находилась часть его семьи 6) — Шатилов отправил ему 9 апреля н. ст. через ген. Артамонова, русского военного агента в Сербии, шифрованную телеграмму следующего содержания : « Генералу Артамонову, Белград. Генерал Шатилов просит вас передать Кривошеину : Генерал Деникин сложил с себя полномочия, приказав старшим начальникам избрать заместителя. Одновременно английское правительство предъявило генералу Деникину ультиматум прекратить военные действия, обещая выговорить у большевиков полную амнистию всем причастным делу Добрармии, гарантируя Деникину и его ближайшим сотрудникам убежище в Англии. Соповещение старших начальников, ознакомленное с ультиматумом, признало необходимым его принять, так как иначе английское правительство угрожало немедленно прекратить какую бы то ни было помощь и содействие. Генерал Врангель, который единогласно был избран на совещании заместителем генерала Деникина, не считал себя в праве, после того как он переживал с войсками радости победы, отказаться от того, чтобы не испытать с ними и чашу унижения. Вступив в исполнение должности, генерал Врангель командировал меня по делам в Константинополь и приказал просить вас спешно прибыть в Константинополь, откуда проследовать для свидания с ним и для принятия на

себя поручения по ведению переговоров в Париже. Он рассчитывает, что Вы не откажете помочь ему в такое тяжелое время. Шатилов. Константинополь, 9 апреля 1920 г. ».

Эта до сих пор неопубликованная телеграмма уже потому интересна, что, будучи зашифрованной*), она откровенно выражает точку зрения Врангеля на положение. Она должна быть понята в связи со сказанным им 4 апреля на собрании старших начальников, но также и в контексте письма от 13 апреля н. ст. только что назначенного управляющим внешними сношениями П.Б. Струве В.А. Маклакову: «Сейчас ставится для нас, как самый важный, вопрос: помогут ли нам союзники и, в частности, Франция, отстояться и удержаться в Крыму, хотя бы с перемирием с большевиками: т. е. помогут ли они конвертировать капитуляцию в перемирие, в выжидательно-оборонительное состояние »... 7). В тогдашнем безнадежном положении Главнокомандующий допускал возможность, конечно не лично, но через союзников, добиваться от большевиков перемирия, («испить чашу унижения»), в худшем случае окончить гражданскую войну эвакуацией Крыма.

По словам кн. В.А. Оболенского, председателя Таврической земской управы, Врангель говорил ему в апреле 1920 г., что вместо войны до победного конца он попытается при посредстве союзников заключить перемирие с большевиками 8).

Нужно признать, что в этот момент не только Франция, но даже Англия, заняли позицию, которая, если бы она не была Англией почти тотчас оставлена, могла благоприятствовать врангелевскому плану: 17 апреля н. ст. лорд Керзон обратился с ультимативной нотой к Чичерину, грозя, в случае отказа принять британское посредничество, послать флот в Черное море «чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся вооруженные силы Юга России » 9). А 23 апреля начальник французской миссии ген. Манжен уведомил Струве, что французское правительство «будет согласовывать свои действия с британским правительством, чтобы поддержать ген. Врангеля, предоставляя ему всю необходимую поддержку, пока он не получит от советов условий перемирия, обеспечивающих его армии приемлемое с ней обращение » 10).

Советское правительство известило по радио, что оно

*) Оригинал расшифровки находится у меня.

готово войти с Англией в переговоры, а 24 апреля н. ст. Струве телеграфировал Маклакову: «В виду принятия советами британского предложения медиации, необходимо выяснить, где будут происходить переговоры и в какой форме мы должны принять в них участие» 10а).

Но уже 29 апреля н. ст. британская политика круто повернула в другом направлении. Забывая недавние угрозы, Англия предоставила Крым своей судьбе, решив добиваться соглашения с советской властью и заключения с ними торгового договора.

В Париже, куда Кривошеин прибыл 18 апреля с согласия Врангеля прямо из Белграда, не побывав сперва в Крыму, атмосфера была совсем иная. Глава кабинета А. Мильеран, опиравшийся на умеренно-правый Национальный блок, был настроен антисоветски, а кроме того, проводил политику предохранения возродившейся Польши от большевистской опасности. Раз военные действия между Польшей и советским государством возобновились, то продолжение борьбы на Юге было для него очень важно. Но невозможно отрицать, что если результаты переговоров Кривошеина с французским правительством были успешны, то это прежде всего объясняется его исключительным личным авторитетом в глазах французской дипломатии и особенному стечению обстоятельств, которое ему удалось использовать. Фактическим руководителем министерства иностранных дел, его генеральным секретарем, которому поглощенный внутренней политикой глава кабинета, он же министр иностранных дел, предоставил широкие полномочия, оказался Морис Палеолог, бывший посол в Петербурге, старый друг и большой поклонник Кривошеина. Он оказал ему лучший прием, сразу нашел с ним общий язык и сумел всем престижем Кэ д'Орсэ придать французской политике максимально благоприятное для Врангеля направление. Палеолог был очень близок к военным кругам, обладавшим тогда большим влиянием¹¹). Ему удалось убедить таких людей, как Фош, Вейган и Манжен, стать по стратегическим соображениям, сторонниками поддержки Врангеля. Они оставались таковыми до конца. Авторитет Кривошеина среди довольно узкого, но влиятельного круга французских дипломатов старой школы, его престиж царского министра, разумным предостережениям которого не последовал царь, послужил гарантией поддержки безнадёжного на первый взгляд дела малоизвестного и непопулярного в русской общественности заграничней генерала.

Однако использование влиятельного, но узкого круга

людей имело свою оборотную сторону. Когда дело дошло до оказания реальной помощи снаряжением и была затронута область бюджета, т. е. компетенция парламента, то выполнение данных заверений столкнулось с непреодолимыми трудностями.

Разумеется, все сказанное выше не может умалить постоянного содействия В.А. Маклакова и П.Б. Струве; последний, по своем приезде в Париж в середине мая 1920 г., оказал решающее влияние на признание Врангеля Францией *de facto*. Помимо прочего, большое значение имело знакомство Струве с Э. Пети, начальником канцелярии Мильерана, женатого на Софье Григорьевне Балаховской.

В позолоченных залах дворца Кэ д'Орсэ Кривошеин встретился с будущим президентом республики П. Думером, обедавшим во время войны у него дома в Петрограде. Встреча была волнующей, — и тот и другой вспомнили о том, что каждый из них потерял нескольких сыновей на войне, один во внешней, другой в гражданской...

1 мая н. ст. Маклаков телеграфировал Врангелю, что Франция относится отрицательно к соглашению с большевиками, никакого давления для сдачи Крыма не окажет, сочувствует мысли удержаться в Крыму и Таврии; сочувствует продвижению поляков, не допуская мысли о скрытой аннексии ими Приднепровья 12).

Кривошеин обратился, по предложению Палеолога, к нему 7 мая н. ст. с письмом 13), в котором он предлагал установить общие линии будущих взаимоотношений между Францией и правительством Юга России. Он просил заверения о благожелательном отношении Франции к продолжению борьбы против большевиков совместно с поляками и другими силами, как и о том, что правительственные круги Франции признают все значение сохранения хотя бы незначительной по размеру области, на которой сохранился бы нормальный правопорядок, где русские национальные силы нашли бы убежище, имея возможность рассчитывать на помощь Франции военным снаряжением, а в случае невозможности продолжения борьбы, на помощь Франции в эвакуации Крыма.

Французское министерство иностранных дел ответило Кривошеину 8 мая официальным письмом за подписью Палеолога: «Мой дорогой министр, я не преминул представить ваше письмо от 7 мая вниманию г. Председателя Совета министров, министра иностранных дел. Мне приятно дать вам заверение, в том, что французское правительство признает значение области, ставшей последним убежищем русских

патриотов, конечным прибежищем русского правопорядка и русской совести. Пока генерал Врангель не получит необходимых гарантий безопасности для его войска, мы приложим наши старания для того, чтобы оказать ему помощь продовольствием и снаряжением, чтобы позволить ему защищаться против нападений большевистских сил, и наш черноморский флот будет продолжать противиться всякой высадке на крымском побережье. Наконец, если сопротивление не сможет продолжаться, мы примем участие, в пределах максимальных возможностей, в эвакуации полуострова » 14).

Поездка Кривошеина вовсе не входила в его личные планы. Он думал окончательно обосноваться в Париже, где один некогда крупный московский банк, располагавший некоторыми капиталами за границей, предложил ему должность председателя совета. Мой отец проживал с моей матерью и мной в комфортабельной, хотя и недорогой гостинице в лучшей части квартала Этуаль. Стоял чудесный парижский май... Отец считал, что успешное проведение переговоров с Францией должно было быть завершением его долгого государственного служения и что, отдав всех четырех взрослых сыновей Добровольческой армии и потеряв из них двух, он был вправе зажить наконец личной жизнью и отдохнуть. Его здоровье, к тому же, начало расшатываться первыми проявлениями сразившего его год спустя недуга. Однако судьба решила иначе.

« Я ясно понимал », — писал ген. Врангель 15), « что в настоящих, исключительно тяжелых условиях, с огромной предстоящей в Крыму работой может справиться лишь государственный деятель, обладающий исключительными данными. Единственным лицом, которому это могло быть под силу был, по моему убеждению, А.В. Кривошеин. Я знал его лично давно, его государственная деятельность была известна всей России. Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления (...). Достижением высоких служебных положений он был обязан самому себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственных кругах, он в равной мере пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных. Выдающийся администратор, он всегда удачно подбирал своих сотрудников (...). Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, он умел быть терпимым, обладая редкой способностью стать на точку зрения другого, убедить своего собесед-

ника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным деятелям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов принять революцию, но он ясно понимал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующим необыкновенного импульса и не терпящим шаблона. Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной тяжелый крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины ».

9-22 апреля Н. М. Котляревский выехал в Париж с письмом ген. Врангеля к Кривошеину, прося его поехать в Крым. Кривошеин не смог отказаться, но пытался убедить и себя, и других, что едет на короткий срок, сознавая в душе, что останется до конца. Перед отъездом он виделся с М. Н. Гирсом, А. И. Гучковым, бар. Б. Э. Нольде, П. Н. Милюковым, кн. Г. Е. Львовым и др. За исключением Гучкова, все горячо отговаривали, его ехать связывать себя с безнадежным делом в Крыму. Милюков занял в этом деле довольно странную позицию. С одной стороны, группа партии народной свободы, собравшаяся 20 мая в Париже под его председательством, призывала к поддержке Врангеля при условии осуществления земельной реформы, развития местного самоуправления и соглашения с местными образованиями 16); позже, в момент признания Врангеля Францией, в своей статье « Ленин или Врангель ? », появившейся 20 августа в бурцевском парижском « Общем Деле », Милюков горячо благодарил Францию за этот жест. Между тем он всячески отговаривал Кривошеина принять назначение в Крым, « Вы единственный государственный деятель, авторитет которого признается всеми без различия партиями, ваша работа необходима для будущей России; связав себя с безнадежным делом ген. Врангеля, граничащим с авантюрой, вы навеки будете потеряны для России ». Повидимому, Милюков хотел создать тогда в Париже представительство национальной России из делегатов партий и эмигрантских организаций, независимое от Белого движения, а потому согласие Кривошеина стать помощником Врангеля было ему невыгодно 17). Что касается до крайне правых, тогда еще не организованных в определенную группу, то они поставили вскоре Кривошеину в упрек то, что он держался Франции, а не сделал жеста в сторону Германии, хотя та и была тогда крайне ослаблена 18). 20 мая-2 июня Кривошеин

прибыл в Севастополь на английском крейсере « Кардифф ». Вот что пишет об этом Врангель : « Я не ошибся в нем. Он оставил семью, прочно материально-обеспеченную службу, удобную и спокойную жизнь в Париже и, не колеблясь, прибыл туда, куда звал его долг. Правда, он заявил, что не предполагает окончательно оставаться в Крыму, что хочет осмотреться, разобраться в положении и готов помочь мне советом; после чего вернется к семье. Однако, зная его, я не сомневался, что работа его захватит и тогда, войдя в нее, он от нее не отойдет » 19).

« Ознакомившись с положением, Кривошеин был прежде всего поражен безностью сил. Никто не решался приобщиться к « крымской авантюре » 20). Очень скоро (23 мая ст. ст.) Врангель просил его принять должность помощника, и Кривошеин согласился принять на себя исполнение должности председателя совета на время предстоящего отъезда Врангеля на фронт, но вскоре настолько вошел в дело, что не мог уже решиться от него уйти. 6 июня ст. ст. состоялось назначение его помощником Главнокомандующего по гражданской части, т. е. главою правительства, в котором уже участвовали П.Б. Струве (внешние сношения) и М.В. Бернацкий (финансы); вошли также в правительство С. Д. Тверской (начальник гражданского управления), П.Н. Таганцев, назначенный сенатором Временным Правительством (юстиция) 21), Н.В. Савич, член Государственной Думы, октябрист (государственный контроль), крымский земский деятель В.С. Налбандов (торговля и промышленность), Г.В. Глинка (землеустройство). Должность военного агента в Париже была по совету Кривошеина поручена ген. Миллеру; также по его совету из Парижа в Севастополь был вызван адмирал Кедров, сыгравший видную роль в организации эвакуации. Кривошеин обратился к целому ряду лиц, призывая их к работе, но под тем или иным предлогом почти все воздержались. Так, проживавший в Лондоне в качестве директора одного русского банка, его давнишний сотрудник А.А. Риттих телеграфировал, что « потерял веру в свои силы ». « А.В. Кривошеин горько жаловался мне, — пишет ген. Врангель, — на трудность работы в таких условиях ».

« За исключением Савича и Струве мне даже посоветоваться не с кем. Помощников совсем нет. Приходится всю мелкую работу делать самому ». Он действительно работал по двенадцати часов в сутки, однако духом не падал » 22).

В таких именно условиях Кривошеин возглавлял правительство, в котором бывший марксист Струве и кадет

Бернацкий сотрудничали с царским министром. По иронии судьбы, «постоянный кандидат» на премьерство Российской империи, отказавшись от него в дни ее могущества, принял эту должность, когда она свелась к управлению одной губернией. И также по иронии судьбы, безуспешно проводимый им на его должность в момент его отставки в 1915 г. Глинка занял эту должность уже в крымском правительстве.

Кривошеин не предавался иллюзиям, но считал, что борьба должна продолжаться ради чести Белого движения и для подготовки эвакуации армии и населения, если продолжать ее больше не будет возможно. Но он допускал, что счастье может перемениться, если удастся «отсидеться», получая поддержку союзников и используя меняющиеся перипетии польско-советской войны. «Все зависит от наших дальнейших успехов, удастся нам захватить каменноугольный район или нефтеносные кавказские земли, будет и поддержка иностранцев, будут и деньги, тогда все пойдут к нам» 23).

Один зарубежный писатель 24), принадлежавший к «левой общественности», говоря о наиболее пронизательных деятелях прошлого царской России, не без меткости утверждал, что все они сознавали в глубине души, что рано или поздно «все пойдет к черту», но считали, что нужно работать так, как если бы это было навсегда. Я имею основание утверждать, что и в плодотворные годы проведения столыпинской реформы мой отец нередко ощущал всю внутреннюю непрочность только по видимости мощного здания царской России; тем более ему должно было быть свойственно это чувство в этой, почти безнадежной фазе гражданской войны.

Проведение земельной реформы было самой интересной попыткой если не решить, так решать земельный вопрос после революции, учитывая интересы как помещиков, так и крестьянства, но прежде всего крестьянства. Все основные принципы реформы принадлежат ген. Врангелю лично, но разработали ее старые сотрудники Кривошеина Г.В. Глинка и П.П. Зубовский. В главном она соединяет принципы столыпинской реформы с принципом передачи крестьянству большей части помещичьей земли. Однако в отличие от кутлеровского проекта 1906 г., она не была основана на наделении «маломочного», беднейшего крестьянства прирезками земли, не смогущими изменить его положения, а на наделении крепких домохозяев, без какого — нибудь обещания превратить в собственников весь деревенский пролетариат. Глинка принял в свое время участие в разработке кутлеровского проекта, и между этим проектом и крымским можно найти некоторый

параллелизм в подробностях (сохранение «культурных» имений, отчуждение всей арендуемой земли и частичное отчуждение остальной, возможность выбора между выкупом и продажей подлежащей отчуждению земли), но целенаправленность крымского проекта («ставка на сильных», а не на «слабейших», «маломочных», как у Кутлера), да и сам основной принцип его были иными: по проекту Кутлера наделение прирезками не распространялось ни на «кулаков», ни на «середняков», т. е. не на всю крестьянскую массу, а только на «бедняцкие» элементы, и в этом заключалась его несостоятельность, так как невозможно предположить, что остальная крестьянская масса не затребовала бы свою часть. Крымский проект был основан на наделении именно «крепких хозяев», хотя в силу одного из его основных принципов, — обещания не отнимать у крестьян уже захваченные земли — беднейшая часть не осталась бы вне наделения. Добавим еще, что кутлеровский проект сохранял неприкосновенным общинный строй, тогда как крымский его упразднял.

Во времена бессистемного управления Юга ген. Деникиным, Кривошеин не сочувствовал импровизированным предложениям отдельных начальников областей (например ген. Шиллинга в Одессе) спешно закрепить за крестьянами все захваченные ими земли, как только начался откат фронта к морю, — все равно, демагогические посулы реально не существующей власти не были бы приняты всерьез. Но найдя твердое руководство государственной политикой в Крыму, он принял одобренный накануне его приезда закон без колебания, по собственному выражению в семейном кругу «почистил ему зубы» и составил правительственное сообщение, излагавшее положенные в основу законы принципы. Возглавляя власть, он руководил проведением в жизнь реформы.

Реформа была рассмотрена состоявшим при ген. Врангеле советом 18 мая ст. ст. причем только Глинка, автор проекта, и военные высказались за нее — остальные «страшились огромности поставленной задачи» 25).

«Прибывший через два дня А.В. Кривошеин понял все психологическое значение принятого мной решения, проявив свойственную ему психологическую чуткость и исключительную гибкость, ума». «Проект этот не совершенен, но раз он может облегчить армии ее успех, раз сама армия ждет слова о земле, то времени терять нельзя, сама жизнь внесет необходимые в дело поправки». Кривошеин настоял только на придаче закону особой формы «Приказа о земле», а посреднические земельные комиссии посоветовал назвать земель-

ными советами. « Пусть слово о земле будет сказано в приказе вождя армии. Приказ, отданный в суровой обстановке военного лагеря, не может быть столь совершенен, как нормально изданный закон » 26). Приказ был обнародован 25 мая, одновременно с переходом армии в наступление.

Составленное Кривошеиным правительственное сообщение гласило так : « Выработанный в суровой обстановке военного лагеря, издаваемый при неслыханно трудных хозяйственных условиях, этот приказ, конечно, не может принести с собой общего удовлетворения. Земельный вопрос слишком долго тревожил и терзал русских людей, чтобы какое бы то ни было его разрешение могло в корне примирить нередко противоречивые интересы и до конца успокоить разгоревшиеся страсти. Но откладывать решение этого вопроса далее было невозможно, и 25 мая этот безнадежно запутанный узел был разрублен. Сущность земельной реформы (...) может быть выражена в немногих словах : земля трудящимся на ней хозяевам. Эта руководящая мысль опирается на два основных стремления : охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий, захватов и передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие. Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченную жизнь, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем.

Устанавливая общее положение об отчуждении земель в пользу трудящихся на ней хозяев, приказ прежде всего определяет необходимые изъятия из этого положения, подсказываемые как требованиями справедливости, так и соображениями государственной пользы. За прежними владельцами часть их владений сохраняется, но размер этой части не устанавливается заранее, а составляет в каждой отдельной местности предмет суждений волостных и земельных учреждений, которым всего более знакомы местные хозяйственные условия.

Свободными от отчуждения и подлежащими возврату законным собственникам признаются все наделные земли, земли, приобретенные с содействием Крестьянского банка, и не превышающие установленных размеров участки, выделенные на хутора и отруба, церковно-приходские наделы, усадебные и высококультурные участки, земли, принадлежащие сельскохозяйственным опытным ученым и учебным учреждениям и училищам.

Все отчуждаемые земли закрепляются за обрабатывающими их в настоящее время хозяевами в размерах, устанавливаемых местными земельными учреждениями, но эти учреждения не могут уменьшать заведенные уже хозяйства ниже нормы Крестьянского банка (...). Земли передаются в вечную, наследственную собственность каждого хозяина. Земли передаются не даром, но за выплату государству стоимости ее. Это другая важная сторона новых земельных правил, отличающая их от неисполнимых и несправедливых посулов дарового и всеобщего наделения. Такая передача земли обеспечивает переход к настоящим, прочным хозяевам, а не к всякому падкому на даровщину человеку.

Реформа может показаться одним слишком крайней и социалистической, другим-чрезчур односторонней и недостаточной. Все будут ее критиковать, ибо земельный вопрос может решаться на тысячу ладов, и каждый имеет свое решение, которое кажется ему лучше, чем другие. Но все, кто вникнут в сущность дела, должны будут признать, что далекая от мечтаний социализма реформа эта все же ставит самый важный и большой вопрос русской хозяйственной жизни и не останавливается на полумерах ».

Согласно с положениями приказа передаются трудящимся хозяевам земли казенные, крестьянского банка и частновладельческие, превышающие установленные размеры сохраняемых за каждым владельцем земель. Размер участков, сохраняемых за собственниками, намечается для каждой волости местными земельными советами, но утверждается высшей правительственной властью (ст. 2 и 14). Фактическое владение землей в момент занятия местности признается ненарушимым (ст. 1), за исключением возвращения бывшим хозяевам участков, не подлежащих отчуждению. Совхозы и культурные владения передаются правительству и могут передаваться в заведование либо казенным управлениям, либо местному волостному земству, с обязательством сохранения в них ведения правильного хозяйства. Однако и в этих имениях подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в первую очередь арендный фонд, а затем излишки (ст. 7). В имениях, превращенных в коммуны, последние уничтожаются, а их земли следуют общей участи частновладельческих имений, и за выделом из них участков, сохраняемых за собственниками, они поступают в распоряжение волостных земельных советов, которые либо управляют ими без раздела, либо устраивают в них трудящихся на земле хозяев (ст. 6). За хозяевами, имеющими усадьбы, укрепляется усадебная земля. Частновла-

дельческие леса принимаются под наблюдение правительственных учреждений, но местному населению обеспечивается право получать топливо и строительные материалы и принимать участие в разработке леса (ст. 5). Земли, подлежащие передаче трудящимся на земле хозяевам, укрепляются за ними в полную собственность, при условии выплаты за них государству их стоимости. Выкуп отчужденных земель производится сдачей государству в 25 лет пятикратного среднего за 10 лет урожая с казенной десятины. Бывшие собственники получают свидетельства на право получения через 25 лет стоимости трех урожаев и двух урожаев в виде процентов. Допускается возможность перехода отчуждаемых участков путем покупки от прежних владельцев по добровольным сделкам (ст. 4, 8, 11 и 14).

(Необходимо отметить, что постоянно возвращающееся определение: «трудящиеся на земле *хозяева*» — ключ к пониманию сущности реформы: земля трудящимся на ней единоличным собственникам, настоящим и становящимся таковыми).

Выбор хозяев, за коими укрепляется земля, а также определение высшего размера укрепляемых участков, как и сохраняемых помещиками владений, предоставляется всецело местным земельным советам, составленным из местных крестьян-хозяев, «но именно этому хозяйственному элементу крестьянства дается широкое участие в решении местного земельного вопроса (...) и этот местный характер всего землеустройства резкой чертой проводится в приказе, со всеми выгодами его практического осуществления и со всеми его недостатками по сравнению с широкими планами неосуществимого передела земель всего государства между всеми... » 27). К этому можно добавить, что весь принцип решения земельной проблемы согласно с местными условиями восходит как к проекту Кутлера (одним из авторов которого был Глинка), предвидевшему установление для каждой местности минимального размера владений, не подлежащего отчуждению, так и к записке Кривошеина от конца января 1906 г., приведшей к образованию местных землеустроительных комиссий ([землеустроительное] «дело должно быть всецело возложено на действующие на местах коллегиальные учреждения... »).

Несмотря на близость фронта, реформа имела определенный успех у крестьян Северной Таврии, где данные для ее осуществления были благоприятны: там имелся значительный земельный фонд, подлежащий отчуждению, в виде крупных владений, частично сдаваемых в аренду. Кроме того, собствен-

ническое чувство было сильно развито среди крестьян : 76 % общинников обратилось с требованием укрепить свои наделы в единоличную собственность со времени указа 9 ноября 1906 г. — рекордный процент для всей России (12 % в Черниговской и 14 % в Новгородской), а из хозяйств, сведенных к одному месту, 93 % выделились на хутора-процент небывалый 28). В Центральной России, где земельный фонд был ограничен, реформа встретила бы большие затруднения. К 1 ноября 1920 г. земельная реформа применялась в 90 волостях из 107²⁹⁾, насчитывалось 68 земельных волостных советов, почти всюду были закончены обследования земельного фонда и выработаны местные нормы землевладения — предельные размеры участков, укрепляемых за хозяевами, и предложения о размере участков, оставляемых за прежними владельцами. Предельные размеры для крестьянских хозяйств колебались от 30 до 70 и 100 десятин, кое-где даже до 150 десятин, а в местностях с интенсивной садовой культурой — только до 10 десятин. Предположения о размере участков, оставляемых за владельцами (подлежащие утверждению правительства), достигали 100-150 десятин, а для культурных владений, до 400-500 дес., но иногда предлагалось применять крестьянскую норму 29). Было приступлено к разверстке нескольких крупных имений : в одном из них 22 хозяина получили прирезок в 23 десятины на хозяина. Было также разделено имение вел. князя Николая Михайловича «Рогачевское», имение гр. Апраксиной в 9.000 десятин и некоторые имения Фальц-Фейна 30); что касается до знаменитого имения «Аскания Нова», то это культурное хозяйство, наполовину разоренное трудовой коммуной, было передано Таврическому университету.

Интересен отзыв о реформе кн. В.А. Оболенского, председателя Симферопольской земской управы, принадлежавшего к умеренно-левой общественности милюковского типа и пребывавшего в оппозиции к крымскому правительству до конца. Оболенский убежден, что если бы земельный закон был издан Деникиным 25 мая 1918 г., то результаты гражданской войны были бы иными. «Можно отнестись с большой критикой к тем или иным его недостаткам, можно считать его недостаточным или слишком радикальным, но нельзя отрицать, что он являет собой решительный поворот в земельной политике южно-русской власти, которая стала искать опоры в крестьянстве, преимущественно в среднем и зажиточном его слое. Приблизительно в одно и то же время и Врангель и Ленин поставили ставку на середняка » 31). Оболенский подтверждает то, что

пишет в своих воспоминаниях Врангель о быстром начале работ по применению реформы на местах, и признает, что по всем сведениям, которые до него доходили (а по его положению в земстве эти сведения не могли не исходить из серьезных источников), реформа была встречена крестьянами сочувственно, в особенности арендаторами, получавшими в собственность обрабатываемую землю. Крестьяне, по его словам, были несколько обеспокоены слишком высокими выкупными платежами (при трехпольной системе одна пятая урожая превращалась в три десятых с десятины посева), в момент когда рыночная цена на землю была очень низкой, но крестьяне надеялись, что, получив землю на законном основании, они ее уже не лишатся, а выкупные платежи ведь могут быть рассрочены (что предусматривал закон), а то и совсем отменены каким-нибудь «манифестом». Высокую расценку помещичьих земель Оболенский объясняет тем, что правительство Врангеля было порождением правых кругов.

Благоприятный отзыв левого земца о земельном приказе должен быть принят во внимание в свете его отношения к Врангелю и Кривошеину, основанного на принципиальной и фактической, хотя и объективной оппозиции. Для него Врангель и Кривошеин обладали запасом здорового оппортунизма, столь необходимого в их положении, обладали и большим жизненным чутьем, но по основным чертам психологии первый все-таки оставался ротмистром кавалергардов Е.В. полка*), а второй — тайным советником**) и министром большой самодержавной России. Из двух видных представителей местной земской общественности, с мнением которых Струве рекомендовал Кривошеину считаться, последний отдал предпочтение правому В.С. Налбандову, а не Оболенскому, хотя и принимал его и выслушивал всегда внимательно (услышав от Кривошеина о совете Струве, Оболенский сказал: «Видите, Александр Васильевич, я боюсь, что мои советы будут диаметрально противоположны советам Налбандова». «Тем лучше, — заметил Кривошеин с легкой улыбкой на холодном, красивом лице, — от столкновения противоположных мнений рождается истина») 32).

Оболенский ставил в упрек Кривошеину то, что пропаганда и почти все газеты были в правых руках, но признавал, что «А.В. Кривошеин, во всяком случае, среди волн разыгравшейся реакции» (он приводит случай антисемитских пропове-

*) В действительности лейб-гвардии Конного полка.

**) Статс-секретарем Е.В.

дей о. Востокова, приостановленных правительством) « играл умеряющую роль, сдерживал, как умел, но шел на компромисс направо, поскольку это ему представлялось необходимым ».

Здесь уместно привести данную Оболенским характеристику Кривошеина : « Мне много приходилось слышать отрицательных отзывов о личности А.В. Кривошеина, однако я должен сказать, что, хотя я не был солидарен с той политикой, которую он вел в Крыму, у меня все-таки от довольно длительного знакомства с ним осталось впечатление как о человеке искренне и горячо любящем Россию. Кроме того, это был человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но (...) он все-таки был плоть от плоти бюрократического режима. Головой он понимал, что нужны новые методы управления в смысле упрощения административного аппарата, предоставления больших прав самоуправлению, демократизации отношения власти к населению, но долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей ».

« Положение » о волостном земстве осуществляло, с учетом происшедшей революции, давнишнюю мысль Столыпина, который провел учреждающий « мужицкое земство » закон благодаря поддержке А.И. Гучкова через думу. Забытый после его смерти, сильно изуродованный комиссией Государственного совета, куда он был внесен по настоянию Кривошеина 33), он был отклонен правым большинством верхней палаты, с голосами левых в 1914 г. Временное Правительство ввело волостное земство уже на основе всеобщего избирательного права и неудивительно, что выбранное в обстановке развала и анархии, оно было упразднено Деникиным, который его, однако, ничем не заменил и от крестьян было отнято это завоевание революции. Чтобы не превратиться в « совдеп », оно могло быть заново создано только в связи с передачей крестьянству большей части помещичьей земли и только на основе крепкой крестьянской собственности.

« Положение » было рассмотрено на двух заседаниях особым совещанием под председательством Кривошеина, на котором Оболенский и другие представители левой общественности были в меньшинстве. Их попытки ввести в волостное земство лиц по образовательному цензу закончились неудачей, земство оставалось « мужицким » 34).

Согласно с « Положением », волостные земства избирались волостными земельными сходами, состоявшими из мелких

земельных собственников крестьянского типа, ведущих самостоятельное полевое или хотя бы приусадебное хозяйство, с участием представителей помещиков, религиозных обществ всех вероисповеданий, училищ, казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ, прочих землевладельцев всякого звания, а также арендаторов имений с минимумом оседлости.

По случаю обнародования « Положения » Кривошеин дал длинное интервью газете « Великая Россия » под названием « Ставка на деревню ». « ...На очереди стал вопрос об организации управления и самоуправления на местах. Главнокомандующий решает его смело в направлении привлечения мелких собственников к участию в местном самоуправлении (...). По нашему закону вся деятельность уездного земства перенесена на волость. При пространствах русской жизни это одно уже колоссальный шаг. Мы отдали мелким крестьянским собственникам не только власть земскую, но и власть административную. В этом отношении наш закон идет дальше любого из западных. Но будущее зависит от того, как покажут себя с точки зрения государственности и национальной культуры класс мелких собственников и привлекаемое к деятельному участию в земстве крестьянство? Как обеспечена будет церковь, какова будет новая школа, больница, суд? От этого будет зависеть дальнейший ход намеченной реформы. Вместе с покойным Столыпиным я работал над поднятием экономического благополучия русской деревни. Сейчас мы делаем смелую попытку устройства будущего земского и государственного порядка... » 35).

Введение волостного земства в соединении с земельной реформой позволило Кривошеину высказать в беседе с журналистами свой всегдашний взгляд на причины внутренней слабости императорской России. По его мнению, в русской государственной политике возможны два пути: воспринятое Петром Великим созидание государства сверху — это величественное здание рухнуло. « Вспомним, например, что в области народного просвещения сначала был основан первый университет, значительно позже — первая гимназия, а еще много времени спустя — первая народная школа... Но есть и другой путь: творчество снизу. В силу этого ген. Врангель дал крестьянам ту землю, к которой они так давно стремились, и, законом о волостном земстве, всю полноту административной власти... » 36).

Внешняя политика ген. Врангеля не будет здесь излагаться подробно 37). Достаточно указать, что ее « максимальная »

цель : « добиться от большевиков реальных гарантий в смысле неприкосновенности нашей и казачьей территории » 38) при помощи посредничества союзников не была оставлена. Она совпадала с взглядами Мильерана, но раз Англия была согласна только на посредничество на основе капитуляции и амнистии, то непосредственной целью было добиться участия в проектируемой конференции для урегулирования положения в Восточной Европе, в связи с польско-советской войной. Этому участию придавалось большое значение, так как ген. Врангель пользовался бы на ней поддержкой не только Франции, но и Соединенных Штатов. Под впечатлением своих успехов на польском фронте Советское правительство отказалось от принятой им сначала примирительной линии по отношению к Польше и требовало полной капитуляции Врангеля, и конференция не состоялась.

Жизненной проблемой оставалось получение снаряжения от Франции. Еще 25 июня н. ст. Кривошеин телеграфировал Струве в Париж : « Необходимо выяснить и, буде возможно, урегулировать кардинальный вопрос снабжения армии (...) ибо без заграничных военных материалов невозможно дальнейшее наступление и даже крайне затруднительна задача обороны Крыма » 39).

Растущие успехи советских войск в Польше побудили Мильерана, под влиянием военных кругов, сделать новый шаг в благоприятном для Врангеля направлении : 9-22 июля Кривошеин смог сообщить Врангелю по прямому проводу в Джанкой : « Французское правительство изъявило готовность признать правительство Юга России. Это большая политическая победа » 40). Отвечая Кривошеину, Врангель подчеркнул роль своего помощника в этой дипломатической победе. Признание было официально оформлено 10 августа н. ст. Ни один из предшественников Врангеля, несмотря на обладание ими огромными территориями, не был признан ни одной иностранной державой.

Врангель был нужен Франции для того, чтобы оттянуть советские силы с польского фронта; он мог настаивать тогда на получении снаряжения не в положении просителя 41). В результате шагов, предпринятых Базили (« передал Фошу проект немедленного наступления для оттягивания красных войск с польского фронта... »), начальник штаба Фоша ген. Дестикер вошел в контакт с русским военным агентом в Париже ген. Миллером, для выяснения условий поддержки, которую французское правительство готово оказать правительству Юга России военным материалом 42).

Если обладание Северной Таврией, как единственным источником хлебного экспорта, было одним из императивов военной и политической стратегии крымского правительства, то таким же императивом было перенесение и военных действий в казачьи области, так как они были единственным источником пополнения армии. Для этого было необходимо разрешить казачий вопрос, заключить соглашение с казаками 43). Деникин, отвергавший сотрудничество со всеми теми, кто не подчинялись лозунгу «Россия Единая, Неделимая» и, борясь с большевизмом, преследовали другие цели, кончил тем, что рассорился и с казачеством, тогда как нужно было принять во внимание особую психологию казачества, свойственный ему партикуляризм, граничащий иногда с «самостийностью». 22 июля ст. ст. было торжественно подписано соглашение с казаками Дона, Кубани, Терека и Астрахани, после иногда трудных переговоров, в которых авторитет Врангеля и дипломатический такт Кривошеина должны были проявить себя не раз. Казачество отметило роль последнего, дав ему звание почетного казака этих четырех войск и приписало его и его сыновей к соответствующим станицам. «Врангель попытался учесть ошибки всей русской контрреволюции», писал советский историк И. Минц («Красный Архив», т. 39, «Врангелевщина» предисловие) «правильно решив, что исправлять их нужно в двух областях — в аграрной и национальной и как раз в эти два вопроса попробовал ввести нечто новое».

Кубанская операция закончилась тактическим успехом, но стратегической неудачей: армия получила пополнения из примкнувших к ней казаков, но за недостатком сил захватить Кубань не удалось.

В середине августа советское наступление на Польшу закончилось полным разгромом, и уже 22 августа н. ст. Маклаков сообщал, что, по мнению Палеолога, Польша скоро заключит мир. «Палеолог понимает необходимость ускорить помощь вам. Будет сделано все возможное». «Заключение Польшей мира сделало бы наше положение бесконечно тяжелым. Предоставленные самим себе, мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть. Однако я не терял надежды, что Франция, недавно нас признавшая (...), не оставит нас без помощи», — писал ген. Врангель о тогдашнем положении 44).

Хотя польско-советское перемирие и было заключено позже, чем ожидалось, но для оказания помощи этот дополнительный срок использован Францией не был. Прежде чем

коснуться тщетных, хотя и настойчивых усилий крымского правительства добиться этой помощи, необходимо постараться понять надежды и расчеты его руководителей, чтобы уяснить себе смысл того, что критики ген. Врангеля называют « крымской авантюрой ». Хотя бы частично, этот смысл раскрывается беседой Кривошеина с В.В. Шульгиным в сентябре 1920 г. 45).

« ...Чудо случилось, мы не только удержались, мы что-то делаем, куда-то наступаем... То, что совершенно разложившейся армии вдруг на самом краю моря удалось найти в себе силы для возрождения, уже чудо... » « Но что же дальше ? » « Дальше ?... Прежде всего вот что : одна губерния не может воевать с сорока девятью. Поэтому, прежде всего — не зарываться. Надо всегда иметь в виду судьбу наших предшественников. Деникин, помимо всяких других причин, прежде всего не справился с территорией. Мы наступаем сейчас, но помним « memento Деникин » (...). Необходимо держать хлебные районы т. е. северные районы Таврии (...). Рассматривайте это как вылазку за хлебом. Ведь если большевики называют Врангеля « крымским ханом », то следует принять тактику крымского хана и делать набеги ».

Оставляя затем в стороне маловероятную гипотезу, что большевики перейдут на обыкновенный государственный строй и что с ними можно будет разговаривать, Кривошеин считал, что нужно будет досидеться в Крыму, пока они « вследствие внутренних причин ослабеют настолько, что можно будет вырвать из их рук этот несчастный русский народ, который в их руках должен погибнуть от голода (...). Вот на этот случай мы должны быть готовы, чтобы броситься на помощь (...). Но для того чтобы это сделать, прежде всего надо что ? Надо — « врачу, исцелился сам ». На этом клочке земли (...) надо устроить человеческое житье. Так, чтобы ясно было, что там вот, за чертой, красный кабак, а здесь — рай не рай, но так, чтобы люди могли жить. С этой точки зрения вопрос о политике приобретает огромное значение. Мы — опытное поле, показательная станция (...). С этой точки зрения важны и земельная реформа, и волостное земство, а главное — приличный административный аппарат ». « Насколько это вам удастся ? » « Ах, удастся весьма относительно (...). Дело в том, что ужасно трудно работать... просто нестерпимо... ничего нет (...). Тришкин кафтан никак нельзя заплатать... Это одна сторона. А духовная такая же. Такая же бедность в людях... »

Можно только прибавить, что в этой политике, очень

удачно сравниваемой с политикой Формозы, в 1920 г. у ген. Врангеля имелось более шансов на успех, при условии такой же щедрой по масштабам помощи союзников, как и у маршала Чань-Кай-Ши: как указывалось, не будь капиталистической помощи продовольствием и нэпа (при продолжении гражданской войны и то и другое было бы неосуществимо), советская власть вряд ли переборола бы потрясший ее в 1921 г. кризис.

Только французская помощь абсолютно не соответствовала заявлениям и, нужно добавить, искренним намерениям тех руководителей французской дипломатии и командования на высшем уровне, которые сочувствовали ген. Врангелю. Получение необходимых кредитов было осуществимо только при сочувствии широкого общественного мнения, но, кроме влиятельной, но не всесильной группы военных, — Фош, Вейган и другие, общественное мнение, утомленное недавней войной с Германией, не желало расширять внешние обязательства Франции и открывать новые кредиты русским, даже признававшим долги царской России. Поражает удивительная мелочность, как только дело доходило до практической реализации обещанной помощи, часть которой могла быть дана за счет русского военного имущества в Румынии, против чего последняя не возражала.

11 сентября н. ст. прибыл в Севастополь адмирал Леже, чтобы выяснить главнейшие нужды армии. В тот же вечер состоялось совещание при участии его начальника штаба, Кривошеина и высших чинов армии. Получив необходимые данные, адмирал отбыл в Константинополь 46). Накануне Кривошеин телеграфировал Маклакову: «Вновь настаивайте перед французским правительством о содействии получения из Румынии нашего армейского имущества. Всякое промедление может быть гибельным. Необходимо просить предоставить нам наше артиллерийское имущество, находящееся во Франции» 47). Понимая, что ничего нельзя будет получить в кредит, Кривошеин сообщает два дня спустя, что правительство, желая начать товарообмен с Францией, посылает на адрес министерства торговли пароход с 5.000 тонн (300.000 пудов) зерна на покрытие из вырученных сумм снабжения армии; кроме того, он указывал, что в ближайшие месяцы в порты Крыма поступят 5 миллионов пудов хлеба и предлагал привлечь старые фирмы, специализировавшиеся в хлебной торговле (В конце сентября правительством было подписано контрактов на поставку до 10 млн. пудов зерна, было доставлено до полутора и вывезено до миллиона) 48).

Условия, поставленные Францией для уступки снаряже-

ния, уже не были мелочно-бухгалтерскими, но просто ростовщическими, как об этом свидетельствует телеграмма, посланная 25 сентября н. ст. Базили из Парижа Струве 49) :

« Поскольку парламентом не будет ассигнован кредит для армии Врангеля, за уступку нам всякого военного имущества мы должны платить, притом немедленно, если имущество принадлежит мобилизационным запасам, или с рассрочкой, если оно числится в свободных излишках. В этой категории — незначительная часть испрашиваемого материала — всего на 27 млн. франков. Отсрочка будет допущена (для второй категории), если мы подпишем соглашение, предусматривающее погашение отчислениями из стоимости вывоза (...) с тем, чтобы долг был погашен не в отдаленный срок. Вывозить во Францию определенное количество товаров. Указать в точности, на какие поступления валюты французское правительство могло бы рассчитывать и в какие сроки. На открытие парламентских кредитов трудно рассчитывать ».

Посланные 15/28 сентября в Париж для переговоров с поляками о согласовании военных действий Струве и ген. Юзефович передали французскому правительству меморандум А.В. Кривошеина, в котором указывалось на желательность объединения русской армии с польской под французским командованием для совместных действий на юге Украины вместе с украинскими силами, выдвигалась мысль о формировании, после отбора, армии из военнопленных красных, сдавшихся полякам, и подчеркивалась необходимость военного и санитарного снаряжения и обмундирования, в которых испытывается острый недостаток 50).

Если французское правительство проявило крайнюю инертность в деле поставки снаряжения, то его военные представители в Крыму делали все, что было возможно, чтобы ускорить поставки. Столь же благожелательны были военные миссии других союзных государств. Чтобы укрепить эти настроения, ген. Врангель, в сопровождении Кривошеина, объездил с ними укрепленные позиции Перекопского перевала и Сиваша (30/8-12/9).

Все более сочувственной становилась позиция Соединенных Штатов : переданная американским адмиралом нота-вопросник от 5 сентября н. ст. была составлена так, что она могла быть понята как первый шаг к признанию правительства.

Зато в франко-русских отношениях наступило некоторое охлаждение после того, как Мильеран был избран президентом республики 23 сентября н. ст., а Палеолог был заменен

Филиппом Бэртело в должности генерального секретаря министерства иностранных дел. Правда, Мильеран, назначив Ж. Лейга во главе кабинета и Кэ д'Орсэ, сохранил общее руководство внешней политикой, но авторитет кабинета был слаб, и его глава должен был проявлять особую осторожность. Принятый 9 октября н. ст. Лейгом В.А. Маклаков вынес из этого свидания неблагоприятное впечатление, о чем он подробно писал Кривошеину 10 октября 51) («Вчера видел Лейга, очень любезен и т. д., но впечатление неблагоприятное. Конечно, они советуют Польше заключить мир; конечно, они помогают, но Франция сделала уже все, что можно до воти-ровки суммы для нас, обложить из-за нас плательщиков невозможно и т. д. Я не говорю, что положение безнадежно, но ни Лейг, ни правительство наша опора (...). На нашей стороне (кроме Мильерана) — военные; я видел вчера Вейгана, Манжена, Жоржа, разговаривал с Фошем (...) их влияние велико, но они не всеильны...»). Правда, Струве, принятый 20 октября Лейгом, а 22-го Мильераном, передавал через Маклакова Врангелю, что имелась полная надежда на успех плана займа, но мне кажется, что этот оптимизм, разделяемый Врангелем, был малообоснован, так как за 5 дней до того (15/10) тот же Струве в своей телеграмме Кривошеину 52) характеризовал условия, на которых французское правительство было согласно отпустить военное снаряжение на сумму в 100 миллионов франков, как «крайне обременительные». Требовалось подписание контракта, в силу которого правительство Юга России обязывалось продавать Франции по ценам мирового рынка 50 % всего вывоза хлеба, угля, шерсти, табака, кож и т. д.; 50 % вырученных во Франции сумм должно было идти на погашение этих 100 млн. не позже 31 декабря 1921 г., притом в сумму 100 млн. фр. включается уступленное ранее военное снаряжение на сумму в 40 млн. франков (29 млн. при Деникине и 11 млн. при Врангеле). Новые поставки только на 29 млн. из французских излишков, остальные из болгарского и турецкого имущества.

В сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника и продать ему в рассрочку чужое, ненужное ей имущество.

Несмотря на обременительность условий, Кривошеин телеграфировал 22 октября н. ст., что он признает принцип вывоза 50 % товаров во Францию приемлемым при условии, что речь шла о казенном экспорте, а не экспорте вообще (главная статья вывоза экспорта — хлеб, была казенной

монополией), и готов согласиться на срок погашения при условии, чтобы отпуск снаряжения совершался непрерывно, вне зависимости от прибытия экспортируемых товаров. Понимая трагичность положения, он добавлял: «Согласитесь на все условия, лишь бы получить возможность немедленного распоряжения кредитом в 100 миллионов. Без такого кредита положение становится безвыходным» 53).

Польско-советский мир был заключен 12 октября н. ст. в Риге и вступил в силу 17-го. Торговаться об условиях французских поставок уже не приходилось. Исход борьбы становился ясным. Как только стало известно о подписании мира, Кривошеин, играя на том, что заднепровская операция внешне закончилась успехом (только тактическим, стратегически она, как это признает Врангель, не была удачной) 54), телеграфировал 14 октября н. ст. через Нератова в Константинополе Маклакову в Париж (телеграмма Струве от 15 октября была отправлена до получения телеграммы Кривошеина, но она отвечала на нее). Кривошеин настаивал на получении снаряжения в кредит «до переброски значительно превосходных сил, в срочном порядке (...). Все дело в спешности. Если нам дадут необходимое, то при наших прекрасных кадрах мы сможем в кратчайший срок увеличить армию вдвое, а этого достаточно для полного успеха» 55). Разумеется в этом была доза сознательно преувеличенного оптимизма, ради увеличения шансов на получение материала.

Но пока конечная катастрофа не разразилась, «что-то делалось», что могло быть небесполезным. Таковым было принципиальное соглашение с прибывшей из Парижа делегацией украинцев-федералистов, возглавляемой Маркотуном, соглашение, немыслимое при Деникине. Но вскоре переговоры о взаимном сотрудничестве стали уже вестись не только с федералистами, но и с самостийниками, притом по инициативе последних, представитель которых, Мациевич, уведомил 20 октября С.А. Поклевского-Козелла, представителя Врангеля в Бухаресте, о желательности военной конвенции и политического соглашения на основе признания правительства Петлюры правительством Украины и признания прав Украины на самоопределение. Ввиду необходимости немедленного сообразования действий русских и украинских армий, Мациевич высказал предположение, что фактическая кооперация обеих армий начнется теперь же, не ожидая результатов переговоров по возбужденным им вопросам.

Ген. Врангель решил тотчас войти в переговоры с украинцами, как это явствует из телеграммы Татищева Струве в

Париж от 31 октября н. ст. (...« Главнокомандующий считает, что создавшаяся грозная обстановка повелительно требует немедленного согласования действий всех вооруженных сил, борющихся против большевиков »). Признавалось необходимым заключение конвенции между русской и украинской армиями. В плане политики выражалась готовность идти « навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении ». В основу политического соглашения предлагалось поставить соглашение с казачьими образованиями.

Быстрое течение событий не позволило развиваться начатым в Варшаве переговорам 56).

Большое значение могло получить созванное по инициативе Кривошеина совещание по экономическим вопросам, собравшее немалое количество проживавших в Англии и Франции представителей русского финансового и торгово-промышленного мира, среди которых многие обладали еще активами их фирм за границей и могли своими связями оказать услуги крымскому правительству. Некоторые представители левого фланга — Коновалов, Третьяков — не приехали, как не приехал и граф Коковцов, последний — под предлогом состояния здоровья графини, а в действительности — из враждебного чувства к Кривошеину (« гнев гражданского диктатора меня не утешит », — заявил он, добавляя : « Когда Кривошеин был в Париже, то даже картона мне не оставил »). Но главная польза совещания состояла в получении правительством известного рода моральной гарантии его эффективности со стороны представителей экономического мира, чтобы тем самым достигнуть улучшения его кредита. Правительству было необходимо сохранить монополию вывоза хлеба (при свободе внутреннего рынка) ради получения валюты. Хотя эта мера и не была популярна в торговых кругах, съезд, ознакомившись с положением, одобрил 15 октября сохранение монополии 42 голосами против 6 («Критикуйте нас беспощадно мы будем вам благодарны, так как хотим понять наши ошибки », — обратился Кривошеин к совещанию, открывая его) 56а).

В делах управления власть продолжала сталкиваться с затруднениями, вытекавшими из бедности в людях. Для Кривошеина было всегда большой удачей найти бывшего сотрудника или просто опытного работника, согласного взять на себя какую-нибудь административную должность. Люди

потеряли веру в себя, и это означало, что вооруженная борьба с большевизмом приближалась к концу.

Среди назначений одно имеет курьезную историю: Кривошеин хотел выписать из Сербии общественного деятеля, профессора Билимовича, члена «Государственного объединения» в Ростове. По недоразумению, приглашение было передано бывшему директору департамента полиции, ген. Е.К. Климовичу. У него была довольно одиозная репутация, и Кривошеин недовольно реагировал: «Смотрите, кого нам посылают!» Но затем было решено использовать его во главе сыска, работавшего против проникновения красных диверсантов. По свидетельству Врангеля, его работа была крайне успешной, но в левой общественности это назначение вызвало возмущение. В.А. Оболенский обвинял Климовича в преследовании просто левых элементов⁵⁷), но В.А. Маклаков, побывавший в Крыму в конце сентября, считал эту критику необоснованной, прибавляя, что выдвигаемый левым сектором кандидат на место, занятое Климовичем, не оставил лучшего воспоминания о своей полицейской карьере, чем последний⁵⁸).

Наконец, «под самый занавес»⁵⁹), французский верховный комиссар граф де Мартель вручил 20 октября н. ст., в торжественной обстановке, свои верительные грамоты в присутствии Кривошеина и Б.А. Татищева, и. об. начальника внешних сношений, и сопровождавших его адмирала де Бон и генерала Бруссо⁶⁰). 22 октября, после завтрака, данного адмиралом на броненосце «Прованс» в честь ген. Врангеля и Кривошеина, адмирал выехал в Константинополь и Париж, где он должен был добиваться удовлетворения насущных нужд армии.

Но было поздно, все равно, одна губерния не могла воевать с сорока девятью. Силы армии были истощены, «потрясенные жестокими испытаниями войска дрались вяло»⁶¹).

Одно вне сомнения: обстоятельства, сопровождавшие конец гражданской войны в России, граничили с чудом. Гражданская война знала происшедшие в полном беспорядке, безвластии и панике «эвакуации» Новороссийска и Одессы, и занесенные снегом бесчисленные эшелоны Колчака, но в Крыму эвакуация армии, военных и гражданских управлений и той части населения, которая не захотела там оставаться, осуществилась, несмотря на свои огромные масштабы, в условиях совсем иного порядка. Погрузилось, не считая судовых команд, 145.693 человека.

11 ноября н. ст. 1920 г. собралось в последний раз последнее русское правительство под председательством А.В. Кри-

вошеина *), а 12 ноября н. ст. должна была начаться погрузка гражданских и военных управлений. Отдав последние распоряжения, Кривошеин выехал в полночь из Севастополя на английском адмиральском крейсере «Кентавр». «Я просил его переговорить, — пишет ген. Врангель 62), — с французским верховным комиссаром в Константинополе и заручиться его содействием на случай прибытия нашего в Босфор. Вместе с тем я поручил Александру Васильевичу принять меры к организации помощи имеющим прибыть беженцам, привлекая к работе русских, и, если представится возможность, и иностранные общественные силы...»

**
*

«У трапа Кривошеина встретил адмирал со штабом; нас провели в салон. Кривошеин спал в салоне одетым. Крейсер шел. Мы оставили Россию, на этот раз надолго» 63).

В эту ночь кончилось «кругосветное путешествие» «Александра Васильевича», начавшееся 32 года тому назад, когда всеильный царский министр гр. Д.А. Толстой, отправляя безвестного молодого чиновника путешествовать вокруг света, открыл ему двери к большой жизненной дороге..

**
*

Те месяцы, которые ему суждено было еще прожить, были скорее медленным умираньем, чем жизнью. Сломленный пережитым, потеряв двух старших сыновей в Добровольческой армии, Кривошеин скончался 28 октября 1921 г., в Берлине, в возрасте 64 лет.

«Пример Витте, Столыпина и Кривошеина показывает, что старый режим умел отбирать людей... К сожалению, он не умел их хранить» 64).

*) Несмотря на географическое ограничение — «Юга России», власть, признаваемая русской общественностью, от умеренно-правых до Милокова, была действительно русской.

1) Это документы дипломатического архива российского посольства в Париже, не переданные советскому правительству В.А. Маклаковым и находящиеся теперь в Станфордском университете в Соединенных Штатах. Они были опубликованы в «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris № 4, 1963 г. стр. 401-435, под названием «Les relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée» (1920 г.). К ним нужно присоединить документы, опубликованные Г.П. Струве в 1970 г., в томе 15 издающегося в Мюнхене альманаха «Мосты», из архивов его отца, несколько документов того же происхождения в журнале

« Возрождение » № 231, Париж, апрель 1971 г. и, наконец, появившиеся в « Красном Архиве », т. 39 и 40, 1930 г. документы, оставленные Ма-клаковым в посольстве.

1а) Генерал П.Н. Врангель, « Воспоминания », Франкфурт, 1969, часть 1, стр. 304-305.

2) Там же, часть 2, стр. 10-11.

3) Там же.

4) Следовательно еще до приезда П.Б. Струве.

5) Врангель, ук. соч., часть 2, стр. 21.

6) Моя мать и я; два старших сына только что погибли в рядах Добровольческой армии, третий (Игорь) был со своей частью в Крыму, четвертый, Всеволод-Василий, после ранения был эвакуирован англичанами в Египет.

7) « Мосты », т. 15, стр. 415-418, Мюнхен, 1970 г.

8) В. Оболенский, « Крым при Врангеле » в « На чужой стороне », журнале, издаваемом Мельгуновым в Праге, кн. 9, Прага, 1925 г., стр. 17.

9) и 10) Врангель, часть 2. стр. 46-47.

10а) « *Sahiers du Monde russe...* » стр. 402 и след.

11) До войны ему была поручена связь между Кэ д'Орсэ и Генеральным штабом.

12) Врангель, часть 2, стр. 48.

13) Там же, стр. 88.

14) Французский текст у Врангеля, ч. 2, стр. 88; оригинал хранится у меня.

15) Врангель, ч. 2, стр. 42.

16) « Общее Дело », Париж, 27 мая 1920 г. Летом 1920 г. в этой полностью поддерживавшей Врангеля газете приняли участие ряд кадетских деятелей, как Милюков, Родичев, Гронский.

17) Врангель, часть 2, стр. 88-89.

18) Это подтверждается неопубликованным письмом А.И. Гучкова Кривошеину от 2 августа 1921 г. « Хорошо было бы положение армии и русских беженцев (...), если бы вы сделали этот жест /в сторону Германии/ ! Тупость наших правых приводит меня в отчаянье, особенно когда ясно видишь всю безмозглость левых. Видимо, нам всю жизнь придется безнадежно болтаться между этими двумя полюсами ».

19) Врангель, часть 2, стр. 86.

20) Там же, стр. 92.

21) Это назначение вызвало даже горячее одобрение М.М. Гольдштейна, редактора « Последних Новостей » в Париже (2 июня 1920 г.), органа довольно враждебного Врангелю.

22) Врангель, часть 2, стр. 120.

23) Там же.

24) М. Алданов.

25) Врангель, часть 2, стр. 63.

26) Там же, стр. 59.

27) Там же, стр. 62 и 63.

28) С.М. Дубровский — « Столыпинская земельная реформа », Москва, 1965 г., стр. 575 и 589.

29) Врангель, часть 2, стр. 73-75, стр. 177.

30) « Общее Дело », Париж, 23 октября 1920 г.

31) Оболенский, ук. соч., стр. 14 и 16.

32) Там же, стр. 22-23.

33) Гурко, ук. соч., стр. 532-533.

34) Оболенский, ук. соч., стр. 33. На первом заседании совещания Кривошеин прибег к не лишенному демагогичности жесту, чтобы провести « мужицкое » земство : « Не кажется ли вам знаменательным, господа, что против крестьянского волостного земства высказывается рюрикович, князь Оболенский, а за него стоит худородный Кривошеин ! »

35) Врангель, часть 2, стр. 69-70.

- 36) «Общее Дело», Париж, 27 августа 1920, дополнено по памяти.
- 37) О ней подробно говорится в «Воспоминаниях» ген. Врангеля, которые дополняются документами «Cahiers du monde russe et soviétique» vol. 4. № 4, 1963, стр. 401-435.
- 38) Телеграмма кн. Трубецкого, заместителя Струве в Крыму, самому Струве в Париж от 4-17 июня в «Cahiers du monde...», стр. 412.
- 39) «Красный Архив», 1930 г., т. 39, «Врангелевщина», стр. 13.
- 40) Врангель, часть 2, стр. 128.
- 41) Письмо Маклакова Палеологу от 3 августа на основании инструкций правительства («Cahiers du monde...», стр. 418).
- 42) Там же, стр. 420-421, телеграммы Базили Струве от 5 и 12 авг.
- 43) Врангель, часть 2, стр. 121.
- 44) Там же, стр. 156.
- 45) В. Шульгин, «1920 г.», изд. «Прибой», Москва, стр. 215-217.
- 46) Врангель, стр. 169-170.
- 47) «Красный Архив», т. 40, стр. 10.
- 48) Врангель, часть 2, стр. 190.
- 49) «Cahiers du monde...», стр. 422.
- 50) Врангель, часть 2, стр. 181-182.
- 51) Непубликованное письмо, хранящееся у меня.
- 52) «Cahiers du monde...», стр. 428.
- 53) Там же, стр. 428.
- 54) Врангель, часть 2, стр. 206.
- 55) «Красный Архив», т. 40, стр. 27.
- 56) Там же, стр. 31 и 33.
- 56а) «Общее Дело», Париж, 23 и 30 октября 1920 г.
- 57) Оболенский, ук. соч., стр. 26-27.
- 58) Письмо Маклакова, сохранившееся у меня.
- 59) Г.П. Струве, «Мосты», Мюнхен, т. 15, стр. 422.
- 60) Де Мартеля сопровождал майор Пешков, приемный сын Горького, слывший... братом Свердлова. Бестактность его назначения подчеркивать излишне. Добавлю, что у него перед смертью, в глубокой старости, в 60-х годах, «проснулась душа русского офицера», каковым он никогда не был и он был похоронен на эмигрантском кладбище недалеко от Парижа, рядом с бойцами Белого движения, под звуки гимна «Коль славен».
- 61) Врангель, часть 2, стр. 225.
- 62) Там же, стр. 236.
- 63) Н.Н. Чебышев — «Близкая даль», Париж, 1933 г.
- 64) П.Б. Струве — «А.В. Кривошеин» — «Русская Мысль» № 10-11, София, 1921 г.

Интересен отзыв о политике Врангеля и о Кривошеине проф. Г. Вернадского, заведовавшего цензурой прессы в Крыму, в «Новом Журнале», Н. Йорк, № 105, 1971 г.

Опубликованные в «Красном Архиве» (т. 40, стр. 36 и след.) телеграммы Кривошеина отражают предпринятые им в Константинополе шаги для приема и водворения армии и беженцев, прибывших из Крыма. Поворотным пунктом этих усилий было согласие данное 15 ноября Францией принять на себя издержки по водворению части этой огромной массы.

« АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ »

Я умышлено поставил имя и отчество моего отца в кавычках — оно было нарицательным как в петербургских высших «сферах», так и в среде провинциальных, часто мелких чинов его ведомства или земства. Это вполне отвечало его желанию приобретать людское расположение, поощряя отбрасывать формулы, основанные на табели о рангах, и обращаться к нему как к «Александру Васильевичу». Он особенно добивался этого от людей, стоявших гораздо ниже него, сознавая, что именно они воспримут это обращение с благодарностью, тогда как у людей, близких к нему по рангу, его блистательный житейско-служебный успех скорее мог вызывать зависть. Он болезненно переживал это, не потому что боялся неприятностей для своей служебной удачи, сколько потому, что его живая и восприимчивая натура нуждалась в людском расположении, как в воздухе.

Он сознавал исключительный, дарственный характер своей удачи, а потому понимал, как много он может сделать для тех, кто по своему положению и рождению, как и он, должны рассчитывать не только на свои способности, но и на удачу, и многие были обязаны своей удачей именно ему. Он любил популярность, потому что для его обостренной, но скрытой от других чувствительности, она была живительной силой, но, конечно, также и из расчета: обладание ею было своего рода техническим секретом успеха его политики, несвойственным представителям старого режима. Да и вообще он отнюдь не забывал свои личные служебные интересы в сложных отношениях, клубок которых нужно было распутывать, чтобы достигнуть поставленных его честолюбием целей. Его обвиняют в карьеризме, но ведь настоящий карьерист это тот, кто жертвует ради карьеры собственным достоинством или политической линией, которую он в душе считает правильной, а между тем упомянутый инцидент с Плеве или расхождение с Николаем II во время войны показывают, что

в решающие для него минуты он не пожертвовал ради карьеры ни тем, ни другим. Гурко, часто отрицательно или скептически объясняющий поступки моего отца, признает, что если бы он заботился только о карьере, то добился бы хороших отношений даже с Коковцовым : достаточно было бы не досаждать последнему требованиями новых ассигнований и спокойно пользоваться преимуществами своего положения. Однако он, понимая нужды народного хозяйства, пошел иным путем.

Он был благожелателен к людям и охотно помогал исполнению их просьб и желаний, используя для этого свою власть, влияние и связи, даже если ему приходилось нарушать формальную сторону дела. Каждую пятницу он принимал в министерстве просителей без всяких ограничений, обходил их ряды, тут же делая пометки на заявлениях и передавая их секретарю с соответствующими указаниями. Редкие просьбы оставались неудовлетворенными.

Это отвечало его природным склонностям и хорошо выражалось стихами грузинского поэта Шота Руставели, которые он часто цитировал в назидание сыновьям :

« Что ты спрятал — потеряешь,

Что ты отдал — то твое ».

Его характер был неровным, он был вспыльчив и страшен во гневе : он краснел, и шрамы от дуэли на его лице белели и начинали дергаться, но такие вспышки случались редко и проходили быстро; в сущности они были обратной стороной его экспансивности.

Зато он умел тактичным словом не только сглаживать шероховатости, но и покорять сердца. После своей отставки он принял должность главноуполномоченного Красного Креста на Западном фронте, в Минске, чтобы не оставаться праздным, — должность ответственную, но все же не отвечающую его « удельному весу », что вызывало неудобства в ходе работы. Еще недавно, один проживавший в Париже человек никак не мог позабыть, как, когда он работал уже некоторое время в Красном Кресте и участвовал в одном совещании с только что вступившим в должность Кривошеиным, тот, ввиду новизны для него этого вопроса, заявил, что он посоветуется « со своим старшим товарищем », в то время молодым чиновником скромного ранга. По мнению многих, по своему дару обходиться с людьми ему больше подошла бы роль премьера в конституционной монархии или лидера парламентской партии консерваторов британского типа, чем близкого сотрудника вечно колеблющегося самодержавного

правителя, но он не был достаточно хорошим оратором для большой аудитории; ему мешал слишком быстрый темп речи, вызываемый неисправимой склонностью волноваться до и во время публичных выступлений. Лишь редкие его высказывания, как нашумевшее «мы и они», получили историческое значение; зато в тесном кругу слушателей, например в Совете министров, он ярко и убедительно развивал свои мысли, и его выступления обычно имели большой вес. Он также прекрасно владел пером, и это умение за ним признавалось твердо; ему поручалось составление многих царских манифестов, — в частности им был написан манифест об объявлении войны 1914 г.

Само собой разумеется, что со временем он многое поручал написать своему начальнику канцелярии Ив. Ив. Тхоржевскому, человеку огромной культуры, блестяще владевшему пером и оказавшему ему в этой области неоценимые услуги.

Достигнув высоких должностей — службой на мелких и средних бюрократических должностях он тяготился как неживой — он находил огромное удовлетворение в успешном выполнении вверенных ему заданий творческого характера. Но он умел ценить и все то хорошее, что можно взять от жизни в ее многообразии, и все то, что открывает власть тому, кому она дается: влияние при дворе и в сферах политических и общественных, авторитет в кругах дипломатических, положение в свете, льстившее ему общение с теми, кто по рождению, имени и состоянию представляли уходившее в прошлое европейское общество. Если многие из хиреющих социально дворян столицы завидовали его выдвижению и не питали к нему симпатии, то живые, культурные и яркие представители «большого света» быстро оценили и признали в нем блестящего и острого собеседника.

В то же время служебные обязанности, жизнь на своей, а не на казенной квартире, освобождали его от необходимости давать официальные обеды, рауты и т. д., которыми он тяготился, позволяя ему зато создать дома уклад жизни согласно со своими вкусами и культурными потребностями. Ради этого, пробыв почти 8 лет министром он никогда не хотел переехать на казенную квартиру, расположенную в отдельном здании, вернее дворце, рядом с министерством, на Мариинской площади, предпочитая платить крупную сумму за квартиру на Сергиевской 36, обставленную им старинной мебелью и картинами, считая, что она лучше соответствует его вкусам и личности. В то же время это давало ему большую свободу

действий и возможность уйти в любое время со своего поста, без того чтобы ставился вопрос о переезде и дальнейшем устройстве жизни семьи.

Он был большим любителем старинной западно-европейской живописи и по мере своих средств, которые многие, имея в виду семью моей матери, сильно преувеличивали, покупал картины, пользуясь советами А.В. Прахова, не гоняясь за громкими именами. У него были две «ведуты» Каналетто, один Ян Брюгель «бархатный» («Изобилие»), пейзаж фламандца Ван-Артуа (XVII в.), мадонна мастерской Луини (XVI в.), П. Бриль (фламандец XVII в.) — («Путь в Эммаус»), «Руины» Панини, итальянский барельеф XVII в. «Вознесение» и т. д. Русской живописью он интересовался меньше, а передвижников не любил. Но все же у него были специально написанная для него В. Васнецовым версия «Трех Богатырей», «Тихая заводь» Левитана (меньшая, но, пожалуй, лучшая версия картины Третьяковской галереи), «Вид старого города» Ап. Васнецова и т. д. Н.Д. Кузнецов, отец известной певицы, написал его очень удачный портрет.

Он не собирал икон, зато имел пристрастие к украшенным в подражательном допетровском стиле новым церквям, следуя модной тогда тенденции русского церковного искусства, метко обозначенной кем-то как «стиль Бабы-Яги». На этом у него сложилась внутренняя раздвоенность: он был прежде всего человеком европейской культуры и русской — как части европейской, даже универсальной, воспринятой еще в юности через классическое образование, а в то же время мог увлекаться чрезмерной и слегка напускной русскостью, в частности назвать трех своих сыновей почти сугубо русскими именами, русскому простому народу, однако, совсем несвойственными. Впрочем, это модное увлечение «русскостью» было у него всего лишь поверхностным выражением глубокого и крепкого патриотизма, активно проявляющегося уже в плане государственном, а не эстетически-бытовом, тем, чем он как-то раз при мне со страстной интонацией назвал «верностью заветам Великой России». Он, впрочем, не любил распространяться на эту тему, кроме как когда у него это прорывалось — очень редко — в тесном кругу близких, иногда в форме чуть наивной, но искренней чувствительности. Мне помнится рассказ моих старших братьев о том, как во время японской войны он всхлипнул, читая им за столом лубочный плакат «Подвиг рядового Рябова», расстрелянного японцами за отказ сообщить какие-либо сведения противнику.

Но в одном увлечение самобытной русскостью оказалось

у него глубоко плодотворным, потому что оно имело под собой прочную основу народного творчества, а не светскую, поверхностную моду: под его энергичным импульсом, при широкой поддержке его ведомства и участии целого ряда лиц из общества, ставших, часто по его инициативе, меценатами, произошел в России подлинный расцвет кустарного искусства. «Мы еще крепче прежнего убеждены», — говорил он в марте 1913 г., открывая вторую кустарную выставку в Петербурге, — «что кустарная промышленность может успешно развиваться только под сенью русской художественной самобытности. Если всякое искусство должно быть самобытным, чтобы сохранить свою яркость и ценность, то еще с большим основанием можно это сказать относительно кустарного. Ведь главная привлекательность кустарных изделий это именно сохраняющаяся на них «печать руки личности». То, что даже в не вполне законченном произведении неизмеримо ценнее бездушного совершенства машины. Примените эту оценку к кустарной промышленности всего народа, и вы неизбежно придете к требованию национальной и ярко выраженной самобытности. Этому знамени — самобытной яркости и тесной связи с народным искусством мы останемся верны».

Но если он видел в расцвете самобытного кустарного ремесла не только государственную задачу или занятие «для простого народа», но и самодовлеющий вклад в художественное творчество своей эпохи, то в перспективе универсальной культуры его больше всего привлекала эпоха Возрождения, весь дух и уклад которой был близок его характеру, темпераменту и вкусам. Он знал каждую строку Шекспира еще со школьной скамьи и отчасти глазами Шекспира видел Италию. В его рассказах Италия, привлекавшая его, как она может привлекать уроженцев севера, рисовалась в своем поныне живом прошлом, как какой-то сакральный миф и образ красоты. Он умел передать, как он впервые увидел Сиену, розовый город в розовом тумане утра, или немного скорбную поэзию римского форума осенью, когда краснеет и золотится ползучий виноград на руинах, или единственную в мире тишину Венеции. Он особенно любил итальянский характер, живой и одаренный, как он раскрывается в личных житейских отношениях или преломляется в литературе, например у Гольдони или Стендаля. Одной из литературных фигур, явно импонировавших ему, и в которой он усматривал нечто близкое своей собственной, был блестящий министр граф Моска из «Chartreuse de Parme».

То, что написал о нем в посвященном ему некрологе П.Б.

Струве, вероятно, ярче всего характеризует эту сторону личности « Александра Васильевича » :

« Ни административно-политической гениальности Витте в вопросах хозяйственной политики, ни волевого упора Столыпина не было у А.В. Кривошеина. Зато это был человек индивидуальной культуры, имевший вкус к культуре вообще, чего нельзя было сказать ни о Витте, ни о Столыпине. Будучи политическим реалистом, который живо ощущал народную почву, и в этом смысле будучи, пожалуй, демократом, А.В. Кривошеин в то же время был подлинным культурным аристократом ».

ЧТО ЗНАЛ ОБ А.В. КРИВОШЕИНЕ ПИОНЕР-КОМСОМОЛЕЦ В КОНЦЕ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ ?

Жизнеописание моего отца было уже закончено, и печатание его начато, как неожиданно я получил из Советского Союза два письма : одно от проживающего теперь в Ленинграде на пенсии 82-летнего агронома П.С.С.-ва, другое от его сына, врача высокой квалификации. Случайно узнав, что я занят собиранием материалов, относящихся к моему отцу, они пожелали поделиться со мной своими воспоминаниями о нем. Воспроизвожу их свидетельства без изменений. Начну с сына.

« Об Александре Васильевиче я впервые услышал от моего отца по вполне определенному поводу, когда я, став пионером 12-13 лет, вел политические беседы, обличая « старый режим », всяческие « буржуазные и интеллигентские предрассудки » и утверждая безоговорочную истину свежеприобретаемых в отряде, в школе и из газет представлений о прошлом, настоящем и будущем России и планеты. Тогда весь мир был для меня четко разделен на две противоборствующие части, на красных, своих, хороших, добрых и т. п., и белых, значит — чужих, злобных, коварных и т. п. Отец, пытаясь доказать, что мир сложнее, многообразнее, чем это виделось мне и моим друзьям, неоднократно рассказывал при этом об А.В. Кривошеине; эти рассказы повторялись и в его беседах и спорах и с более зрелыми оппонентами; в 20 гг. такие споры в кругу знакомых еще не стали опасны, — поэтому я их хорошо запомнил.

А.В. Кривошеин неизменно приводился в пример : убежденный монархист, сановник, царский министр, а был великодушным, благородным человеком, по-настоящему демократичным в общении со всеми подчиненными; отличный специалист, высокообразованный интеллигент и неутомимый работник, — последнее обстоятельство особенно подчеркивалось как противовес нашим суждениям о « барах-паразитах », безмятежно проживавших за счет эксплуатируемых тружеников.

Отец ссылался на свидетельства многих своих коллег, знавших А.В. и наблюдавших его деятельность, и на собственный опыт; благодаря широте взглядов, терпимости и великодушию А.В.К., отец мог с 1912 до 1917 г. работать участковым агрономом Волынского земства, несмотря на то, что еще в студенческие годы исключался из Н-ского с.-х. института за участие в политической забастовке.

Помню всегда восторженные отзывы отца о речах А.В., которые он слушал на каких-то земских совещаниях, и также рассказ о том, как А.В. осматривал отцовский участок, как дельно и компетентно судил о конкретных агрономических проблемах и как обедал у нас дома, — обаятельный собеседник, остроумный, веселый, неподдельно доброжелательный, ни тени высокомерия или нарочитой снисходительности, — как бывало у иных высокопоставленных персон: мол «глядите, какой я, и с мелкой сошкой могу поговорить» — А.В. был прост в самом лучшем смысле этого слова, безыскусственно, искренно, живо интересовался чужими мнениями, от кого бы они ни исходили. Чисто личные отзывы о личных свойствах А.В. в рассказах отца неизменно сопровождались или предварялись рассуждениями о том, что его сельскохозяйственная политика, его отношение к нуждам крестьянства, к земству, к развитию агрономии — были по-настоящему прогрессивны, реалистичны и не диктовались никакими «классовыми интересами», а глубоким и широким государственным мышлением и доподлинным патриотизмом».

А вот что пишет сам П.С.С-в: «Рад сообщить вам, что о вашем отце у меня сохранилось приятное воспоминание не только как о квалифицированном специалисте в области земледелия, но и как о чутком, доходчивом и милом человеке.

Дважды мне приходилось близко встретиться с А.В. Первый раз на агрономическом совещании Волынского земства; в этом совещании он принял активное участие: разумно, дельно выступал и с большим вниманием и интересом слушал наши выступления. Я твердо помню, что тогда у уездного агронома Г.В. Б-ва и у нас, участковых агрономов, сложилось твердое убеждение, что министр земледелия был белой вороной среди окружающих его людей.

Второй раз мне посчастливилось встретиться с А.В. у себя на агроучастке, в Н-ке. Дело в том, что А.В. частенько выезжал в районы и агроучастки, а мой участок был в Волынском земстве не на плохом счету. И вот однажды А.В. с группой сотрудников, на двух машинах, посетил ряд пунктов моего агроучастка: полевые участки сортоиспытательные, молочные

артели, прокатные пункты сельскохозяйственных машин и орудий. А.В. одобрил постановку работы на моем участке, и особенно приятное впечатление на него произвел опытнопоказательный травопольный севооборот, который полностью уже мной был освоен на 1 1/2 га, примыкающих непосредственно к усадьбе. Жена моя пригласила А.В. и всех участников пообедать с нами. Обед прошел в сердечной, дружеской обстановке. После обеда Александр Васильевич, а вслед за ним сопровождавшие его лица, приложились к ручке моей жены и искренне поблагодарили «за хлеб-соль».

Отмечу, что в 1909 г. за участие в студенческой забастовке я был исключен из Института на один год без права поступления в другие учебные заведения. В 1910 г. я был принят обратно и закончил Институт в 1912 г. Все это, естественно, не было тайной для Александра Васильевича и не мешало поддерживать со мной добрые взаимоотношения».

Правительство Юга России мною расформировано. Но с Вами, Александр Васильевич, мы дружно работали вместе в Крыму, работаем рука об руку, еще теснее, в эти грозные дни — и будем, я верю, так работать, и дальше.

В сложной политической обстановке, не смущаясь партийными нападками справа и слева, мы оба твердо стремились, насколько смогли, к одной цели: разгадать жизненные потребности русского возрождения, прислушиваясь прежде всего к голосу населения и армии, кровью своей жертвовавшей за родину.

Опыт минувших месяцев, сочувственные отклики общественных организаций и прорвавшееся наружу в дни эвакуации общее сожаление всех слоев крымского населения о нашем уходе укрепляют во мне глубокое нравственное убеждение, что в области гражданского управления основная линия поведения взята была нами правильно.

События последних дней переносят временно центр тяжести ближайших задач за пределы внутреннего управления. Помня, как полезна была весенняя поездка Ваша за границу, и горячо благодаря Вас за работу в Константинополе, в только что пережитую неделю, я прошу Вас ехать теперь в Париж, помочь там общему делу. Как ни тяжело мне будет оставаться здесь без Вашей испытанной поддержки, даже на короткое время, но в интересах дальнейшей борьбы за родину, дорогой Александр Васильевич, надо спешить.

Обнимаю Вас

(подпись) П. Врангель

А.В. Кривошеину

British High Commission,
Constantinople,
19th. November, 1920.

№.L.3647.

Sir,

With reference to the conversation which Your Excellency had with Admiral de Robeck on the 13th November, I have the honour to inform Your Excellency that your appeal was immediately transmitted to His Majesty's Government.

2. I have now received an answer which makes it clear that the British Government are unable in any way to depart from their declared policy and I enclose copy of a letter addressed by Admiral de Robeck to M. Neratov on 14th November in which that policy is fully stated.

3. In these circumstances I have no doubt that Your Excellency will appreciate that, whilst sympathizing most deeply with the present sufferings of your countrymen, I can hold out no hope whatever of material assistance from official sources.

I have the honour to be,
Sir,
Your Excellency's obedient servant,
HORACE RUMBOLD
HIGH COMMISSIONER.

His Excellency,
M. Krivoshein.

№.L.3647.

Copy.

British High Commission,
Constantinople,
14th. November, 1920.

Sir,

I have the honour to inform Your Excellency that I have now received a statement of the policy of my Government in regard to the question of Russian refugees from the Crimea.

2. This is to the effect that no further responsibility whatever can be assumed by the British Government in respect to refugees from South Russia. No assistance can be provided for their escape nor can any further refugees be received in Lemnos, Cyprus or Egypt. Neither can my Government take steps for the removal from Black Sea ports of ships in the possession of General Wrangel.

3. I am instructed to acquaint Your Excellency with this outline of the policy of His Majesty's Government and to point out that early this year His Majesty's Government proffered their good offices in order to bring about an arrangement between General Wrangel and the Soviet Republic which would have rendered it unnecessary for any further refugees to leave South Russia. General Wrangel, however, refused the proposed mediation. Furthermore, enormous financial liabilities have been incurred on behalf of Russian refugees, a sum little short of one million pounds having been expended during this year alone.

I have the honour to be,
Sir,

Your Excellency's obedient servant,
(signed) Harry H. LAMB,
for *HIGH COMMISSIONER*.

His Excellency
The Russian Diplomatic Representative.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Происхождение и молодость моего отца	7
Начало петербургского периода и продвижение по службе	11
Морозовы	18
Проект объединенного правительства	23
Столыпинская земельная реформа	40
Проведение в жизнь земельной реформы	84
Сотрудничество со Столыпиным	112
Заселение Сибири	114
Орошение и освоение среднеазиатских областей и Закавказья	140
« Мы и они »	146
Роль кн. В.П. Мещерского	154
Конфликт с Коковцовым	163
Июль Четырнадцатого	194
Фактическое премьерство	209
Накануне войны	209
Первые месяцы войны	219
Снарядный голод	226
Смена министров	230
Август Пятнадцатого - Поливановское премьерство	236
« Кружок Кривошеина »	242
« День обманувшихся »	243
Август Пятнадцатого - « Забастовка министров »	244
Царский реприманд	260
« Сердце царево в руцех Божиих »	261
Отставка	271
Проблема снабжения (Кривошеин и А.П. Наумов)	283
Влияние Распутина и его пределы	286
Еврейский вопрос	290
Кривошеин и император Николай II	295
Февраль и октябрь	301
Добровольческая армия	307
Правительство Юга России	309
« Александр Васильевич »	339
Что знал о Кривошеине пионер-комсомолец конца двадцатых годов ?	345

О П Е Ч А Т К И

страница	строка	напечатано	следует читать
14	17 снизу	А. А. Стишинским	А. С. Стишинским
21	21 сверху	Михаил Абрамыч	Иван Абрамыч
75	7 сверху	Х. С. Ермоловым	А. С. Ермоловым
75	16 сверху	А. П. Наумова	А. Н. Наумова
76	16 сверху	А. П. Наумов	А. Н. Наумов
77	5 сверху	А. П. Наумов	А. Н. Наумов
96	11 сверху	Х. С. Ермолов	А. С. Ермолов
238	6 снизу	Н. П. Крупенский	П. Н. Крупенский